

ISSN 1609–9672

ИЗВЕСТИЯ

Гомельского государственного университета
имени Ф. Скорины

№ 1 (130)

Гуманитарные науки

2022

Гомельский государственный университет
имени Ф. Скорины

ИЗВЕСТИЯ

Журнал зарегистрирован в Министерстве информа-
ции Республики Беларусь
(свидетельство о регистрации
№ 546 от 06.07.2009 года)

Журнал включен ВАК Республики Беларусь
в перечень научных изданий Республики Беларусь,
в которых публикуются результаты
диссертационных исследований
(приказы № 207 от 13.12.2005, № 9 от 15.01.2010,
№ 57 от 16.05.2013)

Журнал включен в библиографические базы данных
ВИНИТИ и Научную электронную библиотеку
eLIBRARY.RU

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Главный редактор С.А. ХАХОМОВ,
д-р. физ.-мат. наук, доцент
Зам. главн. редактора О.М. ДЕМИДЕНКО,
д-р тех. наук, профессор
Зам. главн. редактора М.В. СЕЛЬКИН,
д-р физ.-мат. наук, профессор

Члены редакционной коллегии:

Г.Г. Гончаренко, д-р биол. наук, проф.,
чл.-кор. НАН Беларуси
Ф.В. Кадол, д-р пед. наук, проф.
В.Н. Калмыков, д-р филос. наук, проф.
В.И. Коваль, д-р филол. наук, проф.
Г.Г. Лазько, д-р ист. наук, проф.
И.В. Семченко, д-р физ.-мат. наук, проф.,
чл.-кор. НАН Беларуси
В.С. Смородин, д-р тех. наук, проф.
Б.В. Сорвиров, д-р экон. наук, проф.
В.М. Хомич, д-р юрид. наук, проф.
О.Г. Шляхтова, ответственный секретарь

Члены редакционной коллегии по гуманитарным наукам:

В.А. Дятлов (Украина), д-р ист. наук, проф.
А.И. Зеленков, д-р филос. наук, проф.
Ю.А. Лабынцев (Россия), д-р филол. наук, проф.
А.М. Литвин, д-р ист. наук, проф.
Н.Н. Мезга, д-р ист. наук, проф.
С.И. Михальченко (Россия), д-р ист. наук, проф.
А.А. Станкевич, д-р филол. наук, проф.
Г.П. Творонович-Севрук (Польша),
д-р филол. наук, проф.
И.Ф. Штейнер, д-р филол. наук, проф.
Я.С. Яскевич, д-р филос. наук, проф.

АДРЕС РЕДАКЦИИ:
246028, Беларусь, Гомель, ул. Советская, 104,
Телефоны: +375 (232) 51-03-21
E-mail: vesti@gsu.by
Интернет-адрес: <http://vesti.gsu.by>

Francisk Skorina Gomel State University

PROCEEDINGS

The Journal is registered in the Ministry of Information of
Republic of Belarus
(registration certificate
number 546 dated 06.07.2009)

The Journal is included in the Republic of Belarus High-
er Attestation Commission list of scientific publications
of the Republic of Belarus, which publish the main re-
sults for the degree of Doctor (Candidate) of Sciences
(order number 207 dated 13.12.2005, number 9 dated
15.01.2010, number 57 dated 16.05.2013)

The Journal is included in bibliographic databases of the
All-Russia Institute of Scientific and
Technical Information (VINITI), Scientific electronic
library eLIBRARY.RU

EDITORIAL BOARD

Editor-in-chief S.A. KHAKHOMOV,
Sc. D., Docent of Physics
Deputy editor-in-chief O.M. DEMIDENKO,
Sc. D., Professor
Deputy editor-in-chief M.V. SELKIN,
Sc. D., Professor

Members of editorial board:

G.G. Goncharenko, Sc. D., Professor, Corre-
sponding Member NASB
F. V. Kadol, Sc. D., Professor
V.N. Kalmykov, Sc. D., Professor
V.I. Koval, Sc. D., Professor
G.G. Lazko, Sc. D., Professor
I.V. Semchenko, Sc. D., Professor,
Corresponding Member NASB
V.S. Smorodin, Sc. D., Professor
B.V. Sorvirov, Sc. D., Professor
V.M. Homich, Sc. D., Professor
O.G. Shlyahтова, executive secretary

Members of editorial board for the humanities:

V.A. Diatlov (Ukraine), Sc. D., Professor
A.I. Zelenkov, Sc. D., Professor
Y.A. Labyntsev (Russia), Sc. D., Professor
A.M. Litvin, Sc. D., Professor
N.N. Mezga, Sc. D., Professor
S.I. Mihalchenko (Russia), Sc. D., Professor
A.A. Stankevich, Sc. D., Professor
G.P. Tvoronovich-Sevruk (Poland),
Sc. D., Professor
I.F. Shteiner, Sc. D., Professor
Y.S. Yaskevich, Sc. D., Professor

EDITORIAL OFFICE ADDRESS:
246028, Belarus, Gomel, Sovetskaya Str., 104,
Tel: +375 (232) 51-03-21
E-mail: vesti@gsu.by
Site: <http://vesti.gsu.by>

ИЗВЕСТИЯ

Гомельского государственного университета
имени Ф. Скорины

НАУЧНЫЙ И ПРОИЗВОДСТВЕННО-ПРАКТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

Издается с 1999 г.
Выходит 6 раз в год

• 2022, № 1 (130) •

ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ: ИСТОРИЯ • ФИЛОЛОГИЯ • ФИЛОСОФИЯ

СОДЕРЖАНИЕ

История

Друзенюк О.В. Социальный состав старообрядческих общин БССР (1944–1965 годы) .	5
Завацкі Я.І. Уплыў наступстваў аварыі на Чарнобыльскай АЭС на ажыццяўленне дзяржаўнай экалагічнай палітыкі ў БССР (1986–1991 гг.): гістарыяграфія пытання..	10
Козлова Н.Н. Деятельность института уполномоченного при Совете по делам РПЦ по Гомельской области в 1943–1953 гг.....	17
Лаўрыненка К.В. Парафія Маці Божай Вастрабрамскай у Язне і яе душпаствыры.....	23
Лапицкий С.А. Монгольское направление внешней политики Чжу Юаньчжана.....	30
Рожкова С.Н. Советско-германские отношения от Бреста до Рапалло в белорусской историографии.....	36
Саджади Д. Нефтяной фактор в американо-саудовских отношениях в период президентства Б. Обамы	40
Хованский В.М., Жутдиев Б.Б. Рижский договор 1921 года и его последствия для Беларуси..	47
Черкасов Д.Н. Политика Луи Орлеанского в Люксембурге в 1402–1407 гг.....	54
Янушевич И.И. Попытки установления внешнего управления Русской православной церковью (1920-е гг.).....	60

ФИЛОЛОГИЯ

Волк Е.А. Эсхатологическая концепция технократического общества в романе «Глобальный человек» А.А. Зиновьева.....	66
Гаврилова Д.А., Сажина Е.В. Структурно-прагматические особенности телевизионного жанра «кулинарная программа».....	71
Калютчик Н.Ф. «Чувствительный» тип художественных ценностей в повести А.П. Чехова «В овраге».....	78
Кирюшкина А.А. О взаимодействии метафоры и метонимии.....	84
Кулік Л.У. Адлюстраванне народных звычаяў, абрадаў і традыцый у саматычнай фразеалогіі беларусаў	88
Лиденкова О.А. Модификации традиционной формы исторического романа в белорусской и англоязычной литературе	92
Ляшчынская В.А. Нацыянальна-адметныя і культурна-інфармацыйныя адзінкі беларускай мовы.....	97
Матвеева М.С. Теоретические вопросы исследования прецедентности в СМИ.....	103
Мельникова О.Н. Семантическая модель ‘говорить’ → ‘желать, стараться’ в русском и других славянских языках	109

Мечковская Н.Б. <i>Лексемы и фраземы в уровневой структуре языка: количественное соотношение двух классов воспроизводимых единиц</i>	114
Папоў А.С. <i>Канцэптасфера аповесці А. Адамовіча «Венера, або Як я быў прыгоннікам» і апавядання А. Салжанычына «Матрёнин двор»: супастаўляльны аналіз</i> .	123
Пятрова Н.Я. <i>Вывучэнне спецыяльнай лексікі ў галіне інфарматыкі і камп'ютарных тэхналогій на занятках па дысцыпліне «Беларуская мова (прафесійная лексіка)» ў тэхнічных ВНУ</i>	130
Садко Л.М. <i>Стратэгіі футурызму ў полісістэмнай творчасці А. Александровіча і У. Дубоўкі</i>	136
Сажина Е.В. <i>Стратегия дискредитации и тактики ее реализации в полемическом дискурсе печатных СМИ (на материале британской и белорусской прессы)</i>	143
Сериков Г.В. <i>Категория возвратности в польском языке</i>	148
Станкевіч А.А. <i>Адмоўныя загадкі і іх дыскурсіўна-стылістычныя асаблівасці</i>	154
Хазанова К.Л. <i>Стылістыка азначальных канструкцый у загадках Гомельшчыны</i>	159
Хоменко Е.В. <i>Языковая актуализация коммуникативных интенций автора англоязычного научного доклада</i>	163
Цзи Хэхэ. <i>Российская идентичность в литературном творчестве В.Л. Кигна-Дедлова</i>	168
Цімашэнка Н.П. <i>Сінтаксічная арганізацыя беларускіх народных загадак са структурай простага сказа</i>	173
Чарота У.І. <i>Папулярызатар італьянскай літаратуры на беларусіх землях у першай палове XIX стагоддзя (Луіджы Капэлі)</i>	177
Ярмоленка А.У. <i>Крэатыўны і выхаваўчы патэнцыял беларускай біяграфічнай прозы XX стагоддзя</i>	182
ФИЛОСОФИЯ	
Адзіночанка В.А. <i>Рэлігійны аспект цывілізацыйнай самаідэнтыфікацыі ў сучаснай Беларусі</i>	186
Калмыков В.Н. С.А. <i>Есенин в зеркале философской герменевтики</i>	191
Малахов Д.В. <i>Феноменологическая герменевтика события Холокоста на основе «Tenebrae» Пауля Целана</i>	196

PROCEEDINGS

of Francisk Skorina Gomel State University

SCIENTIFIC, PRODUCTION AND PRACTICAL JOURNAL

Published since 1999

Released bimonthly

• 2022, № 1 (130) •

HUMANITIES: HISTORY • PHILOLOGY • PHILOSOPHY

CONTENTS

HISTORY

Druzenok O.V. <i>The social composition of the Old believers' communities of the BSSR (1944–1965)</i>	5
Zavatsky Ya.I. <i>The impact of the Chernobyl disaster on the implementation of state environmental policy in the BSSR (1986–1991): historiography of the issue</i>	10
Kozlova N.N. <i>The activities of the institution of authorized representatives of the Republican Council of the Russian Orthodox Church in the Gomel region in 1943–1953</i>	17
Laurynenka K.V. <i>Parish of Holy Mother of Vostrobram in Jazna and her pastors</i>	23
Lapitsky S.A. <i>The Mongolian Direction of Zhu Yuanzhang's Foreign Policy</i>	30
Rozhkova S.N. <i>Soviet-German relations from the Brest Peace to the Rapallo Treaty in Belarusian historiography</i>	36
Sadzhadi D. <i>The oil factor in the US-Saudi relations during the presidency of Barack Obama</i>	40
Hovansky V.M., Zhutdiev B.B. <i>The Riga Peace Treaty (1921) and its outcomes for Belarus</i> ...	47
Cherkasov D.N. <i>Louis of Orleans' policy in Luxembourg in 1402–1407</i>	54
Yanushevich I.I. <i>Attempts to establish external Russian Orthodox Church management (the 1920s)</i>	60

PHILOLOGY

Volk E.A. <i>Eschatological concept of technocratic society in the novel «The Global Humant Hill» by A.A. Zinoviev</i>	66
Gavrilova D.A., Sazhyna E.V. <i>Structural and pragmatic features of the «culinary program» television genre</i>	71
Kalutchik N.F. <i>Sentimental type of artistic values in Anton Chekhov's story «In the ravine»</i> .	78
Kirushkina A.A. <i>On metaphor and metonymy interaction</i>	84
Kulik L.U. <i>The reflection of folk customs, rituals and traditions in the somatic phraseology of Belarusians</i>	88
Lidenkova O.A. <i>Evolution of the traditional historical novel in Belarusian and English literatures</i>	92
Liashchynskaya V.A. <i>National-distinctive and cultural-information units of the Belarusian language</i>	97
Matveeva M.S. <i>Theoretical issues in the study of precedence in the media</i>	103
Melnikova O.N. <i>Semantic model 'to speak' → 'to wish, to try' in Russian and other Slavic languages</i>	109
Mechkovskaya N.B. <i>Lexemes and phrasemes in the level structure of the language: quantitative ratio of two classes of reproducible units</i>	114

Papou A.S. <i>The conceptospheres of A. Adamovich's «Venus, or as I was a serpentine» and the story by A. Solzhenitsyn «Matrenin Dvor»</i>	123
Piatrova N.Ya. <i>Study of special vocabulary in the field of computer science and computer technology at Belarusian language (professional vocabulary) classes in technical universities</i>	130
Sadko L.M. <i>Futurism strategies in the polysystemic works of A. Alexandrovich and U. Dubouka</i>	136
Sazhyna E.V. <i>The strategy of discrediting and tactics of its implementation in the polemical discourse of the print media (based on the material of the British and Belarusian press)</i> .	143
Serikov G.V. <i>The category of reflexiveness in the Polish language</i>	148
Stankevich A.A. <i>Negative riddles and their discursive and stylistic features</i>	154
Khazanava K.L. <i>The style of definitions in the riddles of the Gomel region</i>	159
Homenko E.V. <i>Language actualization of communicative intentions of the author of the English-language scientific report</i>	163
Ji Hehe. <i>The Russian identity in V.L. Kign-Dedlov's works</i>	168
Tsimashenka N.P. <i>Syntactic organization of Belarusian folk riddles with the structure of a simple sentence</i>	173
Charota U.I. <i>Promoter of Italian literature in Belarus in the first half of the 19th century (Luigi Cappelli)</i>	177
Yarmolenka A.U. <i>Creative and educational potential of Belarusian biographical prose of the XX century</i>	182
PHILOSOPHY	
Adzinochanka V.A. <i>The religious aspect of civilizational self-identification in modern Belarus</i> ..	186
Kalmykov V.N. S.A. <i>Yesenin in the mirror of philosophical hermeneutics</i>	191
Malahov D.V. <i>Phenomenological hermeneutics of the Holocaust event based on «Tenebrae» by Paul Celan</i>	196

История

УДК 94:316.3:271.22-786(476) «1944-1965»

Социальный состав старообрядческих общин БССР (1944–1965 годы)

О.В. ДРУЗЕНОК

В данной статье на примере отдельных объединений характеризуется социальный состав старообрядческих общин БССР в 1944–1965 гг. Рассматриваются общества староверов поповского и беспоповского течений, действующие как в сельских, так и в городских населенных пунктах республики. Уделяется внимание социальному составу руководящих органов объединений. Рассматриваются основные виды занятий и специальностей верующих старообрядческих общин.

Ключевые слова: БССР, старообрядческие общины, социальный состав, поповцы, беспоповцы, религиозный актив.

This article using the example of individual associations characterizes the social composition of the Old believers' communities of the BSSR in 1944–1965. The communities of the Old believers of the priest and non-priest currents operating both in rural and urban settlements of the republic are considered. The attention is paid to the social composition of the governing bodies of the associations. The main types of occupations and specialties of the Old believers' communities are considered.

Keywords: BSSR, Old believers' communities, social composition, priests, non-priests, religious assets.

Введение. В середине XVII в., в период проведения церковной реформы патриарха Никона, часть верующего православного населения категорически отказалась принимать вводимые изменения. Являясь яркими приверженцами сохранения старой обрядности, они в результате образовали отдельное религиозное течение – старообрядчество. В процессе развития в данной конфессии выделились два основных направления: поповцы (умеренные, приемлющие церковную иерархию) и беспоповцы (отличающиеся радикализмом, категорически ее отвергающие), которые также распались на множество различных толков и согласий. Вынужденные постоянно скрываться от преследований царского правительства, старообрядцы появляются на современных белорусских землях, где для них были созданы довольно комфортные условия для проживания и деятельности [1, с. 83–84].

Одной из характерных особенностей возникшего старообрядческого течения являлась его социальная неоднородность, обусловившая довольно пестрый состав действующих объединений. Данная проблематика рассматривалась крупнейшим белорусским исследователем старообрядчества А.А. Горбацким. «Идеи «старой веры», чистоты и старинной набожности исповедовали как крепостные крестьяне и бесправные горожане, так и купцы, и бояре», – отмечает он в своей работе [2, с. 29]. Этот вопрос также был освещен Т.П. Короткой, Е.С. Прокошиной и А.А. Чудниковой в издании «Старообрядчество в Беларуси». Исследователи обращают внимание на отдельные усугубляющие факторы, такие как «территориальная разобщенность» верующих и «отсутствие организационного центра...» [3, с. 35]. Пестроту социального состава старообрядческих объединений в послевоенный период отмечает и А.Д. Лебедев [4].

Цель данного исследования – охарактеризовать социальный состав старообрядческих общин, действующих в БССР в послевоенный период. Основными источниками, используемыми в процессе рассмотрения указанной проблематики, являются имеющиеся в распоряжении документы фондов белорусских архивов.

Основная часть. В 1944–1965 гг. на территории БССР проживали представители как поповского, так и беспоповского старообрядческого течения. Преобладающим являлось число беспоповских общин поморского согласия. Старообрядческие объединения БССР поповского направления относились к белокрыницкой иерархии.

В рассматриваемый период активность староверских общин республики наблюдалась как в сельской, так и в городской местности. Верующие сельских объединений соответственно являлись членами коллективных хозяйств, однако количество старообрядцев, занятых колхозной работой, варьировалось.

Так, например, в деревне Мартьяновка Березинского района Минской области БССР в колхозе состояла лишь половина верующих местной старообрядческой общины. В Холопеничском районе этой же области в 8 действующих объединениях староверов колхозниками являлись только 2/3 их членов, остальные же верующие – «занимались кустарничеством» [5].

Иная ситуация наблюдается в объединениях старообрядцев Могилевской области республики. Здесь, например, по официальным данным за 1954 г., из общего числа членов беспоповских общин поморского согласия в колхозе были заняты около 95 % верующих, 3 % староверов являлись рабочими и служащими, 1,2 % – занимались собственным хозяйством (в отчетных документах контролирующих органов они зафиксированы как «единоличники»), 0,8 % – составляли домохозяйки [6].

В старообрядческом обществе деревни Огородня-Гомельская Добрушского района Гомельской области работой в колхозе была занята лишь небольшая часть ее женского состава, остальные же – занимались ведением домашнего хозяйства. Мужское население староверов указанного населенного пункта в своем большинстве являлось представителями строительных специальностей (плотники, штукатуры, каменщики). Кроме того, по словам председателя колхоза, силами верующих местного старообрядческого объединения периодически организовывались ярмарки, которые продолжались в течении двух дней и собирали большое количество приезжих.

Широкое распространение среди верующих старообрядческих сельских общин получают ежегодные выезды на сезонные работы в города [7].

В рассматриваемый период также зафиксировано наличие и функционирование отдельных подразделений, состоящих только из представителей старообрядческого течения. В деревне Ново-Александровка Паричского района Гомельской области, например, действовали 6 отдельных старообрядческих бригад, 4 из которых относились к колхозу имени Ленина, а 2 – к колхозу имени Кирова [8].

Негодование контролирующих органов вызывало поведение верующих старообрядческих объединений в период значимых религиозных праздников. В своем большинстве старообрядцы тщательно готовились к их проведению, довольно часто отмечая с огромным размахом, не выходя на работу в течении нескольких дней.

Например, к празднованию Покрова Пресвятой Богородицы (14 октября) члены старообрядческой общины беспоповцев поморского согласия деревни Богушовка Бобруйского района Могилевской области готовились очень активно: «...Гнали самогон, откармливали скот и птицу для убоя». Несмотря на ряд мер, принятых духовным наставником общины З.К. Войтовым, празднование продолжалось в течении трех дней, и все колхозники отсутствовали на рабочих местах [9].

С таким же размахом отмечали старообрядцы еще один особо почитаемый у верующих праздник Троицу. В деревне Ново-Александровка Паричского района Гомельской области каждое хозяйство подготавливало по «30–40 литров самогона и большое количество закусок» [10]. В течении целой недели на рабочих местах отсутствовали старообрядцы колхоза имени Кирова, члены общины в деревне Заречье этого же района [11].

Повышенный интерес контролирующих инстанций вызывали духовные руководители староверских объединений. Они в своём большинстве не состояли в колхозах. Так, например, «служитель культа» общины деревни Волковыск Холопеничского района Минской области не работая в колхозе, занимался изготовлением свечей [12]. Наставник поморской общины деревни Турковская Слобода Бобруйского района Бобруйской области и вовсе был осужден за антиколхозную агитацию [13]. На особом контроле находился духовный лидер вышеупомянутой старообрядческой общины деревни Богушовка по причине активного привлечения к совершению религиозных обрядов несовершеннолетних [6].

Однако, в отличие от вышеперечисленных духовных руководителей староверских общин, И.В. Попов, например, обслуживающий объединение верующих в деревне Михеевка Холопеничского района Минской области не только состоял в колхозе, но и с момента его образования являлся председателем правления.

Стоит отметить, что представители контролирующих органов акцентируют внимание на различии во взглядах в отношении коллективизации духовных лиц, обслуживающих старообрядческие общины на территории западных и восточных областей республики. Так, по их сведениям, «служители культа» западных регионов враждебно и открыто выступали против проведения соответствующих мероприятий. Иные тенденции наблюдались в восточных областях БССР, где из 18 зарегистрированных «служителей культа», 7 – работали в колхозах и являлись их членами [14].

Исторически сложилось, что на белорусских территориях рыболовство являлось одним из ключевых занятий старообрядческого населения. В рассматриваемый период данная традиция также получает распространение. Преобладающее число верующих староверской общины деревни Минковичи Видзовского района Полоцкой области являлись членами рыболовных бригад [15]. Кроме того, в силу своего географического положения старообрядцы данного объединения принимали активное участие в строительстве гидроэлектростанции «Дружба народов», находящейся на стыке Латвийской, Литовской и Белорусской ССР [16].

Рыбная ловля оставалась основным занятием староверов деревни Буловишки Браславского района Молодечненской области [17]. В своем большинстве старообрядцы беспоповского течения федосеевского согласия города Бобруйска, проживающие по улице Набережной, также состояли в рыболовной артели [18].

Стоит отметить, что в рассматриваемый период старообрядческие культовые сооружения посещали также представители руководящих и партийных структур, работники сферы образования, одной из основных задач для которых являлось активное налаживание в населенных пунктах республики атеистической пропаганды и проведения различных мероприятий, направленных на снижение уровня религиозности местного населения.

Так, в неоднократном посещении местной старообрядческой церкви в деревне Волковыск Холопеничского района Минской области были замечены член ЛКСМБ, секретарь Узнацкого сельского совета Лобановская и учительница Красникова [19]. В Ильинской церкви города Гомеля в рождественской службе принимала участие вместе с детьми жена Ковалева, заведующего учебной части новобелицкой школы [20].

В состав старообрядческого объединения деревни Заречье Паричского района Гомельской области наряду с колхозниками имени Кирова, входил член КПСС Т.Н. Кузьмин [11]. Состоял в партии и бывший председатель церковного совета Свирской общины старообрядцев Молодечненской области С.Ф. Журавлев, занимавший в указанном населенном пункте должность завхоза МТС [21].

Своей пестротой отличался и религиозный актив старообрядческих объединений. Так, например, в руководящем составе организации староверов города Полоцка присутствовали рабочие железной дороги (слесари паровозного депо, дежурная по перрону, печник), кладовщик Полоцкого пищекома, работник Облстройтреста, представитель обслуживающего персонала городского совета, бухгалтер Заготсена, приемщик кожи в Заготживсырье, рабочий артели «Пищевик» [22].

Среди членов исполнительного органа ключевой старообрядческой организации поповского течения белокрыницкого согласия Гомельщины на должности заместителя председателя общины находился работник бухгалтерии железной дороги, отставной капитан Советской Армии П.Г. Нуднов. По словам уполномоченного Совета по делам религиозных культов, он поддерживал довольно тесное сотрудничество с контролирующими органами [23]. Кроме того, председателем церковного совета указанного объединения являлся Е.П. Торбин, бывший член «Союза Русского народа», репрессированный в 1931 г. Примечательно то, что во главе совета общины деревни Заречье Паричского района Гомельской области стоял «пособник немецких оккупационных властей» Е.Л. Коваленко. В ее состав также входил Л.К. Яковлев, в прошлом являвшийся председателем колхоза [4, с. 50]. Рядовыми

членами Зареченской общины являлись бригадир колхоза, бывший лейтенант Советской Армии Ф.И. Поляков, М. Бузов – бригадир строительной бригады, Воробьев – заведующий магазином и Воробьева – заведующая продовольственным ларьком [11].

При рассмотрении социального состава городских старообрядческих общин БССР, в сравнении с сельскими, наблюдается наличие большего числа рабочих и служащих различных предприятий.

По официальным данным среди верующих крупнейшей в республике старообрядческой общины белокриничского согласия в городе Гомеле 25 % являлись рабочими и служащими, а остальные 75 % – домохозяйками и пенсионерами [24].

В отчетных документах уполномоченного Совета по делам религиозных культов по Гомельской области содержится следующая характеристика социального состава вышеуказанного староверского объединения: «...Социальный состав старообрядцев по приходу Ильинской церкви, главным образом, состоит из мастеровых людей и более занятых на подрядных работах: плотники, столяры, печники, кровельщики, в том же составе есть часть кадровых рабочих: железнодорожников и других предприятий города» [25].

В состав объединения старообрядцев города Новобелицы Гомельской области входили рабочие местного хлебозавода, маргаринового завода, Сталинской школы № 4, обслуживающих предприятий, а также инвалиды и не работающие [26].

Среди членов староверских общин встречались и заслуженные работники, имеющие соответствующие награды. Так, за многолетнюю службу на водном транспорте ордена Ленина был удостоен «служитель культа» староверов города Ветки пенсионер Н.Д. Лапшунов [27].

В своих отчетных документах представители контролирующих инстанций обращали внимание на состоятельность членов действующих старообрядческих обществ БССР. Они объясняли это тем, что большинство верующих данной конфессии, наряду с основной занятостью, получали дополнительный доход от занятий кузнечеством, бондарством и т. д. [28].

Заключение. Таким образом, одной из немаловажных особенностей старообрядческого течения являлась его неоднородность. В период раскола Русской православной церкви сторонниками возникшего движения становились представители различных социальных групп. Отсутствие единого координирующего центра, территориальная разобщенность верующих, пестрота их социального состава обусловили разделение последователей «старой веры» на поповцев и беспоповцев, которые в свою очередь также распались на множество согласий и толков, сохранивших по отношению к друг другу ряд противоречий.

Исторически сложилось, что на белорусских территориях проживали представители обоих направлений старообрядчества. В процессе рассмотрения социального состава старообрядческих общин, действующих на территории БССР в 1944–1965 гг., как в городской, так и в сельской местности, можно отметить пестроту и неоднородность их членов.

Основную массу верующих объединений составляли крестьяне и рабочие, к которым примыкали домохозяйки, пенсионеры, а также отдельные работники образовательной сферы, представители руководящих и партийных структур, бывшие офицеры Советской Армии.

В своем большинстве старообрядцы республики имели строительные специальности, являлись работниками предприятий легкой промышленности, торговли, представителями обслуживающего персонала. Наряду с основной деятельностью в рассматриваемый период широкое распространение среди староверов получает занятие различными ремеслами, обеспечивающее им дополнительный доход.

Литература

1. Рябцева, Н. А. Староверы на Гомельщине / Н. А. Рябцева // Гомельщина. Вехи истории : материалы регион. науч.-ист. семинара, Гомель, 14 декабря 2018 г. / М-во трансп. и коммуникаций Респ. Беларусь, Белорус. гос. ун-т трансп., Гомельская епархия Белорусской православной церкви ; редкол.: Г. М. Чайнюкова (отв. ред.). – Гомель : Бел ГУТ, 2019. – С. 83–86.
2. Горбацкий, А. А. Старообрядчество на белорусских землях : монография/А. А. Горбацкий. – Брест : Изд-во УО «БрГУ им. А. С. Пушкина», 2004. – 237 с.

3. Старообрядчество в Беларуси / под ред. А. С. Майхровича, Т. П. Короткой. – Минск : Навука і тэхніка, 1992. – 117 с.
4. Лебедев, А. Д. Советские органы власти и старообрядческое население Гомельщины (вторая половина 1940-х – 1960-х гг.) / А. Д. Лебедев // Известия Гомельского гос. ун-та им. Ф. Скорины. – 2015. – № 4. – С. 49–52.
5. Национальный архив Республики Беларусь (НАРБ). – Ф. 952. Оп. 2. Д. 2. Л. 194–195.
6. НАРБ. – Ф. 952. Оп. 2. Д. 44. Л. 126–127.
7. Государственный архив Гомельской области (ГАГО). – Ф. 1354. Оп. 3. Д. 11. Л. 21–24.
8. НАРБ. – Ф. 952. Оп. 3. Д. 32. Л. 242.
9. НАРБ. – Ф. 952. Оп. 4. Д. 1. Л. 214–215.
10. ГАГО. – Ф. 1354. Оп. 3. Д. 10. Л. 6, 28–31, 38.
11. Государственный архив общественных объединений Гомельской области (ГАООГО). – Ф. 144. Оп. 61. Д. 73. Л. 69–75.
12. НАРБ. – Ф. 952. Оп. 2. Д. 30. Л. 115.
13. НАРБ. – Ф. 952. Оп. 2. Д. 7. Л. 87.
14. НАРБ. – Ф. 952. Оп. 2. Д. 19. Л. 155.
15. НАРБ. – Ф. 952. Оп. 2. Д. 39. Л. 2.
16. НАРБ. – Ф. 952. Оп. 2. Д. 40. Л. 7.
17. НАРБ. – Ф. 952. Оп. 4. Д. 24. Л. 136.
18. НАРБ. – Ф. 952. Оп. 1. Д. 19. Л. 17.
19. НАРБ. – Ф. 952. Оп. 2. Д. 34. Л. 85.
20. НАРБ. – Ф. 952. Оп. 4. Д. 26. Л. 2.
21. НАРБ. – Ф. 952. Оп. 2. Д. 37. Л. 98.
22. НАРБ. – Ф. 952. Оп. 1. Д. 29. Л. 50–51.
23. ГАГО. – Ф. 1354. Оп. 3. Д. 13. Л. 37–41, 49.
24. ГАООГО. – Ф. 144. Оп. 61. Д. 73. Л. 79–82.
25. ГАГО. – Ф. 1354. Оп. 1. Д. 6. Л. 20–22.
26. ГАГО. – Ф. 1354. Оп. 1. Д. 5. Л. 36–37.
27. НАРБ. – Ф. 952. Оп. 4. Д. 32. Л. 56.
28. НАРБ. – Ф. 952. Оп. 2. Д. 22. Л. 27.

Уплыў наступстваў аварыі на Чарнобыльскай АЭС на ажыццяўленне дзяржаўнай экалагічнай палітыкі ў БССР (1986–1991 гг.): гістарыяграфія пытання

Я.І. ЗАВАЦКІ

Артыкул прысвечаны гістарыяграфіі пытання ўплыву чарнобыльскай катастрофы на ажыццяўленне дзяржаўнай экалагічнай палітыкі ў БССР у гады гарбачоўскай перабудовы. Падкрэсліваецца, што ў гістарыяграфіі савецкага і постсавецкага часу адсутнічаюць навуковыя працы па выключна даследуемай праблеме. Сцвярджаецца, што эфектыўнасць барацьбы з радыяцыйным бедствам на мяжы 1980–1990-х гг. вычэрпвалася працяглым утойваннем вынікаў аварыі, адсутнасцю досведу супрацьстаяння вынікам тэхнагеннай пагрозы і навуковых колаў, якія спецыялізаваліся на пытаннях радыяцыйнай бяспекі, радыяцыйнай медыцыны і радыябіялогіі.

Ключавыя словы: чарнобыльская катастрофа, экалагічная палітыка, радыяактыўнае забруджванне, радыяцыйная бяспека, БССР.

The article is devoted to the historiography of the issue of the impact of the Chernobyl disaster on the implementation of state environmental policy in the BSSR during the years of Gorbachev's perestroika. It is emphasized that there are no scientific papers on the exclusively investigated problem in the historiography of the Soviet and post-Soviet times. It is argued that the effectiveness of combating the radiation disaster at the turn of the 1980s and 1990s was exhausted by the prolonged concealment of the results of the accident, the lack of experience in countering the results of man-made threats and scientific circles that specialized in radiation safety, radiation medicine and radiobiology.

Keywords: Chernobyl disaster, environmental policy, radioactive contamination, radiation safety, the BSSR.

Уводзіны. На дадзены момант у гістарыяграфіі савецкага і постсавецкага часу адсутнічаюць навуковыя працы, прадметам даследавання якіх выступала б вывучэнне ўплыву чарнобыльскай катастрофы на правядзенне дзяржаўнай экалагічнай палітыкі ў БССР у перыяд гарбачоўскай перабудовы. Пастаўленая праблема з'яўляецца асобным аспектам у даследаваннях як гуманітарнага, так і прыродазнаўчага характару. Даследаванне ўздзеяння наступстваў тэхнагеннай аварыі на навакольнае асяроддзе патрабуе аналізу дзяржаўных захадаў у гэтым напрамку, заканатворчай дзейнасці і навуковых распрацовак.

Асноўная частка. Найбольш грунтоўнай у беларускай навуцы гістарычнай працай па пытаннях змагання эліты БССР з вынікамі тэхнагеннай аварыі з'яўляецца артыкул У. Навіцкага, прысвечаны праблеме пераадолення ў Беларусі наступстваў аварыі на Чарнобыльскай АЭС за 1986–2011 гг. Навуковец адзначае, што на працягу некалькіх гадоў з моманту аварыі саюзнае і рэспубліканскае кіраўніцтва ажыццяўляла палітыку змоўчвання рэальнага стану радыяактыўнага забруджвання і яго ўплыву на здароўе насельніцтва [1, с. 6]. Толькі 30 мая 1989 г. інфармацыя аб радыяцыйным становішчы перастала быць сакрэтнай, а з другой паловы 1989 г. мапы радыяцыйнай забруджанасці былі надрукаваны ў прэсе [1, с. 5]. З таго ж года, адзначае навуковец, у БССР пачалося і заканатаўчае афармленне пытанняў, датычных пераадолення наступстваў тэхнагеннай катастрофы [1, с. 7]. Таксама ў артыкуле У. Навіцкага звяртаецца ўвага на тое, што аварыя на Чарнобыльскай АЭС стала штуршком да распрацоўкі навуковых мерапрыемстваў для зніжэння негатыўнага ўплыву радыяцыйнага забруджвання на чалавека і экасістэму [1, с. 20]. У цэлым, згодна з даследчыкам, меркаванні беларускіх навукоўцаў браліся пад увагу пры прыняцці дзяржаўных праграм па пераадоленні наступстваў катастрофы, законаў і ўрадавых рашэнняў [1, с. 23].

Пытаннем змагання беларускай улады з наступствамі аварыі на Чарнобыльскай АЭС напрыканцы існавання БССР і ў першыя гады дзяржаўнай незалежнасці прысвечана манаграфія канадскага гісторыка Д. Марплза «Беларусь: ад савецкай улады да ядзернай катастрофы». Навуковец адзначае, што БССР, якая прыняла на сябе асноўную масу

радыеактыўных ападкаў, была найменш падрыхтаванай сярод пацярпелых рэспублік для пераадолення наступстваў катастрофы, як з матэрыяльнага, так і з палітычнага пункта гледжання [2, с. 40]. Палітычны фактар навуковец тлумачыць адносна адсутнасцю нацыянальнай свядомасці ў Беларусі, якая дазволіла б рэспубліканскай эліце праявіць ініцыятыву ў змаганні з вынікамі тэхнагеннай аварыі, не азіраючыся на саюзны цэнтр. «Беларусы ў цэлым не дзейнічалі і не рэагавалі як нацыя. Тыя, хто быў здольны на такі адказ, не займалі высокіх пастоў. Народжаная нацыя магла б адрэагаваць на катастрофу такога маштабу, зрынуўшы ранейшыя ўлады і стварыўшы новы рэжым, арыентаваны далей ад Масквы. Рэспубліка Беларусь не знаходзілася ў такой сітуацыі. Як нацыя, цалкам інтэграваная ў савецкі лад, як паслухмяная рэспубліка Савецкага Саюза, яе лідары, як і ў мінулым, чакалі загадаў. Захады, прынятыя паспешліва і запознена з 1991 г., былі далёка не ўсеабдымнымі», – сцвярджае Д. Марплз [2, с. 127].

Рэакцыю беларускага кіраўніцтва на чарнобыльскую катастрофу даследчык падзяляе на два этапы. У перыяд з 1986 да вясны 1989 гг. задача вырашэння тэхнагеннага бедства знаходзілася ў сферы адказнасці ўрадавай камісіі на саюзным узроўні. Інфармацыя ж аб наступствах аварыі на стан здароўя насельніцтва была афіцыйна засакрэчана. Аднак без скрупулёзнага ведання дакладнай тэрыторыі выпадзення радыеактыўных ападкаў беларуская эліта не магла сфармуляваць праграму, якая вызначала б жыхароў якіх раёнаў неабходна эвакуаваць, а якіх пакінуць на месцах пры пэўных узроўнях радыяцыі. Перыяд з 1989 да 1991 гг., паводле Д. Марплза, характарызуецца большай адкрытасцю адносна праблем катастрофы на саюзным узроўні. Гэта дазволіла прыняць шэраг чарнобыльскіх законаў і зацвердзіць Дзяржаўную праграму па ліквідацыі наступстваў аварыі на ЧАЭС. Даследчык падкрэслівае, што сама праграма была выканана толькі часткова. Па-першае, гэта было абумоўлена вялікімі памерамі тэрыторыі, куды вылучаліся дзяржаўныя сродкі для аказання дапамогі ахвярам катастрофы. Па-другое, з-за распаду СССР чарнобыльскія сродкі, якія вылучаліся Масквой, былі пераразмеркаваны, і Беларусь атрымала толькі 4 адсоткі гэтых сродкаў [2, с. 45–46].

Навуковец звяртае ўвагу, што эліта БССР апынулася няўмелай і непадрыхтаванай адносна праблемы змагання з наступствамі катастрофы на Чарнобыльскай АЭС. Па-першае, новыя месцы пражывання для перасяленцаў часта выбіраліся без уважлівага вывучэння мясцовага асяроддзя, таму здараліся выпадкі будаўніцтва сацыяльна-культурных аб'ектаў на тэрыторыі з высокім узроўнем радыяцыйнага забруджвання [2, с. 56]. Па-другое, выявілася недастатковая якасць медыцынскай дапамогі ахвярам у пацярпелых раёнах. У прыватнасці, урачы не былі дасведчаны наконт характэрных рыс экалагічнай абстаноўкі ў БССР [2, с. 50]. Па-трэцяе, пры ажыццяўленні эвакуацыі насельніцтва з забруджаных раёнаў беларускія ўлады належным чынам не ўлічылі шматлікія адмоўныя аспекты гэтага працэсу. Так, масавае перасяленне ахвяр тэхнагеннай катастрофы прыводзіла да скарачэння сярэдняй працягласці жыцця (з-за павышанага стрэсу і змянення ладу жыцця) і паніжэння якасці жыцця ў новым асяроддзі пражывання [2, с. 53].

Найбольш важкі ўнёсак у даследаванне праблемы ўплыву чарнобыльскай катастрофы на ажыццяўленне дзяржаўнай экалагічнай палітыкі ў БССР у перыяд гарбачоўскай перабудовы сярод беларускіх даследчыкаў унеслі юрысты-навукоўцы: А. Бабылёў, С. Балашэнка і Дз. Дземічаў [3], [4]. У дадзеным рэчышчы неабходна, перш за ўсё, узгадаць навучальны дапаможнік А. Бабылёва і С. Балашэнкі «Пытанні агульнай тэорыі экалагічнага права». Аўтарамі падкрэслена, што стварэнне прававых асноў для ажыццяўлення мерапрыемстваў, звязаных з мінімізацыяй адмоўных наступстваў аварыі на Чарнобыльскай АЭС, было зацягнута па віне саюзных органаў улады, іх нежаданнем прымаць кардынальныя захады ў барацьбе з вынікамі тэхнагеннай катастрофы, імкненнем схваць сапраўдную інфармацыю ад жыхароў пацярпелай тэрыторыі [3, с. 109–110].

Навукоўцы адзначаюць, што складанае становішча шмат у чым з'яўлялася следствам адсутнасці паўнамоцнага дзяржаўнага органа, які адказваў бы за рэалізацыю захадаў па абароне насельніцтва ад наступстваў трагедыі. У гэтай сувязі яны прапануюць стварэнне адмыслова ўпаўнаважаных органаў па забруджанай тэрыторыі, якія падпарадкоўваліся б непасрэдна Дзяржаўнаму камітэту БССР па праблемах катастрофы на Чарнобыльскай АЭС. Іх задачай з'яўлялася б захаванне ўсталяванага прававога рэжыму для тэрыторыі з узроўнем

радыяцыйнага забруджвання ад 15 Кі/кв. км і вышэй, ажыццяўленне абарончых, аднаўленчых і прыродаахоўных мерапрыемстваў і г. д. Акрамя гэтага, А. Бабылёў і С. Балашэнка выступаюць за падрыхтоўку і прыняцце адмысловага нарматыўнага акта за парушэнне чарнобыльскага заканадаўства [3, с. 110, 112].

Аўтары звяртаюць увагу на хібы чарнобыльскага заканадаўства. Гэта датычылася базавых палажэнняў аб прававым статусе забруджанай тэрыторыі, якія былі вызначаны ў Дзяржаўнай праграме па пераадоленні наступстваў у Беларускай ССР катастрофы на Чарнобыльскай АЭС на 1990–1995 гг., зацверджанай Вярхоўным Саветам БССР ад 26 кастрычніка 1989 г. Аднак гэтыя палажэнні насілі настолькі агульны і супярэчлівы характар, што не давалі канкрэтнага ўяўлення аб прававым рэжыме пацярпелай тэрыторыі. Напрыклад, у БССР было вызначана скончыць у 1991 г. перасяленне насельніцтва, якое пражывала на тэрыторыі з забруджанасцю 15 Кі/кв. км, а вытворчасць прадукцыі спыніць з 1991 г. з радыеактыўным забруджваннем вышэй за дапушчальныя ўзроўні, нягледзячы на шчыльнасць забруджвання сельгасугоддзяў. Такім чынам, за аснову бралася не бяспека здароўя насельніцтва, якое заставалася на забруджанай тэрыторыі, а якасць вырабляемай прадукцыі.

Нявызначанасць прававога рэжыму забруджанай зоны прывяло да масавага распаўсюджвання радыенуклідаў па ўсёй тэрыторыі БССР. Гэта адбывалася праз распаўсюджванне вырабляемай у рэспубліцы забруджанай прадукцыі, перавозку жывёлы на адкорм у чыстыя раёны, перакідку тэхнікі, якой карысталіся ў забруджанай зоне, іншага абсталявання, металалому, вываз забруджанай маёмасці. Непрыняцце ў пацярпелых раёнах прыродаахоўных захадаў прыводзіла да распаўсюджвання радыенуклідаў шляхам стыхій і прыродных з’яў. У гэтай сувязі А. Бабылёў і С. Балашэнка выказваюць меркаванне аб слушнасці распрацоўкі і прыняцця Закона аб выкарыстанні і ахове радыеактыўна забруджанай тэрыторыі [3, с. 113–114].

Сінтэз дзяржаўных і юрыдычных захадаў у змаганні з вынікамі тэхнагеннай аварыі даследуецца ў манаграфіі Дз. Дземічава «Чарнобыльская катастрофа: дзяржаўна-прававыя праблемы пераадолення наступстваў». Навуковец адзначае, што на момант узнікнення радыяцыйнага бедства ў заканадаўстве Савецкага Саюза і савецкіх рэспублік адсутнічалі нарматыўныя акты, якія рэгулявалі праваадносіны ва ўмовах катастроф і якія прадугледжвалі базавую маральную, матэрыяльна-духоўную і прававую абарону грамадзяніна ў экстрэмальнай сітуацыі [4, с. 25–26]. Заканадаўчы працэс у пацярпелых ад чарнобыльскай катастрофы савецкіх рэспубліках даў першыя станоўчыя вынікі толькі да 1991 г. У гэтым жа годзе былі прыняты Закон БССР «Аб сацыяльнай абароне грамадзян, якія пацярпелі ад катастрофы на Чарнобыльскай АЭС», Закон Рэспублікі Беларусь «Аб прававым рэжыму тэрыторый, якія падвергліся радыеактыўнаму забруджванню ў выніку катастрофы на Чарнобыльскай АЭС» [4, с. 28].

У 1986–1989 гг. органы дзяржаўнай улады ў пытаннях мінімізацыі наступстваў тэхнагеннай катастрофы недаацэньвалі маштабы аварыі на Чарнобыльскай АЭС, не прымалі своечасовыя захады па распрацоўцы і ажыццяўленні дзяржаўнай канцэпцыі пражывання насельніцтва ў бяспечных умовах, прытрымліваліся працяглай і недаравальнай сакрэтнасці вакол чарнобыльскай трагедыі, не афішавалі праўдзівую інфармацыю аб сапраўдным становішчы тэрыторый, забруджаных радыеактыўнымі выкідамі [4, с. 54].

Аўтар манаграфіі ў дзейнасці саюзнага цэнтра і пацярпелых ад аварыі на Чарнобыльскай АЭС савецкіх рэспублік па рэалізацыі функцыі пераадолення наступстваў тэхнагеннай катастрофы вылучае тры этапы: 1) красавік 1988 г. – снежань 1988 г.; 2) студзень 1989 г. – жнівень–верасень 1991 г.; 3) канец 1991 г. – сучасны этап [4, с. 56].

Для першага этапу было характэрна правядзенне дзяржаўнымі органамі абарончых мерапрыемстваў, накіраваных, галоўным чынам, на вырашэнне кароткатэрміновых задач. Да таго ж, гэтыя задачы мелі як правіла лакальны характар і іх экалагічная абгрунтаванасць у хуткім часе зжыла сябе [4, с. 60].

Адметнасцю другога этапу з’яўляецца больш пільная ўвага саюзных і рэспубліканскіх дзяржаўных органаў да чарнобыльскіх праблем. У сакавіку 1989 г. была прынята пастанова ЦК КПБ і Савета Міністраў БССР «Аб распрацоўцы рэспубліканскай комплекснай праграмы на 1990–1995 гг. па ліквідацыі на тэрыторыі рэспублікі наступстваў аварыі на Чарнобыльскай АЭС».

Двойчы (у чэрвені і ліпені 1989 г.) праект праграмы разглядаўся на Бюро ЦК і быў прадстаўлены ў ліпені 1989 г. на 11-й сесіі Вярхоўнага Савета БССР XI склікання. Дапрацаваны варыянт праграмы быў зацверджаны ў кастрычніку 1989 г. на 12-й сесіі Вярхоўнага Савета БССР XI склікання [4, с. 65–66]. У 1990–1991 гг. з мэтай каардынацыі намаганняў дзяржаўных органаў рэспублікі па мінімізацыі вынікаў чарнобыльскай трагедыі быў створаны Дзяржаўны камітэт БССР па праблемах наступстваў катастрофы на ЧАЭС на чале з намесніка старшыні ўраду [4, с. 68].

Аднак захады, накіраваныя на змаганне з наступствамі чарнобыльскай катастрофы, падкрэслівае Дз. Дземічаў, аказаліся недастатковымі, а часам і непаслядоўнымі. Таму ў ліпені 1990 г. у парадак дня 1-й сесіі Вярхоўнага Савета БССР XII склікання было ўнесена пытанне аб захадах па паскарэнні рэалізацыі Дзяржаўнай праграмы па ліквідацыі наступстваў аварыі на ЧАЭС. Пры разглядзе дадзенага пытання на парламенцкай сесіі праца рэспубліканскага ўрада была прызнана нездавальняючай, БССР была аб'яўлена зонай нацыянальнага экалагічнага бедства, рашэнне Вярхоўнага Савета УССР аб закрыцці Чарнобыльскай АЭС не пазней за 1992 г. знайшло падтрымку беларускіх дэпутатаў. Назва самой праграмы, паколькі яна недастаткова выражала сутнасць праблемы, была трохі перафармулявана і стала гучаць як «Дзяржаўная праграма па пераадоленні наступстваў у Беларускай ССР катастрофы на Чарнобыльскай АЭС на 1990–1995 гады» [4, с. 70, 72].

Напрыканцы другога этапу ажыццяўлення функцыі пераадолення наступстваў чарнобыльскай катастрофы дзяржаўнае кіраванне ў адпаведнасці з прынятымі рэспубліканскімі законамі аб сацыяльнай абароне грамадзян, аб прававым рэжыме тэрыторый, якія падвергліся радыеактыўнаму забруджванню, насілі ўжо не лакальны, а глабальны характар. Непасрэдна дзяржаўнае кіраванне стала больш сістэмным і пастаянным, характарызувалася ўзмоцненым імкненнем органаў улады эфектыўна ўздзейнічаць на працэсы, выкліканыя аварыяй на Чарнобыльскай АЭС [4, с. 80–81].

Аналіз сацыяльна-псіхалагічнай карціны беларускага грамадства, якая склалася ў выніку тэхнагеннай катастрофы, ажыццявіў Я. Бабосаў у манаграфіі «Чарнобыльская трагедыя ў яе сацыяльных вымярэннях». На яго меркаванне, аварыю на Чарнобыльскай АЭС нельга разглядаць выключна з п. гл. радыялогіі і радыяцыйнай бяспекі. Наступствы катастрофы самым сур'ёзным чынам закранулі ўсе сферы жыццядзейнасці пацярпелых тэрыторый, уключаючы палітычныя, сацыяльныя і эканамічныя аспекты, і з'явіліся вельмі моцным дэструктыўным фактарам [5, с. 14].

У цэлым, даследчык вылучае групу фактараў, якія на першапачатковым і найбольш трывожным этапе наступстваў чарнобыльскай трагедыі аказалі магутнае стрэсагеннае ўздзеянне на людзей. Да гэтых негатыўных фактараў ён адносіць некампетэнтнасць [5, с. 90]. Яна праявілася ў тым, што паводле ўказанняў саюзнага кіраўніцтва быў зацверджаны варыянт лакальнага кіравання экстрэмальнай сітуацыяй на Чарнобыльскай АЭС і прылеглай да яе тэрыторыі. Пры гэтым былі пакінуты па-за ўвагай распаўсюджанасць негатыўных наступстваў катастрофы на вялікую адлегласць і прыхаваная небяспека для сотняў тысяч і мільёнаў людзей. Аднак нават пры лакальным кіраванні наступстваў аварыі было дапушчана шмат некампетэнтных і нядбайных распараджэнняў. Напрыклад, 11 мая 1986 г. на нарадзе ў Старшыні Савета Міністраў БССР М. Кавалёва мясцовым арганізацыям было загадана неадкладна прыступіць да будаўніцтва асфальта-бетонных пакрыццяў на вуліцах і праездах у 30-кіламетровай зоне, то бок на тэрыторыі абавязковага і першачарговага адсялення.

Акрамя гэтага, ажыццяўляліся невуцкія ўхіленні ад дзеянняў, якія былі неабходны для змяншэння дозы апрамянення людзей. Так, адразу ж пасля выбуху атамнага рэактара не былі ўведзены адмысловыя рэжымы паводзін людзей у радыеактыўна забруджанай зоне, не была рэалізавана масавая прафілактыка супраць уздзеяння на арганізм радыеактыўнага еду, не былі вызначаны маштабы сапраўды неабходнага адсялення, чыніліся перашкоды ініцыятарам неарганізаванай эвакуацыі, аж да пазбаўлення партыйнага білета і працоўнага месца. Больш за тое, насуперак абставінам, выкліканым радыяцыйным забруджваннем, мясцовыя ўлады працягнулі сельскагаспадарчыя працы ў моцна пацярпелых раёнах, масава выводзілі людзей на першамайскія дэманстрацыі і г. д. Падобная кіраўніцкая некампетэнтнасць садзейнічала распаўсюджванню радыяцыйнай небяспекі на больш шырокія тэрыторыі і масы насельніцтва [5, с. 92–93].

Уздзеянне наступстваў тэхнагеннай аварыі на народную гаспадарку Беларусі ў савецкі і постсавецкі час даследуецца Г. Лычам і З. Пацеевай у манаграфіі «Чарнобыльская катастрофа: сацыяльна-эканамічныя праблемы і шляхі іх вырашэння». Даследчыкі сцвярджаюць, што ў рэспубліцы на момант аварыі на Чарнобыльскай АЭС фактычна не аказалася ні навуковых напрацовак, якія дазволілі б у найбліжэйшы час ацаніць нанесены ёй сацыяльна-эканамічны ўрон, распрацаваць і навукова абгрунтаваць сістэму эфектыўных захадаў па яго мінімізацыі, ні патрэбнай у гэтай справе колькасці высокакваліфікаваных навукоўцаў.

Становішча сур'ёзна пагаршалася надта абмежаваным вылучэннем сродкаў на правядзенне эканамічных даследаванняў чарнобыльскіх праблем. Як правіла, яны не перавышалі двух адсоткаў ад агульнай сумы бюджэтных расходаў у рамках Дзяржаўнай праграмы па пераадоленні наступстваў катастрофы на Чарнобыльскай АЭС. Дадатковыя цяжкасці ў правядзенні адзначаных вышэй даследаванняў стварала і афіцыйная статыстыка. Прадстаўленая ў ёй інфармацыя толькі часткова адлюстроўвала як страты, якія панесла рэспубліка ў выніку катастрофы, так і велічыню рэальнага эфекту, які меўся на выхадзе шляхам выканання мерапрыемстваў па мінімізацыі адмоўных наступстваў аварыі. Г. Лыч і З. Пацеева тлумачаць гэта, у т. л., і віной ведамстваў, якія, каб схаваць прагалы ў сваёй дзейнасці, часам прадастаўлялі статыстычным органам ілжывую інфармацыю, якая сказала сапраўдныя аб'ёмы і эфектыўнасць праведзеных працаў [6, с. 5].

Як адзначана аўтарамі манаграфіі, напачатку на дзяржаўным узроўні была прадпрынята спроба максімальна прыменшыць рэальныя маштабы катастрофы і аб'ёмы нанесенай ёй шкоды. Партыйна-дзяржаўная эліта Беларусі пераконвала сваіх суайчыннікаў і ўсю суветную грамадскасць, што краіна цалкам самастойна можа справіцца з уласнай бядой, таму, маўляў, ніякай дадатковай дапамогі не патрэбна. Услед гэтай палітыцы мясцовыя кіраўнікі і гаспадарнікі былі вымушаны хаваць сапраўдныя памеры ўрону, які панеслі мясцовае насельніцтва, вытворчая сфера, навакольнае асяроддзе. У адваротным выпадку ім прыйшлося б прызнаць сваю бездапаможнасць у вырашэнні як мага хутчэйшага пераадолення адмоўных наступстваў чарнобыльскай трагедыі, што пагражала ім сур'ёзнымі непрыемнасцямі ў службовай кар'еры. Таму статыстычным органам нічога не заставалася як прытрымлівацца афіцыйных даных і абагульняць іх.

Атрыманню дакладнай інфармацыі аб рэальнай велічыні сацыяльна-эканамічнага ўрону, які панесла Беларусь у выніку аварыі на Чарнобыльскай АЭС, перашкаджалі і аб'ектыўныя прычыны. Перш за ўсё, адсутнасць распрацаванага цалкам комплексу неабходных мерапрыемстваў, якія дазволілі б мінімізаваць адмоўныя наступствы чарнобыльскай трагедыі. Гэта было абумоўлена як недахопам досведу змагання з дадзенай унікальнай з'явай, так і абмежаванымі магчымасцямі савецкай дзяржавы для ажыццяўлення абарончых мерапрыемстваў. Тым самым зараджалася перадумова для істотнага зніжэння велічыні дадатковых затрат на рэалізацыю захадаў у барацьбе з наступствамі тэхнагеннай катастрофы [6, с. 21–23].

Уздзеянне аварыі на Чарнобыльскай АЭС на дзяржаўную экалагічную палітыку ў БССР падчас гарбачоўскай перабудовы закранаецца ў шэрагу артыкулаў навукоўцаў-прыродазнаўцаў, падрыхтаваных для зборнікаў канферэнцый «Чарнобыль праз 20 гадоў» і «Чарнобыль: праз 30 гадоў» [7], [8]. Асноўным вынікам дзейнасці Інстытута радыебіялогіі НАН Беларусі ў вобласці мінімізацыі наступстваў катастрофы на ЧАЭС прысвечаны аднайменны артыкул групы супрацоўнікаў гэтага інстытута. У прыватнасці, у артыкуле закранаецца гісторыя функцыянавання прадстаўленай навукова-даследчай установы, пачынаючы з моманту яе стварэння на мяжы 1986–1987 гг. На ўрадавым узроўні інстытут быў аб'яўлены галаўной арганізацыяй па навуковым забеспячэнні вырашэнняў пытанняў, датычных ліквідацыі наступстваў аварыі на Чарнобыльскай АЭС. З моманту свайго заснавання Інстытут радыебіялогіі ўдзельнічаў у Комплекснай праграме СССР на 1986–1990 гг. па ліквідацыі наступстваў аварыі на Чарнобыльскай АЭС па раздзелу I «Экалогія» і ў Праграме навукова-даследчых і вопытных работ устаноў Беларускай ССР у зоне адчужэння Чарнобыльскай АЭС на 1988–1990 гг. У 1988–1992 гг. Інстытут радыебіялогіі прымаў удзел у Дзяржаўнай саюзна-

рэспубліканскай праграме неадкладных захадаў па ліквідацыі наступстваў аварыі на Чарнобыльскай АЭС, з 1990 г. – рэгулюе выкананне раздзела «Рашэнне доўгатэрміновых праблем радыебіялагічных наступстваў Чарнобыльскай катастрофы» Дзяржаўнай праграмы Рэспублікі Беларусь па пераадоленні наступстваў катастрофы на Чарнобыльскай АЭС. За папярэднія гады лабараторыямі інстытута быў атрыманы шэраг важных фундаментальных і прыкладных вынікаў, якія паслужылі навуковай базай для распрацоўкі абарончых захадаў пры мінімізацыі наступстваў чарнобыльскай катастрофы [9, с. 14–15].

Сацыяльна-эканамічным і псіхалагічным наступствам чарнобыльскай катастрофы ў Беларусі прысвечаны аднайменны артыкул супрацоўніка Акадэміі навук Рэспублікі Татарстан Р. Ільязава. Навуковец падкрэслівае, што першапачатковы этап тэхнагеннай катастрофы яскрава характарызаваўся негатыўнасцю дзяржаўных службаў, прэсы і шматлікіх пасадовых асобаў да дзейнасці па змаганні з бедствам у пацярпелых раёнах. На разгубленасць і заблытанасць, якія часта ўзнікалі, накладвалася распаўсюджванне розных чутак, некампетэнтных выказванняў, здагадак, што ў рэшце рэшт спараджала паніку. Адсутнасць дакладнай інфармацыі з боку ўладаў і нізкая радыёлагічная пісьменнасць сярод чыноўнікаў і спецыялістаў (медыкаў, настаўнікаў і журналістаў) прыводзіла да навукова-неабгрунтаваных і часам недарэчных чутак аб радыяцыйнай небяспецы, што садзейнічала з'яўленню панікі і радыяфобіі сярод насельніцтва [10, с. 302].

Вынікі і перспектывы навуковага вывучэння па мінімізацыі наступстваў радыяцыйнай аварыі сталі прадметам даследавання ў артыкуле, падрыхтаваным групай супрацоўнікаў Камітэта па праблемах катастрофы на Чарнобыльскай АЭС пры Савеце Міністраў Рэспублікі Беларусь і НАН Беларусі. Аўтары падкрэсліваюць, што на момант аварыі ў БССР практычна адсутнічалі навуковыя калектывы, якія спецыялізаваліся на пытаннях радыяцыйнай бяспекі, радыяцыйнай медыцыны і радыёэкалогіі. Навукоўцы Акадэміі навук, Міністэрства аховы здароўя, Дзяржапраграма і іншых рэспубліканскіх ведамстваў пачалі даследаванні літаральна з нуля. Вынікі гэтых даследаванняў паслужылі базай для прыняцця ўрадавых рашэнняў, у т. л. па адсяленні насельніцтва пацярпелых раёнаў, будаўніцтву новага жылля, нормах радыяцыйнай бяспекі і г. д. Яны былі выкарыстаны пры распрацоўцы «чарнобыльскага» заканадаўства, дзяржаўных праграм па мінімізацыі наступстваў чарнобыльскай катастрофы. У наступныя гады праца навукоўцаў паслужыла асновай усіх мерапрыемстваў у змаганні з наступствамі аварыі [11, с. 68].

Заклучэнне. Змаганне эліты БССР з наступствамі чарнобыльскай катастрофы насіла супярэчлівы і неадназначны характар, што наклала негатыўны адбітак на ажыццяўленне экалагічнай палітыкі ў рэспубліцы на мяжы 1980–1990-х гг. Дзейнасць дзяржаўных захадаў па чарнобыльскай праблеме ў адзначаны час зводзілася да мінімуму ў выніку ўтойвання праўдзівай інфармацыі аб выніках тэхнагеннай аварыі ў першыя тры гады пасля яе здарэння, нізкай кампетэнтнасці пасадовых асоб у пытаннях захавання радыяцыйнай бяспекі, а таксама адсутнасцю спецыялістаў у галінах радыяцыйнай медыцыны і радыебіялогіі. Выпраўленне адзначаных хібаў пачало назірацца ў 1989–1991 гг., што праявілася ў апублікаванні ў 1989 г. мап радыяцыйнай забруджанасці, прыняцці ў 1989 г. Дзяржаўнай праграмы ліквідацыі наступстваў аварыі на Чарнобыльскай АЭС у Беларускай ССР на 1990–1995 гг., зацвярджэнні ў 1991 г. законаў «Аб сацыяльнай абароне грамадзян, якія пацярпелі ад катастрофы на Чарнобыльскай АЭС» і «Аб прававым рэжыму тэрыторый, якія падвергліся радыеактыўнаму забруджванню ў выніку катастрофы на Чарнобыльскай АЭС». На мяжы 1986–1987 гг. быў створаны Інстытут радыебіялогіі АН БССР. У 1990 г. Вярхоўны Савет БССР аб'явіў рэспубліку зонай нацыянальнага экалагічнага бедства. Нягледзячы на прынятыя захады, сітуацыя з мінімізацыяй наступстваў чарнобыльскай катастрофы не выглядала аптымальнай з-за распаду СССР і спыненнем грашовай дапамогі з саюзнага бюджэту для патрэб Беларусі.

У савецкай і постсавецкай гістарыяграфіі па пытанні ўплыву чарнобыльскай катастрофы на ажыццяўленне дзяржаўнай экалагічнай палітыкі ў БССР на мяжы 1980–1990-х гг. застаецца недаследаваным генезіс і эвалюцыя правядзення экалагічных контрзахадаў і мерапрыемстваў па рэабілітацыі навакольнага асяроддзя. У дадзеным рэчышчы патрабуецца вывучэнне

працэсу дэактывацыі пацярпелых раёнаў, ажыццяўленне контрзахадаў па абароне сельскай гаспадаркі, водных і лясных рэсурсаў, а таксама дзейнасці дзяржаўных структур у гэтым накірунку, у першую чаргу Дзяржаўнага камітэта БССР па праблемах наступстваў катастрофы на ЧАЭС і Камісій Вярхоўнага Савета БССР XI і XII скліканняў па пытаннях ліквідацыі наступстваў аварыі на ЧАЭС.

Літаратура

1. Навіцкі, У. І. Беларусь і Чарнобыль : 25 гадоў пераадолення наступстваў тэхнагеннай катастрофы / У. І. Навіцкі // Беларускі гістарычны часопіс. – 2011. – № 11, 12. – С. 3–12, 20–25.
2. Marples, D. Belarus from Soviet Rule to Nuclear Catastrophe / D. Marples. – Edmonton : The University of Alberta Press, 1996. – 179 p.
3. Бобылев, А. И. Вопросы общей теории экологического права / А. И. Бобылев, С. А. Балашенко. – Минск : БГУ, 1991. – 123 с.
4. Демичев, Д. М. Чернобыльская катастрофа : государственно-правовые проблемы преодоления последствий / Д. М. Демичев. – Минск : Экоинформ, 1997. – 270 с.
5. Бабосов, Е. М. Чернобыльская трагедия в ее социальных измерениях / Е. М. Бабосов. – Минск : Право и экономика, 1996. – 151 с.
6. Лыч, Г. М. Чернобыльская катастрофа : социально-экономические проблемы и пути их решения / Г. М. Лыч, З. Г. Патева. – Минск : Право и экономика, 1999. – 296 с.
7. Чернобыль 20 лет спустя. Стратегия восстановления и устойчивого развития пострадавших регионов : материалы междунар. конф., Минск, 19–21 апр. 2006 г. ; отв. ред. В. Л. Гурачевский, А. В. Кувшинников. – Минск : Беларусь, 2006. – Ч. 1. – 164 с.
8. Чернобыль : 30 лет спустя: материалы междунар. науч. конф., Гомель, 21–22 апр. 2016 г. / Институт радиологии ; редкол.: И. А. Чешик [и др.]. – Гомель, 2016. – 464 с.
9. Чешик, И. А. Основные итоги деятельности Института радиобиологии НАН Беларуси в области минимизации последствий катастрофы на ЧАЭС / И. А. Чешик, Н. И. Тимохина, О. Л. Федосенко [и др.] // Чернобыль : 30 лет спустя материалы: междунар. науч. конф., Гомель, 21–22 апр. 2016 г. / Институт радиологии; редкол.: И. А. Чешик [и др.]. – Гомель, 2016. – С. 14–18.
10. Ильязов, Р. Г. Социально-экономические и психологические последствия чернобыльской катастрофы в Республике Беларусь / Р. Г. Ильязов // Чернобыль : 30 лет спустя : материалы междунар. науч. конф., Гомель, 21–22 апр. 2016 г. / Институт радиологии ; редкол.: И. А. Чешик [и др.]. – Гомель, 2016. – С. 301–304.
11. Цалко, В. Г. Итоги и перспективы научных исследований по минимизации последствий катастрофы на Чернобыльской АЭС / В. Г. Цалко, В. Е. Шевчук, В. Л. Гурачевский, А. И. Лесникович // Чернобыль 20 лет спустя. Стратегия восстановления и устойчивого развития пострадавших регионов : материалы междунар. конф., Минск, 19–21 апр. 2006 г. ; отв. ред. В. Л. Гурачевский, А. В. Кувшинников. – Минск : Беларусь, 2006. – Ч. 1. – 164 с.

Деятельность института уполномоченного при Совете по делам РПЦ по Гомельской области в 1943–1953 гг.

Н.Н. КОЗЛОВА

Рассматривается становление института уполномоченного Гомельской области и его взаимодействие с Республиканским Советом по делам РПЦ и госструктурами. Охарактеризованы сложности регистрации православных молитвенных зданий исследуемого региона в контексте военного и послевоенного времени. Актуализируется деятельность православных общин по сохранению приходов. Исследование построено на использовании широкого спектра материалов НАРБ, Государственного архива Гомельской области (ГАГО) и Государственного архива Общественных Объединений Гомельской области (ГАООГО), Архива Церковно-Исторической комиссии при Гомельской Епархии (ЦИКГЕ).

Ключевые слова: Республиканский Совет по делам Русской Православной Церкви, регистрация молитвенных зданий, государственные структуры, послевоенный период.

The author describes difficulties of the registration of Orthodox Church houses in the region under study during the war and in the post-war period. Much attention is given to the process of establishing the institution of authorized representatives in the Gomel region and its cooperation with the Republican Council of the Russian Orthodox Church and state institutions. A special emphasis is laid on the activities of orthodox affiliations that did their best to preserve laities. The study is based on the use of a wide range of documents of the National Archive of the Republic of Belarus, the State Archive of the Gomel region and the State archive of the Public Organizations of the Gomel region, the Archive of the Committee on the historical research of the Orthodox Church of the Gomel Eparchy.

Keywords: The Republican Council of the Russian Orthodox Church, authorized representatives, registration of church houses, post-war period.

После октября 1917 г. в советском обществе сложилась система отношений к церковным организациям и верующим, которая не только контролировала церковь, но и угрожала ее существованию и целостности. XX век вошел в историю как время гонений на Православную Церковь. В результате конфессиональной политики межвоенного периода из 73367 церквей, действовавших в Российской империи в 1914 г., к 1939 г. осталось только около ста соборных и приходских храмов и около 1000 молитвенных домов и церквей [1]. В исследуемом регионе к 1940 г. официальная церковная жизнь была ликвидирована [2, с. 150], а ведь в 1914 г., по уточняемым членами ЦИКГЕ данным действовало 185–202 молитвенных зданий [1]. Цель статьи: показать становление и развитие института гомельского уполномоченного. В связи с поставленной целью решались следующие задачи: 1) показать сложности регистрации молитвенных зданий вследствие проблем с выяснением категории зданий: (не) действующие, учтенные, зарегистрированные, приписные; 2) показать деятельность верующих и клириков по сохранению приходов. Историография освещалась автором ранее [2, с. 149], [3, с. 20]. В современной российской историографии появляется большое количество исследований, в которых конфессиональная политика XX в. рассматривается объективно. Работы проанализированы М.В. Шкаровским [4, с. 10–40] и А.Л. Бегловым [5, с. 15–28], в которых они выделяют труды: В.А. Алексеева, О.Ю. Васильевой, М.И. Одинцова, А.Н. Кашеварова, С.Л. Фирсова, В. Цыпина. М.В. Шкаровский также охарактеризовывает труды эмигрировавших историков и священников: Д.В. Поспеловского, В.А. Алексеева, Н. Струве, И. Косяка, Аф. Мартоса и зарубежных исследователей: Г. Штриккера, Ф. Хейера, Х. Файерсайда [4, с. 10–40]. В указанных исследованиях положение Православной Церкви в БССР в изучаемый период подается фрагментарно в общем контексте конфессиональной политики на территории всего Советского Союза.

В современной отечественной историографии также появляются исследования, в которых всесторонне рассматривается роль Православной Церкви в БССР в 1940-е гг. Они осуществляются в ГрГУ им. Я. Купалы в рамках проекта «Православная Церковь и белорусское общество в XX–XXI вв.» [3, с. 20]. Историком С.В. Силовой, труды которой явились проры-

вом по означенной проблеме, предложено свое видение вышеуказанных российских и зарубежных трудов. Она проанализировала обобщающие труды белорусских историков с 1990-х гг. и охарактеризовала материалы военной периодики и литературные статьи [2, с. 20, 24]. Ценная информация о клириках региона содержится в работах преподавателей Минской Духовной Академии: протоиерея Ф. Кривоноса и А.В. Слесарева [3, с. 24]. Следует отметить работы выпускников Минской Духовной Семинарии по церковной истории исследуемого региона: Г. Прищепова, Г. Пшенко, Е. Новик, В. Дубяго, Р. Губаревич, В. Грень, Д. Шиленок [2, с. 149], [3, с. 20]. Историю православной жизни в стране исследуют белорусские историки: И.И. Янушевич [6], Н.Г. Болтрушевич [7], В.Л. Король [8], Е.Ю. Занько [9].

Однако, полная характеристика государственно-церковных отношений на территории современной Гомельской области в вышеперечисленных работах отсутствовала. В свете вышеизложенного, сотрудники Церковно-Исторической Комиссии при Гомельской Епархии (далее – ЦИКГЕ), о деятельности которой сообщалось в указанных статьях [2, с. 149], [3, с. 20], с 2000 г. проводят архивные изыскания и полевые экспедиции в регионе. Результат деятельности ЦИКГЕ – на базе личных архивов ее членов – при поддержке Гомельской епархии – издаются книги по истории приходов региона. Среди них «Исторические сведения о приходах Гомельской епархии» С.В. Цыкунова; «Чонский монастырь. История и судьбы» С.В. Цыкунова и Н.Н. Козловой; «Под сенью Архангела Михаила». И. Ольшанова, С.В. Цыкунова. История Жлобинского и Рогачёвского районов освещается в статьях и книгах Н.В. Шуканова, А.Ф. Потапова, семьи Шестаковых.

Таким образом, актуальность статьи определена недостаточной степенью исследованности и отсутствием обобщающих трудов по означенной проблеме. Также, сведения о деятельности уполномоченных позволяют воссоздать особенности приходской жизни в исследуемом регионе.

Основная часть. В сентябре 1943 г. для регулирования отношений между государством и Московским Патриархатом был создан специальный орган – Совет по делам Русской Православной Церкви, во главе с полковником госбезопасности Г.Г. Карповым. Его формирование проходило в рамках потепления государственно-церковных отношений, обусловленное Великой Отечественной войной. Решение ключевых проблем государственной религиозной политики И.В. Сталин оставил за собой. Для И.В. Сталина оказалось важным создать видимость благополучия в религиозном вопросе, поставить Церковь под контроль, встроить ее в систему власти.

Институт уполномоченных должен был, с одной стороны, контролировать легализовавшиеся стороны церковной жизни в соответствии с оформляющимся законодательством о регистрации; с другой стороны, нужно было максимально задействовать потенциал Церкви для решения внутренних и внешних политических задач. Вместе с тем, Советом по делам РПЦ велась целенаправленная работа по сужению деятельности религиозных объединений, имея в виду их постоянное стремление повысить религиозность верующих. Самостоятельная роль новообразованной структуры на первых порах была не слишком значительной «...Совету не представлять собой бывшего обер-прокурора, не делать прямого вмешательства в административную, каноническую, догматическую и хозяйственно-финансовую жизнь церкви...» [4, с. 124]. П.К. Пономаренко внедрил должность главы Совета по делам РПЦ в состав СНК. В течение десятилетия Совет стал частью вертикали исполнительной власти.

Было утверждено решение о необходимости обязательного согласования при назначении или устранении священников епархиальным управлением с Советом по делам РПЦ. Также работники Облисполкома констатируют: «... имеют место клеветнические заявки на духовенство...власть епископата внешняя...в его деятельность вмешивается НКГБ и НКВД...без согласования с ними Лобанов не может назначить даже дьяка...иногда за час до вступления в должность уже назначенного священнослужителя по распоряжению Уполномоченных Совета... НКВД их отменяет и утверждает другие кандидатуры...» [1].

В каждую Советскую республику и область посылались уполномоченные, главной задачей которых была «...регистрация и контроль действующих молитвенных зданий и клириков...и выявление тех общин, которые не признают законодательства о культурах...» [10, л. 17, 18]. К областным уполномоченным предъявлялись особые требования, на эти должности назначались только коммунисты, которые должны были глубоко знать марксистско-ленинскую идеологию, выполнять идеологические установки по ликвидации религии «... председатели Облисполкомов и Облсоветов должны были предоставлять политделовые ха-

рактеристики на уполномоченных и предоставлять отчеты об их работе в Республиканский Совет по делам РПЦ...» [10, л. 236]. Кроме вышеперечисленных задач, для эффективной работы были определены основные функциональные обязанности уполномоченных: умение наладить деловые взаимоотношения и с духовенством, и с местными (районными, городскими) властями, содействовать восстановлению разрушенных церквей на средства прихожан; рассматривать все жалобы клириков и верующих, детально изучить учетные карточки духовенства; строго следить за утверждением и выплатой налогов духовенства; контролировать земельные участки священников [11, л. 13], [12, л. 43].

Областными уполномоченными ежеквартально подавались отчеты о проделанной работе в Республиканский Совет по делам РПЦ. В послевоенное время в областях аппараты часто состояли из 1 человека [10, л. 15]. В 1945 г. в Гомельской области на этой должности работал Иван Александрович Горелов [13, л. 37, 39], [14, л. 60, 62], [15, л. 153, 160, 161]; в 1946 г. – Генералов [14, л. 60, 88, 89], [16, л. 47, 49]. С 27 января 1947 г. – работал Тихон Трофимович Тихомиров [10, л. 232, 357], [16, л. 51, 52]. А с 20 сентября 1947 г. – уполномоченным был Кучинский [10, л. 232–233]. Выявленные документы сохранили только фамилии Кучинского и Генералова, без инициалов. Затем 5 лет в этой должности трудился Емельян Фадеевич Цуканов с 1948 г. по 1952 г. [17, л. 7–14]. Причины частой сменяемости уполномоченных в архивных документах не указаны. Организационно-технический период формирования института уполномоченного в области был пройден в течение трёх лет. Вероятно, укомплектование аппарата областных уполномоченных затруднялось также отсутствием квалифицированных кадров для курирования религиозного вопроса.

Следует отметить, что понадобилось время для того, чтобы было найдено взаимопонимание между созданным институтом уполномоченных и государственными структурами. Глава Республиканского Совета по делам РПЦ И. Лобанов сообщает о том, что «...аппарат уполномоченных в областях был создан с большим опозданием...местные власти зачастую игнорируют распоряжения Совета по делам РПЦ. Облисполкомы медлят с данным важнейшим участком работы...мотивируя это отсутствием кадров...» [14, л. 3]. В начале своей работы уполномоченные столкнулись с абсолютным непониманием местными чиновниками политических задач потепления государственно-церковных отношений, прикрываемым отсутствием их четкой юридической базы. В течение 1946–1948 гг. такая юридическая база в виде инструкций и циркуляров была получена уполномоченными из центра, что позволяло им окончательно адаптироваться и начать свою деятельность по установлению договорных отношений между государством и Церковью на местном уровне. Таким образом, их деятельность была контролируема не только Республиканским Советом по делам РПЦ, но и областными и районными госструктурами. Они находились в системе двойного подчинения.

Уполномоченные встречались с клириками и прихожанами, составляли перспективные планы работы, списки церквей и клириков. Но Облисполком направлял их в длительные командировки, не связанные с его непосредственными функциональными обязанностями (посевные, уборочные), воспринимая деятельность этого института как второстепенную. Это и обусловило формальный подход местных властей к подбору и назначению кадров уполномоченных. В частности, Т.Т. Тихомиров в этих командировках провел 2 месяца из 8 в период нахождения в должности в 1947 г. [10, л. 89], что сказывалось на качестве отчетной документации. Такая практика была повсеместной на территории страны [1]. А ведь еще 29 марта 1945 г., В.М. Молотов дал телеграфное указание местным властям о недопустимости отправления уполномоченных в длительные командировки, не связанные с их непосредственной деятельностью [4, с. 214]. Таким образом, важным аспектом в становлении нового института было установление контакта с местной номенклатурой, попытка внушить ее представителям, что актуальным становится умение налаживать конструктивные отношения с церковными организациями для того, чтобы использовать потенциал Церкви в сложившихся исторических условиях.

Контроль со стороны партийных и государственных органов за деятельностью РПЦ осуществлялся в режиме строгой секретности. Существовала специальная инструкция Республиканского Совета по делам РПЦ, согласно которой были заведены секретные дела с отчетами уполномоченных и перепиской с ними. Они должны были храниться у начальника Спецотдела, обязательно закрываться в сейфе. Секретари-машинистки также должны были иметь спе-

циальное разрешение на доступ к указанной документации [16, л. 51], [18, л. 150]. Должности уполномоченных по зарплате, престижу и соцобеспечению приравнивались к должностям заведующих отделами Облисполкомов (за исключением сотрудников, заведующими промышленными отделами). Это свидетельствовало об их значимости в госорганах, что было отражено в специальном Постановлении СНК от 29.03.1945 г. за № 883. П. 6503 [10, л. 90]. Зарплата уполномоченных была установлена в размере 1100–1150 рублей, что существенно превышало средний уровень зарплаты по стране [12, л. 153]. Зарплата секретаря-машинистки равнялась 410–445 рублям [18, л. 94]. Заместитель Председателя Совета Министров т. Уралова требовала «...создать необходимые условия для работы, предоставить уполномоченным отдельный кабинет, т. к. соседство мешает им выполнять свои функции, учитывая специфику работы...» [18, л. 98]. Однако И. Лобанов полагает, что «...Облисполкомы не выполняют распоряжения В.М. Молотова и П.К. Пономаренко... у уполномоченных нет должной мебели, добротной одежды, канцелярских принадлежностей... их внешний вид неавторитетен... порой создается впечатление, что они пасынки по сравнению с другими сотрудниками Облисполкома... т. е. у них плохие условия работы...» [14, л. 3, 5, 8]. В контексте сложностей восстановительного послевоенного периода и полуголодной жизни народа трудно дать оценку этим установкам.

Обратимся к регистрации молитвенных зданий. Ранее считалось, что в оккупационный период в регионе было открыто и учтено 63 молитвенных здания [3, с. 20], [14, л. 7], [19, л. 39], [20]. Уточненное членами ЦИКГЕ (С.В. Цыкуновым и автором) число – 102 единицы, включая 28 «келейных монастырей и общин». Можно полагать, что произошла «легализация церковного подполья». Автором также выявлены сведения о 13 действующих молитвенных зданиях в 1942–1945 гг., сведения о которых приводились ранее [3, с. 20–25], [21, с. 238–344], работа ЦИКГЕ в данном направлении продолжается.

Уполномоченный Совета по делам РПЦ при СНК СССР по БССР И. Лобанов настаивал на интенсивной регистрации общин, причем не только уполномоченными, но и самими благочинными, конкретизировал сроки «...до 1 октября 1945 г. регистрация должна быть закончена...» [11, л. 15]. Наиболее интенсивно регистрация велась в 1945 г., в котором в освобожденной стране было учтено с 705 до 1093, по некоторым данным до 1200 единиц, учитывая 185 недействующих; то в 1953 г. – 976 [22, с. 270–278]. Особо отмечалось, что «...молитвенные здания Гомельщины, регистрируемые в послевоенный период, были открыты именно в период немецкой оккупации в 1941–1942 годах, до применения Постановления СНК СССР от 28 ноября 1943 г. № 1325...» [12, л. 42, 43]. Следует отметить, что этот момент в конце 1940-х гг. послужил поводом к изъятию зданий. Уполномоченные рекомендовали изымать церкви, как незаконно занятые во время Великой Отечественной войны под клубы и школы и сделали в этом направлении немало. С 1945 г. по 1951 г. в исследуемом регионе было изъято 28 молитвенных зданий [1]. Однако, взамен изъятых, верующие за свои средства покупали, арендовали частные дома и переоборудовали их в молитвенные здания. Из 28 изъятых 19 приходов были сохранены благодаря стараниям клириков и верующих. Так произошло в селах Еремино, Красное Гомельского и в с. Носовичи Тереховского районов; в м. Ветке; в м. Журавичи; в с. Ямполь и с. Заспа Речицкого района. Православные за свои средства построили молитвенные здания в селах Уваровичи, Бронное; в м. Лоеве, Шарпиловка Лоевского района. Эти здания вмещали до 400 человек, и уполномоченные отмечают, что стараниями верующих и клириков «...эти здания выглядят теперь как церкви... прихожане сами их ремонтируют и содержат...» [13, л. 27, 92].

Таблица – Динамика регистрации культовых зданий Гомельщины

	Июль 1945 г.	Декабрь 1945 г.	1946 г.	1947 г.	1948–1949 гг.	1951–1953 гг.
Количество молитвенных зданий	21	По разным данным от 67 до 73 единиц	По разным данным от 67 до 73; 21 недействующих	1-й квартал – 54 здания; 2-й квартал – 60; 3-й квартал – 73; 4-й – 70	1-й квартал – 53 здания; 2-й квартал – 55; 3-й квартал – 57; 4-й – 62	45 приходов: 20 церквей, 25 мол. домов

Материалы таблицы структурированы на основании материалов полевых экспедиций, архива ЦИКГЕ и нижеперечисленных архивных материалов: [10, л. 98–102], [12, л. 19, 23, 41, 170–175], [13, л. 7–10, 34–36, 47–49], [16, л. 39], [17, л. 7–14].

Следует отметить, что достоверную информацию о молитвенных зданиях, регистрируемых с 1943 по 1950 гг., удалось выявить только на основании сопоставления отчетов пяти вышеуказанных уполномоченных. Причем, в отчетах одних и тех же уполномоченных, сохранившихся в НАРБ, архиве МКУ, двух гомельских архивах – ГАГО, ГАООГО и в создаваемом архиве ЦИКГЕ, имеются разные данные о количестве культовых зданий. Проанализирована информация о молитвенных зданиях, с учетом которых возникали бесконечные огрехи. Это здания в селах: Усохо-Буда, Иваки и Дубровка Тереховского района, также Полесье Чечерского, Ямполь Речицкого. Бесконечная путаница возникала с приписными церквями: Шепетовичи Чечерского и Громыки Ветковского районов. Е.Ф. Цуканов, как и его предшественники, то объединяет, то разъединяет два прихода в один: Демехи и Козье Речицкого района, Стрешин и Шихово, Довск и Кривск Рогачёвского [10, л. 98–102, 232]. Не в каждом квартале 1947 г. были учтены молитвенные дома в селах Черетянка и Кравцовка Тереховского района. Установлено, что в них часто сменялись священники, 6–8 раз за год [23, л. 12, 14, 15, 77, 98].

Точные цифры регистрации в 1943–47 гг. сложно установить из-за того, что в них служили сторонники Истинно-Православной Церкви. Так, монах Полиевкт после 1946 г. неофициально трудился без регистрации не только в с. Ямполь Речицкого района, но и в других сёлах региона, не скрывая свою приверженность к течению. Поэтому с регистрацией и непреклонного сторонника ИПЦ и этой церкви возникали проблемы [23, л. 90, 92, 116]. Местные власти препятствовали его деятельности, районные и областные структуры неоднократно снимали Ямпольскую церковь с регистрации, пытались сделать приписной, но Республиканский Совет по делам РПЦ никогда не утверждал их решение, учитывая религиозную активность прихожан в Речицком районе. Официально назначенного в Ямпольскую церковь И. Колесникова в 1948 г. верующие не приняли и не хотели допустить в церковь; церковный совет не отдавал ключи, ратуя за Полиевкта. Но без указа архиерея, ранее согласованного с Советом по делам РПЦ, на приходе трудиться уже было нельзя, что имело место в 1943–1946 гг. Только после вмешательства уполномоченного Е.Ф. Цуканова. И. Колесников начал служение на приходе. Уважаемого же Полиевкта верующие укрывали в своих домах, перевозили на лошадях и саночках по населенным пунктам для осуществления треб до 1955 г. [1].

Таким образом, уполномоченные наблюдали за правильным и своевременным проведением в жизнь законодательства о культурах, не допускали его нарушения со стороны и духовенства, и верующих [24, л. 3]. И.А. Горелов ликвидировал нарушения о закрытии местными властями церквей в с. Носовичи Тереховского района и м. Уваровичи. Они были закрыты вопреки Постановлению СНК СССР от 1.12.1944 г. № 1643/48, которое категорически запрещало закрывать церкви без разрешения Совета по делам РПЦ.

За неточности и ошибки в отчетах все гомельские уполномоченные критиковались сотрудниками Республиканского Совета по делам РПЦ [1], [16, л. 2, 22]. Свои огрехи уполномоченные объясняют следующими причинами: сложности послевоенного периода, недостаток материальных средств, плохие средства передвижения, просчеты предшественников. Все сотрудники особо выделяют в работе отсутствие помощи и Республиканского Совета по делам РПЦ, и руководства районов и сельсоветов. Областные уполномоченные акцентируют внимание на необходимости выполнять иные обязанности, налагаемые сотрудниками Облсполкомов, что также не позволяет считать их отчеты точными [13, л. 37, 39]. Следует также отметить вышеозначенную сменяемость уполномоченных региона (5 за 3 года), которая затрудняла точность сведений о регистрируемых зданиях. Ведь им требовалось время для того, чтобы разобраться с отчетами своих предшественников, вникнуть в ситуацию в регионе. Несоответствие цифр по одним и тем же годам и периодам вносит разногласия в современные исследования [1].

Заключение. После рубежного 1948 г., ознаменовавшего охлаждение в государственно-церковных отношениях, в исследуемом регионе действовали приходы в областном городе, райцентрах и тех населенных пунктах, где действовали указанные выше сильные общи-

ны. Госструктуры допускали религиозную жизнь только на достаточном (с их точки зрения) уровне. Если в 1943–1946 гг. в регионе было учтено (по разным данным) 67 либо 73 молитвенных здания, то в 1951 г. было зарегистрировано 45: из них 20 церквей и 25 молитвенных домов. Именно к этому году ситуация с регистрацией стабилизировалась. Такое положение сохранялось до 1954 г., до момента присоединения Полесской области. Если суммировать сведения, то 26 из 45 действующих приходов региона в 1950-е гг. были сохранены клириками и прихожанами в неблагоприятный конфессиональный период. Благодаря их активности религиозная жизнь в регионе развивалась. То есть госструктуры стремились трактовать религиозную жизнь в контексте ее угасания, но эта идея не соответствовала действительности. Следовательно, сведения о деятельности уполномоченных позволяют воссоздать особенности приходской жизни в регионе; выявить наиболее деятельные православные общины.

Литература

1. Текущий архив Церковно-Исторической комиссии при Гомельской епархии (ЦИКГЕ).
2. Козлова, Н. Н. Государственно-церковные отношения межвоенного периода на Гомельщине / Н. Н. Козлова // Вестник Полоцкого гос. уни-та. Серия А, Гуманитарные науки. – 2018. – № 1. – С. 149–155.
3. Козлова, Н. Н. Об особенностях восстановления церковной жизни на Гомельщине в 1941–1943 гг. / Н. Н. Козлова // Известия Гомельского гос. ун-та им. Ф. Скорины. – 2019. – № 1. – С. 20–25.
4. Шкаровский, М. В. Русская Православная Церковь в XX веке / М. В. Шкаровский. – М. : Вече, Лепта, 2010. – 480 с.
5. Беглов, А. Л. В поисках безгрешных катакомб / А. Л. Беглов. – М. : Арета, 2008. – 346 с.
6. Янушевич, И. И. Взаимоотношения государства и Белорусской Православной церкви : периодизация и содержание (1917–2004 гг.) / И. И. Янушевич // Гісторыя. Праблемы выкладання. – 2006. – № 4. – С. 32–39.
7. Болтрушевич, Н. Г. Изменение политики советской власти в отношении Русской Православной церкви в годы Великой Отечественной войны / Н. Г. Болтрушевич // Вестник Полоцкого гос. ун-та. Серия А, Гуманитарные науки. – 2019. – № 1. – С. 95–100.
8. Король, В. Л. Деятельность Русской Православной церкви в защиту мира в 1945–1949 гг. / В. Л. Король // Вестник Полоцкого гос. ун-та. Серия А, Гуманитарные науки. – 2015. – № 9. – С. 121–126.
9. Занько, Е. Ю. Конфессиональная жизнь православного населения в западных областях БССР в 1944–1950-х гг. (на примере Гродненской области) / Е. Ю. Занько // Вестник Гродненского гос. ун-та. Серия А, Гуманитарные науки. – 2017. – № 1. – С. 53–63.
10. Национальный архив РБ (НАРБ). – Ф. 951. Оп. 2. Д. 11.
11. НАРБ. – Ф. 951. Оп. 2. Д. 2.
12. НАРБ. – Ф. 951. Оп. 2. Д. 3.
13. Государственный архив Гомельской области (ГАГО). – Ф. 3441. Оп. 1. Д. 2.
14. НАРБ. – Ф. 951. Оп. 2. Д. 5.
15. НАРБ. – Ф. 951. Оп. 1. Д. 3.
16. ГАГО. – Ф. 3441. Оп. 1. Д. 1.
17. ГАГО. – Ф. 3441. Оп. 1. Д. 6.
18. НАРБ. – Ф. 951. Оп. 1. Д. 46.
19. НАРБ. – Ф. 951. Оп. 1. Д. 22.
20. Газета «Новый путь». – 1943. – 24 апреля.
21. Козлова, Н. Н. Чонский Монастырь. История и судьбы / С. В. Цыкунов, Н. Н. Козлова. – Гомель : Барк, 2018. – 415 с.
22. Канфессіі на Беларусі (к. XVIII – XX ст.) / У. Навіцкі (рэд.). – Мінск : ВП Экаперспектыва, 1998. – 340 с.
23. Государственный архив общественных объединений Гомельской области (ГАООГО). – Ф. 144. Оп. 60. Д. 73.
24. НАРБ. – Ф. 952. Оп. 2. Д. 49.

Парафія Маці Божай Вастрабрамскай у Язне і яе душпастыры

К.В. ЛАЎРЫНЕНКА

У артыкуле разглядаецца гісторыя рыма-каталіцкай парафіі Маці Божай Вастрабрамскай у Язне. На прыкладзе гэтай парафіі разглядаецца гісторыя адной са шматлікіх парафій, якія паўсталі ў міжваенны час у Заходняй Беларусі і спынілі сваё існаванне ў пасляваенны час у БССР. Парафія паўстала ў 1928 г., дзякуючы фундацыі Соф’і Корсак-Барткевічовай і Марыі Багданавай. Першым адміністратарам гэтай звычайнай вясковай, колькаска нешматлікай парафіі ў 1927–1928 гг. быў ксёндз Уладзіслаў Сушыньскі, апостальскі адміністратар архідыяцэзіі ў Беластоку. Парафія Маці Божай Вастрабрамскай у Язне праіснавала толькі 20 гадоў: у 1948 г. касцёл быў забраны пад школу. Трагічна склаліся і лёсы некаторых святароў, што служылі ў Язненскай парафіі. Частка з іх была рэпрэсавана. У 1980-ыя г. будынак касцёла быў цалкам знішчаны. Пасля адраджэння дзейнасці каталіцкага Касцёла на Беларусі парафія ў Язне так і не была адроджана, цэнтрам рэлігійнага жыцця для вернікаў былой парафіі стала капліца ў в. Завуцце.

Ключавыя словы: парафія Маці Божай Вастрабрамскай у Язне, касцёл, кананічная візітацыя, Соф’я Корсак-Барткевічова, Марыя Багданава, арцыбіскуп Рамуальд Ялюжыкоўскі, ксёндз біскуп Уладзіслаў Сушыньскі, ксёндз Антоні Куява, ксёндз Ян Мянёўскі, ксёндз Ян Круль.

The article is concerned with the history of the Roman Catholic parish of Holy Mother of the Gate of Dawn in Jazna. The history of the parish provides an example of the situation of many parishes, which were organized during the interwar period in Western Belarus and ceased to exist after the Second World War in Byelorussian SSR. The parish was erected in 1928 owing to the foundation of Sofia Korsak-Borkiewiczowa and Maria Bogdanowa. The first administrator of this small rural parish in 1927–1928 was Fr. Władysław Suszyński, apostolic administrator of the archdiocese of Białystok. The parish of Holy Mother of the Gate of Dawn in Jazna lasted for 20 years only. In 1948 the church was turned into a school. The fate of some priests from the Jazna parish was tragic: some of them were subjected to repressions. In the 1980s the building was destroyed completely. When the activity of the Catholic Church in Belarus was restored, the parish in Jazna was not revived, and the parishioners moved their religious practice to the chapel in Zauccie village.

Keywords: parish of Holy Mother of the Gate of Dawn in Jazna, church, canonical visitation, Sofia Korsak-Borkiewiczowa, Maria Bogdanowa, Archbishop Romuald Jałbrzykowski, Bishop Władysław Suszyński, Fr. Antoni Kujawa, Fr. Jan Mianowski, Fr. Jan Król.

У міжваенны перыяд у Заходняй Беларусі, якая на той час уваходзіла ў склад Другой Рэчы Паспалітай, актыўна паўставалі новыя каталіцкія парафіі. Звязана гэта было перадусім з мэтай пашырэння душпастырскай апекі для мясцовых вернікаў каталіцкага веравызнання ў новых умовах існавання адроджанай польскай дзяржавы, дзе Каталіцкі Касцёл меў прывеліяванае становішча. Адной з такіх парафій, якія паўсталі ў міжваенны перыяд, стала парафія Маці Божай Вастрабрамскай у Язне. Яна бадай нічым і не адрознівалася ад тых шматлікіх парафій, якія паўсталі ў міжваенны перыяд і спынілі сваё існаванне ў пасляваенны час, але менавіта тут распачынаў сваю душпастырскую дзейнасць ксёндз Уладзіслаў Сушыньскі, апостальскі адміністратар архідыяцэзіі ў Беластоку.

Мэта артыкула – разгледзець гісторыю парафіі Маці Божай Вастрабрамскай у Язне і лёсы яе душпастыраў.

Матэрыялы і метады. Даследаванне пабудавана на выкарыстанні дакументаў Нацыянальнага архіва Рэспублікі Беларусь, Дзяржаўнага архіва Віцебскай вобласці і Архідыяцэзіяльнага Архіва ў Беластоку (Польшча), а таксама шматлікіх матэрыялаў «Віленскіх Архідыяцэзіяльных Ведамасцяў» і навуковых публікацый, што дазволіла разгледзець гісторыю парафіі Маці Божай Вастрабрамскай у мястэчку Язна.

Метадалагічную аснову публікацыі склалі прынцыпы гістарызму і аб’ектыўнасці. У даследаванні выкарыстоўваліся як агульнанавуковыя, так і спецыяльна-гістарычныя метады.

Вынікі і іх абмеркаванне. Доўгі час вёска Язна належала да Дзісенскай парафіі. Ужо ў дакументах Віленскага сінода 1744 г. Язна ўзгадваецца як адна з мясцовасцяў гэтай парафіі

[1, s. 111]. Утварэнне Дзісенскай парафіі было звязана з імем караля Рэчы Паспалітай Стэфана Баторыя, які 3 лістапада 1583 г. склаў на яе фундуш. Касцёл Беззаганнага Зачацця Найсвяцейшай Марыі Панны быў пабудаваны напрыканцы XVIII ст. францішканамі, якія мелі тут свой кляштар. Пасля ліквідацыі кляштара і выгнання францішканаў з Дзісны касцёл стаў парафіяльным.

У 1920 г. падчас ваенных дзеянняў дзісенская святыня атрымала вялікія пашкоджанні. Шмат намаганняў па аднаўленні касцёла, якое працягвалася з 1922 па 1927 г., прыклаў пробашч парафіі ксёндз Людвік Балобан (1872–1897–?). 5 тысяч злотых на рамонт было выдзелена ўрадам, мясцовыя ж вернікі сабралі 13 тысяч злотых [2, s. 240].

Вёска Язна знаходзілася ў 15 км ад парафіяльнага касцёла ў Дзісне, аднак мясцовыя вернікі маглі наведваць капліцу ў суседняй вёсцы Завуцце, якая таксама належала да Дзісенскай парафіі. Ужо ў 1852 г. гэтая капліца была збудавана [3, s. 322].

Што да пачаткаў існавання Язненскай парафіі, то тут маюцца пэўныя разыходжанні. Мясцовыя старажылы сцвярджалі, што касцёл у вёсцы паўстаў у доме, які ахвяравала парафіі пад святыню Соф’я Корсак-Барткевічова. Аднак у «Віленскіх Архідыяцэзіяльных Ведамасцях» за 10 мая 1927 г. маецца інфармацыя, што каля Вялікадня быў утвораны Камітэт Будовы Капліцы ў Язне, у склад якога ўвайшлі прадстаўнікі духавенства, уладаў і мясцовай супольнасці. На пачатку мая 1927 г. склад камітэта пад кіраўніцтвам ксяндза Людвіка Балобана, дзісенскага пробашча, у колькасці 7 чалавек быў зацверджаны Арцыбіскупскім Віленскім Ардынарыятам. Паведамлялася, што неўзабаве пачнуцца будаўнічыя працы [4]. Верагодна, першапачаткова Соф’я Корсак-Барткевічова магла выдзеліць дом пад месца малітвы для мясцовых вернікаў ці мела ў сваім доме прыватную капліцу, але менавіта яна стала фундатаркай новапаўсталай святыні ў мястэчку Язна, складаючы ў 1926 г. фундуш на парафію і зямлю пад касцёл [5, s. 46]. Частку сродкаў на новы касцёл выдзеліла і Марыя Багданава [6, s. 50]. Новазбудаваны касцёл атрымаў тытул Маці Божай Вострабрамскай у гонар славутага чудатворнага абраза, здаўна шанаванага на Віленшчыне, які 2 ліпеня 1927 г. быў караванаваны папскімі каронамі [7, s. 167].

Нягледзячы на паўстанне новай святыні, пры кананічнай візітацыі мітрапаліт Віленскі арцыбіскуп Рамуальд Ялбжыкоўскі Язна абмінуў, аб чым сведчыць расклад кананічных візітацый Мітрапаліта Віленскага арцыбіскупа Рамуальда Ялбжыкоўскага на 1927 г.: 2 лістапада – Празарокі, 3 лістапада – Лужкі, 4 лістапада – Германавічы, 5 лістапада – Дзісна, 6 лістапада – Мёры [8]. Звязана гэта было з тым, што тут яшчэ не была зарэгістравана парафія.

Дарэчы, у «Каталогу Віленскай архідыяцэзіі» Язненская парафія ўпершыню згадваецца ў 1928 г. [5, s. 46]. Сама ж парафія Язна афіцыйна была зацверджана дэкрэтам Мітрапаліта Віленскага арцыбіскупа Рамуальда Ялбжыкоўскага ад 10 лістапада 1928 г. Яна была выдзелена з Дзісенскай парафіі, таксама ў яе склад увайшлі некаторыя мясцовасці з Празароцкай і Лужкоўскай парафій [9]. Пры паўстанні парафіі Соф’я Корсак-Барткевічова да ўжо існуючага бенефіцыя дадала яшчэ 10 гектараў зямлі. Адпаведны акт натарыус Ян Клотт зацвердзіў задарма [10].

Першым рэктарам касцёла з 16 жніўня 1927 г., а затым і прэфектам школ быў прызначаны ксёндз Уладзіслаў Сушыньскі, доктар філасофіі [11].

Уладзіслаў Сушыньскі нарадзіўся 22 студзеня 1898 г. у Янаве каля Карыціна Сакольскага павета. У 1916 г. паступіў у Віленскую Духоўную Семінарыю, атрымаўшы сакрамэнт святарства 26 мая 1921 г. з рук Віленскага біскупа Ежы Матулевіча, цяпер добраслаўленага. Пасля атрымання святарскіх пасвячэнняў працягнуў вучобу ў Люблінскім Каталіцкім універсітэце, пасля чаго вучыўся ў Парыжы [12, s. 95]. У 1927 г. абараніў дысертацыю «Ідэі Бога ў Дэкарта ў святле тамізму», напісанай пад кіраўніцтвам вядомага таміста Жака Марытэна [12, s. 95]. Пасля абароны дысертацыі святар прасіў дазволу ў арцыбіскупа на выезд у Венецыю на лячэнне і гэтую згоду атрымаў. У выніку новапрызначаны адміністратар парафіі вярнуўся ў Віленскую архідыяцэзію толькі ў верасні ці на пачатку кастрычніка, пасля чаго выехаў у Язна [13, s. 169].

Аднак пачатак служэння ў Язне для ксяндза Уладзіслава Сушыньскага аказаўся нялегкім. Паколькі парафія яшчэ не была ўтворана, святар апынуўся ў цяжкай матэрыяльнай сітуацыі. Таму, не маючы школьнай стаўкі, 12 снежня 1927 г. ён звярнуўся ў Курью з лістом, каб яе прадстаўнікі вырашылі ў Кураторыі Школьнай акругі ў Вільні пытанне аб стварэнні стаўкі прэфекта школ у гміне Язна ці прызначэнні пэўнай платы [14].

Аднак ужо ў наступным годзе ксёндз Уладзіслаў Сушыньскі быў прызначаны асабістым сакратаром арцыбіскупа Рамуальда Ялбжыкоўскага і выехаў у Вільню. Адначасова святар выкладаў на Тэалагічным факультэце Універсітэта Стэфана Баторыя і ў Архідыяцэзіяльнай Вышэйшай Духоўнай Семінарыі ў Вільні. З 1930 г. быў прэфектам, а з 1936 г. інспектарам Духоўнай семінарыі. 28 жніўня 1940 г. ксёндз Сушыньскі стаў грэміяльным канонікам капітулы Віленскай мітрапалітальнай базілікі. З сакавіка 1942 г. разам з іншымі выкладчыкамі і семінарыстамі Духоўнай семінарыі быў арыштаваны гестапа. З працоўнага лагера ў Шалтупах у выніку праблем са здароўем святар быў вызвалены 31 сакавіка 1943 г., пасля чаго хаваўся ў Вільні. Пасля заканчэння вайны святар выехаў у Беласток, куды былі перанесены інстытуты Віленскага арцыбіскупства, дзе быў прызначаны прафесарам Вышэйшай Архідыяцэзіяльнай Духоўнай Семінарыі, а ў 1946 г. стаў яе рэктарам, у 1947 г. – афіцыялам Арцыбіскупскага Суда. 15 студзеня 1948 г. ксёндз Уладзіслаў Сушыньскі быў прызначаны дапаможным біскупам арцыбіскупа Ялбжыкоўскага і 9 мая 1948 г. атрымаў біскупскае пасвячэнне. Пасля смерці арцыбіскупа Ялбжыкоўскага быў абраны капітульным вікарыям Віленскай архідыяцэзіі з сядзібай у Беластоку, але вымушаны быў адмовіцца ад выканання гэтых абавязкаў у выніку супраціўлення ўладаў. Пасля смерці апостальскага адміністратара біскупа Адама Савіцкага зноў быў абраны капітульным вікарыям архідыяцэзіі. 6 ліпеня 1968 г. быў прызначаны апостальскім адміністратарам часткі Віленскай архідыяцэзіі, якая апынулася ў граніцах Польшчы, але праз некалькі месяцаў, 27 кастрычніка 1968 г. памёр [13, s. 170–171].

Пасля выезду ксяндза Сушыньскага з Язна абавязкі адміністратара парафіі і прэфекта школ з 10 жніўня 1928 г. выконваў ксёндз Аляксандр Сычэўскі (1890–1919–1976) [15, s. 229], у 1929–1930 гг. ксёндз Вітольд Банцэр, магістр тэалогіі, школьны катэхет [16, s. 53, 133], з 16 жніўня 1930 г. адміністратарам касцёла стаў ксёндз Аляксандр Лукашэвіч (1896–1925–1979) [17], а ў 1933–1936 гг. абавязкі пробашча парафіі выконваў ксёндз Ян Мяноўскі (02.07.1904–21.04.1929–24.04.1992) [18], [19, s. 79]. У 1936 г. адміністратарам парафіі стаў ксёндз Лявон Лаўцэвіч (27.02.1895–1919–1981) [20, s. 382]. 13 студзеня 1937 г. пробашчам парафіі быў прызначаны ксёндз Юзэф Круль (21.03.1906–4.06.1933–17.04.1944) [21].

На працягу 1930-ых г. мітрапаліт Рамуальд Ялбжыкоўскі тройчы наведаў парафію з кананічнай візітацыяй. Першая адбылася 30 жніўня 1930 г. а 8 гадзіне раніцы [22], другая – 13 чэрвеня 1935 г. а 17 гадзіне [23], трэцяя – 14 чэрвеня 1939 г. а 14 гадзіне [24, s. 34].

Ад часу ўтварэння парафіі колькасць вернікаў у ёй павялічвалася. У 1929 г. у парафіі налічвалася 800 парафіянаў [6, s. 50], у 1930 г. – 1233 [16, s. 53], у 1935 г. – 1429, [25, s. 54], 1939 – 1459 [26, s. 56]. У 1930 г. Завуцце, якое дагэтуль знаходзілася ў складзе Дзісенскай парафіі, увайшло ў склад парафіі Язна.

Касцёл у Язне месціўся ў драўляным доме, палова якога выкарыстоўвалася пад касцёл, другая – пад жыллё святару. Але вернікі хацелі, каб касцёл знаходзіўся ў асобным будынку, бо наракалі, што «падчас працэсіі каля кухні ходзім». У выніку пробашч парафіі ксёндз Юзэф Круль змабілізаваў мясцовых вернікаў, якія сабралі грошы на пабудову новага касцёла: у 1939 г. ужо быў заліты фундамент і прывезена цэгла. Месца пад новы касцёл было выбрана непадалёк ад старога. Яшчэ крыху і вернікі Язна мелі б новы каменны касцёл, але падзеі 17 верасня 1939 г. перакрэслілі ўсе планы парафіянаў. Праз некаторы час на фундаменце касцёла быў пабудаваны двухпавярховы дом, які стаіць на гэтым месцы і зараз. Гэты дом нумар 19 знаходзіцца ў аграгарадку Язна па вуліцы Клённай.

Тым часам 24 жніўня 1939 г. язенскі пробашч ксёндз Юзэф Круль атрымаў прызначэнне вайсковым капеланам, прымаючы ўдзел у верасеньскай кампаніі пасля чаго апынуўся ў Румыніі. Там на працягу некалькі месяцаў святар знаходзіўся у лагеры для інтэрнаваных. Затым як вайсковы капелан па чарзе знаходзіўся ў Нарвегіі, Францыі і Англіі і СССР. Загінуў падчас крушэння самалёта 17 красавіка 1944 г. [27].

Пасля выезду ксяндза Юзэфа Круля у кастрычніку 1939 г. адміністратарам парафіі Язна стаў айцец Пшэмыслаў (Зыгмунт Ян Тадэвуш) Ягельніцкі OFMConv (08.11.1913–16.08.1939–пасля 1969), у сакавіку 1940 г. да яго далучыўся брат Іпаліт Шостак OFMConv (1906–1957–06.01.1989), які выконваў у 1940–1941 гг. абавязкі сакрыстыяніна і арганіста. 29 чэрвеня

1941 г. францішкане былі арыштаваны і вывезены ў лагер у Табольск, адкуль былі вызвалены напрыканцы 1941 г. [28, s. 14]. У пасляваенны час айцец Пшэмыслаў апынуўся ў Англіі, а брат Іпаліт – у Італіі [28, s. 14].

Восенню 1939 г. у касцельным маёнтку была размешчана машынна-трактарная станцыя, якой былі перададзены ўсе пабудовы, у тым ліку і палова дома, дзе размяшчаўся касцёл. Тым не менш, яшчэ ў 1940–1941 гг. вернікі мелі магчымасць карыстацца касцельнай часткай дома [29, арк. 60].

Пасля арышту францішканаў у 1941 г. пробашчам парафіі стаў ксёндз Антоні Куява (10.03.1909–1937–02.05.1968). У 1943 г. святар быў арыштаваны і некалькі месяцаў правёў у турме ў Дзісне, пасля чаго быў вызвалены, дзякуючы намаганням парафіянаў [20, s. 356].

У перыяд нямецкай акупацыі касцёл у Язне дзейнічаў. Пасля вызвалення раёна ад акупантаў МТС зноў заняла частку парафіяльных памяшканняў [30, арк. 20].

Пасля таго, як 1944 г. МТС зноў забрала касцёл, ксёндз Антоні Куява пераехаў у парафію Мосар. Разам з парафіянамі ў 1946 г. святар запісаўся на выезд у Польшчу, але выехаць не здолеў [31, арк. 123]. Тым часам у Польшчы без дапамогі апынулася родная сястра святара, Ганна Куява, у якой на руках знаходзіўся 76-гадовы бацька і малодшая сястра, якая мела сур'ёзныя праблемы са здароўем. Знаходзячыся ў цяжкай матэрыяльнай сітуацыі, у верасні 1947 г. сястра святара звярнулася да біскупа Люцыяна Бярнацкага Гнезненскага суфрагана, калі той праводзіў кананічную візітацыю ў парафіі, дзе яна жыла. Ганна Куява прасіла перадаць ейную просьбу арцыбіскупаму Рамуальду Ялбжыкоўскаму Віленскаму мітрапаліту, каб той дазволіў яе брату, ксяндзу Куяву, вярнуцца ў Польшчу і дапамагчы сваёй сям'і. Біскуп Бярнацкі даслаў у гэтай справе ліст да арцыбіскупа Ялбжыкоўскага, але той адказаў, што ён не можа пазбавіць духоўнай апекі некалькі тысяч вернікаў, і ксёндз Куява застаецца ў сваёй парафіі. Аднак арцыбіскуп прапанаваў, каб мясцовы «Карытас» аказаў матэрыяльную дапамогу родным святара [32].

У выніку таго, што ў пасляваенны час з Язна выехала ў Польшчу шмат католікаў, у парафіі засталася толькі 150 каталіцкіх сем'яў. У 1945–1948 гг. парафіяй апекаваўся ксёндз Ян Літвінскі SJ (12.04.1900–12.06.1936–9.09.1955), езуіт усходняга абраду з парафіі ў Чарневічах, што знаходзілася ў 20 кіламетрах ад Язна. У Чарневічах ксёндз Літвінскі служыў з 1939 г., а да гэтага часу знаходзіўся ў кляштары ў Альберціне каля Слоніма [33, s. 369]. У 1947 г. ксёндз Літвінскі абслугоўваў чатыры парафіі – у в. Задарожжа, в. Лужкі, в. Чарневічы і в. Язна Полацкай вобласці [34, арк. 13]. Паколькі святар меў пад апекай некалькі парафій, службы ў Язне праводзіліся рэдка. Тым часам мясцовыя ўлады вырашылі забраць касцёл у вернікаў. У ліпені 1948 г. прадстаўнік райвыканкама запатрабаваў ад парафіянаў вызваліць касцёл ад касцельных рэчаў да 20 ліпеня, пагражаючы, што інакш уся маёмасць будзе выкінута з будынка [35, арк. 258]. У сваю чаргу вернікі накіравалі ў адрас упаўнаважанага Савета ў справах рэлігійных культаў пры Савеце Міністраў СССР па БССР заяву, каб уратаваць свой касцёл ад закрыцця, але выніку гэта не мела [35, арк. 259]. 8 снежня 1948 г. пастановай № 1011 Полацкага аблвыканкама касцёл у Язне быў закрыты і перададзены пад Дом соцкультуры, а жылы дом і два сараі былі перададзены Дзісенскай МТС [35, арк. 430]. Уся маёмасць з касцёла была перададзена ў касцёл у Задарожжа [30, арк. 20]. З закрыццём касцёла спыніла існаванне і Язненская парафія. Аб нібыта матывах закрыцця касцёла ў Язне ўпаўнаважаны Савета па справах рэлігійных культаў па Полацкай вобласці пісаў: «Дзісенскі райвыканкам улічыў, што размяшчэнне капліцы на адным двары і нават пад адным дахам з кватэрамі рабочых і служачых МТС па палітычных меркаваннях непажадана» [29, арк. 61]. Таксама матывам для ўпаўнаважанага было тое, што парафія налічвала невялікую колькасць вернікаў, у ёй няма сталага служыцеля культа, а бліжэйшыя касцёлы ў в. Мікалаёва і в. Празарокі знаходзяцца на адлегласці 13 і 14 кіламетраў, куды могуць даязджаць вернікі. 29 студзеня 1949 г. ўпаўнаважаны пісаў: «У в. Мікалаёва маецца дзейны касцёл, у якім ёсць ксёндз. У касцёле могуць маліцца да 2000 чалавек, што можа задаволіць духоўныя патрэбы 2-х парафій» [29, арк. 16]. 8 сакавіка 1949 г. ўпаўнаважаны Савета ў справах рэлігійных культаў па БССР зацвердзіў рашэнне Полацкага аблвыканкома аб перадачы будынка касцёла пад школу [36, арк. 21].

Тым часам спынялі сваю дзейнасць касцёлы ў наваколлі. У 1947 г. быў зачынены касцёл у Мікалаёве пасля таго, як Дзісенскі райвыканкам забараніў службы ў касцёле, пакуль у ім не будзе адрамантавана столь. Але смета рамонту складала 34350 рублёў, а такіх грошай у мясцовых парафіянаў не было [29, арк. 248]. Пробашч Мікалаёўскай парафіі айцец Антоні Зяралка OFMConv пераехаў у парафію Лужкі, дзе 6 студзеня 1950 г. быў арыштаваны [20, s. 671].

6 красавіка 1950 г. у Вялікі Чацвер быў арыштаваны пробашч парафіі Празарокі ксёндз Вікенцій Варша [37], пасля чаго касцёл быў закрыты, а затым ператвораны ў збожжасховішча. Спыніла сваё існаванне і парафія ў Дзісне. Парафіяльны касцёл быў моцна пашкоджаны ў 1941 і 1944 гг. У пасляваенны час мясцовыя католікі прыкладалі намаганні для аднаўлення касцёла, а тым часам прыстасавалі для малітвы будынак былой казармы. Аднак жаданне парафіянаў аднавіць касцёл сустрэла супраціў мясцовай улады, а ў 1951 г. увогуле было забаронена праводзіць службы ў прыстасаваным пад капліцу будынку.

Незайдросным аказаўся і лёс некалькіх святароў, якія калісьці працавалі ў Язненскім касцёле. У пасляваенны час пад апекай ксяндза Яна Мяноўскага, які служыў тады ў парафіі Рагозніца пад Ваўкавыскам, апынулася чатыры парафіі – акрамя Рагозніцы, яшчэ Крамяніца, Зэльва і Дзярэчын. Нягледзячы на націскі ўладаў, каб святар выехаў у Польшу, ён застаўся на месцы, а 20 жніўня 1947 г. быў арыштаваны. 10 кастрычніка 1947 г. ксёндз Ян Мяноўскі быў асуджаны паводле артыкула 72 «б» КК БССР на 10 гадоў пазбаўлення волі, 5 гадоў пазбаўлення грамадзянскіх правоў і канфіскацыю маёмасці. Вызвалены 25 снежня 1954 г. святар спярша выехаў на Украіну, але неўзабаве вярнуўся на Гродзеншчыну, у сваю парафію, адкуль у лістападзе 1958 г. быў вымушаны выехаць у Польшчу [20, s. 415–416].

У снежні 1949 г. у парафіі Барадзенічы быў арыштаваны ксёндз Лявон Лаўцэвіч. У 1950 г. святар быў асуджаны да зняволення ў сталінскіх лагерах, адкуль быў вызвалены ў 1955 г. Пасля вяртання з лагера святар не атрымаў рэгістрацыі ў Барадзенічах, адкуль быў вымушаны выехаць у Літву, дзе на працягу некалькіх гадоў дабіваўся ад ўладаў магчымасці рэгістрацыі на парафіі, гэта значыць легальна выконваць душпастырскае служэнне. Гэтую рэгістрацыю святар атрымаў толькі ў 1964 г. [20, s. 382–383].

16 студзеня 1949 г. у в. Мосар быў арыштаваны ксёндз Антоні Куява. Падчас следства ў Полацку святар спазнаў катаванні, калі яго пазбаўлялі сну на некалькі сутак. 21 мая 1949 г. ксёндз Куява быў асуджаны на падставе артыкулаў 63–1 і 72 «б» КК БССР на 25 гадоў пазбаўлення волі, 5 гадоў пазбаўлення грамадзянскіх правоў і канфіскацыю маёмасці. У пачатку лютага 1954 г. святар прыняў удзел у бунце вязняў у лагера Дзежказган, за што быў пакараны знаходжаннем на працягу 3 месяцаў у лагерным ізалятары. Ксёндз Куява вызваліўся з лагера напрыканцы 1955 г. [20, s. 356–357]. 1 снежня 1956 г. святар быў зарэгістраваны ў парафіі Воранава каля Ліды. Аднак упаўнаважаны быў незадаволены, што пасля прыезду святара ў парафіі моцна ажывілася рэлігійная актыўнасць вернікаў [38, арк. 103]. Прадстаўнікі мясцовых органаў улады ўвогуле лічылі, што святара трэба перавесці ў іншую парафію [38, арк. 104]. У выніку ў 1958 г. святар быў пазбаўлены рэгістрацыі [39, арк. 120], гэта значыць права служэння ў БССР і быў вымушаны выехаць у Польшчу.

Ксёндз Ян Літвінскі SJ, які з 1950 г. служыў у парафіі Задарожжа, хаця і пазбег арышту, быў праследаваны ўладамі і неаднаразова затрымліваўся міліцыяй і прадстаўнікамі НКУС [20, s. 378]. У адносінах да яго прымяняўся і падатковы ціск. У 1952 г., калі святар затрымаў выплату непамерных падаткаў, налічаных за касцёл, у яго апісалі маёмасць і апячаталі касцёл – гэта здарылася 23 лістапада. Толькі пасля выплаты падаткаў перад святамі Божага Нараджэння касцёл адчынілі [40, арк. 49]. У 1955 г. падчас Вялікодных святаў святар моцна захварэў і з таго часу больш у касцёл не прыходзіў, а 9 кастрычніка 1955 г. памёр.

Пасля закрыцця касцёла ў Язне мясцовыя вернікі даязджалі на імшу ў касцёлы ў Задарожжа і Мёры, аднак з прычыны немалой адлегласці здаралася гэта рэдка.

Пасля таго, як у Язне была пабудавана новая школа, будынак касцёла быў пералададзены калгасу «Язна». Яшчэ на 1 ліпеня 1984 г. у будынку былога касцёла былі размешчаны сталоўка, крама і клуб ПМК-47. Але неўзабаве ў цэнтры вёскі для гэтых мэтаў былі пабудаваны новыя каменныя будынкі, а стары драўляны будынак касцёла быў разабраны [41, арк. 5]. Зямля, на якой знаходзіўся касцёл, вяскоўцы занялі пад гарод.

У 1978 г. моцна пацярпелі ад рук чорных капальнікаў і вандалаў каталіцкія могількі, якія знаходзіліся паблізу касцёла. На гэтых могільках былі пахаваны некаторыя прадстаўнікі роду Корсакаў, тут жа знайшлі свой апошні прытулак польскія жаўнеры, што загінулі падчас польска-расійскай вайны ў 1920 г. Помнікі з пахаванняў Корсакаў былі знішчаны тымі, хто шукаў у іх каштоўнасці [42].

У 1989 г. пачала адраджацца парафія ў в. Празарокі, а ў 1990 г. – у Дзісне. З таго часу вернікі Язна мелі магчымасць даязджаць на імшу ў касцёлы ў гэтыя мясцовасці. Аднак парафія ў Язне не адрадзілася з прычыны малой колькасці каталікоў у наваколлі. Вёска, як і шмат гадоў таму, зноў увайшла ў склад Дзісенскай парафіі. Затое адрадзілася капліца ў в. Завуцце.

У пасляваенны час капліца ў в. Завуцце была разрабаваная, разабраная і перавезеная ў іншае месца, каб уладкаваць у ёй клуб. Пазней з клуба зрабілі жылую хату. Калі ў 1990-я гг. вернікі Завуцця ўзнялі пытанне аб вяртанні ім былой капліцы, гаспадар хаты яе прыватызаваў. Таму першыя службы ў Завуцці адбываліся ў хаце адной з мясцовых верніц, Уладзіславы Альхімовіч. У якасці кампенсацыі ў 1995 г. вернікі атрымалі ў сваё распараджэнне будынак старой пошты замест знішчанай у свой час капліцы. Літаральна за некалькі дзён верніцы Завуцця ўпарадкавалі стары будынак і 15 жніўня ва ўрачыстасць Унебаўзяцця Найсвяцейшай Панны Марыі ў новай капліцы цэлебраваў першую імшу ксёндз Вітальд Малей ІМК, ураджэнец паблізкай парафіі ў в. Дзеркаўшчына. Капліца мае тытул Святога Блажэя і Святой Кацярыны Сіенскай. Менавіта гэтая капліца стала цэнтрам рэлігійнага жыцця для вернікаў аграгарадка Язна.

Заклучэнне. Такім чынам, у гісторыі парафіі ў Язне можна выдзеліць два перыяды. Першы – 1926–1939 гг., калі парафія паўстала і паспяхова развівалася. Другі перыяд – 1939–1948 гг., гэта час паступовай ліквідацыі парафіі, які скончыўся забраннем касцёла ў вернікаў. Трагічна склаліся і лёсы некаторых святароў, што служылі ў Язненскай парафіі.

Нягледзячы на тое, што парафія Маці Божай Вастрабрамскай у Язне праіснавала толькі 20 гадоў, аднак яе кароткая гісторыя назаўсёды ўпісана ў гісторыю Каталіцкага Касцёла на Беларусі, бо менавіта тут распачынаў сваю душпастырскую дзейнасць ксёндз Уладзіслаў Сушыньскі, апостальскі адміністратар архідыяцэзіі ў Беластоку.

Літаратура

1. Synodus Dioecisana Vilmensis ab Illustrissimo, Excellentissimo ac Reverendissimo Domino D. Michaele Joanne Zienkovicz. Dei&Apoftolicae Sedis gratia Episkopo Vilmensi in Ecclesia Catedrali Sua, Anno Dni MDCCXLIV. Diebus 10.11.12. M. Febr : Celebrata. Typis Mandata Vilnae Sakr : Reg : Majestatis academ : Soc : JESU. – 194 s.
2. Dzisiaj // Wiadomości Archidiecezjalne Wileńskie. Dwutygodnik kapłanski. – 1927. – 10 września. – № 17. – S. 240.
3. Fibek, J. Dzieje parafii i klasztorów katolickich na Białorusi : w 2 cz. / J. Fibek. – Łomża : Zakon Braci Mniejszych Kapucynów, Prowincja Warszawska, 2016. – Część 1. Diecezja Witebska. Tom II. Zachodnia część diecezji Witebskiej. – 702 s.
4. Jazno // Wiadomości Archidiecezjalne Wileńskie. Dwutygodnik kapłanski. – 1927. – 10 maj. – № 9. – S. 123.
5. Catalogus ecclesiarum et cleri archidioecesis Vilmensis pro anno Domini 1928. – Vilnae : Typis «Znicz», 1928. – 150 s.
6. Catalogus ecclesiarum et cleri archidioecesis Vilmensis pro anno Domini 1929. – Vilnae : Excudebat Officina Typographica Archidioecisana, 1929. – 172 s.
7. X.V.L. Koronacja Obrazu Matki Boskiej Ostrobramskiej / X.V.L // Wiadomości Archidiecezjalne Wileńskie. Dwutygodnik kapłański. – 1927. – 10 lipca. – № 13. – S. 167–168.
8. Rozkład wizytacji Kanonicznej w archidiecezji wileńskiej w 1927 r. // Wiadomości Archidiecezjalne Wileńskie. Dwutygodnik kapłański. – 1927. – 10 kwietnia. – № 7. – S. 84.
9. Erekcja parafji w Jaznie // Wiadomości Archidiecezjalne Wileńskie. Dwutygodnik kapłański. – 1928. – 10 grudnia. – № 23. – S. 322–323.
10. Jazno (dek. miorski) // Wiadomości Archidiecezjalne Wileńskie. Dwutygodnik kapłański. – 1928. – 10–25 listopada. – № 21–22. – S. 316.

11. Przesunięcia personalne // Wiadomości Archidiecezjalne Wileńskie. Dwutygodnik kapłański. – 1927. – 25 sierpnia. – № 16. – S. 216.
12. Krahel, T. Suszyński Władysław / T. Krahel // Polski słownik biograficzny : w 53 t. – Warszawa–Kra­k­ow : Wydawnictwo Towarzystwa Naukowego «SOCIETAS VISTULANA». Fundacja na rzecz nauki polskiej, 2009–2010. – Tom XLVI. – S. 95–97.
13. Krahel, T. W czterdestą rocznicę śmierci bp. Adama Sawickiego i bp. Władysława Suszyńskiego / T. Krahel // Wiadomości Kościelne Archidiecezji Białostockiej. – 2008. – № 4. – S. 163–171.
14. Krahel, T. Biskup Władysław Suszyński / T. Krahel // W służbie miłosierdzia. – 2008. – № 3. – S. 14.
15. Przesunięcia personalne // Wiadomości Archidiecezjalne Wileńskie. Dwutygodnik kapłański. – 1928. – 10–25 sierpnia. – № 15–16. – S. 228–229.
16. Catalogus ecclesiarum et cleri archidioecesis Vilmensis pro anno Domini 1930. – Vilnae : Excudebat Officina Typographica Archidioecisana, 1930. – 178 s.
17. Przesunięcia personalne // Wiadomości Archidiecezjalne Wileńskie. Dwutygodnik kapłański. – 1930. – 10–25 sierpnia. – № 15–16. – S. 189–190.
18. Ruch personalny // Wiadomości Archidiecezjalne Wileńskie. Dwutygodnik kapłański. – 1933. – 10 maja. – № 9. – S. 116.
19. Ruch personalny // Wiadomości Archidiecezjalne Wileńskie. Dwutygodnik kapłański. – 1936. – 25 maja. – № 10. – S. 78–79.
20. Dzwonkowski, R. Leksykon duchowieństwa polskiego represjonowanego w ZSRS 1939–1988 / R. Dzwonkowski. – Lublin : Towarzystwo Naukowe Katolickiego Uniwersytetu Lubelskiego, 2003. – 856 s.
21. Ruch personalny // Wiadomości Archidiecezjalne Wileńskie. Dwutygodnik kapłański. – 1937. – 10–25 stycznia. – № 2. – S. 22.
22. Rozkład wizytacji Kanonicznej Jego Ekscelencji Ksiedza Arcybiskupa-Metropolity w jesieni 1930 roku // Wiadomości Archidiecezjalne Wileńskie. Dwutygodnik kapłański. – 1930. – 10–25 lipca. – № 13–14. – S. 173.
23. Dalszy ciąg wizytacji kanonicznej w archidiecezji wileńskiej. W miesiącu czerwcu 1935 roku // Wiadomości Archidiecezjalne Wileńskie. Dwutygodnik kapłański. – 1935. – 25 kwietnia. – № 8. – S. 107.
24. Rozkład wizytacji Kanonicznej J. E. Ks. Arcybiskupa-Metropolity w 1939 roku // Wiadomości Archidiecezjalne Wileńskie. Dwutygodnik kapłański. – 1939. – 10 lutego – № 3. – S. 34–35.
25. Catalogus ecclesiarum et cleri archidioecesis Vilmensis pro anno Domini 1935. – Vilnae, 1935. – 200 s.
26. Catalogus ecclesiarum et cleri archidioecesis Vilmensis pro anno Domini 1939. – Vilnae, 1939. – 210 s.
27. Krahel, T. Ksiądz Józef Król – kapelan spod Narwiku / T. Krahel // Czas miłosierdzia. – 2000. – № 9. – S. 14.
28. Krahel, T. Ojcowie franciszkanie z Jazna / T. Krahel // W służbie miłosierdzia. – 2004. – № 2. – S. 14.
29. Нацыянальны архіў Рэспублікі Беларусь (НАРБ). – Ф. 952. Воп. 1. Спр. 17.
30. НАРБ. – Ф. 952. Воп. 1. Спр. 10.
31. НАРБ. – Ф. 952. Воп. 2. Спр. 10.
32. Архідыяцэзіяльны Архіў у Беластоку (ААБ). – Папка «Kuria dokumenty 1945–1970». Лісты без нумарацыі.
33. Encyklopedia wiedzy o jezuitach na ziemiach Polski i Litwy 1564–1995 / Opracował Ludwik Grzeben SJ przy współpracy zespołu jezuitów ; aut. i red. działów Andrzej Paweł Bieś et al., współpr. nauk. i red. R. Darowski : Wydział Filozoficzny Towarzystwa Jezusowego, Instytut Kultury Religijnej : Wydawnictwo WAM. – Kraków, 1996. – 882 s.
34. Дзяржаўны архіў Віцебскай вобласці (ДАВВ). – Ф. 1439. Воп. 3. Спр. 114.
35. Нацыянальны архіў Рэспублікі Беларусь (НАРБ). – Ф. 952. Воп. 1. Спр. 13.
36. НАРБ. – Ф. 952. Воп. 2. Спр. 35.
37. Інтэрв'ю с Юзафом Крыжаноўскім, 1932 г. р., в. Празарокі, Глыбоцкі раён, 29 красавіка 2009 г.
38. Нацыянальны архіў Рэспублікі Беларусь (НАРБ). – Ф. 952. Воп. 4. Спр. 7.
39. НАРБ. – Ф. 952. Воп. 3. Спр. 11.
40. НАРБ. – Ф. 952. Воп. 1. Спр. 29.
41. ДАВВ. – Ф. 1439. Воп. 5. Спр. 45.
42. Касаты, Л. Укленчым ля магіл / Л. Касаты // Міёрскія навіны. – 2008. – 29 ліпеня. – С. 3.

Монгольское направление внешней политики Чжу Юаньчжана

С.А. ЛАПИЦКИЙ

В статье исследуются меры военного и дипломатического характера, применявшиеся императором Чжу Юаньчжаном в отношении остатков монгольской династии Юань. Китайский император Чжу Юаньчжан стремился обезопасить северную границу Китая от монгол и обезопасить трон династии Мин от претензий со стороны свергнутой династии Юань. Монгольские войска были серьёзным противником, с которым династия Мин не смогла покончить одним ударом. Но комбинация военной силы и традиционных китайских увещаний с интригами дало убедительный результат, пусть и растянутый во времени.

Ключевые слова: Китай, Монголия, Юньнань, Северная Юань, Империя Мин, Чжу Юаньчжан, история дипломатии Азии, внешняя политика Китая.

The article examines the military and diplomatic measures used by Emperor Zhu Yuanzhang against the remnants of the Mongol Yuan dynasty. The Chinese emperor Zhu Yuanzhang sought to secure the northern border of China from the Mongols and to secure the throne of the Ming dynasty from the claims of the overthrown Yuan dynasty. The Mongol troops were a serious enemy that the Ming dynasty could not end with one blow. But the combination of military force and traditional Chinese exhortations with intrigue produced convincing results, albeit stretched out over time.

Keywords: China, Mongolia, Yunnan, Northern Yuan, Ming Empire, Zhu Yuanzhang, history of diplomacy in Asia, foreign policy of China.

Шедшее в 1351–1368 гг. Восстание красных повязок привело к победе восставших над монгольской династией Юань и установлению национальной династии Мин. Однако, победителям не удалось взять под контроль все территории, принадлежавшие предшественникам. Отступившие силы Юань не только оставались грозной военной силой, но и явной угрозой легитимности, т. к. продолжали, даже одним своим именем Юань, претендовать на власть над всем Китаем. Династия Мин, подчеркивая своё отличие от обанкротившейся монгольской династии, следовала в русле китайской политической традиции. Решительные экспедиции вглубь вражеской территории подкреплялись не миролюбивой риторикой, а миротворческими шагами, способствовавшими инкорпорации как юаньских элит, так и монгольских племён в новое государство.

Утверждение Чжу Юаньчжаном в январе 1368 г. на престоле императора Китая, и даже захват старой юаньской столицы Пекина, не означало прекращения войн. Наибольшей угрозой свежее утвердившийся в Китае двор видел войска остатки династии Юань как отошедших на север, так и укрепившихся в провинциях. Поэтому южное направление в международной политике оказалось в начальный период второстепенным, и там с успехом обходились дипломатическими средствами [1, с. 308], в то время как на севере шла непрерывная манёвренная война [2, р. 128], [3]. В то же время захват северной столицы и выход к Великой Стене означали фактическое и символическое превращение войны из вопроса внутренней политики в вопрос внешней [4, р. 98–99].

Превращение Чжу Юаньчжана из повстанческого вожака в императора Поднебесной обязывало соответствующим образом относиться к окружающим, т. е., как к своим подданным, которых требуется убеждать следовать Путям Неба и оберегать от различных угроз. В связи с этим, а так же с тем, что несмотря на миролюбивую риторику Мин вели активные войны, различным странам были направлены прокламации, разъясняющие ситуацию в Китае и линию действий императора. Виновником всех бедствий объявлялся Тогон-Тимур – «распутник и бездельник, не придающий внимания народу». В противодействии Тогон-Тимуру и подобным ему, которые удерживали «на всех четырёх частях света из десяти префектур восемь или девять», и были собраны армии [3].

Особым моментом в выстраивании отношений повелителя Китая с «неразумными подданными» было демонстративное уважение к предыдущей династии, пускай и не ко всем её

представителям лично, ведь «основатели династии Юань завоевали честь служением другим. Однако их потомки не испытывали сочувствия к страданиям людей. Небеса пресытились ими, изгнали их». В то же время, печальный пример свергнутой династии подталкивал к более осторожным действиям по отношению к укрепившимся на севере монголам династии Юань: «Когда предыдущие династии свергались, это происходило потому, что они безрассудно устраивали резню, бросали вызов Небесам и угнетали людей [...] Когда мои генералы покоряют города, они не должны сжигать и грабить, не должны бросаться на бойню. Пусть будет дана полная защита членам [...] клана Юань и семьям супругов [...]. Это [...] будет способствовать моей цели – вытеснить злодеев и дать мир людям. Те, кто не станет соблюдать [мой] указ, будут отстранены от должности без надежды на прощение» [5]. В соответствии с устоявшейся традицией и выбранным курсом по отношению к свергнутой династии, в 1369 г. начато составление «Истории династии Юань» – Юань Ши [6]. Признавая законность юаньской династии в прошлом, Чжу Юаньчжан требовал от монгол признания законности минской династии в настоящем [4, р. 102].

Но это не отменяло ведения активных боевых действий. В апреле 1369 г. разгромлены силы Юань в провинции Сиань, в июле взята летняя столица Юань Шанду [2, р. 116–117]. В июне 1370 был взят Инчан, важный город северного Китая и последняя юаньская крепость на границе со степью. Тогон-Тимур умирает (возможно, отравлен), его сын Айюшилидала (Беликт-хан) бежал на север, а войскам Мин достались, кроме 50 тыс. пленных, наследный принц, внук Тогон-Тимура, Майдирибала [7], [8]. В Мин Ши отмечается, что разгрому юаньских войск способствовал переход на сторону Мин монгольских командиров [9]. В 1371 г. без боя сдался начальник обороны Ляояна [10, с. 123].

А уже в июле Майдирибала не только был ласково принят при дворе, но и получил титул и имение в пригороде тогдашней столицы Нанкина [2, р. 123]. Всё это – во имя «следования путям, которыми предыдущие императоры правили всем под Небесами» [3]. В этом же духе была переписана стела, посвящённая победам над монголами. Излишне, как указано в Мин Ши, «бахвальский» тон был осуждён императором: «Династия Юань правила Китаем столетие. И мои отец и мать, и ваши полагались на них в своём благополучии» [11]. Однако, захват Майдирибалы не дал в руки династии Мин серьёзный рычаг воздействия – авторитет Айюшилидала и ханской власти не был достаточно высок, чтобы монгольские вожди и наиболее боеспособный из военачальников Айюшилидала Куку-Тимур (Вань Бао-Бао) [2, р. 128] подчинилась приказу прекратить вражду [4, р. 102]. Куку-Тимур оставался одной из самых больших угроз степи для Китая, не помогли ни письма с предложением о переходе на сторону Мин [8], ни даже женитьба в октябре 1371 г. между младшей сестрой Куку-Тимура и старшим сыном Чжу Юаньчжана [2, р. 128].

Экспедиция 1372 г. не принесла успеха Мин [12, р. 225]. Отошедшие на север монголы под руководством Куку-Тимура сумели перегруппировать силы, а китайские войска не смогли успешно действовать в отрыве от баз в тяжёлых условиях пустыни Гоби и монгольских степей [12, р. 226]. Самым тяжёлым поражением была неудачная экспедиция на Каракорум, окончившаяся тяжёлым отступлением под постоянными атаками юаньской конницы [2, р. 128–129], [10, с. 113], [13], [14]. Поражение пало на голову возможно крупнейшей по количеству войск экспедиции, успех которой мог установить власть Чжу Юаньчжана не только в самом Китае, но и в степях [4, р. 103]. Империи Мин пришлось перейти к обороне и начать строительство крепостей и организацию «военных поселений» на границе, сосредоточившись на ликвидации очагов сопротивления внутри страны. В 1373 г. северо-восточная граница Мин подвергалась постоянным набегам, из-за действий Юань пришлось оставить два округа в Цзиньчжоу и эвакуировать оттуда население [15].

В 1374 г. Чжу Юаньчжан проводит серию ответных экспедиций с целью окончательного разгрома юаньских сил. На северо-западной границе захвачен ряд городов, разграблено множество монгольских стоянок, убиты родственники правящего хана [16], [17]. На волне этих побед император Чжу Юаньчжан прибегает к демонстрации миролюбия. В октябре пленённый царевич Майдирибала был отпущен в степь с предложением мира [18], [19]. Его отец в это время уже был сильно болен, большинство авторитетных вождей погибло в войнах или интригах. Куку-Тимур, разбивший войска Мин в 1372 г. и обладавший огромным авторитетом в степи, умер в сентябре 1375 г. [2, р. 126], [10, с. 123].

Ответ на предложение Мин последовал в декабре того же года в виде набега под руководством темника Нагачу [20]. Сам Нагачу был забавным продуктом антиюаньской войны Чжу Юаньчжана – захваченный в плен в 1355 г. он был отпущен в качестве жеста доброй воли в не оправдавшей себя попытке на урегулирование отношений с ещё непобеждённой династией [21, р. 25], [22], [23]. Это и второе нападение на Яньань под руководством военачальника Боянь Тимура, имевшее место в июле-августе 1376 г. [24], остались единственными до смерти хана Айюшилидала, когда новый хан Тогусы-Тимур (Усхал-хан) [25, с. 33] начал собирать силы в Каракоруме.

Воспользовавшись ослаблением Юань из-за внутренних неурядиц и собственных интриг, в 1375 г. Чжу Юаньчжан занял район Ганьсу-Нинся и привлек на свою сторону цянские племена и дунган северо-запада, дав каждому из вождей звания тусы или княжеские титулы. Не угрожавшее монголам напрямую это действие сильно укрепило позиции Мин в регионе [10, с. 123]. Если темник Нагачу успешно воевал против Китая, то в июле 1376 г. удалось захватить Боянь Тимура, склонив к сотрудничеству двух его подчинённых [2, р. 130]. В то же время император Мин не отказывался от демонстрации дружелюбия. Так, после смерти в апреле-мае 1378 г. хана Айюшилидала [26] ко двору юаньских правителей были направлены послы для молитв по покойному правителю [27].

Новый хан Тогусы-Тимур не стал полагаться на слово императора Мин и, едва заняв трон, снова начал консолидировать войска и организовывать набеги. Как и Чжу Юаньчжан, он заявлял о себе как о единственном законном наследнике правления Юань и единственном законном правителе всего Китая. Сын предыдущего хана Майдирибала был отослан обратно в Китай [4, р. 103]. Однако решительные действия империи Мин привели к тому, что Юань 15 июня 1380 г. [28] была вынуждена дать генеральное сражение, которое было ими проиграно – в плен попало множество людей и несколько полководцев [29]. В том же году 16 декабря в оборонительном бою была разбита ещё одна крупная армия Юань, так же потерявшая своего полководца пленённым [30].

Несмотря на непрекращающиеся боевые действия, угроза всеокрушающего удара из степей была уже снята. Смерть Куку-Тимура в 1375 г. запустила процесс разложения – ни один из последующих военачальников не мог сравниться с ним в способности консолидировать силы степи. Это позволило Мин отвлечь силы на установление своей власти в других регионах, ограничившись на севере постепенным вытеснением врага и закреплением с помощью фортов [10, с. 123–124].

Завершалось покорение южной базы юаньской династии провинции Юньнань. Сложный по этническому составу регион провинция Юньнань не была единой. Первые послы, склонявшие племенную знать к союзу с Мин, появились ещё в 1369 г. Попытки мирных переговоров с юаньским принцем, укрепившимся в Лиане, продолжавшиеся до 1375 г., оканчивались неизменно плохо – как минимум два китайских посла было казнено [2, р. 118, 143–144]. С другой стороны, пусть не сразу, но значительная часть Юньнана, управляемая туземными князьями, перешла в подданство Мин добровольно [10, с. 121–122]. 27 января 1381 г. началась экспедиция [31], а уже 9 мая того же года в крупной победе была не только разбита юаньская армия, но и было приведено к покорности 4 племени, ранее поддерживавших Юань [32]. 2 января 1382 г. были разбиты войска самостоятельного хана Пачалаваерми, который сумел сбежать и, как сообщает Мин Ши, 6 января покончил с собой [33], остатки лояльных Юань туземных сил капитулировали в апреле того же года [2, р. 146]. Но хотя армии юаньской династии громились, а туземные вожди гибли, Чжу Юаньчжан продолжал неукоснительно придерживаться выбранной политики – семьи побеждённых с почестями принимались в Китае [34].

После этого Чжу Юаньчжан был сильно отвлечён на вопросы внутренней политики. Внимание на внешнюю политику вновь было обращено только в 1385 г. На севере в это время совершал набеги укрепившийся в юго-восточной Монголии Нагачу, против которого начала формироваться свежая армия. Её выступление серьёзно сдерживалось боями на других окраинах Мин, и поэтому войска выступили лишь в январе 1387 г. [2, р. 157], [35], [36].

Продвижение китайских войск сопровождалось организацией поселений и обустройством крепостей. Пока шло строительство, китайские войска ограничивались набегами на монгол и уводом лошадей и пленных [2, р. 157–158]. Только убедившись в защищённости

тылов, в марте армия двинулась на Цзиньчжоу [37], [38]. Мощная армия Нагачу оказалась заперта на Ляодунском полуострове. Уверенные в своих силах, китайские генералы начали переговоры. 10 июля к Нагачу был послан его бывший сторонник Найлау, пленённый в 1376 г., и с тех пор служивший минской династии. Видимо, этот шаг был достаточно успешен, потому как после обмена посланниками, 14 июля Нагачу со свитой прибыл в китайский лагерь, откуда они были отправлены в Китай. Подчинённая ему орда была принята под руку китайского императора. Сам Нагачу получил титул, владение и дом в Нанкине, а более 6500 его родственников и приближенных осели в Китае [2, р. 158] [39], [40]. Его уже бывшее владение было преобразовано в «три округа Урянха» [41, с. 180].

По приказу императора началось укрепление новых границ. По сути, создавалась новая Великая стена для защиты старой [10, с. 124]. Оставшиеся юаньские силы, в том числе и не принявшие китайского господства бывшие подданные Нагачу, начали стекаться под знамёна хана Тогусы-Тимура, укрепившегося возле крупного пресноводного озера Буйр [42]. 11 ноября выступила китайская экспедиция, которой предстояло пройти через пустыню Гоби, дабы разбить монгольского хана [43].

18 мая 1388 г. состоялся бой у озера Буйр [44]. Китайские войска шли со всеми мыслимыми предосторожностями и сумели застать ставку хана врасплох. Разгром Тогусы-Тимура был полным [42], [45]. Материальные, ресурсные и людские потери («захватил... десятки и десятки тысяч» [44]) меркнут перед репутационными, которые понёс Тогусы-Тимур. Он и его старший сын Тяньбаону спаслись, но его младший сын Дибану, жёны, наложницы и прочие дети достались китайцам в качестве трофея [42], [45]. Сам Тогусы-Тимур ненадолго пережил своё ханство – уже при отступлении остатки его войск были встречены войсками юаньского царевича Есудара (Есу Тимура [46]), который без особого труда рассеял или захватил силы Тогусы-Тимура. Не совсем понятно, был ли Тогусы-Тимур захвачен в плен или сумел сбежать, был он задушен, зарезан или отравлен, сделали ли это его враги или его приближённые. Тогусы-Тимур погиб, а власть над степью перешла к Есудару лишь до его смерти в этом же году [2, р. 159], [25, с. 33]. После этого в самой Монголии также беспрерывно происходили государственные перевороты и мятежи, и ее силы убывали. Непосредственная угроза монгол исчезла на годы вперёд [10, с. 124].

1389 г. прошёл для Китая в упрочнении внутреннего положения и борьбе с мятежами [2, р. 160–161]. Лишь в 1390 г. начались новые экспедиции против Юань [2, р. 161], [47]. Целью выступившей 19 января экспедиции были бывший юаньский канцлер Яо-чу (Алу Тимур) и его подданный темник Наиль Пухуа [2, р. 161], [47], [48], [49]. Компания завершилась быстро – заблокированные возле горы И-ту после переговоров с посланниками из числа состоявших на китайской службе монгол юаньские войска капитулировали уже 15 апреля [48], [49]. В экспедиции 1391 г., длившейся с февраля по май, наносится ещё более чувствительный удар, после которого на северной границе наступает пятилетнее затишье [50], [51], [52]. Лишь в 1396 г. имел место поход под руководством будущего императора Чжу Ди, окончившийся разгромом юаньских войск и пленением их лидера Болин Тимура, после чего Чжу Ди преследовал оставшихся врагов вглубь урянхайских территорий, где разбил их вновь [2, р. 178], [53]. До 1400 г. на престоле побывало не менее пяти ханов [54], и только около 1403 г. ханский престол захватил Гуйличи, который не принадлежал к прежде правившему дому потомков Чингис-хана. Он переименовал монгольское государство в Дадань, что знаменовало окончательное падение влияния в монгольских степях прежде правившей в Китае монгольской династии Юань [55].

Таким образом, несмотря на сложность задачи, император Чжу Юаньчжан с успехом добился главной цели – обезопасить северную границу Китая. Военные средства, не давшие желаемого быстрого результата, выступали подспорьем средствам дипломатического характера. Упрочнение позиций Мин на севере происходило не за счёт чисто военной силы, а за счёт комбинации мер по разгрому врага, организации крепостей, переселения крестьян, привлечения кочевников и их лидеров. Юаньский двор лишился возможности претендовать на трон Китая, утратил влияние и авторитет в степи, и оказался отброшен конкурентами из других монгольских династий. Династия Мин окончательно утвердилась на китайском троне.

Литература

1. Wang, G. Ming foreign relations: Southeast Asia / G. Wang // Cambridge History of China : in 15 vol. / D. Twitchett, F. W. Mote. – Cambridge : Cambridge University Press, 1980. – Vol. 8. The Ming Dynasty, 1368–1644. Part 2. – P. 301–332.
2. Langlois, J. D. The Hung-wu reign, 1368–1398 / J. D. Langlois // Cambridge History of China : in 15 vol. / D. Twitchett, F. W. Mote. – Cambridge : Cambridge University Press, 1980. – Vol. 7. The Ming Dynasty, 1368–1644. Part 1. – P. 107–181.
3. Tai-zu : juan 53.9a-b Zhong-yang Yan-jiu yuan Ming Shi-lu [Electronic resource]. – Mode of access : <http://epress.nus.edu.sg/msl/reign/hong-wu/year-3-month-6-day-21>. – Date of access : 22.02. 2019.
4. Dreyer, E. L. Military origins of Ming China / E. L. Dreyer // Cambridge History of China : in 15 vol. / D. Twitchett, F. W. Mote. – Cambridge : Cambridge University Press, 1980. – Vol. 7. The Ming Dynasty, 1368–1644. Part 1. – P. 58–106.
5. Ming T'ai-tsu : juan 2.146 Ming Shi // The Basic Annals of Ming T'ai-tsu. – San-Francisco : Chinese Materials Center, inc., 1975. – P. 59.
6. Ming T'ai-tsu : juan 2.164 Ming Shi // The Basic Annals of Ming T'ai-tsu. – San-Francisco : Chinese Materials Center, inc., 1975. – P. 63.
7. Ming T'ai-tsu : juan 2.203 Ming Shi // The Basic Annals of Ming T'ai-tsu. – San-Francisco : Chinese Materials Center, inc., 1975. – P. 66.
8. Да-дань : цзюань 327, лист 1 Мин Ши // История восточных монголов в период династии Мин. 1368–1634 / Д. Покотилова. – СПб. : Тип. Имп. Академии Наук, 1893. – С. 3–4.
9. Би. Чань-юй-чуня : цзюань 125, лист 4 Мин Ши // История восточных монголов в период династии Мин. 1368–1634 / Д. Покотилова. – СПб. : Тип. Имп. Академии Наук, 1893. – С. 2–3.
10. У Хань. Жизнеописание Чжу Юаньчжана / пер. с кит. А. И. Желуховцев, Л. А. Боровковая, Н. Ц. Мункуев ; ред. В. П. Илюшечкин. – М. : Прогресс, 1980. – 241 с.
11. Ming T'ai-tsu : juan 2.208 Ming Shi // The Basic Annals of Ming T'ai-tsu / R. Taylor. – San-Francisco : Chinese Materials Center, inc., 1975. – P. 67.
12. Rossabi, M. The Ming and Inner Asia / M. Rossabi // Cambridge History of China : in 15 vol. / D. Twitchett, F. W. Mote. – Cambridge : Cambridge University Press, 1980. – Vol. 8. The Ming Dynasty, 1368–1644. Part 2. – P. 221–271.
13. Да-дань : цзюань 327, лист 2 Мин Ши // История восточных монголов в период династии Мин. 1368–1634 / Д. Покотилова. – СПб. : Тип. Имп. Академии Наук, 1893. – С. 6.
14. Би. Ли-вэнь-чжуна : цзюань 126, лист 5 Мин Ши // История восточных монголов в период династии Мин. 1368–1634 / Д. Покотилова. – СПб. : Тип. Имп. Академии Наук, 1893. – С. 6.
15. Да-дань : цзюань 327, лист 2 Мин Ши // История восточных монголов в период династии Мин. 1368–1634 / Д. Покотилова. – СПб. : Тип. Имп. Академии Наук, 1893. – С. 6–7.
16. Бэнь-ци : цзюань 2, лист 11 Мин Ши // История восточных монголов в период династии Мин. 1368–1634. / Д. Покотилова. – СПб. : Тип. Имп. Академии Наук, 1893. – С. 7.
17. Би. Ли-вэнь-чжуна : цзюань 126, лист 5 Мин Ши // История восточных монголов в период династии Мин. 1368–1634 / Д. Покотилова. – СПб. : Тип. Имп. Академии Наук, 1893. – С. 7.
18. Да-дань : цзюань 327, лист 2 Мин Ши // История восточных монголов в период династии Мин. 1368–1634 / Д. Покотилова. – СПб. : Тип. Имп. Академии Наук, 1893. – С. 8.
19. Ming T'ai-tsu : juan 2.315 Ming Shi // The Basic Annals of Ming T'ai-tsu / R. Taylor. – San-Francisco : Chinese Materials Center, inc., 1975. – P. 77–78.
20. Ming T'ai-tsu : juan 2.316 Ming Shi // The Basic Annals of Ming T'ai-tsu / R. Taylor. – San-Francisco : Chinese Materials Center, inc., 1975. – P. 78.
21. Mote, F. W. The rise of the Ming Dynasty / F. W. Mote // Cambridge History of China: in 15 vol. / D. Twitchett, F. W. Mote. – Cambridge : Cambridge University Press, 1980. – Vol. 7. The Ming Dynasty, 1368–1644. Part 1. – P. 11–57.
22. Ming T'ai-tsu : juan 1.21 Ming Shi // The Basic Annals of Ming T'ai-tsu / R. Taylor. – San-Francisco : Chinese Materials Center, inc., 1975. – P. 36.
23. Ming T'ai-tsu : juan 1.24 Ming Shi // The Basic Annals of Ming T'ai-tsu / R. Taylor. – San-Francisco : Chinese Materials Center, inc., 1975. – P. 37.
24. Ming T'ai-tsu : juan 2.356 Ming Shi // The Basic Annals of Ming T'ai-tsu / R. Taylor. – San-Francisco : Chinese Materials Center, inc., 1975. – P. 81.
25. Почекаев, Р. Ю. Узурпаторы и самозванцы «степных империй». История тюрко-монгольских государств в переворотах, мятежах и иностранных завоеваниях / Р. Ю. Почекаев. – СПб. : Евразия, 2016. – 378 с.
26. Ming T'ai-tsu : juan 2.394 Ming Shi // The Basic Annals of Ming T'ai-tsu / R. Taylor. – San-Francisco : Chinese Materials Center, inc., 1975. – P. 84.
27. Ming T'ai-tsu : juan 2.396 Ming Shi // The Basic Annals of Ming T'ai-tsu / R. Taylor. – San-Francisco : Chinese Materials Center, inc., 1975. – P. 84.

28. Ming T'ai-tsu : juan 2.431 Ming Shi // The Basic Annals of Ming T'ai-tsu / R. Taylor. – San-Francisco : Chinese Materials Center, inc., 1975. – P. 87.
29. Да-дань : цзюань 327, лист 2–3 Мин Ши // История восточных монголов в период династии Мин. 1368–1634 / Д. Покотиловъ. – СПб. : Тип. Имп. Академіи Наукъ, 1893. – С. 9.
30. Ming T'ai-tsu : juan 2.443 Ming Shi // The Basic Annals of Ming T'ai-tsu / R. Taylor. – San-Francisco : Chinese Materials Center, inc., 1975. – P. 88.
31. Ming T'ai-tsu : juan 2.447 Ming Shi // The Basic Annals of Ming T'ai-tsu / R. Taylor. – San-Francisco : Chinese Materials Center, inc., 1975. – P. 89.
32. Ming T'ai-tsu : juan 2.456 Ming Shi // The Basic Annals of Ming T'ai-tsu / R. Taylor. – San-Francisco : Chinese Materials Center, inc., 1975. – P. 89.
33. Ming T'ai-tsu : juan 2.471 Ming Shi // The Basic Annals of Ming T'ai-tsu / R. Taylor. – San-Francisco : Chinese Materials Center, inc., 1975. – P. 90.
34. Ming T'ai-tsu : juan 3.482 Ming Shi // The Basic Annals of Ming T'ai-tsu / R. Taylor. – San-Francisco : Chinese Materials Center, inc., 1975. – P. 91.
35. Ming T'ai-tsu : juan 3.583 Ming Shi // The Basic Annals of Ming T'ai-tsu / R. Taylor. – San-Francisco : Chinese Materials Center, inc., 1975. – P. 100.
36. Да-дань : цзюань 327, лист 3 Мин Ши // История восточных монголов в период династии Мин. 1368–1634 / Д. Покотиловъ. – СПб. : Тип. Имп. Академіи Наукъ, 1893. – С. 10.
37. Бэнь-цзи : цзюань 3, лист 5 Мин Ши // История восточных монголов в период династии Мин. 1368–1634 / Д. Покотиловъ. – СПб. : Тип. Имп. Академіи Наукъ, 1893. – С. 10.
38. Ming T'ai-tsu : juan 3.588 Ming Shi // The Basic Annals of Ming T'ai-tsu / R. Taylor. – San-Francisco : Chinese Materials Center, inc., 1975. – P. 101.
39. Ming T'ai-tsu : juan 3.592 Ming Shi // The Basic Annals of Ming T'ai-tsu / R. Taylor. – San-Francisco : Chinese Materials Center, inc., 1975. – P. 101.
40. Да-дань : цзюань 327, лист 3 Мин Ши // История восточных монголов в период династии Мин. 1368–1634 / Д. Покотиловъ. – СПб. : Тип. Имп. Академіи Наукъ, 1893. – С. 10–11.
41. Окладников, А. П. История Монгольской Народной Республики / А. П. Окладников, Ш. Бира. – М. : Наука, 1983. – 666 с.
42. Да-дань : цзюань 327, лист 4 Мин Ши // История восточных монголов в период династии Мин. 1368–1634 / Д. Покотиловъ. – СПб. : Тип. Имп. Академіи Наукъ, 1893. – С. 12–13.
43. Ming T'ai-tsu : juan 3.598 Ming Shi // The Basic Annals of Ming T'ai-tsu / R. Taylor. – San-Francisco : Chinese Materials Center, inc., 1975. – P. 101.
44. Ming T'ai-tsu : juan 3.612 Ming Shi // The Basic Annals of Ming T'ai-tsu / R. Taylor. – San-Francisco : Chinese Materials Center, inc., 1975. – P. 103.
45. Би. Ланьюя : цзюань 133, лист 7 Мин Ши // История восточных монголов в период династии Мин. 1368–1634 / Д. Покотиловъ. – СПб. : Тип. Имп. Академіи Наукъ, 1893. – С. 12–13.
46. Ming T'ai-tsu : juan 3.647 Ming Shi // The Basic Annals of Ming T'ai-tsu / R. Taylor. – San-Francisco : Chinese Materials Center, inc., 1975. – P. 105.
47. Ming T'ai-tsu : juan 3.648 Ming Shi // The Basic Annals of Ming T'ai-tsu / R. Taylor. – San-Francisco : Chinese Materials Center, inc., 1975. – P. 105–106.
48. Да-дань : цзюань 327, лист 5 Мин Ши // История восточных монголов в период династии Мин. 1368–1634 / Д. Покотиловъ. – СПб. : Тип. Имп. Академіи Наукъ, 1893. – С. 16.
49. Ming T'ai-tsu : juan 3.656 Ming Shi // The Basic Annals of Ming T'ai-tsu / R. Taylor. – San-Francisco : Chinese Materials Center, inc., 1975. – P. 106.
50. Би. Фу-ю-дэ : цзюань 129, лист 9 Мин Ши // История восточных монголов в период династии Мин. 1368–1634 / Д. Покотиловъ. – СПб. : Тип. Имп. Академіи Наукъ, 1893. – С. 16.
51. Ming T'ai-tsu : juan 3.676 Ming Shi // The Basic Annals of Ming T'ai-tsu / R. Taylor. – San-Francisco : Chinese Materials Center, inc., 1975. – P. 108.
52. Ming T'ai-tsu : juan 3.684 Ming Shi // The Basic Annals of Ming T'ai-tsu / R. Taylor. – San-Francisco : Chinese Materials Center, inc., 1975. – P. 108.
53. У-бянь-дянь-цзэ : цзюань 327, лист 5 // История восточных монголов в период династии Мин. 1368–1634 / Д. Покотиловъ. – СПб. : Тип. Имп. Академіи Наукъ, 1893. – С. 16–17.
54. Да-дань : цзюань 327, лист 5 Мин Ши // История восточных монголов в период династии Мин. 1368–1634 / Д. Покотиловъ. – СПб. : Тип. Имп. Академіи Наукъ, 1893. – С. 14.
55. Да-дань : цзюань 327, лист 5 Мин Ши // История восточных монголов в период династии Мин. 1368–1634 / Д. Покотиловъ. – СПб. : Тип. Имп. Академіи Наукъ, 1893. – С. 32.

УДК 930(476)"20":94:327((47+57)+430)"1918-1922"

Советско-германские отношения от Бреста до Рапалло в белорусской историографии

С.Н. РОЖКОВА

В статье дана характеристика советского и постсоветского периодов в развитии белорусской историографии советско-германских отношений от аннулирования Брестского мирного договора до заключения Рапалльского договора. Выявлены концепции, разработанные белорусскими историками, которые объясняют характер и динамику советско-германских отношений в указанный период.

Ключевые слова: Брестский мир, Рапалльский договор, Советская Россия, Германия, белорусская историография, международные отношения.

The article describes the Soviet and post-Soviet periods in the development of Belarusian historiography of Soviet-German relations from the annulment of the Brest Peace Treaty to the conclusion of the Rapallo Treaty. The concepts developed by Belarusian historians that explain the nature and dynamics of Soviet-German relations during this period are revealed.

Keywords: the Brest Peace, the Rapallo Treaty, Soviet Russia, Germany, Belarusian historiography, international relations.

Советско-германские отношения всегда были в центре внимания белорусских историков как в советский, так и в постсоветский периоды. В белорусской историографии изучение истории Германии началось еще 1920–1930-е гг. Первыми центрами исторических исследований в БССР стали Белорусский государственный университет и Институт белорусской культуры. В это время начали изучение новой и новейшей истории Германии такие белорусские исследователи, как В.Н. Перцев, Е. Ривлин, Н.М. Коноплин. А с 1950-х гг. кафедра новой и новейшей истории БГУ, созданная еще в 1937 г., стала центром исследований по новой и новейшей истории, в т. ч. и Германии [1, с. 205–206].

Одним из первых исследований, посвященных разработке периодизации современного периода исторической германистики в белорусской историографии, стала работа Г.А. Космача. Он определил в развитии современной белорусской германистики три этапа. Первый этап охватывает период с середины 1950 до конца 1960-х гг. Автор отмечает, что в это время сформировалась научная школа германистов, которую возглавили Л.М. Шнеерсон и Г.М. Трухнов. Они подготовили более 20 белорусских ученых-германистов. На этом этапе работали также такие крупные специалисты в области германской истории, как Н.П. Полетика, Д.С. Климовский, М.Г. Елисеев, Т.А. Кургуныян. По мнению Г.А. Космача, второй этап охватывает период с 1970 до середины 1980-х, во время которого белорусская германистика развивалась более интенсивно, чем на первом этапе. Различные вопросы германской истории стали изучать в Институте истории АН БССР, на кафедрах всеобщей истории Гомельского и Гродненского университетов, Минского пединститута и других вузов. Исследователь выделяет на этом этапе как особо значимые работы Г.М. Трухнова, изучавшего историю советско-германских отношений 1920-х гг. [2, с. 3]. Характеризуя научную тематику белорусской германистики, Г.А. Космач пишет: «Ряд белорусских германистов исследовали проблемы немецкого рабочего и молодежного движения накануне и годы Первой мировой войны (Л.Н. Гаранин, О.Г. Радькова, М.А. Беспалая), партийно-политической структуры Веймарской республики (Г.А. Космач), германской внешней политики в 1914–1918 гг. и в межвоенный период (А.М. Бабков, Т.И. Повалихина, С.И. Филиппенко, Д.С. Климовский), профсоюзного движения Веймарской Германии (П.А. Шупляк)...». С конца 1970 начала 1980 гг. в связи с вмешательством партийных структур в процесс подготовки научных кадров прослеживаются трудности в развитии белорусской школы германистики, отмечает Г.А. Космач. К тому же был ограничен доступ к архивным документам. Все это отрицательно сказалось на состоянии белорусской германистики в данный период [2, с. 5]. Третий этап в развитии белорусской германистики, по мнению Г.А. Космача, начинается с середины

1980-х гг. На этом этапе прослеживается переосмысление основ исторической науки и переоценка прежних взглядов. Автор статьи выделяет научные работы М.Г. Елисеева, В.Е. Снапковского и Г.А. Космача, которые показали новые подходы в изучении истории Германии [2, с. 4].

В общем русле развития белорусской германистики проблема советско-германских отношений в межвоенное время занимает одно из центральных мест. Это в полной мере относится и к периоду в этих отношениях, который начинается с аннулирования Брестского мира и заканчивается подписанием Рапалльского договора. При этом следует отметить, что белорусская советская историография не отличалась разнообразием исследований по данной проблематике. Здесь прежде всего следует выделить работы Г.М. Трухнова. В монографии «Классовая борьба в Германии в 1922–1923 годах» автор показал расстановку классовых сил и ход борьбы в годы революционного подъема в Германии [3]. В другой своей работе Г.М. Трухнов охарактеризовал социально-политические условия, в которых был заключен Рапалльский договор [4]. В монографии «Поучительные уроки истории. Три советско-германских договора (1922–1926 гг.)» прослеживается процесс экономического и политического сотрудничества Советской России и Германии в период Рапалло [5]. Борьба крупных капиталистических государств по германскому вопросу в первые годы после Первой мировой войны охарактеризована Г.М. Трухновым в работе «Германский вопрос на Лондонской репарационной конференции (16 июля – 16 августа 1924 г.)» [6].

В современный период белорусские историки продолжают активно работать над изучением проблемы отношений между Советской Россией и Германией в период после аннулирования Брестского мира. По нему Советская Россия и Германия восстановили дипломатические отношения. Однако уже в ноябре 1918 г. они были разорваны, а Брестский договор аннулирован. В белорусской постсоветской историографии эти события были охарактеризованы в работах таких исследователей, как В.А. Космач, Д.А. Мигун, Н.Н. Мезга, Г.Г. Лазько, А.П. Грицкевич.

Г.Г. Лазько в своих исследованиях пришел к выводу, что советские власти во главе с В.И. Лениным после подписания Брестского мира способствовали ослаблению Германии и проводили революционную, антивоенную пропаганду не только на оккупированной немцами российской территории, но и в самой Германии для ускорения мировой революции. Это и стало причиной разрыва германского правительства с Советской Россией в ноябре 1918 г. [7, с. 52]. Белорусский историк А.П. Грицкевич по данному вопросу указывает, что аннулируя Брестский мирный договор, большевистское руководство стремилось вернуть себе контроль над максимальной территорией бывшей Российской империи [8, с. 155]. С этой целью советские войска начали наступление на Украине, в Прибалтике и Беларуси [8, с. 136, 155]. Д.А. Мигун считает, что к разрыву отношений между Советской Россией и Германией, в том числе и аннулированию Брестского мира, способствовала ноябрьская революция в Германии, в результате которой был свергнут кайзеровский режим. Советское правительство предложило Германии начать переговоры об урегулировании отношений между двумя державами на основе советских предложений, но немецкая сторона после ноябрьской революции не спешила предпринимать какие-либо шаги навстречу Советской России, так как надеялась на «милость» стран-победительниц. Германия, проиграв войну, оказалась в очень тяжелом положении, став второстепенной державой в мире. Она до последнего момента рассчитывала, что страны Антанты пригласят ее делить рынки в Восточной Европе. Это, по мнению Д.А. Мигуна, являлось главной причиной, почему первые правительства Веймарской Германии не спешили с нормализацией отношений с Советской Россией [9, с. 46], [10, с. 37–38].

Главным предметом научных исследований В.А. Космача является внешняя культурная политика Германии, в том числе и в отношении Советской России. По его мнению, в советско-германском сближении в начале 1920-х гг. культурное сотрудничество между двумя государствами сыграло большую роль. В.А. Космач пишет в этой связи: «Дорапалльский период в истории германо-советского научно-технического и культурного сотрудничества сыграл важную роль в подготовке условий для организации широкого обмена достижениями науки и техники в 1922–1932 гг., для культурных связей в дальнейшем». В 1918–1920 гг. из Советской России многие ученые выезжали в Германию для научной работы, приобретения книг и аппаратуры [11, с. 34–35]. В.А. Космач отмечает, что Германия понимала важность восстановления отношений с Советской Россией. Игнорировать научно-технические и культурные связи с Советской Россией было невыгодно. Автор пишет: «Заинтересованность в возобновлении торговых и политических контактов, решимость Берлина знать возможные варианты подрывной дея-

тельности Москвы в отношении Германии путем активного советского прапропагандистского экспорта определили активность внешней культурной политики Веймарской республики на восток, где Советской России отводилось немаловажное значение. В марте 1921 г. был подписан советско-германский протокол об обмене опытом в области практической и научной медицины и санитарной службы [11, с. 39]. Автор делает вывод, что культурные и научные связи между обоими государствами сыграли позитивную роль в подготовке и воплощении в жизнь рапалльской политики [11, с. 40]. Германию к сотрудничеству с Россией, считает В.А. Космач, толкнуло то, что она рассчитывала освоить на востоке русский рынок и источники сырья. Правящие партии Германии понимали, что без изменений в отношениях с Советской Россией ее положение на международной арене не изменится к лучшему [11, с. 32–33]. В.А. Космач считает, что на решение германской правящей элиты о нормализации отношений с советским государством повлияла и активная поддержка рабочих Германии Советской России. В 1921–1922 гг. немецкие рабочие оказали огромную помощь Советской России, которая переживала трудные времена. Германия собрала 5 млн. долларов, продовольствие, медикаменты, одежду, обувь, сельскохозяйственную технику, семена для посева и др. для помощи голодающим Советской России [12, с. 11–12]. В это время специалисты разной квалификации (инженеры, техники, агрономы, учителя) решили поддержать советское государство и изъявили желание переселиться в Советскую Россию [12, с. 13]. В.А. Космач отмечает поддержку и белорусскими рабочими своих коллег в Германии. Во время ноябрьской революции в Германии во многих населенных пунктах Беларуси в знак поддержки прошли демонстрации и митинги [12, с. 18].

В продолжение данного вопроса Д.А. Мигун в своем исследовании показывает участие БССР в культурном обмене с Германией. Он пишет в этой связи: «В 1919 г. в Германии вышла первая немецкоязычная книга под редакцией В. Егера, в которой содержались сведения об истории белорусского края, языке и литературе народа, о населении, народном хозяйстве, духовной культуре от древних времен до образования БНР в 1918 г.». Профессор Р. Абихт составил грамматику белорусского языка на белорусском и немецком языке. Белорусская государственная библиотека наладила книгообмен с библиотеками некоторых немецких университетов. В 1921 г. немецкая сторона получила от белорусского правительства заказ на издание учебников по арифметике, алгебре, грамматике [13, с. 76–77].

В белорусской постсоветской историографии сформировалась точка зрения, что в 1920 г. обозначилась тенденция к улучшению советско-германских отношений. Д.А. Мигун акцентирует внимание на том, что в то время Германия находилась под давлением стран-победительниц. В таких условиях, считает он, германские правящие группы вынуждены были идти на сближение с Советской Россией по требованию «широких кругов общественности». 18 февраля 1921 г. был подписан советско-германский протокол, который содержал Проект соглашения между Германией и РСФСР о правах, взаимно предоставляемых гражданам и представительством обеих сторон. Позднее, 6 мая того же года, он получил дальнейшее расширение, приведшее к заключению временного советско-германского торгового соглашения. В соответствии с ним к уже существующим и осуществляющим свои полномочия делегациям обоих государств для работы по обмену военнопленными присоединились торговые представительства для развития экономических отношений между обеими странами. Автор характеризует данное соглашение как очень важное для развития связей между Германией и РСФСР. Эти события повлияли на расширение советско-германских контактов в различных сферах [10, с. 47–48], [13, с. 3], [14, с. 67].

Н.Н. Мезга, стремясь установить причины улучшения советско-германских отношений, результатом которых стало Рапалло, обосновывает положение, согласно которому Советская Россия и Германия стремились ликвидировать Версальский порядок, и это подталкивало оба государства к взаимному сближению. Уже в начале 1921 г. между ними начались экономические переговоры, завершившиеся подписанием временного торгового соглашения [15, с. 20–21]. В конце этого же года Советскую Россию посетила группа немецких промышленников для изучения перспектив дальнейшего сотрудничества между Германией и Советским государством [15, с. 27]. Несмотря на усилия по налаживанию взаимовыгодных связей, правящие круги Германии не решались заключить договор с Россией накануне Генуэзской конференции, т. к. рассчитывали на уступки со стороны Антанты. Также отмечалось Н.Н. Мезгой отсутствие единства в правящих кругах Германии относительно необходимости соглашения с

РСФСР [15, с. 29–30]. Но надежды германского правительства на уступки Антанты на Генуэзской конференции не оправдались. Чтобы избежать международной изоляции, Германия пошла на подписание Рапалльского договора [15, с. 31].

Историки Беларуси делают вывод, что от заключения Брестского мира до Рапалльского договора между Советской Россией и Германией были непростые отношения. С одной стороны, немецкое руководство Германии продолжало проявлять враждебность к Советской России, а с другой – ей приходилось находить общие точки соприкосновения для сближения с советским руководством, так как Германия находилась в изоляции, а Советская Россия воспринималась как источник сырья и рынок сбыта.

Таким образом, белорусская постсоветская историография обоснованно выявила два этапа в советско-германских отношениях между подписанием Брестского и Рапалльского договоров. Первый этап связан с Брестским договором и его ликвидацией, а второй этап, начавшийся в 1920 г., характеризовался постепенным улучшением советско-германских отношений, результатом чего в конечном итоге стало подписание Рапалльского договора. Это улучшение отношений объясняется сложным международным положением Германии и Советской России. Они объединили свои усилия для борьбы с Версальской системой, в рамках которой занимали неравноправное положение. Также две страны были заинтересованы в развитии экономических и культурных связей между собой.

Литература

1. Шнеерсон, Л. М. Исследования проблем новой и новейшей истории в Белоруссии / Л. М. Шнеерсон // Вопросы новой и новейшей истории. – 1973. – № 1. – С. 205–211.
2. Космач, Г. А. Состояние и проблемы белорусской германистики на современном этапе / Г. А. Космач // Рапалльская политика : истоки, традиции и современность : тез. докл. и сообщ. уч-ов науч. семинара, Минск, 26–27 мая 1992 г. – Минск : Изд-во МГПИ им. А.М. Горького, 1992. – С. 3–6.
3. Трухнов, Г. М. Классовая борьба в Германии в 1922–1923 годах / Г. М. Трухнов. – Минск : Изд-во БГУ им. В.И. Ленина, 1969. – 244 с.
4. Трухнов, Г. М. Из истории советско-германских отношений (1920–1922 гг.) / Г. М. Трухнов. – Минск : Изд-во БГУ, 1974. – 72 с.
5. Трухнов, Г. М. Поучительные уроки истории. Три советско-германских договора (1922–1926 гг.) / Г. М. Трухнов. – Минск : Изд-во БГУ, 1979. – 184 с.
6. Трухнов, Г. М. Германский вопрос на Лондонской репарационной конференции (16 июля – 16 августа 1924 г.) / Г. М. Трухнов. – Минск : Изд-во БГУ им. В.И. Ленина, 1959. – 184 с.
7. Лазько, Р. Р. Ад перадышкі да новага штурма (знешнепалітычны паварот савецкай Расіі восенню 1918 г.) / Р. Р. Лазько // Беларусь і суседзі : шляхі фарміравання дзяржаўнасці, міжнацыянальныя і міждзяржаўныя адносіны : зб. навук. арт. – Гомель : ГДУ імя Ф. Скарыны, 2013. – С. 50–57
8. Грицкевич, А. П. Борьба за Украину 1917–1921 / А. П. Грицкевич. – Минск : Совр. шк., 2011. – 528 с.
9. Мигун, Д. А. Беларусь в германо-советских отношениях (ноябрь 1918 – июнь 1941 гг.) / Д. А. Мигун. – Минск : Изд. центр БГУ, 2013. – 303 с.
10. Мигун, Д. А. Беларусь в политическом, экономическом и культурном германо-советском взаимодействии (1918–1933 гг.) / Д. А. Мигун // Современная научная мысль. – 2015. – № 1. – С. 35–51.
11. Космач, В. А. До и после Рапалло / В. А. Космач. – Витебск : Изд-во ВГУ им. П.М. Машерова, 2003. – 178 с.
12. Космач, В. А. Советская Беларусь и Германия в 1917–1932 гг.: кампания солидарности, торговля, культурный обмен (уроки истории для современности) / В. А. Космач, Д. В. Романовский. – Витебск : Изд-во ВГУ им. П.М. Машерова, 2001. – 155 с.
13. Мигун, Д. А. БССР в германо-советских политических и экономических отношениях 20-х гг. XX ст. / Д. А. Мигун // Веснік. – 2010. – № 3 (101). – С. 3–8.
14. Мигун, Д. А. «Эпоха Рапалло» в германо-белорусских отношениях межвоенного периода / Д. А. Мигун // Беларусь і суседзі : шляхі фарміравання дзяржаўнасці, міжнацыянальныя і міждзяржаўныя адносіны : зб. навук. арт. – Гомель : ГДУ імя Ф. Скарыны, 2012. – С. 67–75.
15. Мезга, Н. Н. В тисках Рапалло: германский фактор в польско-советских отношениях 1921–1926 годов / Н. Н. Мезга. – Гомель : ГГУ им. Ф. Скорины, 2010. – 195 с.

УДК 94(73:532)+322.8+339.9

Нефтяной фактор в американо-саудовских отношениях в период президентства Б. Обамы

Д. САДЖАДИ

В статье рассматривается один из важнейших аспектов американо-саудовских отношений в период президентства Барака Обамы – место и роль нефтяного фактора. Проанализированный материал позволяет сделать вывод о том, что нефтяной фактор по-прежнему играет большую роль во взаимоотношениях между двумя странами, несмотря на попытки США уменьшить свою зависимость от ближневосточной нефти.

Ключевые слова: США, Саудовская Аравия, американо-саудовские отношения, нефтяной фактор.

The article examines one of the most important aspects of the US-Saudi relations during the presidency of Barack Obama, that is, the place and role of the oil factor. The analyzed material allows us to conclude that the oil factor continues to play a large role in the relations between the two countries, despite the US attempts to reduce its dependence on Middle Eastern oil.

Keywords: USA, Saudi Arabia, US-Saudi relations, oil factor.

Огромное значение арабской нефти для Соединенных Штатов определяется прежде всего двумя причинами. Во-первых, нефть – это товар, чрезвычайно выгодный и необходимый в экономическом отношении, стратегически важный для безопасности государства. Во-вторых, это не просто товар, но и значительная отрасль, основанная на огромных капиталовложениях, управляемая и реализуемая группой гигантских американских компаний, которые оказывают большое влияние на международную экономику и политику. США как мировая сверхдержава фактически в одностороннем порядке возложили на себя ответственность за экономическое развитие и безопасность стран Персидского залива, обладающих огромными запасами углеводородных ресурсов.

Доля аравийских монархий в мировой торговле нефтью составляет порядка 50 %. На крупнейшую нефтедобывающую страну Саудовскую Аравию приходится 12 % суммарных объемов мировой добычи нефти. До недавнего времени США обеспечивали свои потребности в нефти на 30 % за счет поставок из зоны Персидского залива [1, с. 436–437]. От ближневосточной нефти в еще большей степени зависят Западная Европа и Япония. Неудивительно, что нефть является стержнем международных отношений в этом регионе.

Особые отношения у США сложились с Саудовской Аравией. Традиционно они характеризовались в контексте своеобразной торговой сделки как «нефть за безопасность». Саудовская Аравия обеспечивала американцам свободный поток нефти по приемлемым ценам, а США с 1950-х гг. выступали в качестве гаранта внешнеполитической, да и внутренней безопасности королевства, точнее правящей династии Саудитов. В действительности, как справедливо отмечает научная сотрудница Совета по международным отношениям Р. Бронсон, за этой упрощенной формулой скрывались во многом совпадающие геостратегические интересы, которые бросали в объятия друг друга «преуспевающих саудовских королей и американскую администрацию» [2, р. 3].

После террористического акта 9 сентября 2001 г. американо-саудовские отношения заметно омрачились, несмотря на важность нефти Персидского залива для Соединенных Штатов. На самом высоком правительственном уровне актуализировалась проблема зависимости страны от импортируемой нефти. И действительно, добыча нефти в США в 2005 г. равнялась всего 5,2 млн баррелей в день, тогда как ее ежедневный импорт перевалил за 10 млн, составляя около 50 % от общего нефтяного потребления. Экономика США, по мнению известного американского специалиста Р. Рапира, находилась в опасной ситуации, будучи сильно зависимой от импорта нефти из таких стран, как Венесуэла и Саудовская Аравия, интересы которых не всегда совпадали с американскими [3].

Именно в это время для всестороннего изучения проблемы, и прежде всего возможностей снижения зависимости от ближневосточной нефти, администрацией Буша-младшего была создана специальная группа по развитию национальной энергетической политики. В представленном ею отчете настоятельно рекомендовалась диверсификация источников энергоснабжения страны. Одновременно предлагались альтернативные нефтедобывающие страны, в частности, региона Каспийского моря, Латинской Америки и Западной Африки. При этом отмечалось, что большинство стран перечисленных регионов крайне нестабильны, сталкиваются с множеством трудностей и проблем (этнические и расовые беспорядки, организованная преступность, политическая коррупция и т. д.). Из этого следовал вывод о том, что перечисленные проблемы затрудняют создание альтернативных Ближнему Востоку энергетических источников [4, с. 138–139].

Исходя из положения дел в экономике, новый президент США Б. Обама, пришедший к власти в 2009 г., принял ряд мер, которые были призваны снизить зависимость страны от импортной нефти, добиться ее полной энергетической независимости, полагаясь исключительно на внутренние возобновляемые и не возобновляемые источники энергии, выведя страну в лидеры мировой энергетики [5, с. 11–25]. Другими словами, Б. Обама более последовательно продолжил курс, заложенный его предшественником президентом Дж. Бушем-младшим.

В конце ноября 2010 г. Управление энергетической информации при Министерстве энергетики США опубликовало отчет об увеличении запасов нефти и газа в стране в течение одного года. Согласно отчету, запасы газа достигли 383,9 триллиона кубометров в конце 2009 г. по сравнению с 225 триллионами кубометров на конец 2008 г. Относительно запасов сырой нефти в отчете было указано, что они выросли в конце 2009 г. до 22,3 млрд баррелей по сравнению с примерно 20,6 млрд баррелей в конце 2008 г. Основная причина роста была связана прежде всего с открытием и добычей углеводородов методом фриклинга или с так называемой сланцевой революцией [4, с. 136–137].

В целом же добыча нефти в США увеличилась с 2008 по 2012 г. примерно на 25 %. Ее среднесуточное производство в 2008–2015 гг. составило около 4,5 млн баррелей. Это было больше, чем у стран ОПЕК в отдельности за исключением Саудовской Аравии [6]. Предполагалось, что рост нефтедобычи такими темпами позволит США достигнуть почти полной самообеспеченности нефтью к 2030 г. или, по крайней мере, удовлетворить свои потребности в нефти из западных стран, например, Канады.

В 2011 г. президент Б. Обама в своем послании о положении страны подчеркнул, что для преобразования экономики США в более развитую и устойчивую потребуются дальнейшие инвестиции в сферу производства экологически чистой энергии. В перспективе планировалось получение Соединенными Штатами до 80 % своей электроэнергии за счет использования таких «чистых» источников, как ветер, солнце и природный газ [7].

Согласно отчету Американского энергетического агентства за 2012 г. Саудовская Аравия экспортировала 1,4 млн баррелей нефти в день в Соединенные Штаты Америки, что составляло 16 % от всего американского потребления. Это было меньше того, на что рассчитывали саудовцы, которые не без оснований опасались того, что Соединенные Штаты вскоре откажутся от своих источников арабской нефти. В упомянутом отчете действительно подтверждалось, что в 2011 г. Соединенные Штаты добывали около 5,7 млн баррелей в день. Высказывалось предположение, что в 2019 г. добыча нефти возрастет до 7,5 млн баррелей, а осуществление самообеспеченности энергоресурсами произойдет в 2020 г., что могло бы привести к потере Саудовской Аравией стратегически важного рынка [4, с. 133].

Несмотря на столь оптимистические прогнозы, которые, как известно, не подтвердились, политика Б. Обамы по-прежнему основывалась на обеспечении безопасности внешних источников энергии. Об этом однозначно было заявлено в Национальной стратегии безопасности (2010). При этом в документе акцентировалось внимание на продолжении военного присутствия США вне пределов их границ с целью действенного контроля за источниками углеводородного сырья [8].

И в этом не было ничего удивительного. Ведь планируемое сокращение темпов импорта нефти в период с 2011 по 2030 г. не избавляло США от необходимости удовлетворения все еще существующих потребностей за счет импорта. По прогнозам экспертов «Бритиш петролеум», покончить с зависимостью Америки от региона Персидского залива невозможно, Соединенные Штаты останутся импортером сырой нефти до 2030 г. [9].

Некоторые аналитики отмечают, что США однозначно могли бы уменьшить свою зависимость от ближневосточной нефти, но для этого им пришлось бы довольно быстро истощить собственные нефтересурсы, что было бы неоправданным в условиях, когда стоимость импортируемой нефти намного ниже американской. В дополнение к этому, запасы нефти Персидского залива намного больше по сравнению с другими странами, на которые могла бы рассчитывать Америка. Данное обстоятельство учитывается США при решении долгосрочного вопроса о сохранении и пополнении неприкасаемого нефтяного резерва за счет государств Персидского залива, особенно Саудовской Аравии, Кувейта и ОАЭ, являющихся надёжными поставщиками энергоресурсов. В непростой для США ситуации, связанной с последствиями урагана «Катрина», беспорядками в Венесуэле и гражданской войной в Ливии, Саудовская Аравия пришла на помощь американцам, восполняя существовавший у них дефицит нефти. Именно на это обращал свое внимание министр нефти и минеральных ресурсов королевства Али аль-Наими, выступая 30 апреля 2013 г. в Институте стратегических и международных исследований в Вашингтоне. В своей программной речи он исключил «возможность отказа США от ближневосточной нефти в обозримом будущем» [10].

Таким образом, нефтяная политика Б. Обамы в отношении Королевства Саудовская Аравия основывалась на двух основополагающих принципах. С одной стороны, провозглашалась установка на снижение зависимости страны от внешних источников энергии, особенно от нефти Персидского залива. С другой стороны, сохранялся курс на продолжение американского военного присутствия в нефтеносном регионе Персидского залива, который имеет для Соединенных Штатов большое стратегическое значение, а нефть региона является важным инструментом внешней политики США [11]. Неслучайно президент Российской Федерации В.В. Путин в одном из своих интервью в 2014 г. говорил о том, что в ценах на нефть «всегда присутствует» политическая составляющая: «Более того, в некоторые кризисные моменты возникает ощущение, что в ценообразовании на энергоресурсы как раз и превалирует политика» [12]. Политический характер американско-саудовских «нефтяных отношений» подтверждает бывший посол Саудовской Аравии в США Бандар бин Султан. На протяжении всех 23 лет своего пребывания на этом посту, как свидетельствует он, американцы периодически призывали саудовцев то увеличивать, то уменьшать уровень добычи нефти с целью сохранения низких или высоких цен. Каждый действующий президент просил его правительство обеспечить низкие цены на нефть на время президентских выборов. Стратегия же самого посла заключалась в том, чтобы Саудовская Аравия как можно дольше оставалась основным источником импортируемой нефти для Соединенных Штатов, чтобы гарантировать ему доступ к американским президентам независимо от их партийной принадлежности [13, p. 171].

В 2014–2015 гг. мир стал свидетелем резкого падения цен на нефть. Американско-саудовские отношения подверглись серьезному испытанию. В октябре 2014 г цена на нефть снизилась с 110 долларов за баррель до 84 долларов. В результате в бюджете 2015 г. возник рекордный финансовый дефицит в 98 млрд долларов, крупнейший в истории Саудовской Аравии. Одной из причин дефицита было падение к этому времени цены барреля нефти на мировом рынке уже до 36 долларов. Именно поэтому в 2016 г. КСА увеличило суточную добычу нефти на 1,5 млн баррелей, после чего прибыль от нефти составила 80 % доходов королевства. В качестве меры по борьбе с бюджетным дефицитом правительство Саудовской Аравии объявило о повышении цен на топливо на 50% и на воду и электроэнергию на 30 %. Правительство Саудовской Аравии также решило провести структурные реформы в экономике с целью стимулирования экономического роста и сокращения ее зависимости от нефти.

В ноябре 2014 г. в Вене состоялась встреча представителей стран ОПЕК, тон на которой привычно задавал глава картеля министр нефти и минеральных ресурсов Саудовской Аравии Али аль-Наими. Большинство аналитиков предполагало, что Саудовская Аравия поддержит снижение производства нефти, пытаясь сохранить на нее высокие цены. Этого же ожидали и представители большинства стран ОПЕК, а также Мексики и России, приехавшие в Вену. Однако Саудовская Аравия разрушила их планы. Картель принял неожиданное решение отказаться от ограничения производства объемов нефти. По свидетельству очевидцев, аль-Наими покинул собрание «с широкой улыбкой, говоря о том, что это было великолепно».

ным решением и что он получил то, чего хотел». Венесуэльский министр нефти «уехал со встречи в гневе. Его лицо превратилось в маску» [14, с. 234]. Столь радикальное решение картеля позволило ценам на нефть начать свободное падение.

На протяжении всего кризисного периода Саудовская Аравия поддерживала высокий уровень добычи нефти, не пытаясь, а может быть, и не имея возможности поднять на нее мировые цены. При этом руководство ОПЕК обещало рост цен на нефть в будущем. Разумеется, подобная ситуация наносила экономический ущерб интересам Саудовской Аравии, но она вполне удовлетворяла Соединенные Штаты. Ведь американская, да и в целом мировая экономика, к этому времени еще не оправилась от финансового кризиса 2008 г. и его последствий. В странах Запада и даже в Китае наблюдался экономический спад. Вполне естественно, что резкое падение цен на нефть стимулировало развитие экономик практически всех стран, за исключением, нефтедобывающих, которые в наибольшей степени пострадали от понижения цен. В отношении последних, и прежде всего России, Ирана и Венесуэлы, США использовали падение цен на нефть для достижения политических целей. Некоторые исследователи считают, что Вашингтон пытался усугубить ситуацию, «вызвать экономический шок» в этих странах [4, с. 135]. Глава Службы внешней разведки России М.Е. Фрадков отметил в декабре 2014 г. в интервью агентству «Блумберг», что «главной причиной падения цены на нефть стали действия США», которые вместе с их союзниками стремятся ослабить Россию [15]. Президент Б. Обама косвенным образом подтвердил этот вывод. Выступая с посланием к Конгрессу 20 января 2015 г., он заявил, что США нанесли значительный урон экономике России: «Сегодня Америка продолжает оставаться сильной и единой, как и наши союзники, в то время как Россия изолирована, а ее экономика разорвана в клочья» [16].

Российский исследователь О.А. Хлопов отмечает разнообразие факторов, воздействовавших на нефтяные цены [17, с. 157]. По одной из версий, мировая цена сдерживалась целенаправленно странами ОПЕК, в первую очередь Саудовской Аравией. Это делалось для того, чтобы приостановить добычу сланцевой нефти в США и не допустить ее на мировой рынок нефти, так как при низкой цене затраты на проекты сланца будут нерентабельны для американских компаний. Поэтому государства Персидского залива единым фронтом выступили против сокращения добычи нефти, считая, что «первыми должны сократить добычу именно страны, не входящие в ОПЕК, которые за последнее десятилетие резко увеличили производство нефти при сохранении стабильной добычи государствами организации» [18]. «Другое объяснение заключается в том, что США и Саудовская Аравия приняли план по значительному снижению мировых цен на нефть с целью нанесения финансового урона России и ближайшим ее партнерам – Ирану и Венесуэле» [17, с. 157]. «Такое объяснение, как справедливо отмечает О.А. Хлопов, вполне соответствует современному состоянию международных отношений, когда США и их союзники по НАТО предприняли усилия по политической и финансово-экономической изоляции России в ответ на усиление ее роли и возобновление экономического роста» [17, с. 157].

Нефтяная политика Королевства Саудовская Аравия в период резкого обвала нефтерыннка в 2014–2015 гг. внешне не отличалась особой логичностью и последовательностью. Анализируя сложившуюся ситуацию, известный российский эксперт Л.В. Крутаков в еженедельном издании «Коммерсантъ – Власть» отмечал: «Однако ... остается вопрос, почему Саудовская Аравия, как и в 1986 году, присоединилась к этой игре себе в убыток. Именно в убытках, а не в игре на понижение и состоит главный вопрос» [19, с. 20].

И действительно, экономика Саудовской Аравии и ее финансы в значительной степени зависят от нефтяных доходов. Поэтому резкое падение цен на нефть в конце 2014 г. вызвало большие риски, поскольку 80 % экспортной выручки приходилось на продажу нефти. На фоне нефтяного бума в США, или «сланцевой революции», с целью противостоять энергетической политике президента Обамы Саудовская Аравия предприняла совершенно очевидные и вполне доступные ей меры. Еще задолго до обвала цен на нефть она просто увеличила свои производственные мощности, введя в эксплуатацию четыре нефтяных месторождения: Катиф, Хурайс, Абу Сафа и Монафия. Стоимость разработки этих месторождений достигла 19,5 млрд. долларов. Предполагалось суточное увеличение добычи нефти на 2,4 млн баррелей в 2012 г. В результате этих мер добыча нефти в Саудовской Аравии постепенно увеличивалась, пока не достигла в 2015 г. 12,5 млн баррелей в сутки [20].

Такая политика казалось вполне оправданной, что подтвердила кризисная ситуация на Ближнем Востоке, известная как «арабская весна». Политические и социальные потрясения в арабском регионе привели к прекращению поставок нефти из таких стран-производителей, как Сирия, Йемен и Ливия. В это же время Соединенные Штаты и Европейский союз ввели эмбарго на экспорт иранской нефти, что привело к уходу с рынка одного миллиона баррелей иранской нефти в сутки. В этой ситуации Саудовской Аравии путем перекачки некоторого количества добываемой нефти смогла предотвратить рост цен на нефть, что устраивало США и их союзников, и в то же время обеспечить себе немалые нефтяные доходы.

Финансовые прибыли, обеспечиваемые доходами от нефти, предоставили Саудовской Аравии возможность укрепляться политически на региональном и более глобальном международном уровнях посредством помощи, предоставляемой странам и региональным организациям. В частности, помощь была оказана Бахрейну и Оману, в которых вспыхнуло массовое протестное движение. Королевство выделило огромную сумму в 5 млрд долларов переходному правительству в Египте после свержения президента Мохаммеда Мурси в 2013 г.

В своей нефтяной политике Саудовская Аравия делала ставку на падение цен на нефть до уровня 70 долларов, что представлялось достаточным для того, чтобы вытеснить с рынка большую часть производителей сланцевой нефти, и прежде всего в Соединенных Штатах. Однако после обвального падения цен на нефть не наблюдался уход производителей сланцевой нефти с рынка. Ее добыча не сократилась даже тогда, когда цена за баррель опустилась до 45–55 долларов в конце января 2015 г. Производители сланцевой нефти доказали свою конкурентоспособность, а саудовская политика снижения цен оказалась более вредной для экономики Саудовской Аравии, как, впрочем, и для ее ближневосточных соседей. По мнению аналитиков ОПЕК, экономика США обладает рядом выигрышных характеристик, которые обеспечивают ей «устойчивость и гибкость во время кризисных ситуаций» [21, р. 34].

Хотя падение цен на нефть в 2014–2015 гг. и нанесло ущерб интересам Саудовской Аравии, тем не менее, некоторые эксперты полагали, что оно произошло в основном из-за целенаправленной политики саудовцев, направленной на вытеснение сланцевой нефти с мирового рынка, а также ослабление экономик Ирана и России. Эти два фактора стали основной причиной отказа Саудовской Аравии принять решение о сокращении добычи нефти странами ОПЕК. Научный сотрудник исследовательского центра «Аль-Джазира» Насер аль-Тамими доказывал, что изменение в нефтяной политике Саудовской Аравии было реакцией прежде всего на рыночные факторы. В то же время он считает, что и геополитические факторы не упускались из виду лицами, принимающими решения в Эр-Рияде [6].

Анализируя не совсем логичную политику Саудовской Аравии, которая вместо сокращения добычи нефти наращивала ее производство, следует иметь в виду еще одно немаловажное обстоятельство. Нефтяной рынок с некоторых пор является составной частью глобального финансового рынка, и ключевую роль на нем играют крупные финансовые спекулянты. Не спрос и предложение нефти, а спрос и предложение денег определяют функционирование этого рынка. По существу, биржевые торги идут так называемой бумажной нефтью, которая на 2014–2015 гг. занимала около 98–99 % рынка, тогда как объемы физической нефти не превышали 2 % [19, с. 20].

Главными игроками на фондовом рынке выступают американские инвестиционные фонды, накачанные деньгами ФРС. Правила же игры устанавливает Комиссия по ценным бумагам и биржам США. Следовательно, Вашингтон через фондовые механизмы контролирует ценообразование, имеет все возможности манипулировать рынком.

Обвальное падение цен на нефть в 2014–2015 гг. имело все признаки большой игры. Почему же Саудовская Аравия присоединилась к этой игре себе в убыток? Этот вопрос до сих пор остается открытым. Как считает Л.В. Крутаков, проследить за этим со стороны невозможно, так как на бирже играют не компании и фирмы, а банковские счета. «Кто стоит за этими счетами – королевская семья Саудовской Аравии или крупнейший разработчик сланцевых месторождений, – одной только Комиссии по ценным бумагам и биржам США известно» [19, с. 20].

Каким бы ни было положение дел, Саудовская Аравия вышла из нефтяного кризиса 2014–2015 гг. с меньшими потерями, нежели ей приписывают. Она сохранила партнерские отношения с США и по существу в неприкосновенности американский нефтяной рынок. Нефть в руках саудитов окончательно превратилась в инструмент реализации их геополитических интересов в регионе. Кризис экономически ослабил основных конкурентов Саудовской Аравии – Иран и Россию, которая к тому же подверглась санкциям со стороны коллективного Запада после воссоединения Крыма с Российской Федерацией [22]. Кроме того, низкие цены на нефть, как известно, вынудили страны Персидского залива пересмотреть свои государственные расходы. Саудовская Аравия, в частности, запустила в 2016 г. амбициозный план реформ под названием «Видение 2030», призванный избавить королевство от нефтяной зависимости и подготовить общество к жизни «в сумерках нефтяной эры» [23].

Что касается Соединенных Штатов, то следует отметить, что и в период президентства Б. Обамы контроль Вашингтона над добычей нефти и ценообразованием на нее являлся основополагающим принципом и целью американской национальной безопасности. Из всех нефтедобывающих стран только нефтяная политика Саудовской Аравии в наибольшей степени соответствовала интересам США. Саудиты поддерживали низкие цены на нефть и не сокращали производство даже тогда, когда экономически им это было крайне невыгодно. Их робкие надежды победить в борьбе против сланцевой нефти в целом не очень заметно омрачили партнерские американо-саудовские отношения.

Взамен правящие круги Саудовской Аравии получили почти неограниченные возможности использовать нефть в качестве политического оружия против своих традиционных конкурентов и укрепления своего влияния в ближневосточном регионе.

В то же время нельзя не отметить, что стратегические отношения между Эр-Риядом и Вашингтоном на протяжении десятилетий, основанные главным образом на неписанном принципе «нефть за безопасность», во многом стали более сложными и противоречивыми. В этой связи нельзя не отметить разницу в политике двух стран в отношении изменений, которые арабский мир переживал после начала так называемой арабской весны и внутривосточных кризисов, которые произошли в Сирии, Ираке Египте, Йемене. Эту разницу подходов демонстрируют и их отношения с Ираном и Россией. Отмеченная тенденция может усилиться, если продолжится ускоренный рост добычи нефти в Соединенных Штатах, и они значительно сократят импорт ближневосточной нефти.

Литература

1. Сенченко, И. П. Аравия : прошлое и настоящее / И. П. Сенченко. – СПб. : Алетей, 2014. – 568 с.
2. Bronson, R. Thicker than oil. America's uneasy partnership with Saudi Arabia / R. Bronson. – New York : Oxford University Press, 2006. – 353 p.
3. Rapier, R. How the Shale Boom turned the World Upside down [Electronic resource] / R. Rapier // Forbes. – Mode of access : <http://www.forbes.com/sites/rrapier/2017/04/21/how-the-shale-boom-turned-the-world-upside-down/?sh=60ac860077d2>. – Date of access : 17.10.2021.
4. Ахмед, А. М. Американо-саудовские отношения в период президента Обамы (2008–2016) / А. М. Ахмед. – Берлин : Демократический арабский центр, 2020. – 244 с. (араб. яз.).
5. Дмитриев, С. С. Энергетическая стратегия Б. Обамы : опора на инновации и технологическое лидерство / С. С. Дмитриев. – М. : ИМЭМО РАН, 2014. – 162 с.
6. Аль-Тамими, Н. Саудовская Аравия и нефтяные рынки : неспособность Эр-Рияда сократить производство – сознательный выбор или необходимость? [Electronic resource] / Н. аль-Тамими // Центр исследований «Аль-Джазира». – Mode of access : <https://studies.aljazeera.net/en/node/3905>. – Date of access : 17.06.2021. (араб. яз.).
7. Obama's State of the Union Address [Electronic resource] // The White House. – Mode of access : <http://www.whitehouse.gov/the-press-office/2011/01/25/remarks-president-state-union-address>. – Date of access : 20.06.2021.
8. National Security Strategy [Electronic resource] // Obama White House Archives. – Mode of access : https://obamawhitehouse.archives.gov/sites/default/files/rss_viewer/national_security_strategy.pdf. – Date of access : 20.06.2021.

9. BP Energy Outlook 2030 [Electronic resource] // bp.com. – Mode of access : <https://www.bp.com/content/dam/bp/business-sites/en/global/corporate/pdfs/energy-economics/energy-outlook/bp-energy-outlook-2013.pdf>. – Date of access : 25.06.2021.
10. Хаддури, В. США и перспективы сокращения импорта нефти [Электронный ресурс] // The Emirates Center for Strategic Studies and Research. – Режим доступа : https://www.ecssr.ae/reports_analysis/. – Дата доступа : 18.07.2021. (араб. яз.)
11. Абд аль-Ати, А. Энергетическая безопасность и растущие военные расходы / А. Абд аль-Ати // «Ас-сияса ад-дувалия». – 2010. – № 180. – С. 183. (араб. яз.)
12. Интервью ведущим китайским СМИ [Электронный ресурс] // Президент России. Официальный сайт. – Режим доступа : <http://kremlin.ru/transcripts/46972>. – Дата доступа : 26.10.2021.
13. Ottaway, D. B. Mohammed bin Salman: the Icarus of Saudi Arabia? / D. B. Ottaway. – Boulder, Colorado : Lynne Rienner Publishers, 2021. – 232 p.
14. Уолд, Э. SAUDI, INC. История о том, как Саудовская Аравия стала одним из самых влиятельных государств на геополитической карте мира / Э. Р. Уолд ; пер. с англ. П. Миронова. – М. : Альпина Паблишер, 2019. – 272 с.
15. Russian Spy Chief Blames U.S., EU for Ruble, Oil Price Collapse [Electronic resource] // Bloomberg.com. – Mode of access : <https://www.bloomberg.com/news/articles/2014-12-04/russian-spy-chief-blames-u-s-eu-for-ruble-oil-price-collapse.html>. – Date of access : 25.10.2021.
16. Remarks by the President in State of the Union Address [Electronic resource] // Obama White House Archives. – Mode of access : <http://www.whitehouse.gov/the-press-office/2015/01/20/remarks-president-state-union-address-january-20-2015>. – Date of access : 28.10.2021.
17. Хлопов, О. А. Причины и последствия снижения цены на нефть: интересы США и Саудовской Аравии / О. А. Хлопов // Власть. – 2015. – № 3. – С. 156–161.
18. Глава ОПЕК пообещал рост цен на нефть в будущем [Электронный ресурс] // Интерфакс. – Режим доступа : <http://www.interfax.ru/business/419386>. – Дата доступа : 25.10.2021.
19. Крутаков, Л. Игра в нефть. Почему цена барреля не всегда подчиняется рыночным законам / Л. Крутаков // Коммерсантъ–Власть. – 2015. – № 6. – С. 20.
20. Халиль, Ш. Мировые цены на нефть с 1960 г. и прогнозы до 2025 г. [Электронный ресурс] / Ш. Халиль // Центр исследований и стратегического анализа «Аль-Равабит». – Режим доступа : <https://rawabetcenter.com/archives/48581>. – Дата доступа : 17.07.2021.
21. World Oil Outlook 2014. – Vienna : OPEC Secretariat, 2014. – 368 p.
22. Financial Times : Саудовская Аравия извлекает выгоду из более низких цен на нефть [Электронный ресурс]. – Режим доступа : https://www.bbc.com/arabic/inthepress/2014/10/141016_press_friday. – Дата доступа : 25.10.2021.
23. Full text of Saudi Arabia's Vision 2030 [Electronic resource] // Saudi Gazette, Riyadh. – Mode of access : <https://web.archive.org/web/20160429180619/http://english.alarabiya.net/en/perspective/features/2016/04/26/Full-text-of-Saudi-Arabia-s-Vision-2030.html>. – Date of access : 24.10.2021.

Рижский договор 1921 года и его последствия для Беларуси

В.М. ХОВАНСКИЙ, Б.Б. ЖУТДИЕВ

В статье рассматриваются последствия, которые испытала на себе Беларусь, связанные с заключением в 1921 г. Рижского мирного договора.

Ключевые слова: Рижский договор, последствия для Беларуси.

This article deals with the main outcomes of the Riga Peace Treaty (1921) for Belarus.

Keywords: Riga Peace Treaty, consequences for Belarus.

Введение. Одним из условий успешного развития Республики Беларусь является осмысление и извлечение уроков из опыта прошлого, в том числе опыта борьбы белорусского народа за национальное возрождение, объединение в рамках единого советского государства. В современных условиях, в силу крайнего обострения противоборства в мире по всем направлениям, *эта задача – в ряду важнейших*, в том числе и в целях борьбы с национализмом и шовинизмом ряда европейских политиков.

Исходя из этого, авторы видят научной задачей анализ объективных событий и субъективного фактора, социальных явлений, процессов, связанных с заключением в 1921 г. Рижского мирного договора в целях обеспечения безопасности Республики Беларусь в условиях непрекращающейся информационной, экономической, дипломатической, идеологической экспансии запада, на что неоднократно акцентировал внимание Президент Республики Беларусь А.Г. Лукашенко.

Основная часть. Республика Беларусь – суверенное независимое демократическое социальное правовое государство, которое занимает значимое геополитическое положение в мире. Несомненно и то, что белорусская модель социально-экономического развития подтвердила свою эффективность, чему во многом способствовала устойчивая и прочная система государственной власти.

Но так было не всегда. «В белорусской истории есть сразу несколько международных актов, которые оставили черный след. Это и Люблинская уния 1569 г., открывшая путь к тотальной полонизации нашей страны. И Брестский мир 1918 г., отдавший большую часть Беларуси на разграбление немцам. Но Рижский договор стоит здесь особняком. Наверное, ни один дипломатический документ не подвергался такому количеству проклятий, как этот. Собственно, долгое время вся история нашей страны делилась на до Риги и после» [1].

События, имеющие место быть после проведения в 2020 г. выборов Президента Республики Беларусь и объявления их итогов, появление военной техники блока НАТО в 15-ти километрах от Государственной границы Республики Беларусь, наглядно свидетельствуют о том, что западным сообществом было предпринято «деструктивное информационное воздействие с целью осуществления информационного влияния на политические и социально-экономические процессы...а также на физических и юридических лиц в целях ослабления обороноспособности государства» [2, с. 4]. Откровенное вмешательство западных стран в ситуацию в Беларуси (круглосуточное вещание с территории Польши откровенно враждебных интернет-контентов, транслирование через данные ресурсы выступления так называемых членов координационного совета, призывающих к дальнейшим жестким деструктивным действиям протестующих, принятие крайне тенденциозной резолюции Евросоюза в отношении нашей страны и т. д.) дают основание полагать, что актуальность, практическая направленность и прикладной характер данной научной публикации выглядят очевидно. Фактически все, что происходит после проведения выборов со стороны западного сообщества можно расценивать не иначе как «...создание социально-политической напряженности, формирование угрозы возникновения чрезвычайных ситуаций, разрушение традиционных духовных и нравственных ценностей, создание препятствий для нормальной деятельности государственных органов,

причинение иного ущерба национальной безопасности» [2, с. 4]. Западное сообщество сделало максимально все, чтобы все 15 терминов, изложенных в Концепции информационной безопасности Республики Беларусь [2, с. 3], [4], [5] были целенаправленно нарушены.

Даты начала Второй мировой войны и воссоединения Западной Белоруссии с БССР в Польше и на Западе всегда встречают приступом русофобии и антисоветизма. В своих писаниях польские и др. историки всячески обеляют политику польского правительства в 1939 г., а вину за разгром Польши возлагают на руководство СССР.

Вот как ответил Президент Республики Беларусь А.Г. Лукашенко на особый интерес наших западных соседей: «Ну, неймется полякам, это для вас не секрет, – вот западная граница должна проходить под Минском – не меньше не больше. И у отдельных, типа Сикорского, перед глазами Восточные Кресы. Так вот на счет этого хочу сказать: их попытка не мытьем, так катаньем оттяпать у нас часть Западной Беларуси – пока я живу и существую здесь как президент страны, им этого не видать как собственных ушей. Наша страна едина, целостна и не делима. И давить нас через пятую колонну, через своих здесь отдельных поводырей – ничего не получится. Они и карту поляка ввели, что они только не делали. Но наши поляки хотят жить в Беларуси. Если бы они хотели жить в Польше, они бы уже давно туда переехали. Им живётся здесь нормально. И они будут жить, это наши граждане, это наши поляки, их порядка 300 тысяч. Мы к ним относимся, и я лично, как к белорусам. Поэтому и здесь клин не удаётся вбить. Ну и начали ломиться» [6, с. 4].

Кроме того, белорусским ответом на возникающие риски, вызовы, угрозы, собственной безопасности в современных условиях, несомненно, является комплексное укрепление этнической, религиозно-конфессиональной, цивилизационной составляющих своей идентичности с акцентом на концепцию эквивалентности, подчеркивание специфики белорусской самости, исторической значимости собственного опыта, стимулирование занятости и вариативности самореализации граждан, диверсификации и интенсификации культурной, воспитательной, системной идеологической работы. Причем акцент здесь следует сделать на решении задачи «укрепления гражданской составляющей национальной идентичности» [7, с. 27], ибо «именно тем, в какой степени государством востребован консолидирующий и мобилирующий потенциал идентичности, определяется зачастую эффективность государства, качество его политики, его способность создавать необходимые форматы взаимодействия с политическими субъектами соответствующего уровня и масштаба» [6, с. 29].

Рижский мирный договор 1921 г. – договор между РСФСР (за себя и по полномочию правительства БССР), УССР с одной стороны, и Польской Республикой – с другой. Подписан 18 марта 1921 г. в Риге. Договор был составлен на русском, украинском и польском языках в трёх равноправных экземплярах и вступал в силу после его ратификации. 14 апреля 1921 г. договор был ратифицирован Всероссийским ЦИК, 15 апреля – сеймом Польской республики, 17 апреля – ЦИК Украинской ССР.

В 1921 г. Рижский мир завершал войну, которая прокатилась в тот исторический период по территории Беларуси, Украины, Литвы и самой Польши, и в которой белорусы оказывали ожесточенное сопротивление польским захватчикам (отметим, что поляки в своих интересах предпринимали попытки сформировать воинские формирования из белорусов (дивизию), планируя призвать не менее двадцати тысяч человек. В итоге сформировали всего один батальон).

Именно тогда партизанил на Полесье легендарный дед Талаш, тысячи белорусов сражались в рядах Красной армии, в подполье и партизанских формированиях, в которых участвовали представители разных политических взглядов – от коммунистов до национал-демократов. В БССР создавались и перебрасывались через границу в Польшу партизанские отряды, которые в Западной Беларуси обрастали местными силами. Руководителями партизанских отрядов были коммунисты К. Орловский, С. Ваупшасов, В. Корж и др. Целью партизанской борьбы было самоопределение Западной Беларуси и ее присоединение к БССР. Боевые действия партизан приняли значительные размеры: по официальным польским сведениям, в 1922 г. было осуществлено 878, в 1923 г. – 503 партизанских нападения.

Например, широко известен подвиг юных жителей Слуцка, которые мужественно боролись с захватчиками, готовили восстание в городе, но были раскрыты и казнены в апреле 1920 г. Ни казни, ни карательные экспедиции не могли сломить дух сопротивления белорус-

ского народа. «Так, молодецкие подпольщики решили взорвать эшелон с самим Пилсудским. На станции Олехновичи они поставили своего стрелочника, привели поезд, дали путовку, пустили в тупик и разбили вдребезги эшелон с уланским эскадроном. Но оказалось, что Пилсудский в тот раз через станцию не проезжал... Своей отвагой славились стародорожские партизаны. Ими командовал лихой комсомолец Перемейчик, крестьянин из села Радутичи. За один месяц он создал отряд в 200 человек, выбил оккупантов из четырех волостей, а затем умело держал оборону против превосходящих сил противника» [1].

В Скиделе в 1939 г. местное население выступило против польской администрации. Восстание было подавлено.

В своё время об этом писал белорусский исследователь Леонид Матусевич. Восстание началось 17 сентября 1939 г., как только до местного населения дошла новость, что Польша, как государства, не существует в силу того, что на западе её армия была разгромлена вермахтом, а с востока шли части РККА. Белорусские активисты захватили ряд важных объектов в городе (среди них – полицейский участок). Охрану объектов и полицейских разоружили и... отпустили домой. Так же поступали с польскими солдатами, если те попадали восставшим белорусам в руки. Когда была остановлена очередная машина, набитая польскими военнослужащими, оттуда на требование сложить оружие раздались выстрелы. Грузовик ушёл от преследования, и через несколько часов в Скидель ворвалась та самая группа сбежавших на грузовике польских солдат и ещё целая рота жандармов. В маленьком городке начались чудовищные репрессии. Слово историку Н. Малишевскому: «В маленьком городке началось большое зверство. 30 человек каратели сразу же расстреляли. Расстреливали и просто тех, кто подвернулся под руку. Перед расстрелом издевались: одним выкалывали глаза, другим резали языки, третьим ломали прикладами пальцы на руках... Всех их согнали у православной церкви, заставили лечь лицом вниз, били прикладами по головам, заставляли целовать землю и при этом кричали: “То земля наша, польская, вам на ней не жить!”». Пока одни каратели издевались над белорусами у православного храма, другие пошли по городу». В дома сторонников СССР летели гранаты и горящие факелы. Сгорело 19 домов, некоторых из них погибли женщины и дети. Как далее повествует Н. Малишевский, «на этом трагедия маленького городка не закончилась. Ближе к вечеру из тех двухсот человек, которые пролежали весь день у православного храма, отобрали 70 человек – «наиболее активных повстанцев» и погнали на расстрел» [8].

Отметим, что Рижский мирный договор 1921 г. – договор между РСФСР, УССР и также от имени БССР. Белорусское руководство даже не было проинформировано о ведении переговоров. К переговорам в Риге была допущена делегация УССР, а ни БНР, ни БССР поляки не признавали и возражали против их участия в переговорах. И хотя Александр Червяков, фактический руководитель БССР, прибыл в Ригу. В Ригу прибыл и лидер БНР Вацлав Ластовский, представители некоммунистических политических партий Беларуси, но они вообще не получили никакого статуса.

Подписанный 18 марта 1921 г. мирный договор стороны обозначили в преамбуле как «окончательный, прочный, почетный и основанный на взаимном соглашении мир». История показала, что с этим в полной мере невозможно согласиться. Отметим и то, что заключение данного договора имело крайне негативные последствия для Беларуси.

В результате Рижского мирного договора *Белоруссия потеряла большую часть своей территории*. Польше отходило 108 тысяч кв. км. Около четырех миллионов белорусов были зачислены в польское население.

Согласно договору польское правительство обязано было предоставить белорусам все права и свободы, языковую автономию и свободу вероисповедания.

Реально польскими властями проводилась политика, направленная на *полную ликвидацию белорусского языка*. Говорящим по-белорусски запрещено было обращаться в органы государственной власти и местного самоуправления. Была практически полностью уничтожена белорусская пресса, закрыты издательства, библиотеки. Уже к 1923 г. польские власти закрыли в Западной Беларуси 350 белорусских школ. К 1926 г. осталось только 4 белорусских и 8 смешанных польско-белорусских учебных заведений. Общеизвестно, что к 1939 г. на территории Западной Беларуси не осталось ни одной чисто белорусской школы. «Старожилы деревень Поросцы и Калауровичи Пинского района... рассказывали... о жизни “при поляках”. Национа-

листический террор властей носил не только политический, но и бытовой характер. Польские полицейские могли прийти на обычную деревенскую белорусскую вечеринку, забрать в “пастарунак” и избить молодых людей только за то, что они разговаривали на родном языке» [9].

Иная ситуация была в БССР. Там последовательно проводилась политика белорусизации. Политической ее предпосылкой явились укрупнение Беларуси и решения XII съезда РКП(б) 1923 г. Белорусизация предусматривала: 1) перевод в течение 1–3 лет всех государственных органов, общественно-политических структур и частей Красной Армии, учебных и воспитательных учреждений, издательств на белорусский язык; 2) коренизацию – выдвижение белорусов на руководящие должности; 3) изучение истории, культуры, географии, экономики Беларуси; 4) создание национальных территориальных воинских частей и соединений. В 1920-е гг. был создан Белорусский государственный университет и Национальная академия наук Беларуси, 80 % школ было переведено на белорусский язык преподавания. Согласно Конституции 1927 г. официальными языками в БССР провозглашались белорусский, русский, польский и еврейский, что свидетельствует о традиционной толерантности белорусского общества.

Период с 1920 по 1926 гг. стал настоящим расцветом белорусской литературы: пришли около 500 новых писателей, поэтов, публицистов – революционных романтиков, ориентированные на национальную идею В. Дубовка, Я. Пуца, К. Черный, З. Бедуля, К. Крапива, М. Зарецкий, М. Лыньков, М. Лужанин, М. Чарот, А. Дударь. Начали свою деятельность в 1920-е гг. белорусский передвижной театр В. Голубка и Белорусский государственный театр Е. Мировича. В 1926 г. в Витебске открылся 2-й Белорусский драматический театр. Становление белорусского кинематографа ознаменовала художественная кинолента о гражданской войне в Беларуси «Лесная бэль» режиссера Ю. Тарича (1926). В 1928 г. в Ленинграде была образована студия художественных фильмов «Советская Беларусь», которая в конце 1930-х гг. переехала в Минск. В Витебске с 1919 г. действовала народная художественная школа, основанная М. Шагалом. Среди ее преподавателей было много талантливых личностей – Ю. Пэн, К. Малевич, Р. Фальк, Л. Куприн, Э. Лисицкий.

А в Польше планомерно осуществлялась *полонизация* присоединенных белорусских территорий.

Вот какие цели ставил Белостокский воевода Осташевский 23 июня 1939 г. в секретной записке министру внутренних дел: «Выражаясь кратко, наше отношение к белорусам может быть определено так: мы желаем одного и настойчиво требуем, чтобы это национальное меньшинство думало по-польски, ничего взамен не давая и ничего не делая в этом направлении». Какое там равноправие! За сказанное не по-польски слово в общественном месте могли надавать тумаков. Даже белорусских делегатов сейма вышвыривали с почты за попытку послать телеграмму на белорусском языке. Виленская газета «Белорусские ведомости» уже в октябре 1921 г. писала: «Отношение к белорусам со стороны многих начальников и определенной части общественности очень пренебрежительное. Нас считают то москалями, то большевиками, то вообще людьми второго сорта». Для белорусов вводились ограничительные квоты при занятии должностей в государственном аппарате, армии и полиции. Не было и религиозной свободы [1].

Конечно, впору вспомнить и о политических репрессиях, которые проходили на территории БССР. Но эта черная и трагическая страница нашей истории не отменяет того факта, что в 1920-е и даже 1930-е гг. в Беларуси проводилась активная работа по созданию условий для развития всех национальностей, проживающих на территории республики. Эти усилия резко контрастируют с политикой усиленной ассимиляции и полонизации, которая проводилась в Польше. И не только по отношению к белорусам. Дискриминации подвергались все национальные меньшинства: украинцы, литовцы, евреи, немцы, русские [1].

В рамках проводимой польскими властями политики *православные белорусы де-факто были лишены права исповедовать свою религию*, церкви массово закрывались или преобразовывались. Только за 1930 г. по решению польских судов в костелы были преобразованы 300 православных церквей. Наиболее показательным в этом смысле стал снос православного храма Александра Невского в Варшаве. Причем этот вопрос обсуждался в польском сейме. Варшавский магистрат выпустил специальный заем, чтобы «каждый поляк мог стать частным к этому делу». Заемщики возвращали свои деньги за счет реализации строительного

материала, полученного во время взрыва. Но польским властям понадобились 15 тысяч взрывов и два года работ, чтобы снести храм. Значительная часть уникальных фресок Васнецова была перевезена в Покровский собор в Барановичи.

По причине отсутствия медицинских учреждений смертность белорусского населения была самой высокой в Польше. На тысячу человек в Западной Белоруссии было всего 0,6 больничных койки против 3,2 в БССР, писал в докладной записке от 15 декабря 1939 г. нарком здравоохранения БССР Новиков. Кроме того, в Польше за медицинские услуги нужно было платить, что делало ее практически недоступной.

Жить белорусская нация под флагом Варшавы и Москвы с точки зрения *экономического развития* тоже будет по-разному. Советская власть делает упор на коллективизацию и индустриализацию. К 1928 г. выпуск промышленной продукции увеличится по сравнению с 1913-м в два раза. Зарплата рабочего в 1922 г. – это ещё только четверть от довоенной. Но уже через четыре года её уровень она превысит на 16,5 %. Во второй (1933–1937) пятилетке промышленность дала прирост валовой продукции в 1,9 раза. Заработали труболитейный завод, авторемонтный и деревообрабатывающий комбинаты в Могилеве, Гомельский стеклозавод, Кричевский цементный завод и др. Было построено 1700 предприятий, реконструировано около 90. Введены Минская ТЭЦ-2, Слуцкая, Полоцкая, Борисовская, Заславская, Дзержинская, Дрисенская электростанции. В 1935 г. отменили карточную систему.

А вот польская власть рассматривала «*у́сходния крэсы*» как аграрно-сырьевой придаток. Нещадно вырубается лес – почти 600 тысяч гектаров пойдут под пилу. Более 70 % деловой древесины вывезут на Запад в виде брёвен. Никакой переработки на месте. В 1926 г. в трёх воеводствах, Виленском, Новогрудском и Полесском, работает 127 фабрик, на которых заняты 7827 человек. Это вдвое меньше, чем в 1913-м [10]. В целом в 1938 г. промышленность Западной Беларуси давала в 9 раз меньше продукции, чем БССР, хотя до раздела обе части имели приблизительно одинаковый уровень развития экономики, практически равные территории и количество населения, проживающее на них.

Договор не принес и долгожданного мира. При активной поддержке польских военных в 1921 г. готовилось антисоветское восстание в Беларуси и на прилегающих территориях, границу БССР перешли несколько тысяч вооруженных боевиков, которые осуществляли террористические акты как в отношении органов безопасности, так и мирного населения. Например, различными бандами, поддерживаемыми белополяками и засылаемыми из Польши в БССР в 1921 г. было убито 1086 человек, ранено 147, изнасиловано 1257 (*Источник: «Известия Витебского Губисполкома», 1 июня 1922 г.*).

В этой связи уместно упомянуть, что в датированном декабрем 1938 г. докладе 2-го (разведывательного) отдела польского Генштаба подчеркивалось: «Расчленение России лежит в основе польской политики на Востоке... Поэтому наша возможная позиция будет сводиться к следующей формуле: кто будет принимать участие в разделе. Польша не должна остаться пассивной в этот замечательный исторический момент. Задача состоит в том, чтобы заблаговременно хорошо подготовиться физически и духовно... Главная цель – ослабление и разгром России» [11].

В свою очередь, советская сторона всячески поддерживала повстанческое движение в Западной Беларуси. В западных районах партизанское движение возглавляли эсеры, на востоке – КПЗБ (командиры партизанских отрядов – Орловский, Ваушпасов). С апреля 1924 г. до ноября 1925 г. партизаны провели около 280 боевых операций. Однако к концу 1925 г. репрессии польских властей, а также ослабление поддержки партизан местным населением привели к прекращению партизанского движения в Западной Беларуси.

Невозможно не обратить внимание и на следующее: «В книге “Польская оккупация” Луцкевич рассказывает следующий эпизод: в 1919 г. делегация от белорусских организаций жаловалась в Минске генералу Шептицкому, что сожжение деревень угрожает голодом всему краю. Шептицкий в гневе топал ногами и кричал: “Если мне понадобится для блага польской армии, сожгу всю вашу Беларусь!” И это были не только слова. По распоряжению Пилсудского 17 июня 1934 г. открыт спецконцлагерь для политических заключенных в Березе Картузской, где царили нравы, многим уступавшие будущим немецким концлагерям. Белостокский воевода Осташевский подал

в июне 1939 г. докладную записку в польское МВД под названием «Проблемы укрепления польского владеющего положения в Белостокском воеводстве», где обрисовывается необходимость пошаговой и неуклонной дискриминации белорусов с дальнейшей ассимиляцией» [12].

Заключение. В Беларуси учрежден государственный праздник – День народного единства. Соответствующий Указ № 206 Президент Республики Беларусь А.Г. Лукашенко подписал 7 июня. День народного единства будет отмечаться 17 сентября (не выходной день).

Несомненно, этот день стал актом исторической справедливости в отношении белорусского народа, разделенного против его воли в 1921 г. по условиям Рижского мирного договора. «Сегодня белорусский народ един в выборе стратегического курса на развитие сильной, суверенной и процветающей страны. Установление Дня народного единства 17 сентября подчеркивает преемственность поколений, незыблемость и самодостаточность белорусской нации и государственности» [13].

Таким образом, авторы считают необходимым отметить, что хотя многие проблемы данного исследования носят постановочный характер, возможно сделать следующие **выводы**:

1. Историческая правда Рижского договора 1921 г. заключается в том, что белорусы в западных регионах Беларуси – восточных воеводствах Второй Речи Посполитой – были разделенным народом, подвергались дискриминации по этноконфессиональному признаку и принудительной ассимиляции. События 17 сентября 1939 г. объединили Беларусь и дали белорусам возможность жить вместе свободными на своей земле.

2. Несомненно, восстановленное в 1939 г. единство позволило Беларуси выстоять в годы Великой Отечественной войны, занять почетное место в международном сообществе, создать тот потенциал, который затем привел к независимости в 1991 г., к стабильности, миру и благосостоянию, к процветанию сегодня и в будущем. Но всегда необходимо помнить – это досталось дорогой ценой.

3. Судьбы всех жителей нашей страны, вне зависимости от их национальной принадлежности, – это часть белорусской национальной истории и их триумф и трагедия никогда не может быть чужой для каждого из нас.

4. В рамках дальнейшей разработки данной проблемы важную роль должна занимать разработка моделей анализа национально-этнического и религиозного единства населения страны и самоидентификации нации и их индикаторов.

5. Знание и понимание нашей истории – это прежде всего дань уважения к человеку-гражданину, кто в служении Отечеству видит свой священный патриотический долг.

Литература

1. 18 марта исполняется ровно сто лет со дня подписания Рижского договора [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://www.sb.by/articles/proklyatyu-dogovor.html>. – Дата доступа : 04.06.2021.
2. Концепция информационной безопасности Республики Беларусь [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://www.president.gov.by>. – Дата доступа : 04.06.2021.
3. Почепцов, Г. Г. Психологические войны / Г. Г. Почепцов. – 4-е изд., стер. – М. : ОМЕГА-Л, 2008. – 528 с.
4. Вепринцев, В. Б. Операции информационно-психологической войны : краткий энциклопедический словарь-справочник / В. Б. Вепринцев, А. В. Манойго, А. И. Петренко, Д.Б. Фролов. – 2-е изд. – М. : Горячая линия – Телеком, 2011. – 495 с.
5. Шульц, Э. Э. Технологии бунта (технологии управления радикальными формами социального протеста в политическом контексте) / Э. Э. Шульц. – М., 2014. – 512 с.
6. Лукашенко : Неймется полякам, и у отдельных, типа Сикорского, перед глазами Восточные Кресы [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.ctv.by/node/57515>. – Дата доступа : 04.06.2021.
7. Лапки, В. В. Политические изменения в глобальном мире и динамика идентичности / В. В. Лапки // Политическая идентичность и политика идентичности : в 2 т. – М. : РОССПЭН, 2012. – Т. 2. – С. 16–41.
8. Польские зверства в Белоруссии [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://mywebs.su/blog/history/6081/>. – Дата доступа : 04.06.2021.
9. «Крэсы вхадни» или западная Беларусь: как жилось белорусам под польской властью [Электронный ресурс]. – Режим доступа : https://pikabu.ru/story/kryesy_vskhodni_ili_zapadnaya_bielarus_kak_zhilos_belorusam_pod_polskoy_vlastyu_7670763. – Дата доступа : 04.06.2021.

10. 100 лет назад Беларусь была разделена : уроки и последствия Рижского мирного договора 18 марта 2021, 22:15 [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://ont.by/news/100-let-nazad-belarus-by-la-razdelena-uroki-i-posledstviya-rizhskogo-mirnogo-dogovora>. – Дата доступа : 04.06.2021.

11. Z dziejow stosunkow polsko-radzieckich. Studia i materialy / Polska Akademia Nauk, Zakład Historii Stosunków Polsko-Radzieckich. – Warszawa, 1968. – Т. III. – S. 262, 287.

12. «Если понадобится, сожгу всю вашу Беларусь» : как угнетали белорусов в межвоенной Польше [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://www.rubaltic.ru/article/kultura-i-istoriya/20210214-esli-ponadobitsya-sozhgu-vsyu-vashu-belarus-kak-ugnetali-belorusov-v-mezhvoennoy-polshe/>. – Дата доступа : 04.06.2021.

13. Компетентный вторник : 17 сентября 1939 года – акт величайшей исторической справедливости [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://gp.by/novosti-regionov/novosti-belarusi/news235135.html>. – Дата доступа : 04.06.2021.

Военная академия
Республики Беларусь

Поступила в редакцию 02.07.2021

Политика Луи Орлеанского в Люксембурге в 1402–1407 гг.

Д.Н. ЧЕРКАСОВ

В статье рассматривается политика Людовика Орлеанского в отношении герцогства Люксембург в период 1402–1407 гг., когда оно находилось под его управлением. Основное внимание уделено этапу утверждения власти Луи Орлеанского в Люксембурге, признанию его статуса правителя знатью герцогства, реакции на эти действия правителя Священной Римской империи Рупрехта III Пфальцского и отношениям герцогства Люксембург и архиепископа Трирского.

Ключевые слова: Луи Орлеанский, герцогство Люксембург, Рупрехт III Пфальцский, маркграф Баденский, архиепископ Трирский.

The article examines the policy of Louis of Orleans towards the Duchy of Luxembourg in the period 1402–1407, when it was under his rule. The main attention is paid to the stage of the approval of the power of Louis of Orleans in Luxembourg, the recognition of his status as ruler by the nobility of the duchy, the reaction to these actions of the ruler of the Holy Roman Empire Ruprecht III of Palatinate and the relationship between the Duchy of Luxembourg and the Archbishop of Trier.

Keywords: Louis Orleans, Duchy of Luxembourg, Ruprecht III of Palatinate, Margrave of Baden, Archbishop of Trier.

Введение. В 1400 г. правитель Священной Римской империи Венцеслав/Вацлав IV Богемский был низложен четырьмя из семи курфюрстов империи и на его место избран пфальцграф Рейнский Рупрехт III Виттельсбах. В поисках союзников против Рупрехта III Венцеслав IV согласился на передачу герцогства Люксембург, которое находилось в залоге у Йошта Моравского, в залог герцогу Людовику Орлеанскому, брату французского короля Карла VI (1380–1422). В 1398 г. между Венцеславом IV и Луи Орлеанским был заключен союз, поэтому король Богемии, передавая Люксембург Людовику, рассчитывал на его поддержку в борьбе против Рупрехта III на западных границах империи. В свою очередь, герцог Орлеанский, имея в распоряжении имперское княжество, получил возможность более свободно действовать в империи не только против Рупрехта III, но и против своего основного соперника – герцога Бургундского.

Цель статьи – рассмотреть политику Луи Орлеанского в герцогстве Люксембург в контексте его отношений с местной знатью, Рупрехтом III Пфальцским и архиепископом Трира Вернером фон Фалькенштайном. Статья основана, преимущественно, на анализе документов по истории средневекового Люксембурга, собранных Ф.-К. Вюрт-Паке, О. де Сиркуром и Н. ван Вервеком, опубликованных в сборниках «Публикаций исторической секции королевского института Великого герцогства Люксембург» за 1870 г. и 1889 г.

Основная часть. *Герцог Орлеанский в Люксембурге.* В августе 1402 г. герцог Орлеанский вел переговоры с представителями Йошта Моравского о передаче ему в залог Люксембурга и графства Шини, которые завершились соглашением сторон. В результате, 17 августа 1402 г. Луи Орлеанский направил прелатам, знати и общинам герцогства Люксембург послание, сообщив о том, что Йошт, маркграф Бранденбурга и Моравии, передал ему управление герцогством и просил признать себя в качестве правителя [1, р. 107].

Сам договор датирован 18 августа 1402 г. В соответствии с ним Йошт Моравский отдал в залог Луи Орлеанскому герцогство Люксембург, графство Шини и фогство Эльзаса за 132 тыс. дукатов. В договоре Йошт объяснил передачу Люксембурга тем, что не может собственными силами обеспечить защиту герцогства и поэтому передает его своему французскому родственнику. Вместе с тем, Йошт оговорил сохранение за собой некоторых прав: права защиты церквей и монастырей герцогства, права изображать свой герб на монетах, чиновники герцогства не должны были действовать против его интересов. Кроме того, герцогство могло быть выкуплено из залога королем Богемии или его преемниками [2, р. 168–171].

Вопрос о сумме залога Люксембурга, которую должен был выплатить герцог Орлеанский, остается открытым. У Э. Жарри, со ссылкой на Национальный архив Франции, указана сумма в 100 тыс. дукатов [3, р. 274]. В свою очередь, «Хроника монаха Сен-Дени» сообщает, что «герцог Орлеанский обещал [маркграфу Моравии] заплатить часть долга и выплачивать ему в течение жизни [ежегодную] пенсию в 10 тыс. золотых экю» [4, р. 43].

В связи с приобретением Люксембурга, 24 августа 1402 г., письмом, данным в Париже, король Франции разрешил Луи Орлеанскому собрать в его собственных владениях, а также в Шампани, Бри и Нормандии «эд» («помощь» – чрезвычайный налог) на сумму в 60 тыс. франков [5, р. 84].

В это время (с 6 марта 1402 г. по 11 ноября 1403 г.) король Богемии Венцеслав IV, плененный собственным братом Сигизмундом, находился в Вене под присмотром Габсбургов [1, р. 101]. Получив свободу, Венцеслав IV 12 декабря 1403 г. в Кутной Горе утвердил договор о передаче Люксембурга, но с оговоркой о возможности его выкупа королями Богемии [6, s. 297–298].

С 15 сентября 1402 г., находясь еще в Музоне на границе с Люксембургом, Луи Орлеанский начал осуществлять непосредственное управление герцогством [1, р. 108]. Первые его действия были в русле установившихся традиций герцогства при вступлении во власть нового правителя – подтверждение прав и привилегий городов, подтверждение защиты аббатств и монастырей, принятие выражения вассальной верности (фуа и оммажа) от местной знати. Так, уже 15 сентября Луи Орлеанский подтвердил хартии и привилегии горожан Виртона, дал обещание охранять законы и свободы Марвиля и Дамвилье [1, р. 108–109]. 29 ноября он подтвердил привилегии жителям Оршимона [1, р. 112–113].

21 сентября 1402 г. герцог Орлеанский переехал непосредственно в герцогство Люксембург, в Тьонвиль [7, р. 126]. Существует версия, что приезд Луи Орлеанского в Люксембург был не его личной инициативой, а следствием приказа короля, инспирированного герцогом Бургундским, чтобы на некоторое время удалить его от королевского двора [8, р. 99]. В октябре он подтвердил свое покровительство аббатствам Сен-Максимен, Мюнстер, Ставило, Монмеди, в ноябре взял под защиту монастырь св. Августина в Трире [1, р. 109–112].

11 октября 1402 г. в Тьонвиле герцогу Орлеанскому принесли клятву верности представители рода де Бранденбург (Жан, сеньор де Бранденбург, Ферри, сеньор де Штольценбург, Жан, сеньор д'Эш, Жан и Годфруа, сыновья сеньора де Бранденбурга). Они признали Луи Орлеанского в его праве суверенного сеньора и обещали предоставить ему, в случае необходимости, свои замки и крепости. 12 октября 1402 г. Луи Орлеанский выступил посредником в конфликте между сеньором де Кроненбургом и Годфруа де Бранденбургом [1, р. 111]. 15 октября 1402 г. он принял оммаж Гумпрехта де Нёнар и графа Фридриха де Вальденц [3, р. 275].

В Тьонвиль, чтобы повидаться с герцогом Орлеанским и обсудить вопрос об установлении мира между герцогствами, 30 сентября прибыли герцог Робер де Бар и его сын Эдуар, маркиз де Понт-а-Муссон. Еще 1 сентября прево Лонгви доставил герцогу де Бар письмо сенешаля Люксембурга, Юара II д'Отеля, в котором сообщалось, что герцог Орлеанский принял управление герцогством Люксембург. Эдуар де Бар был в Люксембурге 24 сентября и покинул его 3 октября. 30 сентября Робер де Бар встречался с Луи Орлеанским в Тьонвиле в сопровождении Эдуара де Бар и 240 человек свиты [9, р. 348–349]. Благодаря герцогу Орлеанскому, 11 октября 1402 г. был прекращен конфликт герцога де Бар с сеньорами де Бранденбург. Герцог де Бар добился возвращения своих людей, плененных этими сеньорами в ходе войны [1, р. 111]. Приезд герцога Орлеанского в Люксембург, в целом, привел к прекращению военных действий «немцев» против герцога де Бар [9, р. 349]. Вероятно, с этого момента завязались более тесные отношения между Эдуаром де Бар и герцогом Орлеанским, в дальнейшем переросшие в союз.

Улучшились отношения между Люксембургом и епископом Вердена, который, благодаря герцогу Орлеанскому, наконец, вернул себе превотство Манжъен, которое прежние правители Люксембурга удерживали из-за церковного раскола. Должность защитника Вердена сохранил за собой сенешаль Люксембурга Юар II д'Отель, о чем свидетельствует письмо герцога Орлеанского в Верден от 30 сентября 1402 г. [10, р. 487].

В Тьонвиле 7 ноября 1402 г. герцог Орлеанский принял на службу в качестве вассала Бернарда, маркграфа Бадена, который за пожизненную ежегодную пенсию в 2 тыс. экю принес ему фуа и оммаж. Маркграф обязался предоставить в распоряжение герцога Орлеанского свои замки и служить ему со своими воинами против всех, кроме короля Рупрехта III Пфальцкого и аббата Виссенбурга. Более того, в случае войны герцога Орлеанского с Рупрехтом III, маркграф имел право помочь королю. В случае службы в доменах герцога Орлеанского маркграф должен был получать 200 франков в месяц лично и по 20 франков на каждое «копье» рыцаря или оруженосца. Со своей стороны герцог Орлеанский обещал маркграфу защиту для него лично, его земель и подданных [5, р. 88–91].

Привлечение на свою сторону маркграфа Баденского было частью плана герцога Орлеанского по преодолению раскола церкви и получению императорской короны. Не исключено, что, ввязавшись в дела империи, герцог Орлеанский вынашивал самые амбициозные планы – посадить в Риме авиньонского папу Бенедикта XIII, а самому, при поддержке своего тестя, миланского герцога Джана Галеаццо Висконти, короноваться императором. Об этом в июне 1402 г. из Парижа сообщал своим землякам страсбургец Никола Бешерер. Кроме того, герцог Орлеанский заявлял, что земли империи до Рейна по праву принадлежат королю Франции [8, р. 104–105]. Несмотря на смерть герцога Миланского в сентябре 1402 г., Луи Орлеанский не оставил честолюбивых намерений.

8 ноября 1402 г. фуа и оммаж герцогу Орлеанскому за пенсию в 300 экю принес Фридрих де Мёр, граф Саарвердена, поклявшись быть «добрым и верным вассалом» [5, р. 91]. Помимо прочего, поступок Фридриха де Мёр был обусловлен тем, что он владел в герцогстве Люксембург сеньориями Дюрбюи, Бастонь и Марш, данными ему Венцеславом IV Богемским в июне 1400 г. в залог выплаты 18 тыс. флоринов [1, р. 96].

19 ноября 1402 г. герцог Орлеанский передал управление герцогством Люксембург и графством Шини Гийому, сеньору де Бракемону, «любимому и верному шамбеллану, советнику и маршалу», назначив его своим главным наместником в новых владениях [5, р. 91–92]. В этот же день, переехав в Ивуа в графстве Шини, Луи Орлеанский принял вассальную клятву от люксембургского рыцаря Анри д'Орле, обещавшего служить за ежегодные выплаты в 200 турецких ливров [5, р. 92]. Из Ивуа герцог Орлеанский 1 декабря 1402 г. прибыл в Музон на территории Франции, а к 10 декабря вернулся в Париж (известны письма и распоряжения герцога Орлеанского из Музона и Парижа, соответственно за 1 и 10 декабря 1402 г.) [5, р. 93].

Таким образом, поездка Луи Орлеанского в Люксембург была совершена не только с целью вступить во владение новой территорией и организовать на ней управление, но и для того, чтобы привлечь на свою сторону прирейнских феодалов, в намечавшемся противостоянии в империи с Рупрехтом III Пфальцким.

Реакция Рупрехта III Пфальцкого. Узнав, что зять его врага, герцога Миланского, получил в управление Люксембург, король Рупрехт III Пфальцкий созвал в Шпайере съезд верных ему рейнских городов, которые хотел привлечь к борьбе против герцога Орлеанского. Получение Люксембурга братом короля Франции Рупрехт III воспринял не иначе, как иностранную агрессию. Вероятно, у Рупрехта III также были опасения в отношении фогства Эльзаса, которое он отобрал у Венцеслава IV в 1400 г., и на которое мог предъявить претензии Луи Орлеанский. Известно письмо Рупрехта III городу Страсбургу от 11 ноября 1402 г., данное в Нюрнберге, в котором он приглашал представителей города на королевский штаттгаг (совет городов) в Шпайере в связи с «захватом» Люксембурга герцогом Орлеанским [11, s. 486].

На штаттгаге, состоявшемся 13 декабря 1402 г., было принято решение о совместной защите в случае нападения герцога Орлеанского [11, s. 488–489]. В марте 1403 г. Рупрехт III Пфальцкий информировал римского папу Бонифация IX, что не может вернуться в Италию, так как ведет войну с королями Богемии и Венгрии, с одной стороны, и герцогом Орлеанским, с другой [3, р. 291].

В 1403 г. Рупрехт III предпринял меры, чтобы наказать маркграфа Баденского за союз с Луи Орлеанским, и призвал прирейнские города и феодалов выступить против него. В письме из Гейдельберга магистрату Страсбурга от 15 апреля 1403 г. Рупрехт III призывал горо-

жан начать войну против маркграфа Баденского, обвинив его в подрыве безопасности империи [11, s. 504–505]. На призыв Рупрехта III откликнулись епископ Страсбурга, граф Вюртемберга, бывший ландфогтом Эльзаса и сеньоры фон Лихтенберг, сумевшие захватить замок Гемар, принадлежавший маркграфу [11, s. 497–498]. Узнав о нападении на союзника, герцог Орлеанский, следуя условиям договора, предпринял ответные действия. В герцогстве Люксембург снаряжали воинов и укрепляли замки. В конце апреля в Реймсе было собрано 200 воинов, которых капитан герцога Орлеанского, Клинье де Бребан повел в Германию на помощь маркграфу (вернулся в Париж 6 июля) [3, p. 292].

Однако, поняв всю опасность своего положения, Бернард Баденский поспешил помириться с королем Рупрехтом III, заверив последнего, что ничего не замышлял против него. Примирение было достигнуто 5 мая 1403 г. в Вормсе при посредничестве Фридриха III, архиепископа Кёльна, Фридриха II, епископа Утрехта, и Симона IV, графа фон Шпонхайм [11, s. 506–510]. В этот же день отдельным письмом маркграф Бадена пообещал Рупрехту III не оказывать никакого содействия герцогам Орлеанскому и Миланскому, а также королям Венгрии и Богемии [11, s. 510].

В противостоянии с Луи Орлеанским Рупрехт III рассчитывал также на поддержку короля Англии, которого проинформировал о деструктивных действиях французского принца не только в отношении империи, но и против Англии. В письме, написанном 10 августа 1403 г. в Трире, Рупрехт III извещал короля Генриха IV, что герцог Орлеанский пытался привлечь к союзу против Англии ряд крупных феодалов пограничья (архиепископа Кёльна, епископов Страсбурга и Айхштадта, графов Людвиг и Фридриха фон Оттинген, Симона, графа фон Шпонхайм) [8, p. 104].

Таким образом, приобретение герцогом Орлеанским Люксембурга вызвало серьезную обеспокоенность и ответные действия Рупрехта III Пфальцского, который организовал против него лигу верхнерейнских городов, выступил против маркграфа Баденского и апеллировал к королю Англии.

Конфликт с архиепископом Трира. Как новый правитель Люксембурга, Луи Орлеанский получил в наследство общую границу с архиепископством Трир. Исторически сложилось, что отношения герцогов Люксембурга и архиепископов Трира, за редким исключением, носили дружественный характер. Это было обусловлено и общими экономическими интересами, и переплетением вассально-ленных отношений. Сам герцог Орлеанский 19 марта 1403 г. подтвердил существовавшее ранее соглашение между г. Трир и герцогством Люксембург [1, p. 113].

Однако, Луи Орлеанский, который поддерживал авиньонского папу и имел большие планы в империи, почти сразу пошел на конфликт с архиепископом Вернером фон Фалькенштайном. Во-первых, Вернер был участником низложения Венцеслава IV и избрания правителем Св. Римской империи Рупрехта III Пфальцского. Во-вторых, Вернер был убежденным сторонником римского папы.

Камнем преткновения в отношениях сторон стал стратегически важный замок Шёнек, который архиепископ держал в залоге у герцогов Люксембурга и передал во владение своему вассалу и, одновременно, родственнику, графу фон Вирнебургу [1, p. 104]. Желая вернуть Шёнек, герцог Орлеанский встретил сопротивление архиепископа и, особенно, графа фон Вирнебурга. На границе начались военные действия.

В начале июня 1403 г. правитель Люксембурга, сеньор де Бракемон, выступил для осады замка Милберг, спорной территории, занятой врагами, но 20 июля отказался от нападения [3, p. 292]. Вассалы герцога Орлеанского в Люксембурге, среди которых были сеньоры де Кроненбург, де Булэ, д'Юфализ, начали совершать нападения на земли архиепископства. В ответ, в войну против Люксембурга вступил граф фон Вирнебург. Военные действия закончились в сентябре 1403 г., когда люксембургские сеньоры и архиепископ Трира заключили мир [1, p. 114].

В результате, 28 октября 1404 г. в Трире представители герцога Орлеанского и архиепископа Вернера заключили договор, который предусматривал: 1) замок Шёнек, который архиепископ Куно (предыдущий архиепископ Трира) купил у Венцеслава IV, короля Римлян и Богемии, с возможностью выкупа, будет выкуплен за 16 тыс. флоринов; правители Люк-

сембурга будут владеть замком, как фьефом аббатства Прюм; поскольку архиепископ заложил замок Рупрехту, графу фон Вирнебургу, он позаботится, чтобы граф не пострадал; 2) Люксембург передаст Триру $\frac{1}{2}$ замка и домена Милберг, который зависит, как фьеф, от Трира, так что замок будет наполовину принадлежать Триру, наполовину Люксембургу, также, как замок Фрёденберг; 3) За все феодалы, которые герцоги Люксембурга держат от архиепископов Трира, будет принесен оммаж, и также будет сделано в отношении всех других, кто держит фьефы от архиепископов, например, Хиллерсхайм; 4) Церковная юрисдикция архиепископа остается неизменной, монастыри могут везти свои товары и имущество через Люксембург без оплаты за проезд, как это определено в хартии Венцеслава I, герцога Люксембурга и Брабанта. Путь по реке Мозель и дороги в Люксембург и Трир остаются свободными для всех подданных двух земель, кроме оплаты обычных сборов; 5) Война окончена, заключен постоянный мир. Стороны не будут позволять, чтобы какой-либо вассал или подданный земли причинял вред другим. Стороны не будут давать убежище общим врагам. Судебные тяжбы подданных одной земли против другой будут вестись через назначенных комиссаров [1, р. 119]. Жан де Милберг принес оммаж архиепископу Трира и Луи Орлеанскому за замок Милберг [1, р. 120].

Архиепископу Трира пришлось выплатить графу фон Вирнебургу деньги за сеньорию Шёнек, отданную ему ранее в залог. Известно, что 29 октября 1404 г. Рупрехт, граф де Вирнебург, дал расписку архиепископу о получении 1000 гульденов в счет 3000, которые архиепископ ему должен по соглашению с Люксембургом [1, р. 120]. В результате, 2 ноября 1404 г. граф фон Вирнебург объявил, что он примирился с землей Люксембурга и снял все претензии, имевшиеся против нее из-за войн и по другим причинам. Стороны должны были взаимно вернуть пленных и заложников, графу должны были вернуть фьефы, которые он держал в Люксембурге и вернуть также всем другим, кто отказался от войны и попросил о возвращении [1, р. 120].

8 декабря 1404 г. наместник в Люксембурге, сеньор де Бракемон, подтвердил намерение принять соглашение с архиепископом Трира [1, р. 120]. 13 декабря 1404 г. мирный договор был ратифицирован герцогом Орлеанским [1, р. 120–121].

Еще одним неурегулированным вопросом между сторонами был статус маркизата Арлон, входившего в герцогство Люксембург. Архиепископы считали его своим фьефом и требовали принесения за него оммажа, что герцог Орлеанский, по причине имевшегося конфликта, делать не торопился. Наконец, 22 июня 1406 г. письмом из Парижа Луи Орлеанский объявил от имени герцогства Люксембург, что принимает во фьеф от Церкви Трира маркизат Арлон, а также должность великого маршала Церкви Трира с обязанностями и доходами этого места, правом патронажа более 72 церквей, их десятины и все что от них зависит, половину замка Фрёденберг, защиту монастыря Сен-Максимен и города Бидбурга [1, р. 124].

6 августа 1406 г. был заключен договор между землями Трира и Люксембурга через назначенных сторонами арбитров, которые постановили, что Люксембург должен возместить ущерб, нанесенный Церкви Трира, предоставить священникам свободно распоряжаться своим имуществом без права его захвата. Церковь Трира сохранила церковную юрисдикцию в землях Люксембурга. На усмотрение церковного суда Трира оставался вопрос о наложенном на замок Хеффинген интердикте. В свою очередь, архиепископ Трира должен был вернуть деньги, взятые у двух жителей Бастони в размере 710 флоринов [1, р. 124–125].

Заключение. Таким образом, приобретя в 1402 г. герцогство Люксембург в залог у Йошта Моравского с согласия Венцеслава IV Богемского, герцог Орлеанский сделал его базой для своей политики в империи, направленной против Рупрехта III Пфальцского и римского папы. Ему удалось утвердить свою власть в Люксембурге и заручиться поддержкой ряда немецких феодалов региона, в том числе влиятельного маркграфа Баденского. Однако, действия Луи Орлеанского вызвали контрмеры со стороны Рупрехта III Пфальцского, который организовал союз прирейнских городов с целью противостоять герцогу Орлеанскому, в том числе, возможному вторжению в Эльзас. Под давлением Рупрехта III маркграф Бадена вынужден был отказаться от союза с герцогом Орлеанским. В отношениях с архиепископом Трира Луи Орлеанский пошел на конфликт из-за замка Шёнек и добился права на его выкуп и возвращение. В свою очередь, герцог Орлеанский, как правитель Люксембурга, признал вассальную зависимость маркизата Арлон от архиепископов Трира.

Литература

1. Wurth-Paquet, Fr.-X. Table chronologique des chartes et diplômes relatifs a l'histoire de l'ancien pays de Luxembourg. Règne de Wenceslas II, roi de Romains et de Bohême, duc de Luxembourg et Comte de Chiny. 8 décembre 1383 – 16 août 1419 / Fr.-X., Wurth-Paquet // Publications de la Section historique de l'Institut constitué sous le protectorat de Sa Majeste le Roi Grand-Duc. Année 1869–1870. – Luxembourg : V. Buck, 1870. – Ser. 2, t. 25. – P. 1–238.
2. Choix de documents luxembourgeois inédits, tirés des archives de l'État à Bruxelles, recueillis et publiés par N. van Werweke // Publications de la section historique de l'institut royal Grand-Ducal de Luxembourg. – Luxembourg : V. Bück, 1889. – T. 40. – P. 149–252.
3. Jarry, E. La vie politique de Louis de France, duc d'Orléans, 1372–1407 / E. Jarry. – Paris : Picard; Orléans : Herluison, 1889. – 507 p.
4. Chronique du religieux de Saint-Denys, contenant le règne de Charles VI, de 1380 a 1422 : en 6 t. – Paris : Crapelet, 1841. – T. 3. – 780 p.
5. Documents luxembourgeois à Paris, concernant le gouvernement du duc Louis d'Orleans, par Au. de Circourt et N. van Werweke // Publications de la section historique de l'institut royal Grand-Ducal de Luxembourg. – Luxembourg : V. Bück, 1889. – T. 40. – P. 53–148.
6. Codex diplomaticus et epistolaris Moraviae. Herausgegeben von V. Brandl. – Brünn : Mährischen Landes-Ausschusses, 1897. – Bd. 13. – 589 s.
7. Huguenin, J.-F. Les chroniques de la ville de Metz : 900–1552 / J.-F. Huguenin. – Metz : S. Lamort, 1838. – 896 p.
8. Leroux, A. Nouvelles recherches sur les relation politique de la France avec l'Allemagne de 1378 à 1461 / A. Leroux. – Paris : E. Bouillon, 1892. – 378 p.
9. Servais, V. Annales historiques du Barrois de 1352 à 1411 ou histoire politique, civile, militaire et ecclésiastique du duché de Bar : en 2 t. / V. Servais. – Bar-le-Duc : Contante-Laguerre, 1867. – T. 2. – 482 p.
10. Clouet, L. Histoire de Verdun et du pays Verdunois : en 3 t. / L. Clouet. – Verdun : Ch. Laurent, 1870. – T. 3. – 660 p.
11. Deutsche Reichstagsakten unter König Ruprecht. Zweite Abtheilung. 1401–1405. Herausgegeben von J. Weizsäcker. – Gotha : F.A. Perthes, 1885. – 869 s.

УДК 94(476)«19»+322(476)(091)«19»

Попытки установления внешнего управления Русской православной церковью (1920-е гг.)

И.И. ЯНУШЕВИЧ

В статье проводится анализ мер официальных органов по установлению контроля за деятельностью Русской православной церкви (РПЦ) неофициальными способами. Определено, что законодательство Советской республики в области отделения церкви от государства не соблюдалось. Установлено, что силовыми структурами, мерами устрашения, шантажа и подкупа удалось привлечь на свою сторону ряд иерархов и часть клира РПЦ. Сотрудничавшие с компетентными органами священники вынуждены были выполнять навязываемые им решения секретных комиссий. Действия митрополита Сергия (Стародорожского) определены как способствующие сохранению Церкви в качестве канонического института православия.

Ключевые слова: Русская православная церковь, Коммунистическая партия, обновленческий раскол, историческая память.

The article analyzes the measures of the official bodies to establish control over the activities of the Russian Orthodox Church (ROC) by unofficial means. It is determined that the legislation of the Soviet Republic in the field of separation of the church from the state was not observed. It is established that the power structures managed to attract a number of hierarchs and part of the ROC clergy to their side by means of intimidation, blackmail, and bribery. The priests who collaborated with the competent authorities were forced to carry out the decisions of the secret commissions imposed on them. The actions of Metropolitan Sergius (Starodorozhsky) are identified as contributing to the preservation of the Church as a canonical institution of Orthodoxy.

Keywords: Russian Orthodox Church, Communist Party, Renovationist schism, historical memory.

Партией большевиков уже в 1917–1918 гг. было заявлено, что для формирования нового более справедливого и прогрессивного общественного строя необходимо обеспечить полное отделение церкви от государства. Опыта проведения связанных с обозначенной задачей мероприятий не имелось ни внутри страны, ни за рубежом. Декрет от 23 января 1918 г. «Об отделении церкви от государства и школы от церкви» в целом носил достаточно прогрессивный и демократический характер. Пункт два закона гарантировал всем религиозным организациям и группам равные права и возможности»: «В пределах Республики запрещается издавать какие-либо местные законы или постановления, которые бы стесняли или ограничивали свободу совести, или устанавливали какие бы то ни было преимущества или привилегии на основании вероисповедной принадлежности граждан» [1, с. 615–617]. Все дальнейшее законодательство, начиная с Инструкции «Об отделении церкви от государства и школы от церкви», детализировало заявленный лозунг о недопустимости вмешательства государства и религиозных организаций в дела сторон. Получило юридическое закрепление распределение функций между органами государственного управления по обеспечению исполнения законодательства в сфере обеспечения конституционных прав граждан на свободу совести и контроля за соблюдением религиозными структурами существующих нормативно правовых актов [1, с. 13–17].

С законодательной точки зрения препятствий для функционирования религиозных организаций и исповедания гражданами той или иной религии не было, однако внутривластный аспект требовал от правящей группы иных подходов. Допустить существование пробольшевистских и каких-то иных значимых неподконтрольных властям общественных институтов в Советском государстве не представлялось возможным. Декларируемый тезис об отделении церкви от государства в программных документах РСДРП и заявлениях ее лидеров на практике был направлен на ликвидацию религии и церковных структур [2, с. 62–64]. Существование религиозных организаций на переходном этапе к коммунизму допускалось как вынужденная мера. В тоже время данный «пережиток» не должен был мешать формированию нового материалисти-

ческого мировоззрения у подавляющего большинства граждан. Функционирование церковных структур было возможно только при полном их подчинении интересам уполномоченных на то органов и, безусловно, это касалось не только и не столько действующего законодательства. С политической точки зрения это были два противоборствующие лагеря. Выстраивание партнерских взаимовыгодных отношений было возможно только на условиях властей.

Материалистическое мировоззрение в Российской империи не разделяло абсолютное большинство граждан. Формирование нового конфессионального поля в богословском государстве стало стратегической задачей ответственных за церковный вопрос товарищей. Необходимо было создание ситуации, при которой ни одна из религиозных организаций не могла организовать протестное движение, критичное для власти. В европейской части Российской империи это касалось РПЦ. Параллельно с ликвидацией экономического потенциала Церкви, разрушения ее организационно-управленческой структуры, физического уничтожения клира и активных прихожан антирелигиозниками принимаются меры по созданию конкуренции православию в виде различного рода религиозных направлений. Законодательно и декларативно это обозначалось как обеспечение подлинной свободы совести и восстановления прав угнетенных царским режимом культов. Указ «Об укреплении начал веротерпимости» 17 апреля 1905 г. и агрессивная атака на РПЦ после октябрьского переворота в Петрограде существенно ограничивали пропагандистские возможности большевиков [3]. Православная церковь стала с законодательной точки зрения равной всем иным культам. Обрушившиеся на нее гонения только укрепляли ее авторитет в глазах граждан. Для отхода православных верующих или причисляющих себя к РПЦ прихожан необходимы были не только моральные, но и материальные стимулы. Первым из них, безусловно, была безопасность человека, его жизнь и возможность социализироваться в советское общество. Подобная возможность предоставлялась, например, верующим протестантам. Официально или неофициально власти начали поддержку многих инославных культов, однако без взятия управления РПЦ в свои руки ликвидация религии и церкви не представлялась возможной.

Большевики с первых дней сконцентрировались на борьбе именно с Православной церковью. «Успехи» здесь уже имелись [4, с. 83]. Некоторая часть клира была или убита, или покинула страну. Активные воцерковленные светские лица, выступившие на защиту Церкви, являлись мишенью для репрессивного аппарата. К началу 1920-х гг. был произведен полный отъем собственности и сильно ограничены возможности получения средств к существованию [4, с. 91–92]. В то же время православных в стране было не менее 100 млн., главным образом, крестьян, приветствовавших экспроприацию собственности крупных землевладельцев, но никак не желающих терять традиционный уклад, где религия и церковь были важнейшими составляющими. И пускай для него Иисус Христос, Богородица и Николай Чудотворец были «Троицей единосущной и нераздельной», но отношение к миру у него было православным [5, с. 168].

С начала 1920-х гг. храмы все активнее начали наполняться верующими. Из казенной, оберпрокурорской Церкви все более превращалась в народную. Население с большим доверием относилось к своим пастырям, чем до революции, и это не давало возможности продолжить осуществление активной репрессивной политики в отношении духовенства. Социально-экономический кризис и попытки выстраивания новой экономической политики не позволяли властям полностью игнорировать общественное мнение, а влияние на него РПЦ, особенно в деревне, было определяющим. В то же время заявившая о своей аполитичности Церковь и не одобрила действия властей. В пропагандистском плане официальные структуры сильно проигрывали церковным. Стояла задача принудить их не просто молчать, но заставить поддерживать мероприятия безбожных властей, тем самым компрометируя себя в глазах верующих.

Л.Д. Троцкий, поддержанный В.И. Лениным, в конце 1921 г. – начале 1922 г. инициировал резкую краткосрочную атаку на религиозные организации под предлогом борьбы с голодом в Поволжье. Целью кампании был не только дальнейший, максимально полный отъем имущества, но и устранение в церковной среде всех каким-то образом не согласных с действиями властей. РПЦ с 1921 г. активно помогала голодающим [6, с. 160]. Существующая организационная структура позволила сформировать эффективные механизмы сбора

средств, что не входило в планы антирелигиозных работников и наоборот укрепляло авторитет Церкви. Стало очевидным, что существующая система ограничений недостаточна для уничтожения религиозных организаций, а к Православной церкви необходимо применить меры по приведению в высшее церковное управление полностью лояльных лиц. В церковной практике это должен был стать раскол. Власти инспирировали и всячески поддерживали данный процесс. Главный лозунг нового движения должен был мотивировать на отказ от прошлого, его ломку и построение нового будущего в соответствии с коммунистической идеологией. В церковном варианте это получилось как обновление, а отсюда и название всего движения – обновленчество. Работа по данному направлению была сконцентрирована в руках Секретного отдела ОГПУ и Антирелигиозной комиссии при ЦК ВКП (б) [7, с. 52–60].

Еще в декабре 1920 г. Ф. Держинский писал В.И. Ленину, что официально или неофициально иметь кому-либо дело с попами не следует: «Выйдет только компрометация. На это может только В. Ч. К.» [8, с. 159]. Первоначально в ВЧК сделали ставку на разложение малого, низшего духовенства, недовольного существующей церковной иерархией. Основой религиозных организаций законодательно был определен приход. Взятие приходской жизни под контроль позволяло бы надеяться и на возможность управления всей структурой [8, с. 154]. Однако в условиях 1922 г. главное внимание стало уделяться руководству Церкви. Окружение патриарха, иерархов РПЦ, в том числе заявлявших о необходимости дальнейших преобразований согласно решений Поместного Собора 1917–1918 гг., к планируемой операции на первоначальном этапе привлечь не удалось. Чекистами была определена из числа духовенства группа лиц, считавшими для себя возможным подобное взаимодействие с официальными светскими структурами. Один из будущих организаторов обновленческого раскола А. Введенский еще в 1919 г. во время встреч с Г.Е. Зиновьевым предлагал свои услуги для достижения соглашения между государством и РПЦ [6, с. 67]. Как человек образованный, изучавший историю и прожив в стране Советов к 1922 г. более четырех лет, он, безусловно, отчетливо осознавал, на каких условиях возможно такое сотрудничество. Еще один из лидеров обновленческого движения В. Красницкий в том же 1919 г. активно популяризировал идею сотрудничества Православной церкви и атеистической власти на условиях последней [9, л. 1–14]. Л.Д. Троцкий на заседании Политбюро 30 марта 1922 г. предложил следующий план действий: «Спровоцировать церковный раскол, устранить патриарха Тихона и содействовать приходу в высшее церковное управление обновленческих деятелей, тогда можно будет не принимать Православную церковь в расчет, как фактор политической жизни в России» [8, с. 78].

18 апреля 1922 г. всем парторганизациям была направлена телеграмма за подписью Секретаря ЦК РКП И. В. Сталина, в которой он требовал, чтобы в штате парторганов обязательно имелся ответственный работник по вопросам Церкви и раскола внутри духовенства. Далее Сталин разъяснил: «Лояльные элементы духовенства должны получить уверенность, что Советская власть не позволит контрреволюционным иерархам расправиться над демократическими элементами духовенства» [10, с. 316]. Таким образом, правящая партия четко указывала на необходимость вмешательства во внутренние дела РПЦ. Патриарх Тихон был помещен под домашний арест как обвиняемый по преступлениям, за которые могла быть применена и высшая мера революционной защиты. 12 мая 1922 г. к патриарху была допущена инициативная обновленческая группа с целью получения резолюции о передаче ей высшего церковного управления. Первосвященник, с учетом неблагоприятных перспектив собственного участия в данном процессе, разрешил членам делегации упорядочить патриаршую канцелярию, а своим заместителем на время отсутствия назначить митрополита Вениамина Петроградского или Агафангела Ярославского [4, с. 96, 102]. Но обновленцы уже 16 мая 1922 г. объявили о переходе к ним управления РПЦ. Митрополиты в Москву не были допущены. Создавалось Высшее церковное управление. 29 мая 1922 г. состоялось учредительное собрание обновленческой «Живой церкви» [4, с. 96–97].

К июлю 1922 г. из 73 епархий только в 36 архиереи остались верными Тихону. Перед руководством БССР также стояла задача нейтрализации всей православной иерархии. В июне 1922 г. епископ Минский и Туровский Мелхиседек после соответствующих бесед в

ОГПУ, по мнению компетентных органов, признал обновленческое ВЦУ [11, с. 231]. На самом деле это был лишь расчетливый тактический ход. Здесь Минск допустил значительную ошибку. Партией ставилась задача передачи управления Православной церковью в БССР именно ВЦУ. В Беларуси же 10 июля 1922 г. было объявлено об автономии местной церкви, а значит и в некоторой степени независимой от Москвы. Политическое руководство республики нейтрально отнеслось к созданию Автономной церкви, восприняв это как очередной раскол. Любой разброд в религиозных организациях приветствовался [11, с. 231]. Мелхиседек фактически саботировал присоединение белорусских епархий к обновленчеству. Используя противоречия в руководстве ВЦУ и непрофессионализм местных чекистов, митрополит и его сторонники делали только вид отхода от патриаршей церкви. На протяжении двух лет задача не решалась. Велась линия по укреплению и систематизации деятельности сторонников патриарха Тихона в епархиях. Митрополит со временем предал анафеме обновленцев и покаялся за отпадание от Матери-церкви перед патриархом [12, с. 295]. Только после того, когда органами против Мелхиседека и нескольких его сторонников было заведено уголовное дело за сопротивление изъятию церковных ценностей, и в республике были предприняты жесткие превентивные меры, обновленчество смогло развернуть свою раскольничью работу. В 1925 г. митрополит окончательно был вывезен из БССР [13, л. 151–151 об.].

Уже ко второй половине 1920-х гг. становится понятным, что обновленчество не сможет разрушить Церковь [10, с. 323–324]. Кроме численных и качественных характеристик раскольников, важным аспектом выступило то, что весь их реформаторский запал иссяк, а формы воздействия на них оставались прежними [14, л. 25–27]. Нововведения неканонические сводились к более мягким требованиям к клиру и епископату, незначительными нововведениями в богослужбной практике и отношению к светской власти. Для дальнейшего ослабления управления церковью, разрушения единства в иерархии, ослаблению церковной дисциплины ОГПУ были реализованы активные оперативные мероприятия в центре и на местах. Но ситуация начала приобретать крайне нежелательный характер. РПЦ с середины 1920-х гг. возрождалась в наиболее неприемлемой для властей форме [15, с. 111]. Движение снизу было достаточно массовым и мотивированным. При приходах появлялись сестричества. Благотворительность и помощь нуждающимся, в том числе, и заключенным, становилась обыденной практикой. Приходская жизнь была наполнена совместными делами и переживаниями. «Престиж и авторитет заключенного и преследуемого духовенства были неизменно выше, чем при царях» [15, с. 111].

Наиболее перспективными причинами для расстройства единения иерархии Церкви были определение вопроса преемственности высшей церковной власти после смерти патриарха Тихона и очередное заявление от РПЦ о полном согласии с действиями властей. В первом случае возможности властей ограничивались только личностными качествами епископов и их реальным авторитетом среди иерархов и верующих. Главным аргументом в разговорах с епископатам, в первую очередь, с митрополитами Сергием, Кириллом, Агафангелом была угроза лишения РПЦ возможности организации высшего церковного управления. Арест всех епископов был технически возможным [4, с. 117]. Основные претенденты на должности местоблюстителя или заместителя местоблюстителя патриаршего престола поочередно арестовывались и подвергались различного рода давлению. Власти оказывали поддержку любым расколам в Церкви. Опубликованные протоколы заседания Комиссии по отделению церкви от государства при ЦК РКП(б)-ВКП(б) открывают некоторые детали затеянной ОГПУ «оперативной игры» [7, с. 170, 174, 181], [10, с. 376]. Поддержка оказывалась как «правым» антисоветчикам, так и «левым», получившим инструкции от оперативных работников спецорганов. Первые, как, например, «даниловцы» могли и не догадываться, что их используют в борьбе с церковью. Отсутствие жесткого давления, возможность выполнять свои функции по организации традиционной деятельности – это уже была поддержка, в то же время, когда сторонников митрополитов Сергия, Петра, Агафангела и Кирилла и их самих постоянно арестовывали, допрашивали и блокировали через органы советской власти все их действия. Были группы, такие как «григорьевцы», которые не смогли устоять перед давлением ОГПУ и вынуждены были пойти на сотрудничество, которое привело их к фактическому расколу с Матерью-церковью [4, с. 114–115], [10, с. 345–348].

Гораздо сложнее было втянуть в игру кандидатов на должность патриаршего местоблюстителя. Однако, начальнику СООГПУ Е.А. Тучкову это удалось путем манипулирования информацией как напрямую от себя лично и своих сотрудников, так и через иных лиц, вызывавших доверие у владык. В итоге удалось добиться неразберихи среди клира и иерархов, противостояния и нарушения церковной дисциплины, но эффект от этого на местах был незначителен. Следует отметить, что епископат и клир сами стремились нормализовать отношения с государством. Какой-то конкретной контрреволюционной деятельности со стороны православных священнослужителей не велось. Декларации соловецких монахов и митрополита Сергия на имя председателя ВЦИК демонстрировали полную аполитичность Церкви, признание советской власти законной. ОГПУ подобные декларации были не нужны. Опыт показал, что даже «покаянные» декларации патриарха Тихона 1923 и 1925 гг. должного эффекта не возымели. Несмотря на настойчивое давление и контроль, епископат смог организовать тайные выборы патриарха путем письменного голосования [15, с. 147], [5, с. 200]. Посадки и угроза смерти для многих перестали быть залогом получения согласия на сотрудничество с органами. Наиболее «перспективным», с оперативной точки зрения, оказался митрополит Сергей. Владыка к 1927 г. уже сделал «несколько ходок». Как заместитель патриаршего местоблюстителя уже принял ряд решений, не воспринятых многими иерархами, но в то же время это была самая заметная фигура после находящихся в заключении и не находивших для себя возможности пойти на не носящие существенный урон Церкви уступки государственным органам митрополиты Петр, Кирилл и Агафангел [7, с. 181]. В тоже время Сергей хорошо знал ситуацию на местах. Самым значительным и непреодолимым без ослабления антицерковной политики, по мнению владыки, было отсутствие нормальной системы управления Церковью, организации ее функционирования как Единого, Соборного механизма без утраты всех канонических устоев православия [8, с. 244–247, 268–270]. Уже начиная с 1925 г., после смерти патриарха Тихона, активизировались центробежные тенденции. Многие были недовольны и заявлениями почившего предстоятеля. В БССР, в том числе благодаря усилиям ОГПУ, активно продвигалась идея создания автокефальной Церкви. «Прокрасная» позиция митрополита Сергия, декларация от 29 июля 1927 г. стали хорошим пропагандистским фоном для объявления на съезде православного клира и верующих 10 августа 1927 г. о провозглашении Белорусской Автокефальной Церкви. В Беларуси было три течения Православной церкви: обновленцы, сергиевцы и мелхиседековцы [16, л. 11]. Сергей был абсолютно прав, оценив ситуацию в стране и пойдя на порочащие Церковь и его лично условия сделки с властями в обмен на возможность сохранения Православной церкви в СССР как единого православного организма [8, с. 261–267]. Верить властям, возможно, было наивно в условиях советской действительности 1920-х гг., но представить себе развитие ситуации 1929–1930 гг. в том же 1927 г. было невозможно. Члены ЦК партии не догадывались, до какой степени «обострится» классовая борьба в «год великого перелома» и столь трагично отразится на всех религиозных организациях без исключения. Если бы не постановление о религиозных организациях 1929 г., изменения в Конституции, коллективизация, то действия митрополита Сергия в 1927 г. фактически разрушили бы все усилия ОГПУ за предыдущие несколько лет. У православных, выбравших иной путь борьбы за веру и Церковь, был бы каноничный орган, к которому они могли присоединиться, несмотря и на декларацию Сергия, и на его неоднозначные интервью. Начало 1930-х гг. показало устойчивый, а то и возрастающий интерес граждан к религии, к участию в богослужениях [17, л. 1–2]. А перепись 1937 г. подтвердила, что верующие не просто еще существуют, но их большинство в безбожном государстве.

Таким образом, проведенное исследование показало, что на протяжении 1920-х гг. официальные структуры гласным и не гласным способами пытались установить внешнее управление РПЦ. Перед властями стояла задача нейтрализовать любые коллективные попытки выражения несогласия с реализуемой внутренней политикой. Православные иерархи в абсолютном большинстве не пошли на сотрудничество с госорганами в вопросах противоречащих званию духовного лица и наносящих урон Церкви. Обновленчество не достигло угрожающих сохранению православия масштабов. Расколы «слева» и «справа» к концу 1920-х гг.

не создали канонических и административных преград для воссоединения единомыслителей в лоне одной религиозной структуры в случае изменения общественно политической ситуации и ослабления антирелигиозных мероприятий. Критикуемые практически всеми сторонами действия митрополита Сергия позволили сохранить управляемость Церковью и не допустить ее перерождения в псевдорелигиозное образование.

Литература

1. Гидулянов, В. П. Церковь и государство по законодательству РСФСР : Сборник Узаконений и Распоряжений с разъяснениями VIII Отдела НКЮ / В. П. Гидулянов ; под ред. П. А. Красикова. – М. : Типография ГПУ, 1923. – 123 с.
2. Янушевич, И. И. Формирование антирелигиозной агитационно-пропагандистской системы в БССР (1919—1923 гг.) / И. И. Янушевич // Беларусь і суседзі: шляхі фарміравання дзяржаўнасці, міжнацыянальныя і міждзяржаўныя адносіны : зб. навук. арт. – Гомель : ГГУ им. Ф. Скорины, 2016. – Вып. 5, № 1. – С. 59–64.
3. Журнал «Слово Церкви». – 1915. – № 15 [Электронный ресурс] // Режим доступа : <http://wiki.starover.net/index.php?title=> – Дата доступа : 17.02.2021.
4. Шкаровский, М. В. Русская Православная Церковь в XX веке / М. В. Шкаровский. – М. : Вече, Лепта, 2010. – 480 с.
5. Кузнецов, С. В. Нравственность и религиозность хозяйственной деятельности русского крестьянства / С. В. Кузнецов // Православная жизнь русских крестьян XIX–XX вв. – М. : Наука, 2001. – С. 168–182.
6. Цыпин, В. Русская Церковь (1917–1925) / В. Цыпин. – М. : Изд. Сретенского монастыря, 1996. – 189 с.
7. Протоколы Комиссии по проведению отделения церкви от государства при ЦК РКП(б)–ВКП(б) (Антирелигиозной комиссии). 1922–1929 гг. / сост. В. В. Лобанов. – М. : Изд-во ПСТГУ, 2014. – 381 с.
8. Русская Православная Церковь и коммунистическое государство 1917–1941. Документы и фотоматериалы. – М. : Изд. Библийско-Богословского инст. святого апостола Андрея, 1996. – 218 с.
9. Государственный архив Российской Федерации. – Ф. А353. Оп. 2. Д. 678.
10. Сосуд избранный: История российских духовных школ в ранее не публиковавшихся трудах, письмах деятелей Русской Православной Церкви, а также в секретных документах руководителей советского государства. 1888–1932 / сост., авт. предисл., послесл. и коммент. М. Складорова. – СПб. : Борей, 1994. – 452 с.
11. Архивы Кремля. Политбюро и церковь 1922–1925 / сост. Н. Н. Покровский, С. Г. Петров. – М., Новосибирск, 1997. – Кн. 1. – С. 414–417.
12. Акты Святейшего Тихона, Патриарха Московского и всея России, позднейшие документы и переписка о каноническом преемстве высшей церковной власти, 1917–1943 гг. : сб. в 2 ч. / Сост. [и авт. примеч.] М. Е. Губонин. – М. : Изд-во Православ. Свято-Тихон. богосл. Ин-та, 1994. – 1063 с.
13. Российский государственный архив социально политической истории. – Ф. 558. Оп. 11. Д. 29. Л. 12.
14. Национальный архив Республики Беларусь. – Ф. 4п. Оп. 1. Д. 1000.
15. Поспеловский, Д. В. Русская Православная Церковь в XX веке / Д. В. Поспеловский. – М. : Республика, 1995. – 351 с.
16. Национальный исторический архив Беларуси. – Фонд. 2786. Оп. 1. Д. 339.
17. Государственный архив общественных объединений Гомельской области. – Ф. 451. Оп. 20. Д. 313.

Филология

УДК 82-95:821.161.1А.А.Зиновьев

Эсхатологическая концепция технократического общества
в романе «Глобальный человек» А. А. Зиновьева

Е.А. Волк

В статье раскрывается своеобразие эсхатологических мотивов в романе-антиутопии «Глобальный человек» философа, социолога, публициста и писателя рубежа XX–XXI вв. Александра Александровича Зиновьева. Анализируется созданный автором образ «постчеловеческого» будущего. Дается представление о созданной прозаиком модели технократического общества, которая приведет человечество к тотальной нравственной деградации и последующей гибели. Раскрывается своеобразие созданного писателем жанра «социологического романа». Выявляются художественные приемы и средства, с помощью которых А.А. Зиновьев осмысливает волнующие его вопросы в произведении.

Ключевые слова: русская литература XX–XXI вв., А.А. Зиновьев, социологический роман, антиутопия, эсхатологический мотив, духовный апокалипсис.

The article reveals the peculiarity of eschatological motifs in the dystopian novel «The Global Human Hill» by the Russian philosopher, sociologist, journalist and writer of the turn of the 20–21st centuries. The author of the article analyses the image of the «post-human» future created in the novel. The concept of a technocratic social model is introduced, and according to the novelist, this model will lead humanity to moral degradation and subsequent death. The concept of the original genre of «sociological novel» created by the writer is observed. The article defines the significance of stylistic devices and expressive means that help A. Zinoviev to discuss issues which are important to his novel.

Keywords: Russian literature of the 20–21st centuries, A.A. Zinoviev, sociological novel, dystopia, eschatological motif, spiritual apocalypse.

Тема Конца света является актуальной для философов, мыслителей и писателей разных столетий. Эпохальные произведения искусства пронизаны эсхатологическими мотивами и образами вследствие стремления авторов передать политические потрясения и социальные катаклизмы, связаны с попытками объяснить происходящее, ожиданием коренных переломов и поисками новых способов полноценной жизни.

У писателей XX – начала XXI столетий тема апокалипсиса оказывается также весьма востребованной. Среди причин, подтолкнувших прозаиков XX–XXI вв. обратиться к картинам тревожного и пугающего будущего, можно выделить кризисное состояние и разложение общества (экономические и социальные проблемы, кризис христианской религии); «холодную войну» между СССР и США и нависшую над миром угрозу развязывания третьей мировой войны с применением оружия массового поражения; распад СССР и крах прежней господствовавшей идеологии, воспринимавшийся людьми как подлинный апокалипсис. Все эти факторы вызвали резкий рост интереса к теме конца света и, следовательно, расцвет жанра антиутопии в мировой литературе конца XX в.

В числе писателей, которые обращаются к осмыслению опасных тенденций в жизни современного общества и моделируют образ будущего, оказывается Александр Александрович Зиновьев (1922–2006). В последние десятилетия творческое наследие прозаика вызывает большой интерес у исследователей и литературоведов. Социологические романы А.А. Зиновьева активно изучаются в различных аспектах (философском, литературном, социальном) такими учеными, как Б.А. Ланин («Русская литературная антиутопия XX века», 1993), Д. Юрьев («Сияющая бездна», 1999), А. Фурсов («Великий вопреки», 2000), Е.В. Комовская («Жанр социологического романа в творчестве А.А. Зиновьева», 2013) и другими.

Будучи не только писателем, но и, в первую очередь, философом, социологом, логиком, А.А. Зиновьев создал жанр «социологического романа» для кристаллизации и апробации своих социологических концепций в литературных произведениях, таких как «Зияющие высоты» (1976), «Светлое будущее» (1978), «В преддверии рая» (1979), «Желтый дом» (1980), «Запад. Феномен западнизма» (1995), «Глобальный человек» (1997), «На пути к сверхобществу» (2000). Российский исследователь А.А. Гусейнов отмечал, что социологический роман характеризуется тем, что в нем «научно-социологические результаты излагаются в художественной форме» [1, с. 104]. В романах А.А. Зиновьев концентрирует внимание не на конкретном персонаже или событии в частной жизни героя, а на политических и социальных процессах, происходящих в обществе и оказывающих влияние на всех членов социума в целом.

Стоит отметить, что писатель осмысливает идею конечности мира в нестандартном ключе. Классическим сюжетом для произведений эсхатологической тематики является изображение глобальной катастрофы и ее последствий для человечества. Создатели антиутопических произведений представляют гибель мира, как правило, в виде мирового бедствия, которое может носить, например, природный (потоп, ураган, землетрясение) или техногенный характер (восстание машин, мировые кризисы, ядерная война). Оригинальность апокалиптической концепции А.А. Зиновьева заключается в том, что для автора образ конца света выступает в качестве метафоры: писатель часто моделирует в своих романах замкнутое общество с тоталитарным режимом, видя в существовании людей в условиях абсолютной несвободы апокалипсис не физический, а духовный. А.А. Зиновьев исследует на примере такого мира коренные переломы в социальной эволюции человека, обострившиеся общественно-политические противоречия эпохи, последствия влияния на массовое сознание таких процессов, как техническое развитие, культ западнизма, контроль государства над жизнью человека, унификация личности, влияние политики сверхдержав на развитие других стран, перверсия системы ценностей.

В социально-футурологическом романе-антиутопии «Глобальный человек» (1997) А.А. Зиновьев создает собственную эсхатологическую концепцию, изображая картину ближайшего будущего для человечества (XXI столетие). В произведении прозаик подвергает критике широкое распространение в 1990-е гг. представлений, пропагандирующих развитие общества по западным стандартам жизни. Отмечая, как кардинально меняется суть современных людей, писатель утверждает, что наступает «постчеловеческая» эра, выявляя причины крушения человеческой эпохи.

Художественный мир «Глобального человека» нельзя в полной мере назвать фантастическим, несмотря на наличие вымысла в романе. Автор изображает в произведении *свиптальный*¹ мир (термин, придуманный А.А. Зиновьевым), который «<...> балансирует на грани реальности и ирреальности. Однако ирреальность <...> достигается не за счет описания необычных мест; необычного времени; или необычной вещи в подчеркнуто реалистическом пространстве, как в фантастических романах, а за счет гиперболического обобщения явлений действительности» [2, с. 106]. Свиптальный мир характеризуется элементами театральности, имитации, обмана. Однако в отличие от фантастической, выдуманной реальности, художественную вселенную романа А.А. Зиновьева можно соотнести с объективной действительностью, с тем лишь отличием, что писатель подчеркивает в произведении волнующие его проблемы, нарочито гиперболизируя их.

Социологический термин «человек», придуманный автором и введенный в название романа, образован по аналогии со словом «муравейник». При помощи этого неологизма автор акцентирует внимание на способе существования людей в виде единого общественно-органического организма. В отличие от муравейника, в котором все насекомые работают на благо колонии, в человеке «<...> во всех частях, во всех сферах, во всех разрезах, во всех подразделениях, на всех уровнях структуры, всегда и во всем идет ожесточенная борьба между “человечьями”» [3], в основе которой лежит стремление каждого члена общества удовлетворить свои эгоистичные интересы.

¹См. подробнее работу Е.В. Комовской «Социологический роман» как жанровая разновидность романа» [1].

Любой человек, как полагает писатель, существует по законам *экзистенциального эгоизма* (термин А.А. Зиновьева), согласно которым любой член общества стремится укрепить свое социальное положение или занять более высокое по сравнению с нынешним. Человек действует исключительно ради собственной выгоды и постоянно соревнуется с другими обитателями человека за материальные блага, не гнушаясь ничем в выборе методов борьбы. Человеку, согласно А.А. Зиновьеву, свойственны строгая иерархичность, унифицированность жизни, растворение отдельной личности в человеческой массе. Все члены общества из поколения в поколение воспроизводят себе подобных индивидов, бессознательно поддерживая четко установленный порядок, для сохранения которого людям навязываются определенные мировоззренческие установки и система ценностей [4]. В данном контексте термин «человек» по отношению к сообществу людей звучит уничижительно.

Писатель видит все признаки человека в современном ему обществе и наглядно изображает свою концепцию социальной эволюции человечества в «Глобальном человеке». Реальности Запада присущи классические признаки антиутопического мира: тоталитаризм, дегуманизация, создание максимально упрощенного языка для общения (так называемый «новояз»), нравственное разложение общества.

Композиция «Глобального человека» схожа со структурой научного исследования или учебного пособия: повесть разбита на главы, в каждой из которых писатель изображает один из аспектов жизни в футуро-городе Запада, например, «Быт», «Секс и любовь», «Школьные годы», «Армия», «Университет», «Моя работа», «Дружба», «Религия» и т. д.

О духовном состоянии обитателя человека и этого сообщества в целом ярко свидетельствует популярность такой услуги, как выбор родителями внутренних качеств будущих детей. Жители человека могут программировать детей такими, какими бы они желали их видеть. При моделировании ребенка будущие родители могут выбрать не только внешность, но и личные качества. Показательно, что спросом пользуются такие качества, как целеустремленность, настойчивость, деловитость, расчетливость, хладнокровность, практичность. Никто не выбирает для детей такие качества, как бескорыстие, верность, милосердие, сострадание, доброта, доверчивость, самоотверженность, откровенность. В сверхчеловеческом обществе важно помочь ребенку в будущем стать успешным, то есть миллиардером, президентом, знаменитым баскетболистом или мошенником. Профессии врача, учителя, ученого оказываются невостребованными, что свидетельствует о нездоровом состоянии футуро-общества.

О коренном изменении жизненных ориентиров человека будущего наглядно демонстрирует история Евы Адамс. Писатель неслучайно называет героиню и ее компьютер именами первых людей, обыгрывая библейский сюжет сотворения человеческого рода. Компьютер Адам и Ева Адамс являются извращенными образами библейских персонажей, по легенде созданных Господом. Воплощая в себе образ первочеловека нового сверхобщества, Ева осваивает не природный мир, а техногенное пространство. Героиня, глупая и примитивная, является полной противоположностью библейского образа первочеловека, который был естествоиспытателем в попытках изучить натуру, философом в стремлении постичь суть мироздания, лингвистом, давая окружающим его предметам и явлениям названия.

На примере истории Адама и Евы А.А. Зиновьев отражает суть зарождающегося сверхобщества, в основе которого лежит симбиоз человека и машины. Ева надиктовывает Адаму мельчайшие подробности своей жизни каждый день: «<...> как спала, когда и с каким настроением проснулась, какие видела сны, как работал её желудок и кишечник, что ела, у каких была врачей, что покупала и сколько при этом заплатила, что читала, что видела в телевизоре...» [5]. Те сведения о себе, которые героиня при помощи компьютера оставляет для потомков, бесполезны. Однако в человеке эти записи возводятся в ранг величайшего деяния, создавая настоящий культ Евы: ее именем называют «улицы, площади, вино, духи, сосисы, типы компьютеров» [5]. Таким образом, Ева Адамс, «самое ничтожное существо на планете», входит в историю человечества как одна из «самых значительных личностей всего тысячелетия» [5], что красноречиво свидетельствует о деградации общества, подмене истинных ценностей ложными, придании весомости незначительному и бессодержательному.

Авторскую позицию в романе выражает наиболее близкий писателю персонаж – главный герой произведения Ал. Он, наблюдая за происходящим вокруг, изучает структуру общества будущего и уклад жизни в Запад-сити. Герой является нетипичным представителем человечества нового типа и отличается от других жителей Запад-сити, например, тем, что может испытывать такие мало способствующие продвижению по карьерной лестнице чувства в футуросоциуме, как, например, стыд. Ал замечает, что все члены человеиника кажутся «ничтожными социальными единицами безликих величин настоящего» [5], которые являются одинаковыми легкозаменяемыми частицами социального механизма. У членов сообщества вместо имен используются серийные номера, как у транспортных средств. Так, главный герой имеет серийный номер AL-Z-29-10-22. Примечательно, что в имени Ала автор зашифровал дату своего рождения (29 октября 1922 г.), таким образом соотнеся в произведении себя с этим персонажем.

Образ Ала в «Глобальном человеинике» во многом автобиографичен. Так, А.А. Зиновьев заслужил репутацию оригинально мыслящего студента, однако смог защитить кандидатскую диссертацию лишь с третьего раза из-за противодействия со стороны профессорского состава. Этот эпизод из своей жизни автор Ал так же не смог защитить диссертацию и получить место в университете, потому что «нарушил неписанные нормы» и написал блестящую научную работу, являясь простым студентом, а не известным и авторитетным ученым, что вызвало сильнейшее раздражение у профессоров университета.

Одной из важнейших причин постепенного интеллектуального регресса и нравственной деградации человечества А.А. Зиновьев считает наступление компьютерной эпохи. Технический прогресс все более возводится в культ и в дальнейшем, по мысли писателя, приведет к падению уровня образованности людей до критически низкой отметки. С точки зрения А.А. Зиновьева, компьютеры, «всесильные божества Глобального человеиника» [5], помогут людям ощутить себя сверхлюдьми, но при этом на деле превратят человека в примитивное существо, лишив его необходимости думать и анализировать. По убеждению писателя, машины настолько прочно войдут в жизнь общества, настолько «вгрызутся» в подкорку человеческого сознания, что даже внутренний диалог индивида с самим собой станет невозможен: функцию собеседника возьмет на себя компьютер-«дублер». Вместе с тем «дублер» по имени Ла выполняет «<...> функции стукача, то есть стукачество существует в Запад-сити <...> на уровне контроля за *каждым* человеком» [5], делая Запад-сити похожим на идеальную тюрьму – паноптикум и исключая возможность бунта или разрушения уже существующего строя.

Язык общества, согласно А.А. Зиновьеву, также деградирует, отвечая новым социальным задачам: общение не по модели «человек-человек», а по модели «человек-машина». Речь станет скупой, убогой, лишенной эмоциональности и экспрессивности.

На протяжении всего произведения реализуется в несколько измененном виде концепция карнавала литературоведа М. Бахтина², отличительными признаками которой можно назвать профанацию, высмеивание, травестию, пародирование. Суть концепции карнавала заключается в переворачивании официально установленной общественной иерархии, инверсии двоичных оппозиций (например, верх становится низом и наоборот, король меняется местом с шутом, а служитель церкви с богохульником). По мнению исследователя, карнавал – это празднество, символизирующее мифический золотой век. Реальность же социума западоидов в «Глобальном человеинике» является псевдокарнавализацией. В обществе будущего деградация и неравенство достигнут своего апогея, что является полной противоположностью идее золотого века процветания человечества, а инверсия проявится, например, в восхвалении такого пустого существа, как Ева Адамс, и полном неприятии мыслящих личностей наподобие Ала.

Таким образом, писатели-антиутописты обращаются к образам страшной постапокалиптической действительности для осмысления современного им настоящего. А.А. Зиновьев создает собственную запоминающуюся художественную вариацию антиутопического мира, отвечающую настроениям эпохи рубежа XX–XXI вв. В этот период сценарии мировых катастроф оказались невостребованными ввиду осознания обществом отдаленности апокалипсиса, поэтому автор обращается к более реалистичному образу конца света. Автор в «Глобальном человеинике» под видом будущего рисует картины современного ему настоящего, создавая иронический ро-

²О концепции карнаваллизации М. Бахтина см. подробнее в «Словаре культуры XX века» В.П. Руднева [6].

ман-аллюзию на авторитарные режимы и социалистические и коммунистические идеологии XX столетия. Прозаик воспринимает Конец света не как физическое уничтожение мира путем глобальной катастрофы природного или техногенного характера, а как разрушение самой природы человека путем воплощения в жизнь мечтаний человечества об идеальном и справедливом обществе. Писатель раскрывает идею Исхода времен как гибель культуры и искусства, человеческих ценностей и духовности, торжество техногенной цивилизации с ее бездуховным рационализмом.

В «Глобальном человеинике» автор произведения делает неутешительный прогноз относительно судьбы техногенной цивилизации. По мнению писателя, тысячелетия цивилизации ничуть не способствовали нравственной и духовной эволюции человека, ослепленного иллюзией собственного превосходства. Уровень развития современной интеллектуальной техники позволил установить одну из самых разочаровывающих истин в истории человечества, а именно – что духовный (внутренний) мир человека в принятом возвышенном смысле никогда не существовал, а человеческий мозг развивался вовсе не для создания богатств внутреннего мира, а лишь для борьбы за богатства мира внешнего. Существующий строй поддерживается и тотализмом власти, и мазохистическими склонностями человеческой массы. А.А. Зиновьев выражает мысль о том, что человек «приложит все силы, чтобы избавиться от нестерпимой для него абсолютной свободы» [7, с. 100]. Единственный выход автор романа видит в тотальном разрушении существующей цивилизации, иных, более оптимистичных вариантов спасения человечества у автора для читателя нет.

Писатель в «Глобальном человеинике» весьма пессимистичен в своих прогнозах относительно будущего такого общества: автор вводит такого персонажа, как Ал, отличающегося от остальных членов социума и способного мыслить, однако Ал является героем-наблюдателем и в романе нет ни одного героя, способного бороться с системой западоидов или кардинально ее изменить. Однако упаднические настроения прозаика разделяли далеко не все мыслители и писатели его эпохи. Например, позиция О. Хаксли в романе «О дивный новый мир» кардинально отличается от взглядов А.А. Зиновьева: несмотря на гибель Джона Дикаря, внутри системы остаются свободные и радикально мыслящие люди, активные герои, осознающие бесчеловечность существующего общественного строя.

Идея конца света в произведении «Глобальный человеиник» не получает конкретного художественного воплощения, а выступает в качестве метафоры: физически люди не будут уничтожены, но деградируют духовно, незаметно для самих себя превратятся в человекоподобный суррогат. А.А. Зиновьев предостерегает о возможности страшных последствий для человечества его нынешнего направления развития: неконтролируемая технократическая экспансия и культ западнизма станут для общества в прямом смысле западней и приведут его к гибели.

Литература

1. Комовская, Е. В. «Социологический роман» как жанровая разновидность романа / Е. В. Комовская // Известия Рос. гос. пед. ун-та им. А. И. Герцена. – 2011. – № 132. – С. 103–108.
2. Комовская, Е. В. Романы А.А. Зиновьева в контексте художественной традиции / Е. В. Комовская // Вестник Брянского гос. ун-та. – 2012. – № 2. – С. 138–142.
3. Зиновьев, А. А. На пути к сверхобществу [Электронный ресурс] / А. А. Зиновьев // Большая онлайн библиотека e-Reading. – Режим доступа : <https://www.e-reading.club/book.php?book=87952>. – Дата доступа : 12.04.2021.
4. Фролов, Р. Ю. «Человеиник» Александра Зиновьева / Р. Ю. Фролов // Молодой ученый. – 2011. – № 1 – С. 118–121.
5. Зиновьев, А. А. Глобальный человеиник [Электронный ресурс] / А. А. Зиновьев // Большая онлайн библиотека e-Reading. – Режим доступа : <https://www.e-reading.club/book.php?book=23556>. – Дата доступа : 24.04.2021.
6. Руднев, В. П. Словарь культуры XX века / В. П. Руднев. – М. : Аграф, 1997. – 384 с.
7. Сухих, О. С. «По новому штату». Два лика государства в осмыслении А. Зиновьева / О. С. Сухих // Вестник Нижегородского гос. ун-та. – 2009. – № 6. – С. 98–105.

Структурно-прагматические особенности телевизионного жанра «кулинарная программа»

Д.А. ГАВРИЛОВА, Е.В. САЖИНА

Статья посвящена исследованию структурно-прагматических особенностей одного из дискурсивных жанров – телевизионная кулинарная программа на материале двух неблизкородственных языков – английского и русского. Объектом исследования стал дискурс, реализуемый в области гастрономии. Предметом исследования являются структурные и языковые особенности жанра «кулинарная программа». Установлено, что данный тип телевизионного дискурса имеет свою структурно-стилистическую организацию, которая реализуется при помощи различных языковых средств. В работе также представлен тактико-стратегический потенциал гастрономических передач, способствующий реализации воздействующей функции исследуемого дискурса.

Ключевые слова: телевизионный дискурс, кулинарная программа, структура, стратегия, тактика, прагматические маркеры.

The article is devoted to the study of the structural and pragmatic features of one of the discourse genres – the television culinary program based on the material of two non-related languages – English and Russian. The object of the study is the discourse in the field of gastronomy. The subject is the structural and linguistic features of the genre «culinary program». It has been found out that this type of television discourse has its own structural and stylistic organization, which is realized with the help of various linguistic means. The work also presents the tactical and strategic potential of gastronomic programs, contributing to the implementation of the influencing function of the discourse under study.

Keywords: television discourse, culinary program, structure, strategy, tactics, pragmatic markers.

Введение. В 50-х гг. XX в. Э. Бенвенист и З. Харрис заложили основы в определении термина «дискурс». Сам Э. Бенвенист применил его в своих трудах в новом значении: процесс присвоения языка говорящим [1, с. 313]. Отцом же лингвистики считается швейцарский учёный Фердинанд де Соссюр, который и ввёл впервые термин «дискурс».

Термин «дискурс» встречается во многих дисциплинах, например, в психологии, социологии, философии, лингвистике, литературоведении и многих других, и поэтому возникают сложности в его определении, так как в каждой науке смысл данного термина может существенно различаться. В лингвистике также существуют различные подходы к определению данного термина [2, с. 76].

Мы в свою очередь, в рамках проводимого исследования под дискурсом понимаем акт речевого воздействия, возникающий под воздействием ряда лингвистических и экстралингвистических факторов в процессе коммуникативного взаимодействия между людьми, получающий отражение в написанном или произнесённом высказывании.

Актуальность настоящей работы заключается в установлении набора коммуникативных стратегий, тактик и языковых средств их реализации в жанре «кулинарная программа» в сравнительно-сопоставительном аспекте наряду с его структурно-композиционными особенностями, которые до сих пор остаются недостаточно исследованными. Установление структурно-прагматических характеристик англоязычных и русскоязычных кулинарных программ. Для реализации цели исследования были поставлены следующие задачи: установление структурных особенностей организации исследуемого жанра, выявление и описание набора коммуникативных стратегий и тактик, а также определение языковых особенностей участников кулинарных программ на материале русского и английского языков.

Результаты и их обсуждение. Переход от традиционного одностороннего типа телевизионной коммуникации к интерактивному двустороннему расширяет палитру диалогических жанров, противопоставляемых по структурно-композиционному признаку монологическим жанрам [3, с. 166]. Эффективное воздействие на телезрителя оказывает логичное и последовательное изложение информации, что характерно и для спонтанной, и для подготовленной речи [4, с. 58].

Телевизионный жанр «кулинарная программа» имеет следующую структуру: вступление, основная часть, заключение.

Вступительная часть состоит из приветствия, представления гостей (если таковые имеются), обозначения темы и представления блюд, которые будут готовиться. Вступление определяет тематическую направленность, стимулирует прогнозирование, активизирует ожидание телезрителя относительно продолжения программы [5, с. 141]. Именно в начале просмотра кулинарной передачи зритель принимает решение: продолжать смотреть или нет. Также вступительная часть всегда является динамичной и характеризуется быстрым переходом к основной части, а именно к приготовлению блюда.

Приветствие является не просто формулой этикета, а также показывает доброжелательный настрой шеф-поваров, придаёт живость и непринуждённость общению и способствует «захвату» аудитории [6, с. 68]. Например, *Hey guys (Selena + Chef); Всем хорошего дня. Раз вы заглянули на нашу кухню жизни, значит вам хочется добавить красок в свою повседневность (Кухня жизни).*

В некоторых программах перед приветствием идёт вступительный ролик о том, что будет в программе, своего рода резюмирование, например, как в белорусской программе *Белорусская кухня: «Здравствуйте! Здравствуйте, мои дорогие! В эфире – кулинарно-историческое шоу «Белорусская кухня». В нашей программе вы узнаете, как легко, просто и очень вкусно накормить ваших близких, причём придерживаясь традиций наших предков».*

После приветствия идёт представление ведущих и приглашённых гостей:

«Today, I am joined by award-winning chef, author, restaurant owner Tanya Holland, who's going to teach me a couple of classic American recipes» (Selena + Chef); «Итак, мы начинаем кулинарную дипломатию с гостьей из Великобритании <...> Встречаем посла ее величества королевы Великобритании в Беларуси – Фиону Гибб» (Кулинарная дипломатия).

Проведя анализ гастрономических программ, мы отметили, что не только тема может быть представлена косвенно, но и блюда, которые будут готовиться, а в своем вступлении шеф-повар может дать подсказку, упомянув национальную кухню какой-либо страны: *«Today I'm putting together a fantastic breakfast, lunch and dinner with an American flavor» (Gordon Ramsay's Home Cooking); «Сегодня мы будем готовить традиционную шотландскую кухню» (Кулинарная дипломатия).*

Используя такой приём, шеф-повара скрыто манипулируют нашим сознанием: «заставляют» и заинтересовывают нас посмотреть программу до конца. Кроме косвенного представления темы программы и блюда, встречается и прямое указание, например: *«So, today, we're gonna make one of my restaurant's signature dishes, buttermilk fried chicken. We also gonna make bacon, cheddar, scallion biscuits, also made with buttermilk» (Selena + Chef); «Мы сегодня блюдо готовим, панское – «Бабка по-пански» (Белорусская кухня).*

Проанализировав все примеры, мы пришли к выводу, что вступительная часть кулинарных программ получает языковую репрезентацию за счёт употребления следующих языковых средств: местоимений *я, мы, I, we*, междометий *здравствуйте, привет, hey*, наречиями *сегодня, today*, глаголов движения *готовим, приготовим, встречаем, сделаем, gonna do, joined by, putting together, gonna to show, gonna make*.

Основная часть в кулинарных программах состоит из трёх этапов:

1. Предварительный этап, где шеф-повар рассказывает и демонстрирует ингредиенты необходимые для приготовления, а также и их количество, например: *«Вкусное удивительное блюдо сегодня у вас на обед: крем-суп из зеленого горошка с лососем и мятой: зеленый горошек, лосось, лук-шалот, мята, растительное масло, сливки и сливочное масло, мускатный орех, фенхель, соль, перец» – 50 рецептов первого.* Из примера видно, что данный этап реализуется посредством простого перечисления ингредиентов и для этого используются существительные и описательные прилагательные. Необходимо отметить то, что данный этап характерен для белорусских кулинарных программ, так как англоязычные программы характеризуются спонтанностью и неподготовленностью речи, поэтому шеф-повара перечисляют ингредиенты и их количество лишь в процессе приготовления.

2. Для языковой репрезентации основного этапа используются глаголы, например: «*First thing I need is warm water. You want the water to be about 110 degrees. Now I'm just going to get ¼ cups into the bowl and then yeast. I keep in the fridge 'cause it lasts longer there. Okay! Then we need 3 table spoons of olive oil <...> And then add 8 ounces of cream cheese at room temperature, otherwise it doesn't mix in well <...> So I'm gonna start with 4 scallions, okay. Of course 4 scallions are into the food processor. Then I'm gonna get 2 tablespoons of parsley. Big rough chop, okay*» (Barefoot Contessa).

Основной этап реализуется за счёт глаголов, обозначающих процессы приготовления пищи, таких как *make, mix up, add, start, chop, cut, peel, core, turn on / off; перемешать, нарезать, добавить, посолить, натереть, поджарить*.

3. Заключительный этап – это момент, который вызывает наибольшее эмоциональное напряжение, то есть это кульминация [7, с. 140]. Данный этап состоит из демонстрации готового блюда и его дегустации, например: «*This is a real American Beauty: gorgeous, low-and-slow called barbecued beef brisket with sweet potato wedges and yogurt coleslaw <...> Big deep smoky flavors that bring the taste of the American South to your kitchen. How's the brisket? – Really good!*» (Gordon Ramsey's Home Cooking); «*Саш, ну давай попробуем, чтобы описать все вкусовые характеристики этого удивительного зеленого супа. Ммм <...> Боже как вкусно! <...> Прекрасное блюдо, легкое напоминает о лете и приготовить его абсолютно не составляет сложности...*» (50 рецептов первого).

Так как это своего рода кульминация, то и представлена она описательными прилагательными и указательными местоимениями. Такие языковые средства способствуют более полному восприятию информации и участвуют в реализации тактики привлечения внимания.

В заключении программы происходит развязка событий. Она также состоит из нескольких этапов – это 1) слова благодарности ведущего в адрес приглашённого гостя, соведущего и зрителя за участие и внимание, 2) прощальных слов.

Этап благодарности в адрес приглашённого гостя следует рассматривать лишь в том случае, если такой гость имеется, например, в *Кулинарной дипломатии* это посол Великобритании Фионна Гибб: «*Спасибо большое за то, что пришли к нам, спасибо большое за то, что приготовили столько традиционных шотландских блюд*», «*Again, thank you (Tanya Holland) for your generosity. I hope to see you again*» (Selena+ Chef); «*Thank you very much, guys! I really really appreciate it*» (The Doctor's Kitchen).

Прощание с телезрителем – важный компонент телевизионного этикета, без которого не обходиться ни одна программа. Присутствует он в следующем виде: благодарность + приглашение смотреть в будущем данную программу + прощание. Иногда компоненты такой структуры могут меняться, а могут и отсутствовать, так как благодарность и приглашение на данном этапе являются факультативными, а прощание – обязательно.

«*Дай Вам Бог позитивной энергией, всего самого наилучшего*» – 50 рецептов первого; «*Живите вкусно и помните, что дипломатия бывает разной, даже кулинарной!*» (Кулинарная дипломатия); «*Всего Вам доброго и до свидания!*» – Белорусская кухня; «*Have a great Friday! Bye!*» – The Doctor's Kitchen; «*Take care. Bye. We're done*» (Selena + Chef).

Как видно из примеров, содержательная основа таких передач состоит из описания процесса приготовления, использования однотипных языковых структур типа «кухонная утварь», названия продуктов, глаголов приготовления пищи. И поэтому цель таких шоу – привлечь максимальное количество зрителей и удержать аудиторию на протяжении всей программы, поэтому важно эффективно применять лексические, синтаксические и фонетические средства. В соответствии с классификацией Б. Фрейзера мы установили языковые средства, которые встречаются именно в кулинарных программах.

1. **Базовые** – более или менее конкретно сигнализируют о силе основного сообщения и включают следующие маркеры:

а) **структурные** маркеры широко представлены категорией наклонения [8, с. 171]: «*But more importantly hold themselves together. Cut on the slice the onion and all the potatoes. Go around the outside of the pant with little flecks of butter <...> Begin by making a basic*

mayonnaise. Start by preheating your griddle pan» (Gordon Ramsay's Home Cooking); «*Пататуй наш уже порезан, берем растительное или оливковое масло, если вы оливковое масло будете брать, то берите пожалуйста не очень много. Я забросил только что, обратите внимание, фенхель – вот такие семена фенхеля, мускатный орех, соль и перец, добавляем немного бульона или воды, доводим до кипения очень быстро»* (50 рецептов первого).

Мы видим, что основная содержательная часть программ реализуется при помощи повелительных и изъявительных конструкций, благодаря которым идёт сближение ведущего с аудиторией, вовлечение в процесс приготовления, призыв к оценке полученного результата.

Языковыми особенностями основной части исследуемого жанра является употребление вопросительных высказываний [8, с. 172]. Во-первых, вопросы многозначны и поэтому могут представляться различными типами иллокутивных актов. Согласно классификации речевых актов Дж. Серля, вопросительные высказывания можно отнести к интерогативам, репрезентативам и директивам [9, с. 10]. Во-вторых, они ориентированы на дальнейший ответ и способствуют развитию диалога, и в-третьих, иллокутивная сила вопросительных высказываний помогает установить контакт с гостем программы и телезрителем [10, с. 79]. В кулинарных программах, где шеф-повар один ведёт передачу, вопросы встречаются редко, так как он или она ведёт открытый диалог со всей аудиторией, или скрытый с человеком за кадром. Поэтому часто это вопросы, адресованные самому себе, например: *Do I use the cook? What am I going to do?* В передачах, где присутствует гость, вопросы связаны именно с процессом приготовления и результатом: *А что насчёт прованских трав? Как измельчать сельдерей? Достаточно? Что мы сегодня будем готовить? Like this? This way? How much? Do you have fresh parsley? One teaspoon?*

б) **лексические** особенности речи шеф-поваров представлены междометиями и пословицами [8, с. 173]. В данном дискурсивном жанре можно встретить междометия: *Yeah! Yeah, cheers! Oh! Mmm delicious! Oh! Okay. So..., Hmm, let's, of course, mmm yum, yum.* Также наше внимание привлекают такие идиомы как: *Oh, you know! Good! So, right! So... Well! All right. Look! Please... Oh, God! Our God! Oh, yes, please! Look at that! Well done!*

В белорусских программах: *Давайте. Это прекрасно! Чудесно! Угу, отлично, супер-супер, ммм, конечно, Боже как вкусно!*

С помощью таких языковых средств создаются и передаются напрямую положительные эмоции повара своей аудитории.

2. **Комментирующие** – предоставляют комментарий к основному сообщению:

а) **средства оценки** сигнализируют эмоциональное состояние ведущего. Данный тип реализуется при помощи наречий, прилагательных, реже существительных. Проанализировав англоязычные и русскоязычные кулинарные программы, мы выявили следующие языковые средства: *carefully, beautifully, finely, generally, definitely, thoroughly, importantly, usually, traditionally, fantastically, exceptionally, approximately, casually, personally, seriously, shockingly, classically, lovely, amazing, brilliant; легко, хорошо, красиво, здорово, удивительно, идеально, отлично, прекрасно, вкусный, традиционный, бюджетный.* Для анализа был использован корпус Sketch Engine, в котором мы создали свой подкорпус «Cooking», что позволило нам выявить частоту употребления прилагательных и наречий, например, *lovely* стоит на первом месте по частоте употребления – 18 раз среди анализируемых англоязычных программ, на втором – прилагательное *amazing* (6 раз), а на третьем – наречие *carefully* (5 раз). В белорусских программах на первое место попало прилагательное *вкусный* (9 раз), на второе – *традиционный* (5 раз), а на третье – наречия *легко и хорошо*.

б) **акцентирующие** подчёркивают силу основного сообщения, цель которых – вовлечь зрителя в процесс приготовления, чтобы акцентировать внимание на каком-то основном моменте, положении [8, с. 184]. Например, *Next, I'm showing you a fantastic American inspired lunch and dinner. Now, take the mayo... However, I'm gonna take it to another level. One of the secret is if you do the oil first and the honey second the honey just slides right off the spoon and then clean hands. And the dirty little secret of this dish is my friends will do their cooking. Я, если честно, люблю, когда... ну не то что солёное, но люблю соль. Потому что мне, когда блюдо недосоленное, мне кажется, что оно не вкусное. Я предпочитаю использовать масло, чуть-чуть масла...*

Такие выражения как *now, next, I would suggest, however, я предпочитаю; мне кажется, следовательно, хотя, хотя бы* обращают наше внимание на процесс приготовления и на личностный опыт повара.

3. **Параллельные языковые средства** – дополняют основную цель сообщения и делятся на:

а) **фокусирующие** используются для привлечения внимания к теме сообщения [11, с. 384].

В кулинарных программах повара очень часто используют частицу *so* в своей речи. Данный маркер помогает сфокусировать внимание телезрителя на процессе и последовательности действий шеф-повара. Фокусирующие языковые средства способствуют поддержанию интереса в течение длительного периода. Например, *So we're going to stuff some potatoes. So right, we got the thyme, salt, pepper, cream and cheese. So, little splash a cider vinegar in there.* Кроме *so* это могут быть обычные междометия типа *okay* или выражения *so right..., see all that wonderful flavor in there.*

б) **вокативные**. Обращение на прямую воздействует на аудиторию, помогает укрепить авторитет шеф-повара и сблизить со зрителями. Данный тип представлен следующими языковыми средствами: *guys, друзья, дорогие друзья, уважаемые телезрители, дорогая наша телеаудитория*. Стоит отметить то, что обращение может быть не только к телезрителю, но и приглашённому гостю, например, в *Кулинарной дипломатии*, когда ведущая обращалась к аудитории, то говорила *друзья*, а послу Великобритании – *госпожа посол*.

4. **Дискурсивные** – сигнализируют о связи основного сообщения с предыдущим [11, с. 386]:

а) **контрастивные** маркеры показывают, что следующее высказывание является либо отрицанием, либо контрастом какого-то суждения [12, с. 276].

Например, *But more importantly hold themselves together. However, I'm gonna take it to another level and... But I'm doing it the easy way, cooked in the oven low and slow. You don't wanna crowd the oil, but you want more than one piece in. Нет, но это мы делать не будем. Бросаем это все на раскаленную сковородочку, но есть маленький секретик. Это тоже такие а-ля сырники, но немного в другой интерпретации.*

Следовательно, данный тип маркеров представлен такими языковыми средствами как союзы и наречия.

б) **логические** – высказывание является выводом, вытекающим из предыдущего [12, с. 303].

В основном данный тип представлен наречием *then* или союзом *and* в англоязычных передачах и наречием *затем, потом, дальше* в русскоязычных вариантах, которые представляют логическую последовательность действий: *Give that a really good mix through and then squeeze all that water out. So I've got that just scatter that about almost like you're seasoning the board really and then scatter some fennel and that's kind of fresh and fragrant; black pepper and then get your herbs and scrunch them up, <...> Now I'm just going to get ¼ cups into the bowl and then yeast. Just slowly add the flour and then another cup; Сначала наливаем растительного масла чуть-чуть, потом только бросаем все овощи порезанные и потом только сливочного масла кусочек, чтоб оно у нас не сгорело. И быстро обжарить лук и потом мы добавляем морковь, горох и воду.*

Для более успешного воздействия на телезрителя используются различные стратегии и тактики. Стратегия – это комплекс речевых действий, направленных на осознание ситуации общения в целом, определение направления организации и развития воздействия для достижения коммуникативной цели [13, с. 200], [14, с. 182]. Проведя сопоставительный анализ кулинарных передач, мы выявили следующие стратегии, применяемые в таком жанре телевизионного дискурса: убеждения и формирование эмоционального фона.

Стратегия убеждения – это воздействие на сознание личности путём обращения к её собственному критическому суждению. Для реализации данной стратегии применяются следующие тактики: апелляция к авторитету, обобщение, приведение примера, неожиданность и юмор. Всё это призвано обеспечить «сознательное принятие реципиентом системы оценок и суждений в согласии с иной точкой зрения» [15, с. 46].

Для того, чтобы убедить зрителя в приобретении и использовании какого-либо ингредиента, ведущий использует тактику «апелляция к авторитету», ссылаясь на известных шеф-поваров или на свой авторитет: *Today, I am joined by award-winning chef, author, restaurant owner Tanya Holland, who's going to teach me a couple of classic American recipes (Selena + Chef).*

Тактика «приведение примера» доказывает то, что общее мнение основано на фактах или на опыте повара: *I prefer using really nice waxy potatoes they cook better but more importantly hold themselves together. I serve the chicken warm in a separate bowl so it doesn't wilt the salad* (Gordon Ramsay's Home Cooking); *Я, если честно, люблю, когда... ну не то что солёное, но люблю соль. Потому что мне, когда блюдо недосоленное, мне кажется, что оно не вкусное* (50 рецептов первого).

Очень часто ведущие гастрономических программ в процессе коммуникации прибегают к тактике «эффект неожиданности» для предъявления неизвестной зрителю информации, например, *Barbecue is virtually a religion in America especially in the southern states. Down there the real barbecue prof use big open fire pits to get huge joints of meat super succulent and fantastically perfumed with smoke and spice. So, my ultimate American dinner has to include an amazing melt on the mouth barbecued beef* (Gordon Ramsay's Home Cooking); *18 век, друзья, это век, в котором было придумано блюдо рататуй и долгое время, которое было синонимом плохой еды – это, когда оставшиеся после ужина продукты перемешивали и еще раз протушивали* (50 рецептов первого).

Как показал проведенный анализ, эмотивная лексика является одним из основных воздействующих средств на подсознание зрителя в исследуемом жанре. В связи с этим, нами была выделена стратегия «формирования эмоционального фона», которая реализуется при помощи тактики «усиление эмоций». Одним из основных средств успешного осуществления данной тактики является эмотивно-оценочная лексика. Каждое слово обладает эмоциональной силой и способствует проявлению различных эмоций и чувств у зрителя [16, с. 106]. Ведущие, используя эмотивно-оценочную лексику в речи, вносят свои переживания в передачу, а также создают определённую эмоциональную атмосферу. Данная тактика в кулинарных программах выражается при помощи прилагательных, существительных, наречий, а также личными и неличными формами глаголов: *I generally chop it up and if you're using cooking all right as a kind of salty seasoning, then you get with a lovely lemon fragrance which is pucker* (The Naked Chef); *Bacon in and as it cooks it becomes irresistible caramelized and golden brown* (Gordon Ramsay's Home Cooking); *Нам надо добиться похрустывания такого, лёгкого, только лёгкого* (50 рецептов первого).

Усилить эмоциональное восприятие помогают различные аффективные прилагательные и слова-интенсификаторы, например: *really, exceptionally, shockingly, perfectly, такая сладкая, вкусная*. Кроме лексических средств реализации данной тактики широко применяются стилистические средства, такие как эпитеты, сравнение, гипербола:

1. Эпитеты: *Then add in cider vinegar and you had brilliant tangy barbecue sauce. Big deep smoky flavors that bring the taste of the American South to your kitchen.*

2. Гиперболы: *In a dry pan roast coriander seeds until beautifully aromatic. Last job is to create an incredibly quick and delicious sauce.*

3. Идиомы: *cheap as old chips, as happy as Larry.*

4. Сравнения: *They always think of it as a real frumpy odd thing like I don't think so. So, it's quite nice like Carvin or anything like that. I want you to rub all that spice into the brisket almost like you're massaging in there.*

Данная стратегия способствует осуществлению скрытого воздействия на адресата в нужном для адресанта ключе, успешному восприятию информации, а также созданию атмосферы непринуждённости.

Выводы. Проведя данное исследование, мы пришли к выводу, что такой жанр телевизионного дискурса как «кулинарная программа» имеет свою структурную организацию, которая представлена определённым набором языковых средств. Выявлено, что структура таких программ не является строгой, а некоторые компоненты могут отсутствовать. Немаловажную роль играет языковая реализация каждого этапа, так как именно лексическое оформление речи является важным средством и приёмом контактоустановления.

Определено, что наиболее употребительными в кулинарных программах являются такие языковые единицы как эмотивно-оценочная лексика и различные стилистические приёмы. Реализация воздействующей функции осуществляется именно при помощи грамотного использования эксплицитных средств языка, благодаря чему достигается цель рассматриваемого дискурса.

В ходе исследования было выявлено, что тактика – это особый инструмент, который ведущий применяет для реализации воздействующей функции на телезрителя. На примере кулинарных программ двух неблизкородственных языков доказали, что нет такой коммуникативной ситуации, где бы не использовались стратегии, которые необходимо учитывать при построении речи, так как мы сможем не только проинформировать, убедить собеседника, побудить к действию, но и завоевать авторитет.

Литература

1. Бенвенист, Э. Общая лингвистика / Э. Бенвенист. – М. : УРСС, 2002. – 446 с.
2. Бабаян, В. Н. Различные подходы к определению понятия «дискурс» и его основные характеристики / В. Н. Бабаян // Верхневолжский филологический вестник. – 2017. – № 1. – С. 76–81.
3. Ларина, Е. Г. Телевизионный дискурс и его жанровое разнообразие / Е. Г. Ларина // Вестник Волгоградского государственного университета. – 2006. – № 5. – С. 166–168.
4. Trenholm, S Thinking through communication: an introduction to the study of human communication / S. Trenholm. – USA : Allyn and Bacon, 1998. – 159 p.
5. Макаров, М. Л. Основы дискурс-анализа / М. Л. Макаров. – М. : ИТДГК «Гнозис», 2003. – 280 с.
6. Пахомова, И. Н. Новые явления в употреблении формул приветствия в СМИ / И. Н. Пахомова // Русский язык за рубежом. – 2008. – № 1. – С. 66–68.
7. Ларина, Е. Г. Лингвопрагматические особенности ток-шоу как жанра телевизионного дискурса (на материале американских телевизионных программ) / Е. Г. Ларина. – Волгоград : Издательство Волгоградского Государственного университета, 2004. – 171 с.
8. Fraser, B. Pragmatic Markers / B. Fraser // J. of Pragmatics. – 1996. – Vol. 6, iss. 2. – P. 167–190.
9. Searle, J. R. A classification of illocutionary acts / J. R. Searle // Language in Society. – 1976. – Vol. 5, № 1. – P. 1–23.
10. Дубских, А. И. Роль вопросительных высказываний в современном массмедиальном дискурсе / А. И. Дубских // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2017. – № 12 (78). – С. 79–81.
11. Fraser, B. An approach to discourse markers / B. Fraser // J. of Pragmatics. – 1990. – Vol. 14, iss. 3. – P. 383–398.
12. Fraser, B. Contrastive discourse markers in English / B. Fraser. – Amsterdam : John Benjamins Publishing Company, 1998. – 363 p.
13. Гойхман, О. Я. Речевая коммуникация : учебник / О. Я. Гойхман, Т. М. Надеина ; под ред. О. Я. Гойхман. – М. : ИНФРА-М, 2003. – 272 с.
14. Иссерс, О. С. Речевое воздействие : учеб. пособие для вузов / О. С. Иссерс. – 4-е изд. стереотип. – М. : Флинта, 2016. – 224 с.
15. Шелестюк, Е. В. Речевое воздействие. Онтология и методология исследования : монография / Е. В. Шелестюк. – 2-е изд., испр. и доп. – М. : ФЛИНТА: Наука, 2014. – 344 с.
16. Вольф, Е. М. Функциональная семантика оценки / Е. М. Вольф. – Изд. 2-е, доп. – М. : Едиториал УРСС, 2002. – 280 с.

«Чувствительный» тип художественных ценностей в повести А.П. Чехова «В овраге»

Н.Ф. КАЛЮТЧИК

Новизна статьи состоит в исследовании повести Чехова «В овраге» с позиции ее сентиментальной ценностной природы. Исходя из представления о ценностной поляризации художественного мира литературного произведения как о его универсальном свойстве (Л.Ю. Фуксон), «чувствительный» тип ценностей автор описывает с помощью системы бинарных оппозиций. В качестве важнейшего проявления сентиментальной ценностной ситуации рассматривается сострадательный пафос исследуемого произведения.

Ключевые слова: проза Чехова, «чувствительный» тип ценностей, бинарная оппозиция, слёзы, сострадательный пафос.

The novelty of the article is to address the sentimental axiology of Anton Chekhov's story «In the ravine». Following the idea of the value polarization within the fictional world of the literary work to be its universal feature (L. Fukson), the sentimental type of values is described as a system of binary oppositions. The author also examines the compassionate pathos of the story by A. Chekhov as an important manifestation of the sentimental value situation.

Keywords: Chekhov's prose, sentimental type of values, binary opposition, tears, compassionate pathos.

Л.Ю. Фуксон, будучи сторонником типологического подхода к исследованию художественных ценностей, подробно описывает смысловую структуру «чувствительного» (сентиментального) типа ценностей [1, с. 261–266]. Согласно ученому, произведение, «как бы живой собеседник» [1, с. 41], «ожидает» от нас определенной эстетической реакции. Такой реакцией могут быть «слёзы», но не как психологическое явление, а как эстетический феномен [1, с. 261]. Сентиментальная аксиология описывается с помощью системы ценностно-смысловых бинарных оппозиций: природа – социум, чувство (сердце) – разум, любовь – справедливость, детское – взрослое и др. [1, с. 261–262], к которым мы не раз обратимся в ходе дальнейшего исследования.

Что касается прозы А.П. Чехова, «чувствительный» тип ценностей нашел отражение в статье упомянутого нами автора «Слёзы как способ истолкования рассказа “Дом с мезонином”» [2]. В русскоязычном чеховедении работа такого рода является единичной, чем и определяется **новизна** настоящей статьи.

Актуальность исследования сентиментальной ценностной ситуации на материале повести А.П. Чехова «В овраге» обусловлена следующими моментами. Во-первых, слёзы как предмет изображения встречаются в ней довольно часто, причем их роль, как это и подобает «чувствительному» произведению, состоит в «оттаивании чувств» [1, с. 264]. Показателен в этом смысле следующий эпизод. Липа, убитая горем смерти сына, признается старику из Фирсанова: «Ты давеча глянул на меня, а *сердце мое помягчило*¹» [3, с. 174]. Созидательная сила слёз и сострадания, их способность к установлению живой человеческой связи подтверждаются встречным рассказом старика: «...плывем мы на пароме, а я худой-худой, рванный весь, босой, озяб, сосу корку, а проезжий господин тут какой-то на пароме, – *если помер, то царство ему небесное, – глядит на меня жалостно, слёзы текут*» [3, с. 175].

Во-вторых, обращает на себя внимание обилие сентиментальной лексики: «сердце мое болит» [3, с. 157], «сердце мое помягчило» [3, с. 174], «давило под сердцем» [3, с. 153], «на душе... было умиление, хотелось плакать» [3, с. 153], «всхлипнул» [3, с. 153, 154, 164, 170, 180], «взгляд его (старика из Фирсанова. – Н.К.) выражал сострадание и нежность» [3, с. 174], «что-нибудь рассказывают чувствительное» [3, с. 160]; уменьшительно-ласкательные

¹Здесь и далее во всех цитируемых источниках курсив наш.

формы слова: Варварушка [3, с. 146, 154], Аксиньюшка-матушка [3, с. 154], Липынька [3, с. 161, 170, 180], голубчик [3, с. 180], деточки [3, с. 154, 155, 163, 164, 180] и т. д. и т. п., что, как мы полагаем, свидетельствует о ценностном приоритете сердца над разумом.

В-третьих, важнейшим, на наш взгляд, проявлением «чувствительного» типа ценностей в исследуемой повести является ее сострадательный пафос. Из всех чувств, переживаемых героями произведения, максимальный удельный вес приходится на душевные и физические страдания: душевную скорбь Липы от смерти сына; одиночество старика Цыбукина, брошенного домашними на произвол судьбы; болезнь ссыльного Анисима, молящего о помощи тех, которые о нем «стали забывать» [3, с. 179]. Закономерной реакцией чуткого читателя в ответ на эти образы страдания является со-страдание, или исполнение «слёзной партитуры» [2, с. 111].

Итак, **цель** настоящей статьи – эксплицировать «чувствительный» тип ценностей в повести А.П. Чехова «В овраге».

Возвращаясь к системе бинарных оппозиций, описывающей ценностную структуру «чувствительного» произведения, следует отметить, что в «вертикальной плоскости» этой системы наблюдаются отношения «взаимного представительства» и «обоюдного смыслообогащения» [1, с. 223]. Существует ценностное тождество таких звеньев системы, как «чувство (сердце)» и «детское» [1, с. 261]. Жизнь сердца, противостоящая рассудочности и прагматизму, доступна лишь тому, кто сохранил детское начало в своей душе. В системе персонажей повести к таковым относятся, прежде всего, Липа и плотник Елизаров.

Детское начало в Липе непосредственно обнаруживается в ее портретном описании: «Она была худенькая, *слабая*, бледная, с тонкими, нежными чертами, смуглая от работы на воздухе; грустная, *робкая улыбка* не сходила у нее с лица, и *глаза смотрели по-детски – доверчиво и с любопытством*.

Она была молода, *еще девочка...*» [3, с. 149]. Далее детскость Липы находит поддержку в юмористической детали: «Я, Илья Макарыч, *до варенья очень охотница*» [3, с. 160] – признается она плотнику Елизарову. Эти внешние проявления ребенка соответствуют такому внутреннему детскому качеству героини, как нечувствительность к богатству и славе. О Липе и ее матери Прасковье повествователь отмечает, что они «*родились нищими и готовы были прожить так до конца*, отдавая другим всё, кроме своих испуганных, кротких душ» [3, с. 163]. Попав после замужества в дом богатых торговцев Цыбукиных, Липа «не могла привыкнуть, и после того, как уехал муж, спала не на своей кровати, а где придется – в кухне или сарае, и каждый день мыла полы или стирала, и ей казалось, что она на поденке» [3, с. 164–165]. Младшая невестка Григория Цыбукина Липа, в отличие от его старшей невестки Аксиньи, которая тоже происходила «из бедного семейства» [3, с. 150], не стремится ни к изысканным нарядам, ни к обществу сильных мира сего. Если Аксинья привыкла носить корсет и модные ботинки [3, с. 152], то Липу эти предметы дамского туалета «давят» [3, с. 153] (в данном противопоставлении высвечивается еще одна оппозиция «чувствительной» концепции человека: *естественное – искусственное*). Круг общения Аксиньи составляют богатые фабриканты Хрымины Младшие, помещик-щеголь, в то время как Липа предпочитает общество кухарки, матери и старого плотника Елизарова по прозвищу Костыль.

Плотник Елизаров, как мы постараемся показать, воплощает идиллическую – «чувствительную» – концепцию человека наиболее наглядно. Для него, как и для Липы, собственность не представляет никакой ценности: «Собственный дом или чужой, всё равно, лишь бы бабы не ругались...» [2, с. 179] – говорит герой школьному сторожу Якову. Незаинтересованность в материальном обогащении соседствует в Елизарове с живым интересом к другому человеку, заботой о нем: «Когда в молодых годах был, я *очень свою Настасью жалел*. Бабочка была тихая. И, бывало, всё: “Купи, Макарыч, дом! Купи, Макарыч, дом! Купи, Макарыч, лошадь!” Умирала, а всё говорила: “Купи, Макарыч, себе дрожки-бегунцы, чтоб пеши не ходить”. А я только пряники ей покупал, больше ничего» [3, с. 179]. Цивилизация бессильна затронуть в герое «естественного человека»: «Елизаров давно уже был подрядчиком, но не держал лошади, а ходил по всему уезду пешком, с одним мешочком, в котором были хлеб и лук, и шагал широко, размахивая руками. И идти с ним рядом было трудно» [3, с. 161]. Физическая выносливость Ильи Макарыча вкупе с высоким ростом и громким басом [3, с. 154]

соответствуют его богатырскому имени. Богатырская сила как бы оттеняет в герое непосредственное проявление сердечного чувства: повествователь неоднократно отмечает, что Костыль «всхлипнул» [3, с. 154, 164, 180], эти всхлипывания – знаки участия к ближнему.

Елизаров не делит людей на богатых и бедных, знатных и незнатных. Отношение большинства сельчан к Григорию Цыбукину, опосредованное его богатством, отличается противоречивостью: его ненавидят, но им же и восхищаются [3, с. 155–156]. Костыль же относится к Григорию Петровичу просто, как к равному себе, и оттого его манера общаться подетски непосредственна. На свадьбе сына Цыбукина Анисима и Липы плотник искренне радуется: « – Анисим и ты, деточка, любите друг дружку, живите по-божески, деточки, и царица небесная вас не оставит. – Он припал к плечу старика (Григория Цыбукина. – Н.К.) и всхлипнул...» [3, с. 154]. Когда Елизаров становится невольным свидетелем ареста кузнеца, получившего от Анисима фальшивый полтинник, плотник старается втайне от других предостеречь Григория Петровича от опасности [3, с. 164].

Завершая рассмотрение образа плотника Елизарова с позиции «чувствительной» концепции человека, следует отметить его чистый – детский – взгляд на всякого человека. Даже в алчной Аксинье он не видит ничего худого: «Баба ничего, старательная. В ихнем деле без этого нельзя... без греха то есть...» [3, с. 179] – произносит он в ответ на злые, осуждающие слова сторожа Якова. Старый плотник, будучи сам ребенком в душе, ко всем вокруг обращается не иначе, как «деточки».

В художественном мире повести положительному полюсу *детского* (*непосредственного, естественного...*) противостоит отрицательный полюс *взрослого*. Одним из главных проявлений «взрослости» выступает деловая хватка. Атрибут так называемой «оборотлив<ости>» [3, с. 145], или «необыкновенной деловитости» [там же], емко сформулирован в реплике плотника: «нельзя... без греха». Способность наживать капитал связывается в повести с обманом и лицемерием: «Григорий держал бакалейную лавочку, *но это только для вида*, на самом же деле торговал водкой, скотом, кожами, хлебом в зерне, свиньями, торговал чем придется, и когда, например, за границу требовались для дамских шляп сороки, то он наживал на каждой паре по тридцати копеек; он скупал лес на сруб, давал деньги в рост, вообще был старик *оборотливый*» [3, с. 145].

«Взрослая» мотивация деловой хватки определяется жадной властью, одним из источников которой являются деньги. В этой связи не случайно стремление Аксиньи к первенству: «Аксинья, едва вышла за глухого, как обнаружила необыкновенную деловитость и уже знала, кому можно отпустить в долг, кому нельзя, *держала при себе ключи, не доверяя их даже мужу...*» [3, с. 145]; «Я, говорит (Аксинья. – Н.К.) хочу в Бутёкине кирпичный завод ставить, буду *сама себе купчиха*» [3, с. 160]. По мере осуществления героиней воли к тому, чтобы «самой править», проявляется ее «змеиная» сущность: «Затеяли новое дело – кирпичный завод в Бутёкине, и Аксинья ездила туда почти каждый день, в тарантасе; она *сама правила* и при встрече со знакомыми *вытягивала шею, как змея из молодой ржи*, и улыбалась наивно и загадочно» [3, с. 166–167].

Успех в сколачивании капитала неизменно сопровождается бесчеловечностью по отношению к другим людям вплоть до преступления против них. Преступная сущность торговли Цыбукиных подчеркивается натуралистической деталью: «...в грязи валялись фабричные, одурманенные плохой водкой...» [3, с. 146]. Обидчик Григорий Цыбукин с ненавистью и пренебрежением относится к обижаемым, ведь они невольные свидетели его духовного неблагополучия: «...и в это время, когда на нем (Григории Цыбукине. – Н.К.) был хороший, чистый сюртук и в дрожки был запряжен громадный вороной жеребец, стоивший триста рублей, старик не любил, чтобы к нему подходили мужики со своими просьбами и жалобами; он ненавидел мужиков и брезговал ими, и если видел, что какой-нибудь мужик дожидается у ворот, то кричал гневно:

– Что стал там? Проходи дальше!» [3, с. 147]. Но самым страшным преступлением во имя обогащения становится убийство Аксиньей наследника земли Бутёкино – грудного ребенка Липы. Здесь «взрослая» алчность убивает «детское» начало в буквальном смысле.

«Оборотливость» губит не только человека, но и природу – важнейшую ценность сентиментального мира: из-за фабричных отбросов в селе «не переводилась лихорадка и была топкая грязь даже летом» [3, с. 144]; «от кожевенной фабрики вода в речке часто становилась вонючей; отбросы заражали луг, крестьянский скот страдал от сибирской язвы» [3, с. 144].

В художественном мире «чувствительного» произведения «бесчувственность закономерно соединена с *разумностью и безупречной правильностью*» [1, с. 264]. Старик Цыбукин стремится сыграть свадьбу сына «*порядком, правильно*» [3, с. 155], по этой причине он требует, чтобы певчие «пели по нотам» [3, с. 155]. Однако «правильное» и громкое (читай: грандиозное) пение лишено сердечной теплоты. Оно производит на слушателей отталкивающее впечатление: «...ей (Липе. – Н.К.) казалось, что певчие своими *громкими голосами стучат по ее голове, как молотками...*» [3, с. 153]; «...певчие *громко вскрикивали...*» [там же]; «Едва молодые переступили порог, как *громко, из всей силы вскрикнули* певчие, которые уже стояли в сенях со своими нотами» [3, с. 154–155]. Ненатуральному пению певчих скрыто противопоставляется простая песня Липы: «Босая, в старой, поношенной юбке, засучив рукава, до плеч, она мыла в сенях лестницу и пела *тонким серебристым голосом*, а когда выносила большую лохань с помоями, и *глядела на солнце со своей детской улыбкой*, то было похоже, что это тоже *жаворонок*» [3, с. 159]. Очевидно ценностное напряжение между образами, с одной стороны, крика и стучащих по голове молотков, с другой – серебристого голоса, детской улыбки, солнца и жаворонка. Это напряжение можно эксплицировать с помощью оппозиций: *непосредственное – опосредованное, тепло – холод, естественное – искусственное*.

Естественное в концепции повести связывается с деревней, тогда как искусственное – с городом. «А что же? Там не деревня» [3, с. 151] – не без гордости замечает отцу и мачехе переживавший в город Анисим. Знаком посвященности в городскую жизнь выступает искушенность в ресторанных блюдах: «Нешто мужик понимает соус!» [3, с. 151] – превозносится Анисим над односельчанами. Городская жизнь с ее соблазнами и пороками не только вызывает у Анисима пустую надменность, выражающуюся в надувании щек [3, с. 151], но и толкает на преступление. После свадьбы, во время которой Анисим щедро одарил родственников и гостей фальшивыми деньгами, город и самому персонажу уже видится большим миром, в котором его ждут неминуемые несчастья. Родная деревня, напротив, выступает малым, теплым миром, связанным с детством, в котором хочется остаться навсегда: «Когда выезжали из оврага наверх, то Анисим всё оглядывался назад, на село. Был теплый, ясный день. В первый раз выгнали скотину, и около стада ходили девушки и бабы, одетые по-праздничному. Бурый бык ревел, радуясь свободе, и рыл передними ногами землю. Всюду, и вверху, и внизу, пели жаворонки. Анисим оглядывался на церковь, стройную, беленькую – ее недавно побелили, – и вспомнил, как пять дней назад молился в ней; оглянулся на школу с зеленой крышей, на речку, в которой когда-то купался и удил рыбу, и радость колыхнулась в груди, и захотелось, чтобы вдруг из земли выросла стена и не пустила бы его дальше и он остался бы только с одним прошлым» [3, с. 159]. Впоследствии город становится для Анисима местом тюремного заключения и суда, а его отец проведет там «семь бессонных ночей» [3, с. 170].

Рассмотрев ряд полярных ценностей-смыслов повести, обратимся к ее сострадательному пафосу. Как уже было отмечено, данный пафос связан с сюжетными линиями таких персонажей, как Липа, Анисим и Григорий Петрович. Тяжкие скорби, выпавшие на долю двух последних персонажей, к моменту финала не разрешаются, по этой причине они особенно «нуждаются» в сострадании. Не менее важен с позиции «уязвимого» положения отца и сына Цыбукиных и тот факт, что оба они являются преступниками, исходя из чего сострадательный пафос в отношении к ним можно конкретизировать как *милость к падшим*. Ценностная природа последнего прояснится, если учесть, что оценка в художественном произведении есть актуализированный выбор [1, с. 208–209], в данном случае это выбор между *справедливостью* и *любовью* в пользу любви. Поскольку данная оппозиция концентрировано отражает специфику «чувствительной» ценностной ситуации [1, с. 261], мы остановимся на сострадании отцу и сыну Цыбукиным.

Творческая манера Чехова выражать сострадание своим героям обозначена в словах, обращенных к писательнице Т.Л. Щепкиной-Куперник: «...у вас сказано: “и она готова была благодарить судьбу, бедная девочка, за испытание, посланное ей. А надо, чтобы читатель, прочитав, что она за испытание благодарит судьбу, сам сказал бы: “бедная девочка...”» [4, с. 246]. В повести «В овраге» речь повествователя лишена выражений, подобных карамзинскому «сердце мое обливается кровью» [5, с. 518], и тем не менее она заставляет читателя сказать: «бедный Анисим», «бедный Григорий Петрович». Сострадательный пафос в произведении выражается имплицитно. Иными словами, он представляет собой своего рода «партитуру», адресованную читателю.

Одним из знаков «слёзной партитуры» выступают «слёзные» эпизоды. Слёзы Анисима и Григория Петровича призваны растопить «“ледяную кору отчуждения» (Л.Ю. Фуксон о сентиментальном образе человека [1, с. 264]) не только в персонажах, но и в читателе.

«Кора», которой покрыто сердце Анисима, выступает как «что-то лишнее в человеке» [3, с. 151]. В «слёзном» же эпизоде шелуха «лишнего» отпадает. «Взрослое» тщание «казаться степенным и серьезным» [3, с. 151] сменяется светлыми детскими воспоминаниями, а также сыновним обращением к Богу: «На душе у него (Анисима. – Н.К.) было умиление, хотелось плакать. Эта церковь была знакома ему с раннего детства; когда-то покойная мать приносила его сюда приобщать, когда-то он пел на клиросе с мальчиками; ему так памятны каждый уголок, каждая икона. <...> Слёзы мешали глядеть на иконы, давило под сердцем; он молился и просил у Бога, чтобы несчастья, неминуемые, которые готовы уже разразиться над ним не сегодня-завтра, обошли бы его как-нибудь, как грозовые тучи в засуху обходят деревню, не дав ни одной капли дождя. И столько грехов уже наворочено в прошлом, столько грехов, так всё невылазно, непоправимо, что как-то даже несообразно просить о прощении. Но он просил и о прощении и даже всхлипнул громко...» [3, с. 153].

Проследить «растопливание коры отчуждения» в младшем Цыбукине позволяет также сравнение его писем, адресованных отцу и мачехе, до ссылки и во время нее. Будучи на свободе, Анисим стремится выказать свою «ученость», но нелепый официальный тон его писем звучит тем более фальшиво, что написаны они его приятелем Самородовым: «Письма были полны выражений, каких Анисим никогда не употреблял в разговоре: “Любезные папаша и мамаша, посылаю вам фунт цветочного чаю для удовлетворения вашей физической потребности» [3, с. 148]. В болезни и страдании ссыльного Анисима уже нет фальши, как нет ее в интимных нотах писем со «слёзной» доминантой: «Я всё болею тут, мне тяжело, помогите Христа ради» [3, с. 179]. Безответность писем несчастного ссыльного усиливает сострадание персонажу.

Что касается слёз Григория Цыбукина, в повести он плачет дважды. Когда Григорий Петрович возвращается из города после суда над Анисимом и осуждением его на сибирскую ссылку, он находит утешение в общении с младенцем-внуком и невесткой: «Он (Григорий Цыбукин. – Н.К.) перекрестил ребенка... *Слёзы потекли у него по щекам; он всхлипнул* и отошел. Немного погодя он лег спать и уснул крепко, после семи бессонных ночей» [3, с. 170]. Приведенный сентиментальный эпизод призван обнаружить человечность старика Цыбукина, отличающую его от бальзаковского Гобсека – «человека-автомата» [6, с. 20], который «ненавидел своих наследников» [6, с. 23]. У Бальзака о Гобсеке сказано: «Если человечность, общение меж людьми считать своего рода религией, то Гобсека можно было назвать атеистом» [6, с. 23]. Это высказывание может служить формулой «чувствительной» концепции человека, для которой человечность и в самом деле «своего рода религия». При таком подходе Григорию Петровичу не откажешь в «религиозности». Более того, человечность, казалось бы, черствого богача оказывается его ахиллесовой пятой. Арест и ссылка горячо любимого сына Григория Цыбукина сокрушают силу, связанную с богатством и прочным положением в обществе: «Он (Григорий Петрович. – Н.К.) давно уже не подстригал волос и бороды, оброс, уже садился в тарантас без подскока и не кричал нищим “Бог дасть!” Сила у него пошла на убыль, и это было заметно по всему» [3, с. 166]. С точки зрения «чувствительной» ценностной ситуации, слабый, плачущий старик Цыбукин милее «красивой, счастливой» Аксиньи, о которой говорят, «что она забрала большую силу» [3, с. 178] (оппозиция *слабость – сила*).

В эпилоге, когда читатель прощается с ее героями, мы вновь видим Григория Цыбукина плачущим. Напомним, что в финале из преуспевающего торговца он превратился в голодного бездомного нищего. «Третий день не евши» [3, с. 179], идет старик, «ступая нерешительно, точно по скользкому льду» [3, с. 180], навстречу крестьянской толпе, возвращающейся домой после трудового дня: «Костыль и Яков прошли дальше, и было слышно, как они разговаривали. Вот после них встретился толпе старик Цыбукин, и стало вдруг тихо-тихо. Липа и Прасковья немножко отстали, и, когда старик поравнялся с ними, Липа поклонилась низко и сказала:

– Здравствуйте, Григорий Петрович!

И мать тоже поклонилась. Старик остановился и, ничего не говоря, смотрел на обеих; губы у него дрожали и глаза были полны слез. Липа достала из узелка у матери кусок пирога с кашей и подала ему. Он взял и стал есть» [3, с. 180]. Слёзы Григория Цыбукина – знак растроганности

милосердием Липы, изгнанной некогда Аксиньей из цыбукинского дома при молчаливом согласии старика. Эти слёзы говорят об умягчении сердца Григория Петровича, его примирении с собственной участью. Их ценностную противоположность представляют злые слёзы Аксиньи, разрешающиеся убийством младенца Никифора. Жизнеутверждающая сила финального «слёзного» эпизода состоит в торжестве милосердия над справедливостью [7, с. 24–25].

Завершая аналитико-интерпретационную работу над повестью А. П. Чехова «В враге» с позиции «чувствительного» типа ценностей, подведем итоги.

В исследуемом произведении нами была эксплицирована система ценностных противопоставлений, характерная для сентиментального типа художественных ценностей (таблица 1).

Таблица 1 – Ценностная структура повести А.П. Чехова «В враге»

Ценностно-смысловые бинарные оппозиции	
Детское	Взрослое
Безразличие Липы к славе	Тщеславие Аксиньи
Бессребреничество Липы и плотника Елизарова	Деловая хватка Григория Цыбукина и Аксиньи
Воспоминания Анисима о детстве, слёзное умиление в церкви	Стремление Анисима «казаться степенным, важным», надувание щек
Слабость	Сила
«Худенькая, слабая» Липа	Сильная Аксинья
Григорий Цыбукин после ареста Анисима	Григорий Цыбукин до ареста Анисима
Слёзы примирения Григория Цыбукина	Злые слёзы Аксиньи
Естественное	Искусственное
Поношенная юбка Липы	Корсет и ботинки Аксиньи
Непосредственность	Опосредованность
«Серебристый голосок» поющей Липы, подобной жаворонку	Громкое пение певчих по нотам, похожее на стук молотков
Деревня	Город
Хлеб с луком в мешочке плотника Елизарова	Ресторанные блюда Анисима
Детская чистота Анисима	Взрослая преступная жизнь Анисима
Интимное	Официальное
Письма Анисима из Сибири	Письма Анисима до ссылки
Любовь	Справедливость
Оправдание Аксиньи плотником Елизаровым	Осуждение Аксиньи сторожем Яковом
Отношение к старику Цыбукину Липы и плотника Елизарова	Отношение к старику Цыбукину односельчан

Сострадательный пафос повести выражается имплицитно. Он представляет собой «слёзную партитуру», адресованную читателю. Знаком этой «партитуры» являются «слёзные» эпизоды.

Сострадательный пафос в отношении отца и сына Цыбукиных, преступивших черту закона, носит характер *милости к падшим*, в чем проявилось ценностное противопоставление любви и справедливости.

Литература

1. Фуксон, Л. Ю. Проблемы интерпретации и ценностная природа литературного произведения : дис. ... д-ра филол. наук : 10.01.08 / Л. Ю. Фуксон. – Кемерово, 2000. – 282 л.
2. Фуксон, Л. Ю. Слёзы как способ истолкования рассказа «Дом с мезонином» / Л. Ю. Фуксон // Новый филологический вестник. – 2016. – № 2. – С. 111–117.
3. Чехов, А. П. Полное собрание сочинений и писем : в 30 т. : сочинения : в 18 т. / А. П. Чехов. – М. : Наука, 1975–1988. – Т. 10. – 1986. – 496 с.
4. Щепкина-Куперник, Т. Л. О Чехове / Т. Л. Щепкина-Куперник // А.П. Чехов в воспоминаниях современников ; редкол.: В. Э. Вацура [и др.]. – М. : Художественная литература, 1986. – С. 227–259.
5. Карамзин, Н. М. Сочинения : в 2 т. / Н. М. Карамзин. – Ленинград : Художественная литература, 1983. – Т. 1 : Автобиография. Письма русского путешественника. Повести. – 672 с.
6. Бальзак, О. Гобсек. Евгения Гранде. Отец Горио / О. Бальзак ; пер. с франц. – Минск, 1981. – 511 с.
7. Липке, Ш. Интертекстуальность в повести А.П. Чехова «В враге» и функции библейских текстов / Ш. Липке // Вестн. Томск. гос. ун-та. Филология. – 2015. – № 1 (390). – С. 22–25. – DOI 10.17223/15617793/390/4.

УДК 811'243'373.612.2

О взаимодействии метафоры и метонимии

А.А. КИРЮШКИНА

Данная статья посвящена изучению взаимодействия метафоры и метонимии как когнитивных механизмов, обеспечивающих концептуализацию и категоризацию предметов и явлений внешнего и внутреннего мира человека. В этой связи в центре внимания оказываются проблемы субъективной номинации, обусловленной прагматикой восприятия. Автор исследует речевое поведение говорящего и рассматривает метафору и метонимию как элементы лингвистической дихотомии.

Ключевые слова: тропы, метафора, метонимия, семантические изменения.

This article is devoted to the study of the interaction of metaphor and metonymy as cognitive mechanisms that provide conceptualization and categorization of objects and phenomena of the external and internal world of a person. In this regard, the focus is on the problems of subjective nomination, due to the pragmatics of perception. The author examines the speech behavior of the speaker and considers metaphor and metonymy as elements of a linguistic dichotomy.

Keywords: tropes, metaphor, metonymy, semantic changes.

В научной литературе неоднократно указывалось на «почти безграничное разнообразие и разновидность факторов, влияющих на характер семантических изменений слова и, в частности, стимулирующих его окказиональную номинацию» [1, с. 98]. Это разнообразие ограничивается лингвистами в основном механизмами метафоры и метонимии.

Наиболее общие закономерности переноса семантического «уподобления» раскрываются в подчиненности исходного значения переносному, т. е. переносное значение как объект познания становится основным, прямое же значение «играет второстепенную роль» [2, с. 132]. Данный механизм, как известно, присущ прежде всего метафоре.

Метафора двупланова и основана на семантических ассоциациях и аналогиях, которые связаны с семантикой имени: будучи результатом отношения между исходным и производным значениями слова, метафора «является ярким примером динамики в сфере лексической семантики» [3, с. 484]. Не менее важно положение о том, что метафора требует «рекатегоризации» [4, с. 78] семантики, т. е. актуализации потенциальных, периферийных сем исходного значения, которые в новом метафорическом реализуются как центральные ядерные семы.

Метонимия же основана на стереотипных логических отношениях, и рекатегоризации, свойственной метафоре, не происходит [4, с. 61].

Метонимический перенос имеет в своей основе визуальное, часто непосредственное восприятие физической смежности: «Les concepts métonymiques nous permettent de conceptualiser une chose au moyen de sa réalisation à quelque chose d'autre. Le fondement de ces concepts est en général plus immédiat que dans le cas des concepts métaphoriques, parce qu'il met normalement en jeu des associations physiques ou causales directes» [5, с. 47–48].

Таким образом, к универсальным «в своей понятийной основе способам переосмысления» относят метафору и метонимию [6, с. 210]. Ср. «... à strictement parler, il n'y a que deux véritables tropes: ce sont la métaphore et la métonymie» [7, с. 10]. Различие между ними сводится к тому, что метафоризация – это всегда предикация обозначаемому некоторого «несобственного» для него признака / свойства, в силу чего метафорические наименования «приспособлены к характеризующей функции» [6, с. 211]. Метонимические наименования по своему характеру формирования – наличие смежного признака в самих обозначаемых – «ориентированы на функцию выделения того, о чем сообщается» [там же].

Однако, как и элементы любой лингвистической дихотомии, метафора и метонимия взаимодействуют друг с другом. Динамика этого взаимодействия определяется тем, что оба тропа обладают не только различиями, но и точками соприкосновения, известным сходством, а, в ряде случаев, и наложением друг на друга.

Еще во времена арабской классической филологии IX–XVI вв., являющейся примером одного из этапов в изучении тропов, метафора (исти`ара) и метонимия (маджас мурсаль) рассматривались в пределах одного тропа – лексического маджаса [см. 8, с. 68]. Считалось, что в основе исти`ары лежит отношение подобия, а маджас мурсаля – все иные виды связей и отношений – части и целого, причины и следствия, смежности, места и размещенного в нем.

Остановимся подробнее на факте сходства между двумя тропами, очевидность которого признается многими исследователями. Так, в экстралингвистическом плане F. Merrell считает невозможным настаивать на существовании абсолютной разницы между метафорой и метонимией даже в самых «логических» системах, поскольку при метафоризации имеет место сближение сущностей, ранее находившихся в смежных отношениях.

По убеждению F. Merrell, акцент в отношениях между тропами нужно делать на их сходстве в противовес противопоставлению, имеющему место в дихотомии Р.О. Якобсона. Подобную точку зрения разделяет и Лаунсбери, отмечая, что метафора и метонимия не являются независимыми друг от друга, причем первая производна от второй.

Одним из доводов, свидетельствующих в пользу близости двух тропов, является их одинаковая онтологическая значимость. Оба тропа, будучи категориями универсальными, имеют отношение к вопросу происхождения имен. О возможности метонимического происхождения имен, данных по смежности, писал в одной из своих статей Р.О. Якобсон в качестве дополнения к утверждению М.Х. Крушевского о метафорическом происхождении названий, основанных на ассоциациях сходства. Помимо одинаковой онтологической значимости можно также говорить о структурном и семантическом сходстве двух тропов.

Структурно-семантическая близость метафоры и метонимии проявляется в рамках бинарной структуры, основным принципом которой является, как известно, отмеченность-неотмеченность членов. Последний является главным как для науки о языке, так и для семиотики. В плане семантической отмеченности-неотмеченности рассматриваемые тропы можно считать взаимозаменяемыми.

В самом деле, если исходить из наличия переноса значения, как такового, то отмеченным членом оппозиции следует считать прежде всего метафору, поскольку она, как сказал еще Аристотель, «заключает в себе загадку» и способна по мнению Ульмана создавать двойное видение. Внутренняя же сущность метонимии не открывает новых отношений, а возникает между словами, уже связанными между собой. Реалистичность природы метонимии не требует напряженной работы ума, памяти для соотнесения одного предмета, часто характерной детали, с другим, смежностно с ним связанным. Как свидетельствует Г.Н. Складарская, регулярность метонимии такова, что дает основание безошибочно предугадывать, предвидеть развитие семантики в определенном направлении [9, с. 59]. Метонимия апеллирует к опыту читателя, являя собой пример миметического стиля восприятия – через соотнесение с фактами действительности.

Однако, так обстоит дело далеко не всегда. Метонимия, особенно на уровне текста, может характеризоваться и семантической неоднозначностью. Как, например, в такой ее разновидности, как прием скрытого действия. Последнее можно только предполагать, а не наблюдать *de facto* в тексте повествования.

Способная рождать яркие образы, быть толчком к подлинному воображению, метонимия не всегда семантически однозначна и в художественной детали. В тексте деталь иногда обладает способностью «рождать картину», то есть восстанавливать неназываемый предмет по данному образу по усложненно-ассоциативной схеме. То, что на уровне отдельного слова восстанавливается легко, на уровне текста требует активации фантазии, памяти, воображения.

В экстралингвистическом плане отмеченным членом оппозиции метафора / метонимия прежде всего является метонимия: она из области визуального, наблюдаемого, обозримого. Метафора же – предметов и явлений, не входящих в панораму визуального, она за пределами языковой ситуации: «Приливы и отливы рук» (И. Мандельштам). Частные же случаи метафорических переносов, например, метонимическая метафора (*metonymically motivated metaphor*), с одной стороны, являются собой пример исключения из вышеприведенной закономерности, а с другой – являются одним из доказательств семантической близости двух тропов.

Метонимическая метафора является объектом из области визуально наблюдаемого, поскольку метафорический образ имеет здесь метонимическую основу. По Ст. Ульману, в основе таких образов лежат, чаще всего, метонимические пространственные ассоциации. Например, в словосочетании «the asure surface of silence» образ создается за счет двухсторонне-одновременного зрительно-слухового восприятия – в данном случае, неба и тишины. Ст. Ульман отмечает близость подобного рода семантических связей, называемых «псевдосинестезией», с синестетической метафорой (synesthetic metaphor), когда перенос значения происходит исключительно на чувственно-символической основе [10, с. 270].

В языкознании явление метонимически ориентированной метафоры изучено довольно подробно и рассматривается в терминах метонимических словосочетаний, словосочетаний со смещенным определением, метонимического эпитета, идентифицирующей метафоры, метонимии признака, метонимической синестезии.

Е.А. Некрасова считает метонимию признака и словесно-ассоциативную метонимию сложными случаями метонимического переноса со сдвигом в сторону метафоризации. Словесно-ассоциативная метонимия заключается в переходе одного из конструктивных членов сочетания по чисто словесным ассоциациям в другое, вновь образуемое. Например:

Февраль. Достать чернил и плакать!
 Писать о феврале навзрыд,
 Пока грохочущая слякоть
 Весною черною горит. /Б. Пастернак/

В данном случае нет смежных предметов, признаков или действий. Смежность устанавливается не в сфере денотатов и понятий, их отражающих, а на чисто словесном уровне. Определение, характерное для одного действия («плакать»), по контекстной смежности из одного словосочетания перешло в другое («навзрыд»), сохраняя с первым смысловую близость.

В.К. Тарасова обосновывает необходимость различения метафорических и метонимических синестезий [11, с. 280]. Под синестетической метафорой понимается перенос наименования, основанный на субъективном сходстве ощущения, при котором и исходное, и конечное значения слова являются сенсорными. Метонимические синестезии отражают фактическое сосуществование источников восприятий и самих восприятий в действительности. Они не ограничены ничем, кроме реальной совместной встречаемости разных ощущений и их раздражителей, например: «Лился, как из ключей, холодный, прозрачный шум коридоров». В следующем примере предмет синестезийной метонимии «древесные спирты» реализуется за счет мультисенсорного воздействия двух признаков: зрительного и обонятельного: «Там и сям мученически прямилась березы, пронзенные зубчиками и стрелами парных раскрывшихся листиков. Чем они пахли можно было определить на глаз. Они пахли тем же, чем блистали. Они пахли древесными спиртами, на которых варят лаки» /Доктор Живаго/.

Один из функциональных типов языковой метафоры, выделяемый Н.Д. Арутюновой – метафора «идентифицирующая» – также обладает свойствами, общими с метонимией [12, с. 80]. «Идентифицирующая» метафора составляет ресурс номинации, а не способ нюансировки смысла. Образ, который она дает языку, идентифицирующей лексике, в сущности, не нужен. Слово стремится от него освободиться. Семантический процесс сводится к замене одного дескриптивного (многопризнакового) значения другим, ср. «журавль» (птица) и «журавль» (колодец). Классическая семантика говорит в этом случае о переносе названия. Такого рода перенос опирается на сходство предметов по какому-либо внешнему очевидному признаку. Метафора этого типа наглядна. Она апеллирует не к интуиции, а к зрению.

К числу явлений, свидетельствующих о семантической близости метафоры и метонимии, можно отнести и те переходные случаи, когда они взаимозаменяемы или наложимы друг на друга: один и тот же образ можно трактовать и как метафору, и как метонимию. Иллюстрацией может служить словоупотребление «hand» во фразе «Give me a hand», где «hand» означает «помощь», которую можно трактовать и как ручную помощь (метонимические отношения), и как любую другую (метафора) [13, с. 58].

В.Н. Телия, заявляя, что между метафорой и метонимией нет непроходимой границы, что они не контрадикторны и часто проникают друг в друга, приводит пример с цветообо-

значением. Обозначая какой-нибудь цветовой параметр предмета на основе смежности, говорящий может прибегать и к аналогии. Отсюда – такие, своего рода, гиперболы, как «черный кофе» (ср. платье кофейного цвета / платье черного цвета) [14, с. 211].

Стремление к метонимическим переосмыслениям метафор характерно, в частности, для прозы Б. Пастернака. В следующем примере слово «фонарь» в привычном метафорическом значении «синяк» становится метонимией, осмысленной на основе причинно-следственных отношений: «– А фонари как слабо светят. Не зря синяки фонарями зовут. Как раз наши-бешь». /Доктор Живаго/

Явление слияния фигур на уровне текста, получившее в неориторике название относительности тропов (*relativity of tropes*), непосредственно связано с прагматикой восприятия: историческим периодом, уровнем культуры, психологией читателя; не последнюю роль играет и национальная принадлежность. В зависимости от прагматических факторов метафора и метонимия могут осмысливаться в тексте по-разному и часто накладываются друг на друга.

Литература

1. Азнаурова, Э. С. Стилистический аспект номинации словом как единицей речи / Э. С. Азнаурова // Языковая номинация. Виды наименований. – М. : Наука, 1977. – С. 86–128.
2. Шелестюк, Е. В. О лингвистическом исследовании символа / Е. В. Шелестюк // Вопросы языкознания. – 2007. – № 4. – С. 125–142.
3. Гак, В. Г. Языковые преобразования / В. Г. Гак. – М. : Школа «Языки русской культуры», 2008. – 768 с.
4. Fromilague, C. Les figures de style / C. Fromilague. – P. : Nathan, 2015. – 130 p.
5. Herschberg, P. Stylistique de la prose / P. Herschberg. – P. : Éd. Belin, 2013. – 319 p.
6. Телия, В. Н. Вторичная номинация и ее виды / В. Н. Телия // Языковая номинация. Виды наименований. – М. : Наука, 1977. – С. 129–221.
7. Vacry, P. Les figures de style et autres procédés stylistiques / P. Vacry. – P. : Édition Belin 2012. – 156 p.
8. Ушаков, В. Д. О некоторых стилистических фигурах в трудах Абдалькахира Джурджани / В. Д. Ушаков // Вопросы языкознания. – 2000. – № 5. – С. 64–74.
9. Склярская, Г. Н. Метафора в системе языка / Г. Н. Склярская. – СПб., 2003. – 152 с.
10. Ульман, С. А. Семантические универсалии / С. А. Ульман // Новое в лингвистике. – М. : Прогресс, 1970. – Вып. 5. – С. 250–299.
11. Тарасова, А. Н. Категория эмфазы в современном французском языке : опыт классификации эмфатических высказываний : дисс. ... д-ра филол. наук : 10.02.05 / А. Н. Тарасова. – М., 2008. – 357 с.
12. Арутюнова, Н. Д. Метафора и дискурс / Н. Д. Арутюнова. – М. : «Языки русской культуры», 2006. – 135 с.
13. Dirven, R. Metaphor as a basic means for extending the lexicon / R. Dirven. – Amsterdam/Philadelphia : John Benjamins Publishing Company, 2005. – 152 p.
14. Телия, В. Н. Язык, семиотика, культура / В. Н. Телия. – М. : «Языки русской культуры», 2008. – 238 с.

Адлюстраванне народных звычаяў, абрадаў і традыцый у саматычнай фразеалогіі беларусаў

Л.У. КУЛІК

У артыкуле ўстанаўліваецца існаванне асобных момантаў звычаяў, абрадаў і традыцый беларускага народа ў саматычных фразеалагізмах беларускай мовы. Падкрэсліваецца асаблівае значэнне саматычных лексем як найменняў частак цела чалавека ў фарміраванні наіўнай карціны свету беларусаў. Аналіз саматычных фразеалагізмаў дапамагае ўзнавіць этнакультурны вобраз і асаблівасці менталітэту носьбітаў беларускай мовы.

Ключавыя словы: фразеалагічная адзінка, саматызм, звычай, абрад, традыцыя.

The article establishes the existence of certain moments of customs, rituals and traditions of the Belarusian people in the Belarusian somatic phraseological units. The special importance of somatic lexemes as names of human body parts in the formation of a naive picture of the world of Belarusians is emphasized. The analysis of somatic phraseological units helps to recreate the ethno-cultural image and the peculiarities of the mentality of native speakers of the Belarusian language.

Keywords: phraseological unit, somatism, custom, ritual, tradition.

Адным з галоўных аб'ектаў сучасных даследаванняў айчынных і замежных лінгвістаў з'яўляецца нацыянальна-культурная спецыфіка фразеалагізмаў. Навукоўцы каменціруюць іх кампаненты ў межах тэматычнага поля па іх адпаведнасці на лексічным і граматычным узроўнях плана выражэння, а таксама па адпаведнасці фразеалагічных адзінак (далей – ФА) розных моў у тыпе метафарычнага пераносу, па адпаведнасці кампанентаў, якія ўдзельнічаюць у структурызацыі вобразна матываванай унутранай формы ФА – галоўнага аспекту іх зместу.

Пад унутранай формай фразеалагізма, услед за А.У. Куніным, разумеем «значэнне яго прататыпа, з якім фразеаматычнае значэнне звязана дэрывацыйнымі адносінамі» [1, с. 173] і якое дазваляе раскрыць зыходную матывацыю фразеалагізма. Іншымі словамі, унутраная форма – гэта вобраз, які склаўся на аснове свабоднага злучэння слоў і які матывуе актуальнае значэнне фразеалагізма. Пры гэтым кампаненты фразеалагізма не абазначаюць тое, што яны абазначаюць у свабодным злучэнні.

Змешчаная ва ўнутранай форме ФА культурная інфармацыя патрабуе самастойнага даследавання, якое стала мэтай адносна новай галіны навукі – лінгвакультуралогіі, у аснове якой знаходзяцца ідэі ўзаемасувязі мовы і культуры і якая «даследуе ўвасобленыя ў жывой нацыянальнай мове матэрыяльную культуру і менталітэт, што выяўляюцца ў моўных працэсах у іх дзейснай пераемнасці з мовай і культурай этнасу» [2, с. 216].

Унутраная форма ФА можа быць матываванай і нематываванай. Матываванасць неабходна разумець як «наяўнасць сувязі ... карэляцыі, якая існуе паміж семантыкай ФА і прамым значэннем пераменнага спалучэння, якое знаходзіцца ў аснове ФА» [3, с. 67], у выніку чаго фразеалагізм валодае «патэнцыяльнай, апасродкаванай вывадзімасцю агульнага зместу значэння слоў-кампанентаў» [4, с. 362].

Матываванасць з'яўляецца дынамічнай катэгорыяй, якая ў працэсе фарміравання і развіцця мовы змяняецца, у выніку чаго «ўсе матываваныя ФА ... аказваюцца нематываванымі, губляючы асацыяцыі з прататыпамі, якія іх матывуюць» [3, с. 69]. У сувязі з гэтым сучаснаму даследчыку мовы часам можа быць незразумелы вобраз, пакладзены ў аснову пэўнай ФА. У той жа час гэты вобраз-прататып дэкадзіруецца шляхам звароту да складнікаў унутранай формы, у ролі якіх выступаюць сімвалы, стэрэатыпы, эталоны, якія найбольш поўна і дакладна рэпрэзентуюць культурную канатацыю. Акрамя таго, на матывацыю значэння фразеалагізмаў уплываюць таксама разнастайныя тропы (метафара, метанімія, сінекдаха), міфы, архетыпы, гістарычныя падзеі, звычаі, абрады і традыцыі пэўнага народа.

Народныя звычаі, абрады і традыцыі з'яўляюцца неад'емнай часткай беларускай нацыянальнай культуры. Яны ўплываюць на ўнікальнасць успрымання і разумення свету асобным чалавекам як прадстаўніком пэўнай нацыі.

Мэтай нашага артыкула з'яўляецца ўстанаўленне існавання асобных момантаў звычайў, абрадаў і традыцый беларускага народа ў саматычных фразеалагізмах беларускай мовы.

Аб'ектам апісання абраны саматычныя ФА па прычыне таго, што менавіта найменні частак цела чалавека займаюць важнае месца ў фарміраванні лексіка-семантычнай сістэмы кожнай мовы. Менавіта яны адносяцца да высокаўжывальнай лексікі і шырока задзейнічаны пры ўтварэнні ФА. На высокае задзейнічанне саматызмаў у фразеаўтварэнні ўказваюць многія даследчыкі, адзначаючы, што «ўтварэнне саматычных фразеалагізмаў на аснове метафарычнага ці метанімічнага пераносу з'яўляецца найбольш прадуктыўным фактарам іх утварэння» [5, с. 50].

Перш чым перайсці непасрэдна да аналізу ФА, звернемся да значэння лексем абрад, звычай і традыцыя. *Абрад* – сукупнасць строга акрэсленых дзеянняў, якімі суправаджаецца выкананне рытуалаў [6, с. 6]. *Звычай* – агульнапрыняты парадак; правіла, якое здаўна ўкаранілася ў народным светапоглядзе і быццё [6, с. 7]. *Традыцыя* – 1) звычаі, погляды, нормы паводзін і пад., якія перадаюцца ад папярэдніх пакаленняў наступным; 2) парадак, звычай, што ўстанаўліваецца ў паводзінах, быццё [7, с. 659]. Звернем увагу і на значэнне лексемы *рытуал* – сукупнасць абрадаў [6, с. 7].

У межах беларускіх саматычных ФА выдзяляюцца тыя, у вобразнай аснове якіх знаходзяцца ўяўленні аб асаблівасцях жыцця, яго ўмоў, дзеянняў носьбіта мовы і яго асацыяцый. Так, абрадавыя дзеянні носьбітаў мовы адлюстраваны ў наступных ФА: *зубы загаворваць* ‘уводзіць у зман, знарок адцягваць увагу ад чагосьці’ (звязана са звычайем, калі знахары з дапамогай доўгіх бяссэнсавых замоў «сунімалі» зубны боль [8, с. 170]); *перабіраць / разбіраць па костачках* ‘асуджаць чые-н. недахопы, абмяркоўваць каго-н.’ (узнікненне ФА звязана са старажытнаславянскім абрадам паўторнага пахавання: праз тры гады пасля першага пахавання магілу раскопвалі і правяралі, ці не быў нябожчык пры жыцці звязаны з ведзьмакамі і перэваратнямі; перад тым як зноў закапаць нябожчыка, яго родныя перабіралі косці, перамывалі іх вадою або віном, што суправаджалася размовамі пра яго [8, с. 299]); *па руках* ‘дамовіліся, згодны’ (звычайны поціск рукі суправаджаў / суправаджае залучэнне пэўных прававых адносін альбо гандлёвых здзелак [9, с. 255]) і інш. Ужыванне ў такіх ФА саматызмаў тлумачыцца роляй, якая ў час правядзення абрадаў адводзілася пэўным часткам цела чалавека, выразнасці іх рухаў. У ФА замацаваліся адначасова і слоўныя формулы, што суправаджалі пэўныя рытуальныя дзеянні.

Захаваліся на працягу стагоддзяў і існуюць па сённяшні дзень многія традыцыі, якія знаходзяць адлюстраванне ва ўнутранай форме саматычных ФА. Так, асновай для ўтварэння ФА *вынесці ўперад нагамі* ‘пахавець (нябожчыка)’ стаў пахавальны рытуал, які, на нашу думку, звязаны з сімвалічным атаясамліваннем чалавека з нагамі ў моўнай карціне свету беларусаў.

У беларускай мове зафіксавана яшчэ адна ФА, якая ў сваёй аснове мае сімвалічны вобраз, звязаны з абрадам пахавання памерлых: *закрываць вочы*¹ ‘быць побач з тым, хто памірае, у апошнія хвіліны жыцця’. Аманімічная ФА – *закрываць вочы*² ‘знарок не заўважаць чаго-н. важнага, значнага’, на нашу думку, узнікла на аснове першай, рэпрэзентуючы, аднак, зусім іншую мэту дзеяння. Зыходзячы з семантыкі дзвюх ФА, агульнага вобраза, пакладзенага ў іх аснову, можна зрабіць выснову: для беларусаў чалавек, які праяўляе абьякавасць да чаго-небудзь, знарок абыходзіць нешта значнае, атаясамліваецца з нябожчыкам. Наша меркаванне падмацоўваюць і звязаныя з ФА “старажытнае архетыпічнае проціпастаўленне «святло – цемра» і сімвалічнае проціпастаўленне «жыццё – смерць» [10, с. 226].

Пэўныя рытуальныя паводзіны альбо дзеянні чалавека дапамагаюць засцерагчы сябе ад сурокаў і іншага негатыўнага ўплыву, што знайшло адлюстраванне ва ўнутранай форме ФА *адводзіць вочы* ‘хітруючы, адцягваць увагу ад чаго-н.’ і *соль у вочы* ‘выказванне нядобрага пажадання таму, хто гаворыць не тое, што трэба; выказванне засцярогі ад суроку’. Ужыванне кампанента *вочы* ў пералічаных ФА тлумачыцца міфалагічнымі ўяўленнямі славян, дзе менавіта вочы з'яўляюцца спецыфічным інструментам, з дапамогай якога альбо праз які чалавек можа паўплываць на лёс іншай асобы [11, с. 500].

Спецыфічнымі рытуальнымі пракляццямі-адказамі на негатыўнае вербальнае дзеянне камуніканта з'яўляюцца ФА *ціпун на язык* 'рэзкае асуджэнне чыйго-н. недарэчнага выказвання, нядобрае пажаданне таму, хто гаворыць не тое, што трэба' (лексема *ціпун* у ізаляваным становішчы мае значэнне 'хвароба птушак – храсткаватая нарасць на канцы языка' [7, с. 731]) і *каб язык адсох* 'вokліч абурэння, асуджэння таго, хто сказаў што-н. непрымальнае'. ФА адначасова спалучаюць у сваім складзе нядобразычлівае пажаданне каму-небудзь і жаданне аберагчы сябе ад сурокаў. Відавочна, дадзеныя ФА выяўляюць адзін са спосабаў самазахавання і самазасцярогі ў выпадках, калі на першае месца ставіцца асоба гаворачага і не звяртаецца ўвага на магчымасць нанясення шкоды каму-небудзь іншаму. Узгадаем выказванне М.Ф. Алефірэнка: «Пажаданне *ціпун табе на язык* было вельмі сур'ёзным, бо носьбіт ціпуна як бы пераўтвараўся ў маўклівага выканаўцу волі знахара, не мог адказваць на зло» [12, с. 383]. На нашу думку, «маўклівым выканаўцам волі знахара» становіўся і той, у адносінах да каго ўжывалася ФА *каб язык адсох*.

У адпаведнасці з міфалагічнымі ўяўленнямі славян, а ў іх ліку і беларусаў, сурокі, непрыемнасці, хваробы ці сполахі трапляюць у чалавека менавіта праз ногі [13, с. 422], што знайшло адлюстраванне ў ФА *наступаць на нагу* 'крыўдзіць, закранаць каго-н.; ушчымляць чые-н. інтарэсы'; у *пяткі кальнула* 'хто-н. моцна напалохаўся', 'хто-н. моцна расхвалываўся'. Каб пазбегнуць небяспекі, непрыемнасцей, альбо засцерагчы сябе ад пэўнай асобы ці нават месца, носьбіты мовы імкнуцца прытрымлівацца пэўных абрадаў і пазбягаюць дакранацца нагой да зямлі: *<i>нагі не будзе* 'хто-н. ніколі не прыйдзе куды-н., перастане быць у каго-н.; звычайна як пагроза не наведваць ці забарона наведваць каго-н.'; *нага не ступіць* 'хто-н. не з'явіцца дзе-н.' і інш.

Вядучую ролю ў матывацыі ФА адыгрывае саматычны кампанент *рука*. Разнастайнасць семантыкі ФА з гэтым кампанентам залежыць найперш ад сімвалічнай прататыпнай функцыі дадзенага органа ў жыцці чалавека. Так, традыцыйным універсальным сімвалам прававых адносін, згоды і дагавору з'яўляецца звычайны поціск рукі, што адлюстроўваецца ў ФА *на руках* 'дамовіліся, згодны'; *рука ў руку* 'разам, дружна, аднадушна, як аднадумцы (жыць, працаваць, дзейнічаць і пад.)' (2-е значэнне); *удараць па руках* 'заклучаць якое-н. пагадненне, гандлёвую здзелку, дагавор' і інш. Менавіта аб такой рытуальна-сімвалічнай функцыі названай часткі цела заўважае А.М. Афанасьеў: «...ужо простае злучэнне рук ёсць эмблема сувязі, згоды» [14, с. 332].

Матыў рукі як сімвалу дагавору ўзнікае і ў вясельнай абраднасці носьбітаў беларускай мовы: *аддаваць руку* 'выдаваць замуж за каго-н.'; *аддаваць руку і сэрца* 'станавіцца жонкай каго-н., выходзіць замуж за каго-н.'; *прасіць рукі* 'сватацца' і інш. Відавочна, што для беларусаў згода на шлюб дасягаецца шляхам дагавору, рытуалу сватаўства. Увогуле, для славянскай культуры шлюб – гэта вельмі значны рытуал, і ўсе звязаныя з ім традыцыі неабходна выконваць, каб у далейшым сямейнае жыццё склалася шчасліва. Так, вясельная традыцыя пераносіць нявесту на руках цераз парог свайго дома знайшла сваё адлюстраванне ў ФА *насіць на руках* 'высока цаніць каго-н., даражыць кім-н.', 'надта песціць каго-н., выконаць усе жаданні каго-н.'. Рабілася так пад уплывам анімізму: лічылася, што ў дзень шлюбу дзяўчына асабліва схільна ўплыву злых духаў і на яе могуць разгневацца духі продкаў жаніха, якія жывуць пад парогам яго хаты [15, с. 152]. Гэта традыцыя захавалася і па сённяшні дзень, аднак жаніх пераносіць нявесту цераз парог свайго дома, дэманструючы гэтым сваё каханне і павагу.

Шырока распаўсюджаны рытуальны этыкетны знак прывітання / развітання, выражаны пацалункам альбо паклонам, што знаходзіць сваё адлюстраванне ў ФА *цалаваць рукі і ногі* 'вельмі прасіць, маліць каго-н. аб чым-н.' і ў ФА *біць чалом* 'пачціва кланяцца, вітаючы каго-н.', 'пачціва прасіць каго-н.', 'з глыбокай пачцівасцю ставіцца да каго-н., вітаючы што-н.'

У той жа час, у фразеалогіі беларускай мовы адлюстраваны асобныя моманты звычайу, абрадаў і традыцый, якія зараз не існуюць (альбо да якіх шырока не звяртаюцца), а сам выраз набывае новы сэнс. Так, ФА *біць сябе ў грудзі* 'вельмі настойліва даводзіць што-н., запэўніваць у чым-н.' паходзіць ад старажытнага звычаю самакатавання з прычыны смерці блізкіх і ў некаторых іншых выпадках [8, с. 51]. ФА *наклаўшы / палажыўшы руку на сэрца* (гаварыць, казаць, сказаць) 'з усёй шчырасцю, праўдзіва' сваім паходжаннем звязаны з прыкладаннем у размове рукі да левай часткі грудзей – знакам запэўнівання, што сказанае – чыстае праўда [8, с. 291].

Адносна ўзнікнення ФА *пыл пускаць у вочы* ‘дурыць, марочыць каго-н., выхваляючыся сабой’ існуе шмат гіпотэз. Услед за І.Я. Лепешавым лічым, што паходжанне ФА звязана з народным павер’ем беларусаў пра ведзьмакоў і ведзьмаў, «якія часам нібыта з’яўляюцца ў вірах і дураць, марочаць людзей, пускаючы, кідаючы ім ў вочы пыл» [8, с. 322].

У аснове ФА *на лбе / лобе не напісана* ‘адразу, па знешнім выглядзе не разбярэш, хто гэта, што гэта за чалавек’ і ФА *на лбе / лобе напісана* ‘адразу зразумела, хто гэта, што гэта за чалавек’ знаходзіцца старажытны звычай, калі гаспадар мог паставіць на лбе свайго раба кляймо. Пазней кляймом на лбе пазначалі злачынцаў і катаржнікаў. Яшчэ адно апісанне спосабу традыцыйнага пакарання злачынцаў у славян закадзіравана ва ўнутранай форме ФА *ўкараціць / падкараціць / падрэзаць язык* ‘прымусіць каго-н. замоўкнуць, менш гаварыць лішняе’.

Такім чынам, аналіз асобных саматычных ФА беларускай мовы паказаў, што іх унутраная форма матывавана звычаямі, абрадамі і традыцыямі беларускага народа. У вобразнай аснове ФА захоўваюцца культурныя каштоўнасці з самых розных сфер жыцця беларускага этнасу, розных этапах яго гістарычнага развіцця. Так, усе адзначаныя ФА ўяўляюць сабой своеасаблівыя мікратэксты, якія ўтрымліваюць розныя дадатковыя экстралінгвістычныя веды. Акрамя таго, аналіз ФА ілюструе асаблівае культурнае значэнне асобных саматычных кампанентаў і дазваляе ўзнавіць этнакультурныя вобразы і асабліваасці менталітэту беларусаў.

Літаратура

1. Кунин, А. В. Курс фразеологии современного английского языка : учеб. для ин-тов и фак. иностр. яз. / А. В. Кунин. – 2-е изд., перераб. – М. : Высш. шк. ; Дубна : Изд. центр «Феникс», 1996. – 381 с.
2. Телия, В. Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты / В. Н. Телия. – М. : Шк. «Яз. рус. культуры», 1996. – 288 с.
3. Соколова, Г. Г. Фразообразование во французском языке / Г. Г. Соколова. – М., 1987. – 144 с.
4. Современный русский язык : Теория. – Ч. 1 : Фонетика и орфоэпия. Графика и орфография. Лексикология. Фразеология / Под ред. Е. И. Дибровой. – М. : Изд. центр «Академия», 2002. – 544 с.
5. Куницкая, Н. В. Функционально-семантическая динамика соматических лексем в составе фразеологических единиц / Н. В. Куницкая, В. Ф. Мельник, Б. С. Данилов // Дериватология и динамика в романских и германских языках : романо-германская филология : межвуз. сб. / Кишинев. гос. ун-т ; ред. Г. С. Чинчлей. – Кишинев, 1989. – С. 48–55.
6. Коваль, У. І. Народныя ўяўленні, павер’і і прыкметы: даведнік па ўсходнеславянскай міфалогіі / У. І. Коваль. – Гомель : Беларускае агенцтва навукова-тэхнічнай і дзелавой інфармацыі, 1995. – 180 с.
7. Тлумачальны слоўнік беларускай мовы : больш за 65000 слоў / Нац. акад. навук, Ін-т мовазнаўства ; І. М. Бунчук [і інш.] ; пад рэд. М. Р. Судніка, М. Н. Крыўко. – 4-е выд. – Мінск : Беларус. Энцыкл., 2005. – 784 с.
8. Лепешаў, І. Я. Этымалагічны слоўнік фразеалагізмаў / І. Я. Лепешаў. – Мінск : Беларус. Энцыкл., 2004. – 448 с.
9. Кабакова, Г. И. Рука / Г. И. Кабакова // Славянские древности : этнолингвист. словарь : в 5 т. / РАН, Ин-т славяноведения и балканистики ; под общ. ред. Н. И. Толстого. – М., 1995–2012. – Т. 5 : С (Сказка) – Я (Ящерица). – 2012. – С. 254–258.
10. Ковшова, М. Л. Закрывать / закрыть глаза / М. Л. Ковшова // Большой фразеологический словарь русского языка. Значение. Употребление. Культурологический комментарий / редкол.: В. Н. Телия (отв. ред.) [и др.]. – 2-е изд. стер. – М., 2006. – С. 225–226.
11. Толстой, Н. И. Глаза / Н. И. Толстой // Славянские древности : этнолингвист. словарь : в 5 т. / РАН, Ин-т славяноведения и балканистики ; под общ. ред. Н. И. Толстого. – М., 1995–2012. – Т. 1 : А–Г. – 1995. – С. 500–502.
12. Алефиренко, Н. Ф. Фразеологический словарь: культурно-познавательное пространство русской идиоматики / Н. Ф. Алефиренко, Л. Г. Золотых. – М. : ЭЛПИС, 2008. – 471 с.
13. Агапкина, Т. А. Нога / Т. А. Агапкина, Л. И. Виноградова // Славянские древности : этнолингвист. словарь : в 5 т. / РАН, Ин-т славяноведения и балканистики ; под общ. ред. Н. И. Толстого. – М., 1995–2012. – Т. 3 : К–П. – 2004. – С. 422–427.
14. Афанасьев, А. Н. Юридические обычаи / А. Н. Афанасьев // Происхождение мифа. Статьи по фольклору, этнографии и мифологии / А. Н. Афанасьев. – М., 1996. – С. 327–343.
15. Шанский, Н. М. Школьный фразеологический словарь русского языка : значение и происхождение словосочетаний / Н. М. Шанский, В. И. Зимин, А. В. Филиппов. – 4. изд., стер. – М. : Дрофа, 2001. – 365, [2] с.

Модификации традиционной формы исторического романа в белорусской и англоязычной литературах

О.А. Лиденкова

Статья посвящена исследованию модификаций традиционной формы исторического романа в современной прозе белорусских и англоязычных авторов. На примере произведений Б. Корнуэлла, П. О'Брайена, Д. Гэблдон, К. Тарасова, В. Орлова, Л. Дайнеко, А. Лютых и других рассматриваются универсальные черты канона, наследованные от классиков жанра и востребованные в современных условиях, а также их видоизменения, обусловленные тенденциями развития современной литературы. Затрагиваются также особенности восприятия исторических произведений массовым читателем и воздействием представленной в текстах картины прошлого на национальное сознание.

Ключевые слова: историческая проза, современная литература, компаративистика, эпичность, мотив, психологизм.

The article aims to determine the common features of popular contemporary historical fiction books through comparative studies of the works of Belarusian and English-speaking authors of the late 20th – early 21st centuries. Writing in the mode popularised by W. Scott in the 19th century has long been considered outdated, but there is abundant evidence that this is the form of historical fiction that has an appeal at present. This study tries to determine the elements of traditional historical formula that appeal and resonate with the modern reader across countries. The article considers the importance of historical accuracy, the acceptable proportion of epic, emotional and psychological components in the narrative.

Keywords: historical fiction, modern literature, comparative studies, epic, motive, psychologism.

Историческая проза со времени появления «The French Lieutenant's Woman» Дж. Фаулза (1969 г.) зарекомендовала себя как испытательная площадка для самых смелых литературных техник. Еще никогда в истории развития жанра не существовало такого многообразия ее разновидностей: детективная, военная и готическая, морская, любовная и авантюрно-приключенческая, научно-фантастическая и фэнтезийная. Популярность набирают исторические комиксы и графические романы. Но ошибочно было бы думать, что классическая форма, которую несколько столетий назад популяризировал В. Скотт, осталась в прошлом. Ценителям жанра прекрасно известны имена К. Фоллета, М. Рено, П. О'Брайена, К. Иггульдена, Д. Даннет, а белорусским читателям – К. Тарасова, В. Орлова, Л. Дайнеко, А. Лютых, Е. Зубовича, Э. Ялугина, А. Литвина.

Произведения данных авторов пользуются огромной популярностью у читателей, о чем свидетельствует не только их позиции в списках бестселлеров, специальные тематические сайты и группы в соцсетях, но и многочисленные успешные экранизации, например, пользующийся исключительной популярностью сериалы «The Last Kingdom» или «Outlander» по романам Б. Корнуэлла и Д. Гэблдон. В 2019 г. роман Е. Зубовича «Беларускі палкоўнік» был выбран читателями книгой года (премия ПЭН-центра). «Маёй задачай было стварыць класічны гістарычны раман», утверждает автор [4].

Несмотря на свою популярность, творчество подобных писателей практически не становится объектом исследования критиков и литературоведов, внимание которых больше привлекают постмодернистские новации (работы Л. Хатчеон), либо гендерный аспект исторической прозы («The Woman's Historical Novel: British Women Writers, 1900–2000» Д. Уоллес, «The Historical Romance», Х. Хью). Активно исследуются истоки жанра и его взаимосвязь с готическим романом, творчеством В. Скотта и викторианской литературой (Modern Romance and Transformations of the Novel: The Gothic, Scott, Dickens И. Дункана, 1992, The Historical Novel in Europe, 1650–1950, Р. Максвелла, 2009.). Наиболее значительными и авторитетными исследованиями современного популярного исторического романа остаются работы Дж. Де Гры (The Historical Novel, 2010; Remaking History: The Past in

Contemporary Historical Fictions, 2015). Однако исследователь больше останавливается на особенностях восприятия произведений массовым читателем и воздействием представленной в текстах картины прошлого на национальное сознание, отходя от литературоведческой проблематики в поле интереса общественных наук (т. н. 'public history'). Таким образом, актуальным остается дальнейшее изучение композиционно-стилистических особенностей современной исторической прозы. *Целью* данной статьи является компаративное изучение произведений белорусских и англоязычных авторов конца XX начала XXI вв., наследующих традиции классического исторического романа, выявление как универсальных жанровых черт, так и их модификаций, обусловленных тенденциями развития современной литературы.

Творчество большинства авторов, работающих в данном направлении, в большой степени представляет собой современную модификацию классического канона, черты которого Г. Лукач сформулировал в своей фундаментальной работе 1937 г. «Исторический роман». Формула подобного романа привычна и не претерпела значительных изменений с тех пор, как «Эдуард Уэверли простился со своей семьей, уезжая в драгунский полк, куда он был недавно назначен» [8, с. 18]. В одной этой цитате В. Скотта заложена и схема развития сюжета, и принцип выбора протагониста. Как правило, это выдуманная личность – обычный человек, выходец либо из среднего класса, либо мелкого дворянства, делающий военную карьеру. С одной стороны, это дает герою достаточную свободу действий и большую географию передвижений, он всегда имеет правдоподобную причину оказаться в гуще событий. С другой стороны, не делает его заложником обстоятельств с заранее predetermined судьбой. Через постепенный карьерный рост персонажа автор может в деталях проследить те самые причинно-следственные взаимосвязи и особенности социально-политического развития общества, которые Лукач считал первостепенными для жанра: «Задача романиста состоит в том, чтобы мы живо представили себе, какие общественные и личные побуждения заставили людей думать, чувствовать и действовать именно так, как это было в определенный период истории» [5, с. 53].

Внутри классической формы возможны вариации. Хотя Лукач считал, что именно во взаимоотношениях обычных людей ярче всего видны особенности эпохи, большой популярностью в настоящее время пользуются романы о реальных исторических фигурах, особенно тех, кто традиционно оставался в тени более известных современников, например, это жены, дочери и даже слуги крупных политических фигур. К. Тарасов, Л. Дайнеко, В. Орлов отступают от принципа выбора героя в своих романах о великих князьях – Миндовге, Всеславе, Владимире и других. В этих произведениях на первый план выходит идея об определяющей роли личности в истории. Главное действующее лицо (правитель) становится воплощением государства и вступает в заранее обреченную борьбу с неумолимой судьбой в образе захватчиков-крестоносцев или вероломных родственников и соседей. Вполне в духе древнегреческой трагедии, кроме «фатума» неумолимого исторического развития, есть «хор» – олицетворяющие народные массы верные соратники и простолюдины. Своей индивидуальной судьбой они наглядно иллюстрируют изменения в жизни типичных представителей общества под воздействием общественных преобразований и последствия политической воли правящего класса.

Еще один обязательный герой современного варианта жанра – иностранец, часто близкий друг главного героя, который позволяет представить альтернативную точку зрения на происходящее или дистанцироваться автору от непопулярной или отличной от общепринятой оценки событий. В романах Л. Дайнеко это часто монахи-ученые, немецкие миссионеры, как Генрих или Сиверт из романа «Жалезныя жалуды». У Б. Корнуэлла и П. О'Брайена ближайšie соратники главных героев-англичан – выходцы из Ирландии, (сержант Харпер и доктор Матьюрин соответственно), которые могут свободно и безбоязненно обсуждать недостатки британской политики. Читателем подобная критика всегда будет воспринята с пониманием и гораздо более благосклонно.

А. Лютых в «Битве под острой брамой» выбрал героя, который по всем показателям должен бы быть антагонистом. Это петербургский офицер, который отправился служить на присоединенные Российской империей земли Речи Посполитой. Однако именно такой персонаж позволяет писателю, во-первых, свежим взглядом восхититься культурным наследием белорусских земель, проникнуться шляхетской культурой (что актуально в ситуации, когда

многие читатели знают собственную историю достаточно поверхностно), а во-вторых, с полным правом критиковать часто идеализируемый образ ВКЛ: «Вы склонны винить во всех бедах вашего отечества Москву, – сказал Княжнин, желавший все же расставить точки над “i” в начатом с утра споре. – Но так ли это, пан Константин? Не кажется ли вам, что у вас слишком много собственных неурядиц, которые вы уже не в силах были разрешить без вмешательства соседа? У вас всегда кто-то с кем-то не ладит – православные с католиками, католики с униатами, литовские магнаты с коронными магнатами, В ваших нескончаемых конфедерациях я уже запутался» [6, с. 28].

Несмотря на перечисленные модификации, все подобные произведения соответствуют одной из основных характеристик классического исторического романа – а именно: эпичности, то есть стремятся создать максимально развернутую, всеобъемлющую панораму определенной эпохи.

По этой же причине подобные произведения склонны образовывать достаточно длинные романские циклы, представляющие собой подробные хроники политической, социальной, бытовой жизни которые мы видим глазами обывателя и непосредственного участника событий. Цикл П. О'Брайена о приключениях капитана Обри и его верного друга доктора Мэтьюрина насчитывает 21 книгу; цикл Б. Корнуэлла о стрелке Шарпе – 24 книги; в марте 2020 анонсирована 13я книга его новой серии произведений «The Saxon Stories». Белорусскому читателю хорошо известны трилогии Л. Дайнеко, О. Ипатовой. Популярный многотомный цикл Л. Рублевской о Прантише Вырвиче, хотя и имеет многие черты классического исторического романа (типажи героев, фоновое введение реальных исторических фигур, приключенческая составляющая сюжета, множество исторических деталей и анекдотов) инкорпорирует слишком много литературных техник и стилистик, а поэтому скорее является образцом постмодернистского переосмысления жанра.

Ценность традиционной формы исторической прозы для современного читателя в том, что именно такие произведения во многом выполняют неопределимую работу по изложению в доступной увлекательной форме научно-популярной версии истории. На презентации своего романа «Прастрэлены талер» А. Литвин, например, поясняет, что роман написан в приключенческом стиле, «які можа зацікавіць і выхаваць у айчыннага чытача любоў да мінулага Беларусі» [7]. Стоит вспомнить, что именно с рождением понятия национальной гордости и национальной истории связывают небывалую популярность жанра в начале 19 в. Именно литературная, эмоционально пережитая, пропущенная читателем через себя, версия событий становится основой картины национального прошлого в общественном сознании. Этот эффект настолько выражен, что в настоящее время есть целая плеяда академических историков, которые начали писать прозу именно с целью вынести свои изыскания за рамки узкого круга профессионалов и завоевать широкую публику. В Британии начало этой тенденции положила Элисон Уэйр в 2006, за ней последовали Саймон Себаг-Монтефиоре, Джайлс Милтон, Гарри Сайдботтом, Патрик Бишоп, Иэн Мортимер, Сол Дейвид и многие другие. Подобные тенденции развиваются среди американских, австралийских исследователей. Историком является один из самых известных белорусских авторов В. Орлов. С. Себаг-Монтефиоре в процессе написания своей дебютной книги про революционную Россию «Sashenka» признавался, что «это восхитительное ощущение, никаких сносок, свобода эмоций и воображения»: «a joyous experience, no footnotes, and the freedom of emotions and imagination» [2]. Еще в 2010 г. газета «Independent» отмечала: «Historians turning their hands to fiction are all the rage» [2].

Лучшие образцы данного направления отличаются максимальным вниманием к точности исторических деталей. Однако в подобной дотошности часто заключается и слабость таких произведений с художественной точки зрения. Можно сказать, что именно традиционный исторический роман чаще всего страдает от «проклятия летописца», когда книга превращается в лоскутное одеяло из фактов, исторических баек и анекдотов, а также лирических отступлений, а сюжет и персонажи оказываются заложниками увлеченности автора фактологической стороной событий и деталями быта. Примеры подобного можно найти и в популярнейших романах Б. Корнуэлла, и в исторических детективах М. Климовича, М. Адамчика, Л. Рублевской, Л. Дайнеко и многих других.

Порой сложно отделаться от ощущения, что читателю предложен литературный вариант докудрамы, пересказ учебника, в котором приключения героев не более чем красочная иллюстрация. Британский писатель Дж. Мик, комментируя новую волну прозы о Второй мировой войне, отметил, что для писателя война (и любое другое важное событие) – это партия баса, а не соло: «For novelists, war is the bass line, not the melody» [3].

Если заимствовать данную аналогию, проблема очень многих исторических произведений, которые следуют традиционной формуле в том, что их авторы путают аккомпанемент и мелодию. Читатели, ориентированные прежде всего на психологизм, погружение в атмосферу эпохи, отмечают сухость изложения и искусственность эмоциональных коллизий в романах подобного типа: «Сармацкі стыль – гэта не толькі шабля, конь і тое, у што апрануты шляхціч. Гэта ідэя і стыль жыцця: эмоцыя, маштаб, раскоша, смеласць і бязглуздзя рашэнні ў камбінацыі з абыякавасцю да смерці і лёсу заўтрашняга дня» [4].

Героев подобных произведений сложно воспринимать всерьез, они относительно статичны, особенно в поздних книгах длинной серии. Персонажам не остается места для личностного роста, слишком заметна их роль как рупора автора: «нават у сцэнах боек і сутычак баец, перад тым як рассекчы галаву ворагу, звяртаецца да яго з прамовай на некалькі сказаў» [4]. Яркий пример – действующие лица в произведениях одного из отцов-основателей современного варианта классического исторического романа – Б. Корнуэлла, произведения которого пользуются огромной популярностью в том числе благодаря удачным экранизациям BBC. Сами судьбы его героев (циклы «Sharpe stories», «Saxon Stories») напрямую вплетены в ключевые события описываемых эпох, в которых они играют не последнюю, а, иногда, и ключевую роль, при этом удобно оставаясь в тени реальной исторической фигуры, с которой их связывает долг, присяга и даже некое подобие дружбы. Оставаясь в гуще событий, эти герои, не являясь реальными историческими личностями, могут описывать происходящее более объективно, так как их положение своеобразного посредника между различными слоями общества (скорее в роли «свой среди чужих, чужой среди своих») дает им право понимать происходящее исходя из более широкой перспективы, чем если бы мы видели происходящее глазами только правителя или рядового жителя.

Персонажи, подобные Шарпу, Утреду или капитану Княжнину из упомянутой дилогии А. Лютых (любовь к говорящим именам неискоренима в данном жанре) очень удобны тем, что позволяют писателю органично излагать их глазами (глазами очевидца) подробности как великих битв, так и быта, психологии и повседневных реалий совершенно разных людей, от короля до простого солдата. Даже многочисленные женщины, которые (ненадолго) пленяют сердце героя, скорее всего, не случайно представляют максимально разнообразные социальные и национальные группы. Княжин, например, за несколько начальных глав «Битвы под острой брамой» успел близко познакомиться с Игельстромом, послушать полонез Огинского в авторском исполнении, вскружить голову талантливой виолончелистке пани Ядвиге, польской фрейлине и самой Екатерине. Жену героя автор предусмотрительно оставляет в Петербурге.

Сложный характер подобных персонажей, их склонность игнорировать субординацию и критиковать приказы позволяют представить различные интерпретации известных событий, создавая в сознании читателя действительно увлекательную, многогранную картину прошлого. При всем этом, подобный тип героя имеет один очевидный недостаток: он слишком важен для осуществления писательского замысла (донести до читателя нюансы сложных и значимых исторических моментов развития страны), чтобы позволить им хоть толику самостоятельности. Иными словами, они могут расти в своем социальном положении, получать новые звания и должности (Корнуэлл неизменно отказывает Шарпу даже в этом, иначе круг его общения и обязанностей значительно изменится), но чтобы продолжать выполнять свою функцию, они не должны меняться слишком радикально внутренне. Сам герой далеко не так важен, как происходящие вокруг него события.

Однако есть и примеры гармоничного сочетания исторической достоверности, атмосферности и глубокого психологизма, и пример тому – творчество П. О'Брайена. Среди читателей его таланта Том Стоппард, Айрис Мердок и Урсула ле Гуин, по мастерству воссоздания панорамной картины общества, разнообразию и глубине характеристики челове-

ской натуры критики сравнивали его с Э. Треллопом, Г. Мелвиллом, Дж. Конрадом и М. Прустом, по умению влюбить читателей в созданный литературный мир – с Дж. Толкином. И речь здесь идет не только о детальности и достоверности воссоздания атмосферы эпохи и точности отсылок к реальным фактам истории или смысловой наполненности текста (хотя и в этом отношении О’Брайан не уступает и даже превосходит своих коллег). То, что прежде всего привлекает читателя – прописанные автором с невероятной психологической точностью характеры и динамика семейных, дружеских, иерархических взаимоотношений, его интуиция в трактовке универсальных человеческих мотивов и стремлений.

К. Кокер в своем масштабном диахроническом исследовании военной исторической прозы «Men At War» проводит параллели между образами капитанов Обри и Хорнблауэра известных циклов Форестера и П. О’Брайена. Персонаж С. Форестера был образцом литературного военного героя для многих писателей, включая Э. Хемингуэя [1, с. 64]. Подобно Джеку Обри, на протяжении серии романов персонаж Форестера проходит путь от командира до адмирала, но при этом писатель – в отличие от П. О’Брайена – почти не показывает развития характера Горацио, динамика личности которого всегда ограничена изначально заданными чертами. С этой точки зрения главные действующие лица большинства подобных циклов создаются в традиции Хорнблауэра: их с трудом можно назвать полноценными всесторонне прописанными героями, которые обладают самостоятельными характерами.

Таким образом, примеры творчества отдельных авторов доказывают, что и в настоящее время традиционный исторический роман продолжает развиваться и адаптироваться под меняющиеся вкусы и литературные тенденции. Динамичность сюжета, сплетение интриг в сочетании с исторической достоверностью неизменно гарантирует их популярность среди читателей. Успех произведения в этом случае во многом зависит от способности автора сбалансировать фактологическую и сюжетную составляющие произведения.

Литература

1. Coker, C. Men at war what fiction tells us about conflict, from the Iliad to Catch-22 / C. Coker. – London : Hurst, 2014. – 256 с.
2. David, S. Tall tales from history : are historians best placed to write [Electronic resource] / S. David // Independent. – Mode of access : <https://www.independent.co.uk/arts-entertainment/books/features/tall-tales-from-history-are-historians-best-placed-to-write-historical-fiction-2050891.html>. – Date of access : 24.07.2021.
3. Lawless, A. James Meek interview [Electronic resource] / A. Lawless // Three Monkeys Online Magazine. – Mode of access : <https://www.threemonkeysonline.com/the-peoples-act-of-love-author-james-meek-in-interview>. – Date of access : 24.07.2021.
4. Кіркевіч А. «Беларускі палкоўнік» – пратэстанцкае фэнтэзі пра «Крывавы патоп» XVII ст. [Электронны рэсурс] / А. Кіркевіч. – Рэжым доступу : <https://budzma.by/news/byelaruski-palkownik-pratestanckaye-fentezi-pra-kryvavy-patop-xvii-st.html>. – Дата доступу : 27.07.2021.
5. Лукач, Г. Исторический роман [Электронный ресурс] / Г. Лукач // Литературный критик. – 1937. – № 7, 9, 12 ; 1938. – № 3, 7, 8, 12. – Режим доступа : http://royallib.ru/read/lukach_georg/istoricheskiy_roman.html#0. – Дата доступа : 27.07.2021.
6. Лютых, А. Битва под Острой Брамой : исторический роман / А. Лютых. – Минск : Галіяфы, 2018. – 620, [1] с.
7. «Прастрэлены талер» – новы прыгодніцкі раман Аркадзя Ліцьвіна [Электронны рэсурс]. – Рэжым доступу : <http://harodniaspring.org/be/news/4172>. – Дата доступу : 27.07.2021.
8. Скотт, В. Собрание сочинений : в 8 т. / В. Скотт. – М. : Правда, 1990. – Т. 1. Уэверли, или Шестьдесят лет назад. – 573 с.

Нацыянальна-адметныя і культурна-інфармацыйныя адзінкі беларускай мовы

В.А. ЛЯШЧЫНСКАЯ

У артыкуле прадстаўлены вынікі аналізу вобразаў фразеалагізмаў дыялектнай і літаратурнай беларускай мовы з кампанентам-найменнем гатаваных рэдкіх страў як рэпрэзэнтантаў гастронамічнага кода культуры беларусаў, у якіх праз аналогію з вобразамі страў (баланда, боршч, булён, зацірка, кісель, панцак, поліўка, халаднік) выражаюцца і характарызуюцца ўяўленні чалавека аб розных баках яго жыцця, найперш аб самім сабе, выяўляючы нацыянальнае бачанне свету, культурную інфармацыю народа.

Ключавыя словы: фразеалагізм, гастронамічны код культуры, кампанент, культурная і нацыянальная інфармацыя, сімволіка, вобраз, экспрэсіўнасць, ацэнка.

In the article the results of the analysis of the images concerning phraseologisms of dialectical and literary Belarusian language with the component-name of the cooked rare dishes as representatives of the gastronomic code of culture of Belarusians, in which through analogy with the images of dishes (skilly, borsch, broth, zatsirka, kissel, pantsak, poliuka, khaladnik) the views of a person about different aspects of his life, primarily about himself, are expressed and characterized, revealing national worldview and cultural information of the nation.

Keywords: phraseologism, gastronomic code of culture, component, cultural and national information, symbolic, image, expressivity, evaluation.

У апошні час актуалізавалася ўвага даследчыкаў да фразеалагічных адзінак (ФА), што тлумачыцца новымі падыходамі да вывучэння мовы і яе адзінак, аб'яднаннем лінгвістычных і экстралінгвістычных фактараў, якія ўплываюць на спосабы вербалізацыі і кадыфікацыі ўяўленняў чалавека аб навакольным свеце і самім сабе як носьбіце пэўнай культуры ў межах антрапацэнтрычнай парадыгмы сучаснага мовазнаўства. Такі падыход абраны ў апісанні беларускіх ФА з кампанентам-трафонімам як рэпрэзэнтантаў гастронамічнага кода культуры беларусаў, які лічыцца адным з асноўных пры вызначэнні яго нацыянальна-культурнай адметнасці, паколькі ежа вызначае асаблівасці пэўнага народа з прычыны захавання на ўсім працягу гісторыі яго існавання нацыянальных прадуктаў харчавання, рэцэптаў прыгатавання пэўных страў, інгрэдыентаў, іх найменняў і інш.

Мэта прапанаванага артыкула – выявіць, якія найменні гатаваных рэдкіх страў скарыстаны ў беларускай фразеалогіі для стварэння вобразаў ФА, наколькі захоўваецца пераемнасць прадуктаў харчавання гэтай групы ў часе і прасторы і якую культурную інфармацыю даносяць з глыбінь часу выяўлення са слоўнікаў ФА беларускай мовы (гл. спіс скарачэнняў) дыялектныя і літаратурныя ФА з кампанентам-найменнем відаў рэдкай стравы.

І першы аналіз групы ФА-рэпрэзэнтантаў гастронамічнага кода культуры беларусаў дазваляе адзначыць, што кампанентамі і асновай вобразаў ФА абраны лексемы *баланда*, *боршч*, *булён*, *зацірка*, *кісель*, *панцак*, *поліўка*, *халаднік*, што называюць як звычайныя, ужывальныя і сёння найменні супоў, так і тыя, што адышлі ў нябыт ці адзначаюцца на абмежаванай тэрыторыі Беларусі. З другога боку, заўважана, што многія найменні рэдкіх страў мінулых часоў, напрыклад, *вераішчака*, *падкалотка*, *кулага* і інш., ці, наадварот, звычайныя ў наш час, напрыклад, *суп*, у складзе беларускай фразеалогіі адсутнічаюць, што, несумненна, сведчыць пра адбор пры ўтварэнні фразеалагізмаў тых лексем, якія, акрамя свайго дэнататыўнага значэння, надзелены дадатковымі сэнсамі культуры нашага народа, а таму і выступаюць у якасці асновы вобразаў фразеалагізмаў.

Яшчэ адна заўвага адносна ФА гэтай групы – нізкая колькасць прадстаўленасць як кампанентаў-найменняў гатаваных рэдкіх страў, так і ўтвораных з імі ФА, аднак амаль усе яны сведчаць пра нацыянальна-культурную маркіраванасць праз паасобныя кампаненты-найменні і ўтвораныя з імі ФА як вынік надання сімвальнага значэння адзінкавым найменням страў з улікам іх уласцівасцей, прыкмет і адметнасцей і перадачы яго ФА.

Так, ФА *сёрбаць / есці лапцем боршч* беларускай мовы з кампанентам *боршч* як лексемай-найменнем добра вядомай сённа рэдкай варанай стравы, якая, па-першае, мае ўласную лексему-эквівалент стравы – *капуста* або *кіслая капуста*. Праўда, *капуста*, *кіслая капуста* з’яўляюцца ўсё ж частковымі эквівалентамі да наймення *боршч*, паколькі існуюць адметнасці ў іх рэцэптуры: галоўным інгрэдыентам баршча з’яўляюцца буракі, боршч мае іншы колер і адпаведна смак у параўнанні з капустай. Акрамя таго, лексема *боршч* пры абазначэнні ежы, супу часцей суправаджаецца азначэннем *украінскі* як свайго роду ўказаннем на крыніцу запазычвання назвы стравы, хоць увогуле лексема *боршч* лічыцца праславянскай адзінкай: *bъrъсь* ‘расліна *Heracleum* (<*bъrstio-) [1, с. 372]. Такім чынам, можна меркаваць, што такая страва раней беларусам не была ўласцівай, і найменне боршч пры яго запазычванні ўспрымалася як «чужаземка».

Магчыма таму лексема скарыстана толькі ў адной ФА – *сёрбаць / есці лапцем боршч* ‘гібець у беднасці, галечы, быць адсталым, некультурным’ (Л-2008-2: 390) як сродку вобразнага стварэння ўнутрыфразеалагічнай супрацьлегласці «сваё» – «чужое» і прадстаўлення беднасці, адсталасці і бескультур’я, калі лапцем як сімвалам гэтай адсталасці замест лыжкі хтосьці есць невядомую, чужую страву боршч. ФА праз кампанент *сёрбаць / есці* суадносіцца яшчэ з антропна-гастранамічным (есць чалавек), касцюмна-рэчавым (праз кампанент *лапаць* як від абутку). Як можна бачыць, гастронамічная дзейнасць чалавека метафарычным вобразам выражае «беднасць» духоўную, тое бескультур’е, адсталасць у духоўным развіцці.

З улікам надання лексемам *баланда* і *поліўка* сімвалічнага значэння ‘штосьці пустое’, ‘нязначнае’, ‘нявартае ўвагі’ на аснове ведаў пра іх уласцівасці (*баланда* – ‘посная рэдкая поліўка’ [2, с. 331], *поліўка* – ‘суп з якой-н. прыправай (мучной, крупяной, бульбяной і пад.)’ ці ‘рэдкая частка якой-н. ежы; жывжкі’ [3, с. 289]) гэтыя лексемы сталі асновай пры ўтварэнні вобразаў новых адзінак. У прыватнасці, ФА *травіць баланду* 1) ‘займацца пустымі размовамі, пустасловіць’; 2) ‘хлусячы, старацца падмануць каго-н.’ (Л-2008-2: 519) абавязана менавіта сімваліцы лексемы *баланда* і метафарычнаму пераасэнсаванню дзеяслоўнага словазлучэння, дзякуючы чаму ФА суадносіцца з антропна-гастранамічным кодам культуры беларусаў. У аснове вобраза ляжыць метафара, паводле якой марныя і пустыя размовы ці хлусня і падман каго-небудзь прыпадабняюцца да засвойвання баланды як пустой, нясытнай стравы, ад якой няма карысці і якая служыць толькі абманам страўніка (параўн. прыказку *Добры гаспадар не толькі ў жываце, а нават у ботах вады не любіць*). Напрыклад: *Хопіць, штурман, травіць баланду. Заўтра ў мора, а мы яшчэ і пагаварыць не паспелі* (А. Крыга), дзе сур’ёзная размова супрацьпастаўляецца пустой балбатні. Дарэчы, найменне рэдкай поснай стравы *баланда* як літуанізм паводле паходжання найбольш вядомае як экспрэсіўнае найменне [4, с. 4] скарыстоўваецца пры апісанні турэмнага зняволення, дзе тыповым было кармленне арыштаваных самай пустой і поснай стравой, напрыклад: *Прыносілі [палонным] тую нязменную страву, што завецца «баланда»* (К. Чорны).

Калі папярэдняя ФА з кампанентам *баланда* як адзінкай са зніжанай ацэнкай для наймення ежы і негатыўнай канатацыяй, што і далучае яе да ліку прастамоўных, абмежаваных ва ўжыванні, то ФА *за сачавічную поліўку* прадаваць, прадацца і пад. ‘з-за дробязнай выгады’ (Л-2008-2: 233) носіць кніжны характар, відавочна, дзякуючы таму, што гэта адзінка ўжо як гатовы вобразны выраз была скарыстана ў Бібліі, ці яе вытокамі з’яўляецца біблейная прытча «пра братоў-блізняў Ісава і Якава – сыноў патрыярха Ісака. Ісаў нарадзіўся на некалькі мінут раней, чым Якаў, і атрымаў права першародства, якое гарантавала яму падвойную долю спадчыны і значную перавагу ў жыцці. Адночы галодны Ісаў папрасіў Якава накарміць яго сачавічнай поліўкай. Якаў згадзіўся, але пры ўмове, калі Ісаў уступіць яму права першародства. Ісаў даў згоду» [5, с. 146]. Увогуле, ФА *за сачавічную поліўку* мае абмежаваную валентнасць і выступае ў якасці вобразнага эталона, той мізэрнай меры кошту выгады за такія непрыстойны, нядобры ўчынак як здрада, напрыклад: *На свяшчэнную вайну паднялася ўся краіна. Толькі асобныя вылюдкі, брыдкія і подлыя істоты, прадаліся ворагу за сачавічную поліўку...* (І. Новікаў).

Некалькі найменняў розных супоў скарыстана ў кампаратыўных ФА Гродзеншчыны. Гэта дыялектныя ФА як *Ракіцкі халаднік даводзіць* і пад. для жартоўнай ацэнкі такіх якасцей

гатавання ежы, як ‘доўга і мудрагеліста (гатаваць што-н.). Пра ежу’ (Д-2020: 426), як *панцак сядзець* ‘спакойна, нерухома’ (Д-2020: 376) і як *Ануфрык да булёну надзьмуцца* і пад. ‘незадаволеная, з кепскім настроем’ (Д-2020: 22).

Так, лексема *халаднік* абазначае ‘халодную страву з бацвіння, шчаўя, агуркоў, цыбулі, запраўленую смятанай і пакрышаным яйкам’ [6, с. 171]. І гэтая страву лічыцца простаю па прыгатаванні. Але для экспрэсіўнай адзнакі, ацэнкі гатавання ежы як чагосьці мудронага, працяглага ў часе народ скарыстаў параўнанне як *Ракіцкі халаднік*, у аснову якога абрана рэальны выпадак: жыхар вёскі Жукойні Астравецкага раёна па прозвішчы Ракіцкі аднойчы гатаваў халаднік. Спрабуючы на смак, ён кожны раз адчуваў, што з кампанентаў чагосьці замала і паступова дабаўляў то кіслю, то соль, то ваду. У выніку атрымалася цэлае ядро хададніку. І фразеалагізацыя параўнання дазволіла перадаць інфармацыю, выразіць адносіны і даць ацэнку працэсу гатавання ежы ўвогуле. Напрыклад: *Ты гэтая цеста даводзіш як Ракіцкі халаднік. Ні бліны, а нейкія марцыпаны будуць* (Д-2020: 426).

А вось лексема *панцак* (‘круглыя ячныя крупы’ ці ‘суп з такіх круп’ [7, с. 671]) паслужыла ўтарэнню ФА як *панцак* у выніку фразеалагізацыі параўнання, якое выступае як вызначаны народны вобраз-эталон, мера спакою, нерухомасці чалавека паводле асацыяцыі з такім густым супам, як панцак.

У складзе дыялектнай ФА як *Ануфрык да булёну надзьмуцца* і пад. ‘незадаволеная, з кепскім настроем’ (Д-2020: 22) маем адзінкавую фіксацыю лексемы *булён*. Яна вызначаецца сваім іншамоўным паходжаннем (Франц. *bouillon* – «адвар» уяўляе сабой суфіксальнае ўтварэнне ад дзеяслова *bolir* – «варыць, кіпяціць» з лац. *bullire* – «кіпяціць» [8, с. 62]), выступае найменнем стравы, што мае розны спосаб прыгатавання: 1) ‘нічым не запраўлены мясны адвар’; 2) ‘бульбяны суп, засквараны салам’ [2, с. 418], 3) ‘суп з бульбы’ [1, с. 409]. Зусім магчыма, што гэтыя факты (спосаб гатавання, іншамоўнае паходжанне лексемы) і абумоўліваюць абмежаванне ў выбары гэтага кампанента пры ўтварэнні ФА. Асновай для вызначэння, характарыстыкі і ацэнкі такой абстрактнай, «нябачнай» эмацыянальнай прыкметы чалавека, як незадаволеная, паслужыла канкрэтная сітуацыя: незадаволенасць булёнам як рэдкай і не надта спажаўнай стравой, паколькі булён – гэта, напрыклад, суп з бульбы. Выбар уласнага імені Ануфрык, па-першае, больш канкрэтызуе сітуацыю, абраную для ўстанаўлення аналогіі з новым зместам; па-другое, называе асобу мужчыны, для якога булён як вадкая і малакаларыйная страву, сапраўды, малакаштоўны. Акрамя таго, выключную дапаможную ролю ў ацэнцы адыгрывае размоўны дзеяслоў *надзьмуцца* з яго пераносным значэннем ‘пакрыўдзіцца, нахмурыцца, зрабіць незадаволены выраз твару’ [7, с. 237]. Ён жа выступае паказчыкам абмежаванай валентнасці і з’яўляецца абавязковым суправаджальным словам пры ўжыванні ФА ў маўленчай дзейнасці. І абраны выраз набыў у народным уяўленні адзнаку эталона незадавальнення паводле беларускага стэрэтыпу адносінаў мужчыны да булёну і выяўляе прынцып ілюстрацыі ад канкрэтнага да абстрактнага як характарыстыкі ўтварэння фразеалагізмаў.

Некалькі ФА зафіксавана з кампанентам *кісель* як агульнаславянскай паводле паходжання лексемы, што абазначае вядомую з глыбокай старажытнасці, звычайную і карысную ежу беларусаў (‘кіслая студзністая страву з аўсянай мукі або ягаднага соку, заваранага на крухмале’ і 2) *перан*. ‘пра вязкую, клейкую масу’ [9, с. 689]) і як абрадавую страву, абавязковую на сталю пры святкаванні Каляд (посная куцця), у дні памінання продкаў і інш. Менавіта гэты і паспрыяла ўтварэнню ФА, вытокамі якіх з’яўляюцца, несумненна, і тыя ўласцівасці і якасці гэтага віду ежы, спосаб прыгатавання яе, і тое дадатковае канатацыйнае значэнне, якое надавалася гэтаму слову ў далёкім мінулым, і тая сімволіка, што была замацавана ў народным уяўленні яшчэ з глыбокай старажытнасці, а таму добра ўзнаўляльная і пазнавальная сучаснікамі дзякуючы захаванню гэтай стравы да нашых дзён.

Гэта найбольш вядомы шырокімі коламі насельніцтва сучаснай Беларусі і прадстаўнікам нашага народа за яе межамі ФА *дзясятая / сёмая вада на кісялі*, што служыць для жартоўнага выказвання пра ‘вельмі далёкага сваяка’ (ЛІ-2008-1: 165). І хоць лічыцца, што ў аснове ўтварэння гэтай адзінкі ляжаць веды чалавека пра спосаб прыгатавання кісяля, калі маглі не раз і нават не два разы заліваць вадой выціснутую гушчу і працэджваць на сіта солад, але скарыстанне лексемы-кампанента *кісель* у вобразе ФА – гэта даніна ведаў пра гэты

від ежы найперш як рытуальную страву, што была абавязковай на памінанні памерлых (узгадаем свята Дзядоў як дзень памінання памерлых родзічаў, сваякоў і абавязковую разнастайнасць відаў ежы, сярод якіх мае месца і кісель), якая служыць своеасаблівым звязом паміж душамі памерлых і жывых родзічаў. Пакуль жывуць тыя, хто памінае сваіх памерлых продкаў, родных, датуль жыве памяць, існуе сувязь пакаленняў. Зусім магчыма, што вытокі сэнсу адзінкі аб далёкім сваяцтве, роднасці крыецца менавіта ў гэтым памінанні ўсіх памерлых, незалежна ад часу іх смерці ці роднасці, калі сама сутнасць памерлага чалавека – гэта ўжо аддаленасць у часе і ў месцы (на тым свеце), хоць і не забылася. А выбар варыянтных лічэбніковых кампанентаў абавязаны іх трактаванню з мінулых часоў, той сімволіцы, што нададзена гэтым лічбам. Так, лічба сем выдзяляецца з усіх лічбаў і лічыцца асобай, займае цэнтральнае месца (узгадаем пра, напрыклад, наяўнасць сямі дзён на тыдні, сямі колераў вясёлкі, сямі нябёсаў, сямі вольных мастацтваў, нотаў; у хрысціянскай рэлігіі сямі таінстваў, сямі свяцільнікаў і інш.). Зусім магчыма, што аддаленая роднасць ці сваяцтва з выбарам лічбавага кода *сем* якраз і звязана з уяўленнем аддаленасці зямлі ад неба, нябёсаў, куды пайшлі душы памерлых. Лічба дзесяць – гэта наогул самая дасканалая з усіх, так як у ёй заключана ўсякае адрозненне паміж лічбамі, усякія адносіны іх і падабенствы, а пры сучасным «прачытанні» – гэта яшчэ большая лічба, чым сем, ці гіпербалізацыя як прыём утварэння адзінкі. Як відаць, выбар усіх і кожнага з кампанентаў адзінкі не простая неабходнасць зафіксаваць спосаб прыгатавання кісяля, а для ўстанаўлення аналогіі паміж вядомай, тыпізаванай сітуацыяй, замацаванай у моўнай карціне свету, і новым зместам утворанага на вядомым абазначэнні факта фразеалагізма. І тут не толькі падкрэсліваецца пераўвельчэнне, а перадаецца больш глыбокі сэнс і захаваная ў абраным вобразе ФА скрытая культурная інфармацыя і тая сімволіка, што ўласціва гэтым лексемам-кампанентам паасобку і перададзена ўтворанаму фразеалагізму.

Цікавая дыялектная ФА *як варона ў кісель папасці* ‘недарэчна, неразумна (трапіць у якую-н. непрыемную сітуацыю)’ (Д-2020: 75), што сваім складам, сімволікай кампанентаў, структурай параўнання і ў выніку той падтэкставай інфармацыяй і новым канатацыйным значэннем даводзіць неадабрэнне і вобразна прадстаўляе такое абстрактнае паняцце, як недарэчнасць, непараўменне, што стала вынікам увязання каго-небудзь ў непрыемную для яго сітуацыю. Вобраз ФА выяўляе адметнасць нацыянальнага бачання і вобразнага прадстаўлення беларусаў (параўн. рускі эквівалентны фразеалагізм *как кур во щи*, утвораны па адной і той жа мадэлі і паводле таго ж спосабу). У аснове ФА ляжыць метафара, што прыпадабняе выпадковасць ці збег акалічнасцей да сітуацыі, калі варона трапіла ў кісель. Тут, па-першае, штосьці непрыемнае (якая-небудзь справа, сітуацыя і пад.) па аналогіі з кісялём як ежай з густой і вязкай кансістэнцыяй, у якую непрыемна вымазацца, тым больш трапіць, што адразу ўспрымаецца чалавекам негатыўна. Па-другое, варона ў народнай традыцыі лічыцца хтанічнай птушкай, да яе выказваюцца і з ёю звязваюцца негатыўныя якасці чалавека (параўн. *варона загуменная; варона ў паўлінавых пёрах; дурная варона; ні пава ні варона; пужаная варона; як мокрая варона*), варонай называюць нерастаропнага і нехлямяжага чалавека. І гэта яшчэ больш узмацняе негатыў такіх абставін, такой сітуацыі, што пераведзена на чалавека ці склалася для яго. Вось чаму эталон-параўнанне *як варона ў кісель* набыло ролю стэрэатыпнага ўяўлення пра недарэчнасць, абсурднасць той сітуацыі, што вымусіла ці выпадкова паслужыла чалавеку быць умяшаным у якую-небудзь непрыемную для яго справу і пад. Напрыклад: *Але й папала я ў гісторыю з гэтай каровай як варона ў кісель* (Д-2020: 75).

Нацыянальна-культурную адметнасць беларусаў асабліва выразна выяўляюць ФА з кампанентам-лексемай *зацірка* як назвы разнавіднасці супу, ці рэдкай стравы, і як нацыянальна-маркіраванага кампанента, тым больш што ФА адзначаны толькі ў заходнебеларускіх гаворках. Зацірка – гэта ‘рэдкая страву з дробнымі мучнымі камячкамі, згатаванымі на вадзе або малацэ’ [9, с. 412], а ўтварэнне лексемы абавязана дзеяслову *заціраць / зацірці* з дапамогай суф. *-к-а* як найменню спосабу прыгатавання гэтай ежы. Шырокая распаўсюджанасць такой стравы на тэрыторыі Беларусі, магчыма, невысокая ацэнка, што замацавалася як малакаштоўнасны паказчык гэтакага супу – рэдкай і не вельмі спажывунай ежы, і паслужыла адбору лексемы *зацірка* пры ўтварэнні кампаратыўнай ФА *як пярун у зацірку / зацірку ляпнуць* ‘недарэчна, неўпапад (сказаць)’ (Д-2020: 413). Тут увага беларусаў скіравана да парушэння правіл маўленчай дзейнасці, ці, дакладней, да зместу

маўлення чалавека. Устанаўленне аналогіі паміж новым зместам і абранай протасітуацыяй забяспечвае трапнасць, маляўнічасць і выражае ацэнку абазначанага, як рацыянальную, так і эмацыянальную. Па-першае, нерэальнасць абранага дзеяння (пярун страляе ў зацірку) даводзіць пра нерэальнасць, бяссэнсавасць ці пустату сказанага; па-другое, з перуном выклікаюцца асацыяцыі вялікага гуку і нечаканасці яго дзеяння з нечаканасцю для ўсіх раптоўнага выказвання, змест якога параўноўваецца са смешным паводле абранага вобраза ўдарам перуна ў зацірку, што дазваляе выразіць іранічныя адносіны да асобы з такім маўленнем. Да таго ж, як вядома, зацірка не цэніцца як добрая і спажыўная ежа, яна рэдкая, а таму ніякага знака ўдар перуна, ці словы чалавека, не аказваюць, акрамя, магчыма, уяўнага толькі плёскату і пырскаў, напрыклад: *Але ж ты і ляпнуў перад усімі як пярун у зацірку* (Д-2020: 413). Завяршае экспрэсіўна-эмацыянальную характарыстыку слова-канкрэтызатар, якім у дадзеным выпадку выступае суправаджальны дзеяслоў *ляпнуць* і які ўжыты ў пераносным значэнні і служыць указальнікам і ацэнкай маўлення – ‘гаварыць што-н. неабдуманна, нетактоўна’ [7, с. 74–75]. І такім вобразам ФА *як пярун у зацірку / зацірку ляпнуць* для жыхароў заходняй часткі Беларусі, дзе ўтворана і бытуе гэтая адзінка, перадае стэрэатыпнае ўяўленне і служыць для выражэння іроніі, жарту ці насмешкі над маўленнем чалавека, які нясе несусвеціцу, гаворыць упустую, ці выстрэльвае лухту, гаворыць абы-што.

А яшчэ лексема *зацірка* выступае як варыянтны кампанент у складзе кампаратыўнай ФА *як Мурза заціркі / маслянкі / жому / кішак / костак набрацца* і пад. ‘вельмі моцна (набрацца, напіцца і пад.)’ (Д-2020: 327), якая выступае своеасаблівым эталонам, мерай высокай ступені ап’янення чалавека ў выніку ўжывання спіртных напояў і служыць для выражэння асуджэння гэтага. Тут у якасці тэматычна блізкіх прадуктаў паводле ўжывання іх сабакам прыводзяцца як варыянтныя кампаненты-лексемы, што абазначаюць і рэдкія стравы (зацірку, маслянку), і косткі, добра вядомыя ўсім як прадукты-ласункі сабак, што даводзяць дадатковую інфармацыю – чалавек мае цягу да выпіўку, любіць выпіваць. Да таго ж кампанент-мянушка сабакі Мурза як сродак параўнання для чалавека, што выступае характэрнай адзнакай асабліва дыялектнай фразеалогіі, зноў даводзіць негатыву і асуджэнне. Іншымі словамі, гэта ў кантэксце ФА тыя «долі», «лепты» экспрэсіі, той адмоўнай ацэнкі, якую нясе ФА адносна высокай ступені ап’янення чалавека (*Учоры замачыў палучку, напіўсё як Мурза маслянкi* (Д-2020: 327)). Узмацняе негатыву і слова-канкрэтызатар, размоўная лексема *набрацца* са сваім прамым значэннем ‘напіцца гарэлкі, віна’ [7, с. 208] як сродак абмежаванай валентнасці ФА і дадатковы спосаб выразіць адмоўнае стаўленне праз экспрэсіўную адзінку мовы. А ў выніку ФА *як Мурза заціркі / маслянкі / жому / кішак / костак* – яшчэ адзін народны эталон вымярэння ступені ап’янення і выражэння асуджэння п’янства, выказвання негатыву да такога чалавека, які параўноўваецца з сабакам, што без меры набраўся заціркі, дапаўшы дзе-небудзь без дазволу і нагляду гаспадара.

Блізкай да папярэдняй і разам з тым адметнай паводле значэння ФА *як Мурза ў зацірку ўляпацца*, што служыць для выражэння высокай ступені праяўлення закаханасці – ‘вельмі моцна (закахацца ў каго-н.)’ (Д-2020: 328), але, мяркуючы паводле вобраза, аб’екта параўнання, суправаджальнага слова да ФА (*уляпацца* – ‘абляпацца чым-н., вымазацца чым-н.’ і ‘закахацца ў каго-н.’ [6, с. 17]), гэта не выклікае захаплення ці радасці, а хутчэй наадварот, магчыма, толькі спачування так моцна закаханаму. У аснове вобраза новай адзінкі ляжыць метафарычнае пераўтварэнне параўнальнага звароту: сіла кахання маладога чалавека прыраўноўваецца да моцнай цягі сабакі Мурзы да заціркі, якая не з’яўляецца звычайнай ежай для яго. Менавіта параўнанне чалавека з сабакам, а аб’екта яго пачуццяў з заціркай даводзіць аб нейкіх скрытых прычынах неадпаведнасці паміж закаханым і яго абраніцай. Усё гэта і дазваляе гаварыць аб негатыве, адмоўнай ацэнцы, якую даводзіць ФА, напрыклад: *Уляпаўся ў гэту фельчарку як Мурза ў зацірку: ні сьпіць, ні есць, толькі пра яе думая* (Д-2020: 328). ФА *як Мурза ў зацірку* перадае стэрэатыпнае ўяўленне беларусаў аб сіле кахання і аб ступені выражэння шкадавання, незадавальнення ці нават спачування да закаханага маладога чалавека з прычыны неадпаведнасці, няроўнасці паміж ім і аб’ектам яго кахання.

Адметным вобразам вызначаецца дыялектная ФА *зацірку варыць* ‘спаць храпучы’ (Д-2020: 208), дзе, як можна меркаваць, выяўляецца асацыятыўная сувязь паміж гатаваннем заціркі, у працэсе якога патрэбна спачатку заціраць мучную прыправу і потым пры засыпанні

пастаянна памешваць, каб не збегла малако і не склеіліся мучныя камячкі, ці паміж гукавым суправаджэннем гэтага працэсу і гукавым супрадажэннем соннага чалавека, які храпе. Зусім магчыма, што такі вобраз узнік у выніку асацыятыўнай сувязі з каранёвай марфемай лексемы *зацерка* (параўн. *церці, заціраць, прыцерці* і інш.) на аснове гукавога сімвалізму. Ва ўсякім разе ФА – яшчэ адна ФА для вобразнай перадачы сну ў суправаджэнні храпу (параўн. *давіць Храпавіцкага; задаваць Храпавіцкага; чытаць Храпавіцкага*). Напрыклад: *Але ш ты сёння зацерку варыла, я ўсю ноч ні магла заснуць* (Д-2020: 208).

Такім чынам, аналіз ФА беларускай мовы і іх лінгвакультуралагічнае «прачытанне» выяўляе, па-першае, адбор кампанентаў-найменняў гатаванай рэдкай стравы, які абумоўлены, з аднаго боку, той ці іншай ступенню пашыранасці і ўжывальнасці названых страў у мінулым і сёння; па-другое, нададзеным і замацаваным за імі дадатковым культурным сэнсам, што лёгка пазнавальнае носбітамі беларускай мовы; па-трэцяе, скіраванасцю ФА на ўстанаўленне сэнсаў культуры беларусаў у арганізацыі гэтых адзінак. Кожная з ФА даводзіць тая культурныя ўстаноўкі, што былі выпрацаваны ў мінулым і звязаны з найменнямі супоў як паказчыкам «свайго» і «чужога», сытнага і пустога, рэдкага і густога, смачнага і нясмачнага і інш., і перадаюць тая стэрэатыпы свядомасці беларусаў, якія вызначаюць нацыянальна-культурныя эталоны рэакцый чалавека дзякуючы адбору трафонімаў-сімвалаў, утварэнню з імі вобразаў, якія найбольш паслядоўна і поўна, з аднаго боку, захоўваюць і даносяць новым пакаленням значныя аспекты культуры нашага народа, з другога боку, мадэлююць адпаведна паводзіны чалавека ў этнакультурна маркіраваных сітуацыях. А вобразы ФА прадстаўляюць своеасабліваць беларусаў праз абраныя кампаненты-найменні страў, выяўляючы нацыянальна-адметныя і культурна-інфармацыйныя адзінкі беларускай мовы.

Літаратура

1. Этымалагічны слоўнік беларускай мовы. – Мінск : Навука і тэхніка, 1978. – Т. 1 : А–Б / В. У. Мартынаў, А. Я. Супрун, Г. А. Цыхун [і інш.] ; рэд. В. У. Мартынаў. – 440 с.
2. Глумачальны слоўнік беларускай мовы : у 5-ці т. – Мінск : Гал. рэд. Беларус. Сав. Энцыклапедыі, 1977. – Т. 1 : А–В / Рэд. тома М. П. Лобан. – 608 с.
3. Глумачальны слоўнік беларускай мовы : у 5-ці т. – Мінск : Гал. рэд. Беларус. Сав. Энцыклапедыі, 1980. – Т. 4 : П–Р / Рэд. тома Г. Ф. Вештарт, Г. М. Прышчэпчык. – 768 с.
4. Буглак, Ж. М. Найменні стравы і пітва ў гаворках Гродзеншчыны: фармальна і семантычная структура, паходжанне : аўтарэф. дыс. ... канд. філал. навук : 10.02.01 / Ж. М. Буглак. – Гомель, 2003. – 19 с.
5. Лепешаў, І. Я. Этымалагічны слоўнік фразеалагізмаў / І. Я. Лепешаў. – Мінск : БелЭн, 2004. – 448 с.
6. Глумачальны слоўнік беларускай мовы : у 5-ці т. – Мінск : Выд-ва Беларус. Сав. Энцыклапедыі, 1984. – Т. 5, кн. 2 : У–Я / Рэд. тома М. Р. Суднік. – 608 с.
7. Глумачальны слоўнік беларускай мовы : у 5-ці т. – Мінск : Гал. рэд. Беларус. Сав. Энцыклапедыі, 1979. – Т. 3 : Л–П / Рэд. тома П. М. Гапановіч. – 672 с.
8. Шанский, М. М. Краткий этимологический словарь русской фразеологии : (Дополнение) / М. М. Шанский, В. И. Зимин, А. В. Филиппов // Русский язык в школе. – 1981 – № 3. – С. 73.
9. Глумачальны слоўнік беларускай мовы : у 5-ці т. – Мінск : Гал. рэд. Беларус. Сав. Энцыклапедыі, 1978. – Т. 2 : Г–К / Рэд. тома А. Я. Баханькоў. – 768 с.

Спіс скарачэнняў крыніц ФА

Д-2020 – Даніловіч, М. А. Фразеалагічны слоўнік гаворак Гродзеншчыны / М. А. Даніловіч. – Гродна : ГрДУ, 2020. – 267 с.; Л-2008-1 – Лепешаў, І. Я. Слоўнік фразеалагізмаў : у 2 т. / І. Я. Лепешаў. – Мінск : Беларус. Энцыклапедыя імя П. Броўкі, 2008. – Т. 1 : А–Л. – 672 с.; Л-2008-2 – Лепешаў, І. Я. Слоўнік фразеалагізмаў : у 2 т. / І. Я. Лепешаў. – Мінск : Беларус. Энцыклапедыя імя П. Броўкі, 2008. – Т. 2 : М–Я. – 704 с.

Теоретические вопросы исследования прецедентности в СМИ

М.С. МАТВЕЕВА

Статья посвящена проблеме теоретических аспектов исследования прецедентности в СМИ. Представлены отличительные черты теории прецедентности и интертекстуальности, рассмотрены прецедентные феномены (прецедентный текст, прецедентная ситуация, прецедентное высказывание и прецедентное имя); представлены классификации прецедентных имен, проанализированы примеры денотативного и коннотативного употребления прецедентных имен в текстах СМИ.

Ключевые слова: прецедентность, интертекстуальность, прецедентный феномен, прецедентное имя, денотативное и коннотативное значение, СМИ.

This article is devoted to the problem of theoretical aspects of the study of precedence in the media. The article presents the distinctive features of the theories of precedence and intertextuality, examines the precedent phenomena (precedent text, precedent situation, precedent statement and precedent name), presents the classification of precedent names, and analyzes the examples of denotative and connotative use of precedent names in media texts.

Keywords: precedence, intertextuality, precedent phenomenon, precedent name, denotative and connotative meaning, mass media.

Явление прецедентности исследуют уже более тридцати лет. Исследованию данного феномена посвящены научные труды ученых-лингвистов Ю.Н. Караулова, Ю.А. Сорокина, Д.Б. Гудкова, И.В. Захаренко, В.В. Красных, Е.А. Нахимовой, Н.А. Кузьминой, Г.В. Денисовой, Г.Г. Слышкина и др. Как отмечает Е.А. Нахимова, многие исследования, посвященные прецедентности, выполнены на материале художественной литературы, но все чаще встречаются труды, посвященные исследованию прецедентности в политическом (О.А. Ворожцова, Н.В. Немирова, Е.А. Нахимова, О.В. Спиридовский), научном (Е.В. Михайлова), бытовом (Ю.А. Гунько, Г.Г. Сергеева, Г.Г. Слышкин), публицистическом (И.И. Клушина, Р.Л. Смулаковская), рекламном (И.В. Крюкова, С.Л. Кушнерук, Ю.Б. Пикулева, М.С. Рязанова, М.В. Терских) и педагогическом (Н.С. Бирюкова, Л. Ви) дискурсе [1, с. 12–13]. Однако до сих пор эта проблема не утратила своей актуальности, так как существует еще множество аспектов, которые предстоит изучить.

В настоящее время многие люди обращаются к СМИ (как печатным, так и электронным) для получения информации. Однако, если раньше основной функцией СМИ была информационная, то в настоящее время на первый план выходит экспрессивность и оценочность, т. е. ведущей становится функция воздействия. Для реализации данной функции автору статьи необходимо использовать такие стилистические средства, которые в лаконичной и нетривиальной форме помогут выразить и донести его мнение до читателя. Все чаще такими средствами становятся прецедентность и интертекстуальность.

Основоположником теории прецедентности считается Ю.Н. Караулов, который дал ее теоретическое обоснование, а также ввел понятие «прецедентный текст». По его мнению, прецедентные тексты – это тесты, «значимые для личности в познавательном и эмоциональном отношении, имеющие сверхличностный характер, т. е. хорошо известные и широкому окружению данной личности, обращение к которым возобновляется неоднократно в дискурсе данной языковой личности» [2, с. 216]. В.В. Красных немного видоизменяет определение Ю.Н. Караулова и применяет его к прецедентным феноменам в целом, относя к прецедентным следующие феномены:

– хорошо известные всем представителям национально-лингво-культурного сообщества – за прецедентным феноменом всегда стоит какой-то образ, представление о нем, общее для представителей того или иного лингвокультурного сообщества, другими словами инвариант его восприятия;

– актуальные в когнитивном плане;
 – обращение (апелляция) к которым постоянно возобновляется в речи представителей национально-лингво-культурного сообщества – следует отметить, что апелляция к прецедентному феномену может и не быть частотной, однако она должна быть понятна собеседнику без лишних пояснений [3, с. 171].

Ю.А. Сорокин, В.В. Красных, Д.Б. Гудков и Н.П. Вольская рассматривают прецедентность как совокупность следующих признаков:

- 1) является фактом;
- 2) отличается маркированностью – маркерами прецедентных феноменов могут быть способ указания на источник прецедентности, например, ссылка на автора, ссылка на произведение, библиографическая ссылка; грамматические показатели нетрадиционного употребления имени; графическое указание на прецедентность;
- 3) обладает рефлексированностью (сильной или слабой);
- 4) клишированностью (сильной или слабой) – прецеденты являются частью широкого класса, к которому относятся традиции и ритуалы, они могут быть клишированными в сильной или слабой степени;
- 5) представляет собой внутреннюю ассоциативную цепочку. Одним из признаков прецедента является специфика его употребления: использование прецедента ведет к активизации контекста, с которым он связан тем или иным образом, он «помнит» о своем употреблении и поэтому начинают возникать неожиданные лексические единицы. Таким образом, прецедент запускает некую ассоциативную цепочку, т. е. «прецедент – это свернутая, очень обобщенная ассоциативная цепочка»;
- 6) обладает шкальностью оценок – если атрибуты и дифференциальные признаки прецедента меняются мало, то знак оценки может меняться довольно часто, т. е. прецедент представляет собой неявную шкалу, скользящую шкалу оценок. Оценка может двигаться постепенно или рывками [4, с. 9, 27, 31].

Термин «интертекстуальность» впервые был введен в 1967 г. французским теоретиком постструктурализма Ю. Кристевой для обозначения такого свойства текстов, которое выражается в наличии между ними связей, благодаря которым тексты или части текстов могут различными способами ссылаться друг на друга как эксплицитно, так и неэксплицитно [5].

Таким образом, прецедентность и интертекстуальность имеют как схожие, так и отличительные черты. Так, В.В. Красных отмечает, что сходство теорий интертекстуальности и прецедентности лежит в понимании текста не как структуры, а «непрерывного процесса означивания». Основное отличие исследователь усматривает в разных объектах исследования. Теория интертекстуальности анализирует художественные тексты, объектом исследования теории прецедентности являются спонтанные, импровизационные, речевые тексты [3, с. 228].

Л.В. Моисеенко понятия прецедентности и интертекстуальности разграничивает следующим образом. Прецедентность, по ее мнению, «характеризуется как когнитивная категория, относящаяся к языковому сознанию языковой личности, отражающая предзнание в ходе дискурсивной реализации, маркированная рекурентностью (многократной повторяемостью в интертекстуальном ряду), автосемантической», а интертекстуальность – это «текстовая категория, которая обладает признаками нелинейности, открытости, многомерности, структурной дисперсности, функционирует как дискурсивный механизм текстуализации, межтекстового взаимодействия и отношений с культурным пространством этноса, способна выступать как коммуникативная модель интеракции и генератор смысла» [6, с. 22].

Г.А. Завьялова выделяет следующие различия между категориями интертекстуальности и прецедентности:

- 1) интертекстуальность отражает межтекстовые отношения, прецедентность – отношения между текстом и сознанием языковой личности, при этом исследуются когнитивные механизмы функционирования прецедентных феноменов;
- 2) ценностная и культурная значимость является главной составляющей прецедентного феномена, так называемым, инвариантом, уровень и срок прецедентности могут варьироваться в зависимости от конкретного феномена [7, с. 19].

В своем исследовании, посвященном медиадискурсу, Н.А. Кузьмина приводит следующие отличия понятий интертекстуальности и прецедентности. По ее мнению, интертекстуальность связана с эстетической ценностью, культурной значимостью, для нее характерна вневременность, интертекстуальные знаки представляют собой определенный культурный код, существующий в течение жизни не одного поколения людей. Прецедентность же – явление, ограниченное во времени и связанное с теми людьми, ситуациями и событиями, которые значимы сегодня, но необязательно будут значимы завтра. Для прецедентных феноменов важно широкое распространение среди представителей лингвокультурного сообщества, что обеспечивается средствами массовой информации. Таким образом, «интертекстуальность – это транслируемый код культуры как системы традиционных для человечества ценностей материального и духовного характера, прецедентность – явление жизни, которое может стать или не стать фактом культуры» [8].

Н.А. Кузьмина считает, что интертекстуальные феномены могут проходить фазу прецедентных и не единожды. В качестве одного из примеров автор приводит документальный фильм о путешествии по Америке, снятый И. Ургантом и В. Познером, который перевел в прецедентную фазу существования книгу «Одноэтажная Америка» Ильфа и Петрова, изданную в 1937 г.

Прецедентные же феномены, как считает Н.А. Кузьмина, в большинстве случаев существуют в течение небольшого отрезка времени и обречены на забвение, хотя и известны большому количеству людей в отличие от интертекстуальных знаков. В качестве примеров автор приводит тексты песен (*девушки бывают разные*), реплики из фильмов (*I'll be back* из фильма «Терминатор»), прецедентные имена политиков и представителей шоу-бизнеса, разного рода ситуации, такие, как события из жизни публичных людей («звезд»), прецедентные ситуации в политике, например, запущенные в президента Буша ботинки на пресс-конференции в Багдаде или «дирижирование» Ельцина военным оркестром на аэродроме в Германии и т. п.) [8].

Среди прецедентных феноменов выделяют прецедентный текст, прецедентное высказывание, прецедентную ситуацию, прецедентное имя.

Прецедентный текст, по мнению некоторых лингвистов, – законченный продукт речемыслительной деятельности; (поли)предикативная единица; сложный знак, сумма значений компонентов которого не равна его смыслу. Необходимо отметить и другие отличительные признаки прецедентных текстов: их известность любому представителю определенного лингвокультурного сообщества; неоднократная их возобновляемость в процессе коммуникации посредством прецедентных имен или прецедентных высказываний, связанных с данными текстами.

Прецедентная ситуация – «эталонная» ситуация, которая связана с рядом определенных значений, дифференциальные признаки которой входят в когнитивную базу, которая представляет собой «совокупность знаний и представлений всех говорящих на данном языке». Прецедентная ситуация может актуализироваться через прецедентное имя или прецедентное высказывание.

Прецедентное высказывание – воспроизводимый продукт речемыслительной деятельности, сумма значений компонентов которого не равна его смыслу. Прецедентное высказывание отличается неоднократной возобновляемостью в речи носителей ментально-лингвального комплекса.

Прецедентное имя – индивидуальное имя, которое связано с прецедентным текстом или прецедентной ситуацией. При использовании прецедентного имени происходит апелляция не к собственно денотату, а к набору дифференциальных признаков рассматриваемого прецедентного имени [9, с. 82–83].

Следует отметить, что прецедентное имя и прецедентная ситуация относятся к вербальным прецедентным феноменам, в свою очередь, прецедентный текст и прецедентная ситуация представляют собой вербализуемые прецедентные феномены, т. е. поддаются вербализации. Прецедентный текст и прецедентная ситуация существуют в сознании представителей лингвокультурного сообщества в виде образа, инварианта восприятия и могут быть актуализированы с помощью вербальных средств, например, посредством пересказа или через какую-либо деталь, символ или атрибут прецедентного феномена.

Из вышеперечисленных прецедентных феноменов в СМИ чаще всего, по мнению Е.А. Нахимовой, используются прецедентные имена. Прецедентное имя должно быть связано с прецедентным текстом или ситуацией и использоваться неденотативно (метафорически). Характерными признаками прецедентных имен также являются регулярное использование в текстах и их известность, по крайней мере, большей части представителей лингвокультурного сообщества [1, с. 57]. Е.А. Нахимова выделяет следующие критерии прецедентности:

- 1) морфологический критерий (использование имени собственного в форме множественного числа, добавление суффиксов, трансформация грамматического рода);
- 2) графический критерий (написание имен собственных то с прописной, то со строчной буквы);
- 3) атрибутивный критерий (использование определений указывающих на употребление имени собственного в нетрадиционном значении. К таким определениям можно отнести такие слова, как *новый, следующий, наш, современный* и др.);
- 4) синонимический критерий (имена собственные представлены как однотипные по своему значению, т. е. происходит образование контекстуальных синонимов);
- 5) пунктуационный критерий (имя собственное написано в кавычках, что подчеркивает использование данного имени в коннотативном (метафорическом) значении);
- 6) темпоральный критерий (имя собственное употребляется в несвойственном для него временном контексте, имена представителей прошлых эпох могут использоваться в контексте настоящего или даже будущего времени);
- 7) ссылки на источник прецедентности (к таким ссылкам относятся ссылки на художественное произведение, автора, определенный период в истории др.) [1, с. 60–68].

Кроме того, в настоящее время существует разница в классификации прецедентных имен, что объясняется тем, что каждый автор выбирает свои основания и принципы для классификации.

Так, В.В. Красных выделяет социумно-прецедентные, национально-прецедентные и универсально-прецедентные имена. Основой данной классификации служит характер прецедентности, т. е. степень известности с различных общностях, странах и т. д.

Социумно-прецедентные имена – имена, которые известны любому среднему представителю определенного социума (конфессионального, профессионального и др.). Например, имена, общие для христиан (конфессиональный социум) или для инженеров (профессиональный социум).

Национально-прецедентные имена – имена, известные любому среднему представителю национального лингвокультурного сообщества и входящие в национальную когнитивную базу (*Остан Бендер, Обломов, Рокфеллер, Дядюшка Сэм, Джон Буль*).

Универсально-прецедентные имена – имена, известные любому среднему человеку и входящие в «универсальное» когнитивное пространство (*Наполеон, Мерилин Монро, Гамлет*) [3, с. 174].

Е.А. Нахимова предлагает классификацию прецедентных имен по источниковому ониму. В различных трудах ученых-лингвистов встречается такой термин, как «прецедентный оним» или «прецедентное имя собственное». Среди таких онимов выделяют антропонимы (имена известных людей – *Шекспир, Пушкин, Шагал*), топонимы (названия географических объектов – *Москва, Ирак, Стоунхендж*), зоонимы (имена собственные диких или домашних животных – *Муму, собака Баскервилей*), астронимы (названия небесных тел – *Млечный путь, Большая Медведица*), гидронимы (названия водных объектов – *Байкал, Волга, Миссисипи*).

Что касается средств массовой информации, чаще всего на страницах газет встречаются прецедентные антропонимы, так как большинство статей посвящены проблемам, связанным с человеческой деятельностью. Однако и другие группы прецедентных онимов можно встретить в СМИ. Так, Е.А. Нахимова выделяет следующие группы прецедентных имен собственных:

- прецедентные имена, обозначающие художественные или другие произведения;
- прецедентные имена, которые обозначают важные события, указывая на их дату;
- прецедентные имена, обозначающие различные события, указывая на место, где они произошли;

- прецедентные имена, обозначающие географические объекты, получившие широкую известность;
- прецедентные имена, которые обозначают компании, банки, заводы и т. д.;
- прецедентные имена, обозначающие страны, которые служат напоминанием об исторической судьбе этой страны;
- прецедентные имена, обозначающие корабли [1, с. 82–85].

Как видим, существуют различные группы прецедентных имен, но всех их объединяет тот факт, что в текстах они функционируют денотативно или коннотативно, т. е. могут употребляться в метафорическом или неметафорическом значении. Если мы говорим о текстах СМИ, то необходимо учитывать тот факт, что основная их цель – повлиять на мнение, мысли, взгляды и убеждения читателя. Для того, чтобы добиться поставленной цели, авторам необходимо представить материал в яркой и нетривиальной форме, чему способствует использование прецедентных имен. Приведем несколько примеров.

1. *What I found most profitable in his testimony were the little details about Trump he captures – the casual ease with which the president disparaged the intelligence or his own son or those who served in Vietnam* [10].

В приведенном отрывке говорится о том, что американский президент Трамп не очень лестно отзывается об умственных способностях как своего сына, так и тех, кто служил во Вьетнаме. Прецедентное имя «Вьетнам» в данном случае употреблено в денотативном значении, т. е. именуется страной, в которой когда-то шла война и многих солдат отправляли туда для несения службы.

В заголовке статьи под названием *The Trump administration wants North Korea to be the next Vietnam* прецедентное имя «Вьетнам» употребляется уже в своем коннотативном значении, т. е. Вьетнам – это уже не страна, а модель, по которой развивалась экономика этой страны в послевоенное время [11].

2. В следующей статье под названием «“Bolsonaro is Hitler!” Venezuela’s Maduro exclaims amid Brazil spat» из английской газеты *The Daily Mail* прецедентное имя *Гитлер* употреблено в коннотативном значении и имеет негативную эмоциональную окраску [12].

«Over there we’ve got Brazil in the hands of a fascist – Bolsonaro is a Hitler of the modern era!» *Maduro said during a state of the nation speech.*

Называя бразильского президента «Гитлером современной эпохи», президент Венесуэлы наделяет его такими чертами, как хладнокровие и жестокость.

В денотативном значении указанное прецедентное имя употреблено в заголовке заметки из американского журнала *Esquire*: «*Adolf Hitler was a marketing genius*» [13]. В приведенном примере Адольф Гитлер – это имя реально существовавшего человека, т. е. прецедентное имя было использовано для именованья объекта, за которым оно закрепилось.

Таким образом, на основании всего вышеизложенного можно сделать следующий вывод. В современных реалиях средства массовой информации имеют огромное влияние на мнение людей. Чтобы это влияние сохранять, СМИ необходимо использовать эффективные языковые средства, которыми являются интертекстуальность и прецедентность.

Феномен прецедентности исследуют уже не одно десятилетие, и данное направление в лингвистике является актуальным, так как изучены еще не все аспекты этого явления. Феномен может считаться прецедентным, если обладает определенным набором признаков: является фактом, обладает маркированностью, клишированностью, шкальностью оценок, отличается регулярным воспроизведением в текстах и речи представителей определенного лингвокультурного сообщества, представляет собой ассоциативную цепочку, известен любому среднему представителю лингвокультурного сообщества. К прецедентным феноменам относятся прецедентный текст, прецедентную ситуацию, прецедентное высказывание и прецедентное имя. Среди прецедентных имен выделяют, с одной стороны, социумно-прецедентные, национально-прецедентные и универсально-прецедентные, а с другой – прецедентные антропонимы, топонимы, зоонимы, астронимы. Любое из вышеперечисленных прецедентных имен может употребляться как в своем традиционном значении (денотативно), так и приобретать новые значения или коннотации.

Литература

1. Нахимова, Е. А. Прецедентные имена в массовой коммуникации: монография / Е. А. Нахимова. – Екатеринбург : Урал. гос. пед. ун-т; Ин-т социального образования, 2007. – 207 с.
2. Караулов, Ю. Н. Русский язык и языковая личность / Ю. Н. Караулов. – М. : Наука, 1987. – 262 с.
3. Красных, В. В. «Свой» среди «чужих»: миф или реальность? / В. В. Красных. – М., 2003. – 375 с.
4. Сорокин, Ю. А. Феномен прецедентности и прецедентные феномены / Ю. А. Сорокин, В. В. Красных, Д. Б. Гудков, Н. П. Вольская // Язык, сознание, коммуникация : сб. ст. / редкол.: В. В. Красных, А. И. Изотов. – М. : Филология, 1998. – Вып. 4. – С. 5–33.
5. Фатеева, Н. А. Интертекстуальность [Электронный ресурс] / Н. А. Фатеева // Универсальная научно-популярная энциклопедия. – Режим доступа : https://www.krugosvet.ru/enc/gumanitarnye_nauki/lingvistika/INTERTEKSTUALNOST.html. – Дата доступа : 12.02.2021.
6. Моисеенко, Л. В. Лингвокогнитивные основы теории прецедентности : автореф. дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.19 / Л. В. Моисеенко ; Московский гос. лингв. ун-т. – М., 2015. – 53 с.
7. Завьялова, Г. А. Особенности функционирования прецедентных феноменов в детективном дискурсе (на материале английского и русского языков) : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.19 / Г. А. Завьялова. – Кемерово, 2014. – 185 л.
8. Кузьмина, Н. А. Интертекстуальность и прецедентность как базовые когнитивные категории медиадискурса [Электронный ресурс] / Н. А. Кузьмина // Медиаскоп. – 2011. – Вып. 1. – Режим доступа : <http://www.mediascope.ru/node/755>. – Дата доступа : 05.02.2021.
9. Захаренко, И. В. Прецедентное имя и прецедентное высказывание как символы прецедентных феноменов / И. В. Захаренко, В. В. Красных, Д. Б. Гудков, Д. В. Багаева // Язык, сознание, коммуникация : сб. ст. / редкол.: В. В. Красных, А.И. Изотов. – М. : Филология, 1997. – Вып. 1. – С. 82–103.
10. Foer, F. An interlude of moral clarity [Electronic resource] / F. Foer // The Atlantic. – 2019. – 27 February. – Mode of access : <https://www.theatlantic.com/ideas/archive/2019/02/michael-cohen-on-trump-a-racist-a-con-man-a-cheat/583795/>. – Date of access : 13.03.2021.
11. Tatarski, M. The Trump administration wants North Korea to be the next Vietnam [Electronic resource] / M. Tatarski // The Atlantic. – 2019. – 12 February. – Mode of access : <https://www.theatlantic.com/international/archive/2019/02/trump-kim-vietnam-model-north-korea/582559/>. – Date of access : 13.03.2021.
12. Reuter «Bolsonaro is Hitler!» Venezuela's Maduro exclaims amid Brazil spat [Electronic resource] // The Daily mail. – 2019. – 14 January. – Mode of access : <https://www.dailymail.co.uk/wires/reuters/article-6591499/Bolsonaro-Hitler-Venezuelas-Maduro-exclaims-amid-Brazil-spat.html>. – Date of access : 13.03.2021.
13. Yurchyshyn, A. Adolf Hitler was a marketing genius [Electronic resource] / A. Yurchyshyn // Esquire. – 2008. – 5 August. – Mode of access : <https://www.esquire.com/entertainment/books/a4940/iron-fists-blog/>. – Date of access : 13.03.2021.

Семантическая модель 'говорить' → 'желать, стараться' в русском и других славянских языках

О.Н. МЕЛЬНИКОВА

В статье обосновывается мотивационная связь модального значения желательности с исходной семантикой речевой деятельности. Данное обоснование проводится путём анализа внутренней формы лексем, в семантической структуре которых отмечен рассматриваемый переход значений. Результаты исследования являются отражением тесной связи между закономерностями человеческого мышления и особенностями его отражения в языковых категориях.

Ключевые слова: лексема, семантика, модальность, этимология, внутренняя форма.

The article substantiates the motivational connection of the modal meaning of desirability with the initial semantics of speech activity. This justification is carried out by analyzing the internal form of the lexemes, whose semantic structure possesses the transition of values under consideration. The results of the study reflect the close connection between the laws of human thinking and the peculiarities of its reflection in language categories.

Keywords: lexeme, semantics, modality, etymology, internal form.

Выявление закономерностей формирования значений слов, относящихся к определённому семантическому классу, продолжает оставаться актуальным направлением лингвистики, поскольку открывает возможности для обнаружения древнейших когнитивных процессов и установления семантических универсалий. Анализ внутренней формы славянских лексем, составляющих ядро функционально-семантической категории модальности, позволяет выявить систему генетически соотносимых значений, на основе которых формируются различные типы модальной семантики, а также подтвердить общеязыковую семантическую закономерность формирования абстрактных значений, каковыми являются модальные, на базе конкретных значений и обнаружить новые семантические связи.

Модальные значения, относящиеся по типу лексической семантики к абстрактным, являются преимущественно вторичными. В процессе выявления внутренней формы славянских лексем, отражающих модальную семантику, установлены основные закономерности формирования различных типов указанных значений. Исследование семантических трансформаций, лежащих в основе модальной семантики желательности, позволяет выделить ряд семантических моделей, одной из которых является модель 'говорить' → 'желать, стараться'. Предметом рассмотрения в данной статье является реализация данной закономерности в славянских языках.

Наблюдения над языковым материалом свидетельствуют о том, что модальное значение 'желать, стараться' достаточно регулярно формируется у лексем с исходной семантикой речевой деятельности, которая, в свою очередь, обнаруживает достаточно регулярную связь со значением, отражающим порядок размещения, расположения чего-либо. На существование подобной семантической трансформации указывает М.М. Маковский, объясняя данную закономерность прежде всего тем, что «говорение представлялось язычникам творческим началом» [1, с. 160]. Кроме того, речевое построение является отражением той объективной действительности, которая систематизирована, «упорядочена» мыслью; поэтому значения 'располагать, упорядочивать' и 'говорить' представляются родственными.

С праславянским глаголом **rekti* 'говорить' этимологически связаны русск. диал. *рачить* 'желать, хотеть', 'усердно стараться' [2, т. 4, с. 86] (сравн. русск. *рачительный* 'старательный, усердный в исполнении чего-либо'), бел. *рачыць* 'желать, благоволить, соизволять' [3, с. 561], укр. *рачити* 'благоволить, изволять': *Як бачить, так и рачить* [4, т. 4, с. 8]. Глагол **rekti* является родственным, с одной стороны, лит. *rekti* 'кричать, реветь', лтш. *rekt* 'реветь, громко кричать, выть', *rekuot* 'болтать, беседовать', тохар. *rake* 'речь, слово', др.-ирл.

reim ‘крик’; с другой стороны – др.-инд. *rasayati* ‘приводит в порядок, изготавливает, образует, готовит’, *rasanam* ‘упорядочение, расположение, устройство’, гот. *rahnjan* ‘рассчитывать’ [5, с. 466], [6, с. 201].

М.М. Маковский, указывая на то, что слова со значением ‘говорить’ могут соотноситься со значением ‘приводить в порядок, рассчитывать’, приводит в качестве семантических параллелей англ. *tell* ‘говорить, сказать’ и др.-сев. *tal* ‘число’; нем. *zahlen* ‘считать’, прусск. *girbin* ‘число’ и *gerbt* ‘говорить’ [1, с. 29, 69]. По-видимому, семантика упорядочения на более древних языковых срезах выступает основой формирования значения ‘говорить’.

К этимологическому гнезду праславянского глагола **rekti* принадлежит существительное **rokъ* (сравн. др.-русск. *рокъ* ‘срок, год, возраст; правило; судьба’ [7, т. 3, с. 230], производным от которого также свойственна модальная семантика желательности: русск. *нарочно* ‘с целью, с определённым намерением’ [8, т. 2, с. 539], диал. *нарок* ‘намерение, цель’, *нарохтиться* ‘намереваться, стремиться сделать что-либо’, ‘стараться показать себя лучше, сильнее и т. п., чем на самом деле’ [9 вып. 21, с. 121, 132], бел. *нарокомъ* ‘нарочито, с намерением’ [3, с. 317], *знарок* ‘намеренно, умышленно’, укр. *знарок* в том же значении. [4, т. 2, с. 517]. Развитие модальной семантики представляется следующим: ‘говорить вообще’ → ‘говорить о том, что интересует, что является желательным’ → ‘хотеть, желать’.

Итак, семантика желательности может быть мотивирована значением ‘говорить’, которое, в свою очередь, обнаруживает достаточно регулярную связь с исходным значением ‘приводить в порядок’. Закономерность такого сближения подтверждается обнаруживаемой аналогией в эволюции семантики русск. *пытаться* ‘стараться делать что-либо’ (сравн. *пытать* прост. ‘расспрашивать, стараясь узнать что-либо’ [8, т. 3, с. 183]). Соотносительные восточнославянские лексемы отражают преимущественно семантику ‘обращаться с вопросом’: бел. *пытаць* ‘спрашивать’, ‘пробовать, испытывать, начинать’, ‘решаться’: *Спытай толькі подоіці ко мне!*, *пытацьца* ‘спрашивать, узнавать, осведомляться’ [3, с. 541], *пытаць*, *пытацца* ‘обращаться с вопросом к кому-либо’, ‘просить разрешения на что-либо, обращаться с просьбой’ [10, с. 532], укр. *питати*, *питатися* ‘спрашивать’ [4, т. 3, с. 154], диал. *питати* ‘искать’, *питати за кого, що* ‘домогаться чего’: *Питатьс’а за гроши* [11, с. 63].

Семантика говорения в этом случае также обнаруживает связь с исходным значением упорядочения, о чём свидетельствуют родственные индоевропейские соответствия: лат. *putāre* ‘обдумывать, полагать, рассчитывать, приводить в порядок’, др.-инд. *punāti* ‘очищает’, тохар. *put-k-* ‘судить, разделять, различать’, греч. *μη-πιος* ‘неразумный’ [5, с. 421], [6, с. 881].

Аналогичны семантические истоки русских лексем с этимологическим корнем **rad-*, сравн. др.-русск. *радити* ‘заботиться’ [7, т. 3, с. 201], русск. *радеть* ‘печься, заботиться, стараться, усердствовать; желать и хлопотать всей душой’, ‘желать чего горячо’ [2, т. 4, с. 9], ‘оказывать содействие, заботиться о ком-, чём-либо’, *нерадивый* ‘такой, который небрежно, без усердия относится к своим обязанностям, делам и т. п.’ [8, т. 2, с. 651], диал. *нарадаць* ‘сильно хотеть чего-либо’, *нерадельный*, *нерадетельный* ‘нерадивый, нестарательный’ [9, вып. 20, с. 117; вып. 21, с. 137]. Модальная семантика желательности свойственна также болг. *радя* ‘забочусь, стараюсь’, сербохорв. *ráditu* ‘стремиться; работать’, словен. *roditi* ‘заботиться, соблюдать’, в.-луж. *rodzić* ‘хотеть, стремиться’ и др. [5, с. 430]. Данные лексемы являются родственными др.-инд. *rādhnóti* ‘приготавливает, приводит в состояние’, авест. *rādaiti* ‘исправляет’, осет. *rād* ‘порядок, ряд’, а также гот. *rōdjan* ‘говорить, н.-нем. *raten* ‘советовать, заботиться’ [6, с. 893–894], [5, с. 430].

В рамках семантической модели ‘говорить’ → ‘хотеть, желать’ формируется семантика праславянского глагола **ěz(g)ati*, сравн. русск. диал. (волог., ряз., тул.) *язать*, *язаться* ‘судить, обещать; братья, взятыя за что’, *язнуться* ‘решиться, пуститься, покуситься на что; обещаться’ [2, т. 4, с. 674]. По мнению этимологов, праслав. **ěz(g)ati(se)* восходит к гнезду индоевропейского корня **ēǵ-/ōǵ-*, продолжениями которого являются также греч. *ή* ‘(он) сказал’, лат. *aiō* ‘утверждать, говорить’, арм. *asem* ‘говорить’ [12, вып. 6, с. 56].

Семантические оттенки желательности, волеизъявления характерны для некоторых продолжений праслав. **mьlviti* с исходным значением ‘говорить’, сравн.: др.-русск. *мьлвити*, мол-

viti 'хлопотать, заботиться' [13, с. 240], русск. диал. (том.) *молвить* 'велеть, распорядиться' [9, вып. 18, с. 214], а также ст.-слав. *мльвити* 'заботиться, беспокоиться' [12, вып. 20, с. 227].

Семантику желательности отражают восточнославянские лексемы, восходящие к праслав. **nadějati (se)*: русск. *надеяться* 'иметь надежду, рассчитывать на что-либо' [8, т. 2, с. 472], бел. *надзеяцца* [3, с. 305], укр. *надіятися* 'надеяться' [4, т. 2, с. 483]. Аналогичная семантика свойственна южнославянским и западнославянским соотносительным лексемам, сравн. сербохорв. *nadijati se*, словен. *nādejati se*, чеш. *naději se*, слвц. *nadejat'sa* [12, вып. 21, с. 235]. Данный праславянский глагол по происхождению связан с именем **nadēja* 'надежда, ожидание чего-либо желаемого', представляющим собой сложение префикса **na-* и глагола **dějati* с основными значениями 'ставить, класть', 'делать' (< и.-е. **dhē-*) [12, вып. 21, с. 235], [3, с. 37], [14, с. 353]. Производящий глагол соотносится с др.-инд. *dadhāti* 'ставит, кладёт', арм. *dhem* 'ставить, класть', лат. *facio* 'делать', др.-в.-нем. *tuon* 'делать', лит. *dėti* 'класть' [12, вып. 4, с. 230].

Конкретную исходную семантику сохраняют русск. диал. (арх., смол.) *надеяться* 'одеваться', *надёжа* 'одежда' [9, вып. 19; с. 228, 233], тверск. *надеи* мн. 'черви, гусеницы и проч., земляные черви для наживы на удочку' [2, т. 2, с. 644], бел. *надзёжа* 'одежда' [3, с. 304], диал. *надзеи* 'дождевые черви' [15, с. 137], а также словен. *nadejati* 'накладывать' [12, вып. 21, с. 235].

По-видимому, в качестве основы формирования модальной семантики желательности может выступать непосредственно значение 'располагать, укладывать', сравн. сочетание *возлагать надежду*, а также русск. *предполагать* 'допустить возможность; иметь намерение', чеш. *předpokládat* [16, с. 575], сербохорв. *pretpostavljati* [17, с. 469] 'предполагать' (< 'класть, ставить').

Показательно, однако, что производящий глагол на базе конкретной семантики развивает значения, связанные с отражением речевой деятельности, сравн. др.-русс. *дѣяти* 'делать, действовать, быть в силах' и 'говорить' [7, т. 1, с. 800–803], а также сербохорв. *djèti* 'класть, ставить' и стар. *dīti* 'говорить', словен. *dejati* 'делать' и 'говорить', чеш. *díti* 'делать' и 'говорить, сказать', в.-луж. *džec* 'говорить, сказать', н.-луж. *žas* 'делать, работать' и 'говорить', польск. стар. *dziać* 'делать' и 'нарекать' [12, вып. 4, с. 229–230]. Подобная линия семантического развития также свидетельствует о связи значения 'укладывать, располагать' с семантикой речевой деятельности и, далее, с модальным значением желательности.

По наблюдениям Т.В. Топоровой, лексемы со значением расположения в пространстве достаточно регулярно выступают в качестве обозначений речемышлительных процессов, сравн. др.-исл. *seilask* 'вытягивать' и ирл. *sílinn* 'думать', лат. *intendere* 'протягивать' и ит. *intendere* 'понимать'; сходные представления заключены в нем. *aus-legen* 'объяснять' (< 'выкладывать'), бел. *выкладаць*, польск. *wy-kladać*, лат. *exrōnere* 'разъяснять' (*rōnere* 'класть, полагать') [18, с. 129].

Ассоциативная связь значения речемышлительной деятельности с семантикой упорядочения отражена и в значении русского фразеологизма *раскладывать по полочкам* 'навести порядок в чём-либо': *Для Антонины Ивановны дни стали просто мелькать. У неё появилось столько забот! Наконец-то она решила добратся до своего хозяйства, которое лежало запакованным в кладовке... А ведь при муже у неё всё было разложено по полочкам (В. Амиргулова. В большом городе)* [19]. На основе первичной семантики, отражающей процесс расположения в пространстве, упорядочение, формируется переносное значение речемышлительной деятельности 'обдумать, обсудить что-либо во всех подробностях, оценив всё по достоинству': – *Вот он, ум-то бабий. Нет чтобы подумать, взвесить, разложить по полочкам – куда там, разом пых-пых – и всё тут! (Л. Скорик. На посту).* – *Елена Сергеевна, о чём только мы с вами не переговорили, почти каждый день жизни Кости в школе разложив по полочкам... (Э. Максимова. Мама, школа и Костя)* [19].

Конкретные реализации рассматриваемой семантической модели позволяют говорить о комплексе смежных представлений, ассоциаций, лежащих в основе формирования модальной семантики желательности. При этом в исходном значении могут быть представлены не все аспекты данного комплекса представлений, о чём свидетельствует семантическая структура следующих лексем.

Связь значения, отражающего порядок размещения чего-либо, с модальной семантикой желательности проявляется в семантической структуре некоторых продолжений праслав. **činiti* (< и.-е. **kei-* ‘класть’), сравн. слов. *činit’* ‘делать, совершать, действовать’ и *činit’sa* ‘усердствовать, стараться’ [12, вып. 4, с. 112–113].

Сходные семантические закономерности отражают рефлексы праслав. **mostiti* (*se*), производного от **mostь* [12, вып. 20, с. 26]. На базе исходного значения ‘делать (настилать) мост’ развивается более широкое значение ‘устраивать, укладывать’ и, далее, формируется модальная семантика, связанная с выражением желательности, сравн. русск. *мостить* ‘покрывать камнем, брусчаткой или другим твёрдым материалом (дорогу, площадь и т. п.)’, ‘настилать из досок, брёвен и т. п.’, обл. ‘подкладывать, стлать что-либо’, *моститься* обл. ‘устраиваться, помещаться, располагаться; тесниться’ [8, т. 2, с. 414] и диал. (дон.) *моститься* ‘намереваться, приготовляться сделать что-либо’ [9, вып. 18, с. 290], ‘приспосабливаться’ [20, с. 212], укр. *мостити* ‘покрывать камнем (дорогу, площадь и т. д.)’, ‘класть, размещать где-либо’, ‘вить гнездо’, *моститися* ‘занимать место, размещаться около кого-, чего-либо’ и перен. ‘собираться сделать что-либо, стать кем-либо’ [4, т. 2, с. 809], бел. *мосціць* ‘настилать пол в новом строении; строить мост через реку’, *мосціцьца* ‘помещаться; подсесть’ [3, с. 291], *масціць* ‘мостить, настилать; громоздить, накладывать беспорядочной грудой’, *масціцьца* ‘удобно устраиваться’ [20, с. 677] и диал. *масціцьца* ‘ухаживать, флиртовать’ [15, с. 40]; сравн. также сербохорв. *mostiti* ‘делать, строить мост’ и перен. ‘быть посредником между кем-то, угождать’ [12, вып. 20, с. 25].

Семантика речевой деятельности обнаруживает тесную ассоциативную связь с модальным значением ‘желать, стараться’ постольку, поскольку их объединяет интегральный семантический компонент целеполагания. Как свидетельствуют наблюдения над рассматриваемым материалом, глаголы речевой деятельности регулярно сочетаются с предлогами и союзами со значением цели, сравн.: *Мишка сказал с целью уязвить Григория, но тот и виду не подал, что замечание его задело* (М.А. Шолохов. *Тихий Дон. Книга третья*). *Это ты говоришь для того, чтобы меня утешить* (Л.Ф. Зуров. *Иван-да-марья*). *Все это я говорю затем, чтобы показать необходимость объективнее относиться к тогдашней жизни*. (П.Д. Боборыкин. *Воспоминания*). – *Ну... я просто тебе говорю, чтобы ты была в курсе* (М. Вишневецкая. *Вышел месяц из тумана*) [22].

Таким образом, проведённое исследование позволяет говорить о достаточно регулярном формировании модальной семантики желательности у лексем, исходное значение которых отражает речевую деятельность и, далее, порядок размещения, расположения чего-либо. Данный семантический переход осуществляется на основе метонимического переосмысления и опирается на сопредельность речемыслительной деятельности и процесса возникновения желания.

Литература

1. Маковский, М. М. Удивительный мир слов и значений: Иллюзии и парадоксы в лексике и семантике / М. М. Маковский. – М. : Высшая школа, 1989. – 200 с.
2. Даль, В. И. Толковый словарь живого великорусского языка : в 4 т. / В. И. Даль. – М. : Русский язык, 1989. – Т. II. – 785 с. ; 1991. – Т. IV. – 576 с.
3. Насовіч, І. І. Слоўнік беларускай мовы / І. І. Насовіч. – Мінск : БелСЭ, 1983. – 792 с.
4. Словарь украинского языка / Под ред. Б. Д. Гринченко. – Киев : Изд-во АН Укр.ССР, 1958–1959. – Т. II–IV.
5. Фасмер, М. Этимологический словарь русского языка : в 4 т. / М. Фасмер ; пер с нем и доп. О. Н. Трубачёва / Под ред. и с предисл. Б. А. Ларина. – 2-е изд., стереотипное. – М. : Прогресс. – Т. 3 : Н–С. – 1987. – 830 с.
6. Преображенский, А. Г. Этимологический словарь русского языка : в 2 т. / А. Г. Преображенский. – М. : Гос. изд-во иностр. и нац. словарей, 1959. – Т. II. – 560 с.
7. Срезневский, И. И. Материалы для словаря древнерусского языка : в 3 т. / И. И. Срезневский. – М. : Изд-во иностранных и национальных словарей, 1958. – Т. I. – 1420 с. ; Т. III – 1684 с.
8. Словарь русского языка : в 4 т. / Ин-т русского языка АН СССР ; гл. ред. А. П. Евгеньева. – 2-е изд., испр. и доп. – М. : Русский язык. – Т. 2 : К–О. – 1982. – 736 с. ; Т. 3 : П–Р. – 1984. – 752 с.

9. Словарь русских народных говоров / Под ред. Ф. П. Филина. – Л. : Наука, Ленингр. отд-е, 1982. – Вып. 18. – 367 с. ; 1983. – Вып. 19. – 359 с. ; 1985 – Вып. 20. – 376 с. ; 1986. – Вып. 21. – 360 с.
10. Тлумачальны слоўнік беларускай мовы : у 5 т. / Ін-т мовазнаўства АН БССР. – Мінск : Гал. рэд. БелСЭ. – Т. 4 : П–Р. – 1980. – 768 с.
11. Онишкевич, М. Й. Словник бойківських говірок / М. Й. Онишкевич. – Київ : Наукова думка, 1984. – Т. 2. – 514 с.
12. Этимологический словарь славянских языков : Праславянский лексический фонд / Под ред. О. Н. Трубачёва. – М. : Наука, 1977. – Вып. 4. – 235 с. ; 1979. – Вып. 6. – 222 с. ; 1994. – Вып. 20. – 256 с.; Вып. 21. – 236 с.
13. Словарь русского языка XI–XVII вв. / Ин-т русского языка АН СССР. – М. : Наука, 1982. – Вып. 9. – 480 с.
14. Brückner, A. Słownik etymologiczny języka polskiego / A. Brückner. – Warszawa : Wiedza Powszechna, 1974. – 806 s.
15. Слоўнік беларускіх гаворак паўночна-заходняй Беларусі і яе пагранічча : у 5 т. / Уклад. Ю. Ф. Мацкевіч, А. І. Грынавецкене, Я. М. Рамановіч [і інш.] ; рэд. Ю. Ф. Мацкевіч. – Мінск : Навука і тэхніка. – Т. 3. – 1982. – 536 с.
16. Русско-чешский словарь / Сост. Й. Влчек. – М. : Русский язык, 1974. – 896 с.
17. Русско-сербскохорватский словарь / Сост. С. Иванович, И. Петранович. – М. : Русский язык, 1976. – 712 с.
18. Топорова, Т. В. Семантическая структура древнегерманской модели мира / Т. В. Топорова. – М. : Радикс, 1994. – 191 с.
19. Фёдоров, А. И. Фразеологический словарь русского литературного языка [Электронный ресурс] / А. И. Фёдоров. – Режим доступа : <https://phraseology.academic.ru>. – Дата доступа : 18.08.2021.
20. Элиасов, Л. Е. Словарь русских говоров Забайкалья / Л. Е. Элиасов. – М. : Наука, 1980. – 471 с.
21. Беларуска-рускі слоўнік : у 2 т. / АН БССР : Ін-т мовазнаўства імя Я. Коласа ; рэд. К. К. Атраховіч (Кандрат Крапіва). – 2-е выд., перапрац. і дап. – Мінск : БелСЭ, 1989. – Т. 2. – 756 с.
22. Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс] – Режим доступа : <http://www.ruscorpora.ru/new/index.html>. – Дата доступа : 25.10.2019.

Лексемы и фраземы в уровневой структуре языка: количественное соотношение двух классов воспроизводимых единиц*

Дорогому Владимиру Ивановичу Ковалю –
к Юбилею.

Н.Б. МЕЧКОВСКАЯ

Исследуются зависимости между принадлежностью языковых единиц к отдельным уровням языка и количеством единиц, относящихся к тому или иному уровню, а также такими свойствами языковых единиц, как воспроизводимость и степень идиоматичности. Показано, что в направлении от морфем к высказываниям возрастает количество единиц (очередного уровня), а также степень свободы говорящих в конструировании речи. В противоположном направлении – от высказываний к морфемам – возрастают пропорции единиц воспроизводимых и идиоматичных. Телеология саморазвития языка отмеряет для разных уровней разные пропорции клишированных языковых средств – от практически 100-процентной воспроизводимости и идиоматичности лексем до максимальной свободы говорящих в высказываниях.

Ключевые слова: уровни языковой структуры, воспроизводимость, степени идиоматичности единиц языка, полная идиоматичность, образные идиомы, слабые идиомы, коллокации.

The article deals with the relationship between the linguistic units of different language levels and the number of units, as well as such properties as reproducibility and the degree of idiomaticity. It is shown that in the direction from morphemes to utterances, the number of units of the next level increases, as well as the degree of freedom of speakers in constructing speech. In the opposite direction – from utterances to morphemes – the proportion of reproducible and idiomatic units increases. The teleology of language self-development measures for different levels different proportions of clichéd linguistic means – from almost 100 % reproducibility and idiomaticity of lexemes to the maximum speakers' freedom in their utterances.

Keywords: levels of linguistic structure, reproducibility, degrees of idiomaticity of language units, complete idiomaticity, figurative idioms, weak idioms, collocations.

1. Уровневое строение языка: количественные аспекты. Взгляд на язык как на иерархию систем, каждая из которых имеет свою элементарную единицу (фонему, морфему, лексему и т. д.), формировался в Европе и США на исходе 1930-х гг. В Пражской лингвистической школе знаменательна в этом плане статья Богуслава Гавранека «Уровни языка» (1940), вошедшая в чешскую энциклопедию научных понятий [1, с. 228–229]. Однако широкое распространение идей об уровневом строении языка относится к более позднему времени – к середине XX в.

В лингвистических публикациях на русском языке, в том числе в переводах 1960-х гг., общепринятое обозначение понятия «уровень» появилось не сразу: писали о языковых «ярусах», «слоях», «стратах» (и «стратификационных моделях языка»), о «планах», «плоскостях». С другой стороны, термином *уровень* (англ. *level*, франц. *niveau*, нем. *plan*, *eben*) обозначали, кроме «уровня», еще и два аспекта языка в противопоставлении (по Соссюру) языка и речи: говорили об *уровне языка* в отличие от *уровня речи*; об уровне «генотипическом» в отличие от уровня «протокольного», или «фенотипического» [2, с. 487–488]. Однако в современной лингвистике этот терминологический разнобой преодолен.

О познавательной ценности уровневой концепции языка и ее адекватности предмету говорит тот не всеми замечаемый исторический факт, что представление об иерархии разрядов языковых единиц восходит к александрийским эллинистическим грамматикам. Так, у Дионисия Фракийца (II в. до н.э.) сказано, что **буквы**¹ складываются в **слоги**, слоги – в **сло-**

*В основу статьи положен пленарный доклад автора, прочитанный на Международной научной конференции «Славофраз-2021. Мир славян во фразеологической и паремиологической интерпретации», проходившей в Гомельском государственном университете имени Франциска Скорины 29–30 ноября 2021 г.

¹Греч. *στοιχεῖα* 'первоэлементы', *ῥαττια* 'буквы в аспект в аспекте их звукового достоинства; звуки речи'.

ва, слова – в **предложениях**, «выражающие законченную мысль» [3, с. 106, 115, 117]. Однако у Дионисия в контексте подобных цепочек нет слов и понятий «уровень» и «иерархия», и до грамматик середины XX в. их и не будет, хотя именно подобные контексты о связи языковых единиц, повторяясь из века в век в практических грамматиках, вносили в умы представления об **уровневом** устройстве языка. Так, **спустя 16 веков**, в церковнославянской грамматике Мелетия Смирницкого (напечатанной в г. Евье близ Вильны, в 1619 г.), просто и точно воспроизводится александрийское уровневое понимание устройства языка.

В XX в. уровневое строение языка было открыто как бы заново. Уровневая концепция языка представляет собой крупнейшее после Ф. де Соссюра достижение, обладающее весомым познавательным потенциалом как в понимании строения языка, так и в системном представлении межуровневого взаимодействия и связующих звеньев между соседними «стратами» (в исследованиях по фонеморфологии и морфосинтаксису).

В таблице 1 уровни языка представлены по названиям единиц «своего» уровня; в правом столбце указано среднее (по языкам мира) количество единиц, составляющих отдельный уровень. Лексемы и фраземы выступают как два подуровня воспроизводимых средств номинативного назначения.

Таблица 1 – Уровневое строение языка

№	Название языковой единицы		Среднее количество единиц	
			Моделей – несколько десятков	Высказываний – бесконечно много
6	Синтаксическая модель высказываний		Моделей – несколько десятков	Высказываний – бесконечно много
5	Синтаксическая модель словосочетаний		Моделей – несколько десятков	Словосочетаний – бесконечно много
4а	Воспроизводимые средства номинации	Фразема	???	
4		Лексема	500 000	
3	Морфема		20 000	
2	Фонема		40	
1	Дифференциальный фонологический признак		12–20	

Легко видеть, что подсчет синтаксических единиц произведен иначе, чем подсчет единиц предшествующих уровней: указаны приблизительные количества моделей (единиц **языка**) и бесконечно большое количество единиц **речи**. Дело в том, что для говорящих единицы языка и единицы речи, относящиеся к разным языковым уровням, обладают разной психологической реальностью в аспекте их осознания, выделения и идентификации. В обычном общении говорящие, имея дело с их **речевыми** представителями фонем, морфем и лексем (т. е. имея дело с аллофонами, алломорфами, аллолексами), воспринимают их, однако, как единицы именно языка – фонемы, морфемы и лексемы (называя их, естественно по-школьному: *звуки речи, части слова и слова*). На синтаксических уровнях картина иная: говорящие непосредственно осознают единицы не языка (т. е. не **модели**, по которым построены высказывания и словосочетания), но единицы речи – **высказывания** и **словосочетания** (по-школьному, *предложения* и *словосочетания*).

2. О пропорции воспроизводимых единиц на разных уровнях языка. Разновекторная логика самоорганизации языка сказалась в том, что в нем имеются два больших класса средств, используемых в общении. Первый класс составляют средства воспроизводимые, существующие в языковом сознании как готовые к употреблению компоненты речи; при порождении высказывания они не создаются как новые комбинации компонентов, а воспроизводятся как прежде созданные комплексы, т. е. повторяются. В отличие от воспроизводимых единиц языка единицы второго класса не существуют в языковом сознании как готовые, но свободно (в соответствии с иллюзией говорящего, логикой вещей и лексико-грамматическим строем языка) создаются в процессе порождения речи.

Воспроизводимые компоненты речи имеются на всех уровнях языка, но в существенно разных пропорциях. Это показано в таблице 2.

Таблица 2 – Пропорции воспроизводимых и свободно создаваемых единиц на разных уровнях языка

Единицы	Пропорции единиц, которые в речи		
	воспроизводятся	свободно создаются	
3	Высказывания	Коммуникативные клише. Примерно 300–400 паремий и речевых формул	Свободные высказывания. Их бесконечно много
2	Словосочетания	Фраземы. Количество фразем в этническом языке не определено	Свободные словосочетания. Их бесконечно много
1	Лексемы	Узуальные слова. 200–500 тыс.	Окказионализмы и потенциальные слова. Их бесконечно мало

2.1. Количество слов в языках колеблется в диапазоне от 10 тысяч (в бесписьменных идиомах) до 200–500 тысяч лексем в словарях языков с давней письменной традицией. Подавляющее большинство слов относится к воспроизводимым единицам. Микроскопическое исключение составляют «свободно создаваемые» слова. Это, во-первых, так называемые «потенциальные» слова (термин Г.О. Винокура), создаваемые для текущего момента речи по высоко продуктивным и регулярным словообразовательным моделям: *выступальщик* (как *чистильщик, нырлящик*), *мусоринка* (как *пылинка, снежинка*), *футболизация* (как *глобализация*) и т. п. Это слова «одноразового использования»; их легко создать и так же легко понять, но ни к чему помнить. Во-вторых, к «свободно создаваемым» словам относятся индивидуально-авторские неологизмы: *серпастый-молоткастый* (Маяковский), *лизык* (Вознесенский; контаминация *лизать* и *язык*), *хрущобы, зомби-ящик* и т. п. Некоторое время авторские неологизмы сохраняются в памяти части говорящих и повторяются в речи как слова-цитаты. Впрочем, авторство их далеко не всегда известно.

2.2. Воспроизводимые (клишированные) единицы на уровне высказываний – это речевые формулы этикета, широко известные паремии (*Доброе утро!*; *Яйца курицу не учат*; *Поживем – увидим*; *Старость – не радость*), ходячие фразы из книг, песен, кинофильмов, анекдотов, из СМИ, веб-сетей и т. п. О количестве воспроизводимых высказываний, разумеется, нельзя судить по объемам сборников пословиц и поговорок, словарей популярных цитат и афоризмов, крылатых слов и других подобных востребованных изданий. Трудно сказать, как эти коллекции соотносятся с языковой практикой – с составом тех паремий, афоризмов и разного рода клише, которые действительно общеизвестны и, главное, повторяются в живом общении современников. Ближе всех к ответу на этот вопрос подошел Г.Л. Пермяков в экспериментах 1970-х гг. по определению русского «паремиологического минимума» (его термин). Он предлагал 100 испытуемым (жителям Москвы и области) по предъявленной первой части пословицы дописать ее оставшуюся часть. Выяснилось, что из 540 паремий (также полученных в результате предварительного фильтрующего эксперимента), испытуемые смогли правильно закончить около 300 паремий. Так определился состав и объем активного паремиологического минимума носителей русского языка [4], [5]. В 1985 г. списки Г.Л. Пермякова были изданы как адресованный немецкому читателю словарь, содержащий 300 русских паремий [6] (см. также [7]).

Исследования «паремиологических минимумов» получили развитие в СПбГУ, в разработанном М.Ю. Котовой паремиологическом словаре 9 языков – 8 славянских и английского [8]. Проведенные исследования позволяют считать, что количество общеизвестных паремий, ходячих фраз, речевых формул составляет примерно 300–400 единиц.

2.3. Количество фразем в языке традиционно мыслится в разы меньшим, чем количество слов. Так, в «Глумачальным слоўніку беларускай мовы» (ТСБМ, 1977–1984, в 5 тт. (6 книгах)) содержится 97 935 лексем и 7120 фразем, т. е. сумме 105 055 номинативных единиц; из них фраземы составляют 6,7 %, т. е. лексем в 14 раз больше, чем фразем. В академическом словаре русского языка (МАС, 19981–1984 в 4 тт.) «более 90 тыс. слов», как указано в издательской аннотации на обороте титульного листа, но, к сожалению, в словаре нет данных о количестве фразем. Однако, поскольку ТСБМ и МАС в целом близки по своим объемам и подходам к лексикографическому представлению слов и фразем, можно допустить, что в МАСе имеет место примерно такое же соотношение лексем и фразем, как в ТСБМ.

2.4. Однако Л.Н. Иорданская и И.А. Мельчук в книге «Смысл и сочетаемость в словаре» (2007) высказали мнение о том, что фразем в языке больше, чем слов: «Люди говорят не словами, а фраземами [...]. Количественно фраземы превосходят слова в словарях примерно в соотношении 10 к 1» [9, с. 218]. Свою оценку авторы подкрепляют созвучным (отчасти) мнением Рэя Джекендофа (1992): «Готовых выражений (и идиом в том числе) в языке слишком много для того, чтобы считать их языковой периферией» [9, с. 219]. Понятно, однако, что оценка «слишком много» всё же не значит, что в словарях фразем в 10 раз больше, чем слов.

В доказательство своего предположения (что фразем в 10 раз больше, чем слов) авторы выписывают из английского лингвистического текста длиной в 25 строк всё, что считают фраземами; таких фактов оказывается 14 [9, с. 218]. Однако в этом списке 12 случаев – это соединения знаменательного слова и служебного (предлога, послелого или союза), между тем настоящая фразема – это соединение не менее двух знаменательных слов (или, как более точно писал Н.М. Шанский, наличие «не менее чем двух фонетических слов» [10, с. 36]). В списке авторов имеются также фразовые глаголы, у которых послелог серьезно меняет значение (*carry* – ‘нести, везти’, а *carry out* – ‘выполнять’), однако здесь идиоматичность сродни идиоматичности производного слова, поэтому *carry out* или *take up* – это не фраземы.

Каким образом Л.Н. Иорданская и И.А. Мельчук подсчитали, что фразем больше, чем слов, именно в 10 раз (а не в 5)? Приведя 14 выражений, трактуемых как фраземы, авторы далее пишут: «Фраземы попадают почти что через строчку и даже чаще! В газетном тексте их плотность еще выше. Но в особенности велико их количество в словарях: возьмите любой словарь, и на каждое слово вы найдете, как правило, массу выражений с этим словом. Количественно фраземы превосходят слова в словарях примерно в соотношении 10 к 1» [9, с. 218]. На следующих страницах книги авторы причисляют к фраземам не только фразовые глаголы, но и коллокации, т. е. **типичные** сочетания лексем, в силу типичности часто встречаемые в речи, однако их фразеологичность неочевидна и требует доказательств. Частая встречаемость некоторого сочетания слов в речи (напр., *хорошая погода, плохая погода, нормальная погода*; или: *станция метро, остановка автобуса, остановка трамвая, подземный переход* и т. п.) не делает подобные сочетания фраземами. Почему не делает? А что делает сочетание слов фраземой? Как отличить частую встречаемость одного словосочетания (типа *английская литература*) от воспроизводимости другого (*зарубежная литература*)? Толковые и тем более учебные словари в изобилии приводят коллокации, демонстрируя узуальную синтагматику заглавных лексем. Справочная и лингводидактическая ценность таких иллюстраций бесспорна. Однако вопрос об отношении коллокаций к фразеологии требует дифференцированного подхода.

3. Какие коллокации относить к фразеологии? Коллокации, на первый взгляд, не отличимы от «фразеологических выражений» – того разряда фразем, который увидел Н.М. Шанский и присоединил к трем разрядам фразем в классификации В.В. Виноградова. По Шанскому, фразеологические выражения – это словосочетания воспроизводимые, однако неидиоматичные [11], [10]². Отличие фразеологического выражения *партийный билет* от свободных словосочетаний (*партийный стаж, железнодорожный билет, билет в театр* и т. п.) Н.М. Шанский видел только в воспроизводимости фразем: «в процессе общения они не образуются говорящим, как последние (т. е. как свободные словосочетания. – Н.М.), а воспроизводятся как готовые единицы с постоянным составом и значением» [10, с. 84].

Однако в реальности оборот *партийный билет* является не только воспроизводимым, но и в силу многозначности слова *билет*, идиоматичным. Если толковый словарь (в частности, [12]) различает в слове *билет* 6 значений, то это значит, что каждое из узуальных и при этом необразных словосочетаний со словом *билет* (*партийный билет, трамвайный б., проездной б., входной б., лотерейный б., театральный б., студенческий б., экзаменационный б., пригласительный б.*) является отчасти идиоматичным, поскольку носитель языка, который при восприятии речи слышит одно из таких словосочетаний, должен решить, в каком из зна-

²Не касаюсь того, что к фразеологическим выражениям причислялись также *паремии* и *предложенческие цитаты*; такое понимание фразеологии, сложившееся на рубеже XIX–XX в., после основополагающих работ В.В. Виноградова 1940-х гг. было принято в советском языкознании еще в 1960-х гг.

чений в данном случае употреблено слово *билет*, и, таким образом, преодолеть частичную немотивированность данного словоупотребления, т. е. адекватно понять идиоматическое соединение слов. Характерно, что некоторые из приведенных словосочетаний (*проездной б.* ‘такой документ многоразового пользования для проезда в транспорте’, *входной б.*, *лотерейный б.*, *пригласительный б.*) в академическом словаре сопровождаются пояснениями, иначе говоря, лексикографы видят в них идиомы, нуждающиеся в объяснении.

В отличие от фразеологических единств (образных идиом, вроде *тянуть за язык* или *ветер в голове*) идиоматичность фразеологических выражений можно назвать «слабой» или «несильной». Если образные идиомы возникают на основе метафор, то идиоматичность фразеологических выражений развивается в результате метонимических или функциональных переносов названий.

Таким образом, фразеологические выражения отличаются от коллокаций наличием идиоматичности, хотя и слабой («почти нулевой» и необразной, неметафорической). В 1990-х гг. о таких оборотах писал И.А. Мельчук, относя их к фразеологии и называя «полуфраземами», «полуидиомами», «квазиидиомами», но также и «коллокациями» [13], [14]. В английских общих словарях лексема *collocation* понимается как обычное сочетание слов, однако в качестве примеров коллокаций приводятся не вполне мотивированные сочетания, причем в словаре А. Hornbrey [15] эта странность демонстрируется, но не объясняется: «*Weak tea* is acceptable, but *feeble* does not [«Прилагательное *weak* ‘слабый’ по отношению к слову *tea* (‘чай’) приемлемо, а *feeble* (‘слабый, немощный’) – не приемлемо]. «*Strong tea* (‘крепкий чай’) and *heavy drinker* (‘сильно пьющий человек’) – это английские коллокации».

Аналогично в словаре Макмиллан [16]: лексема *collocation* определяется как «а collocates, or a particular combination of collocates» (т. е. ‘словосочетание или определенная комбинация словосочетаний’), но в примерах представлены прилагательные, выступающие в своих непрямых значениях: *heavy rain* (‘проливной дождь’, буквально ‘тяжелый дождь’) и *bitterly disappointed* (‘большое/тяжелое разочарование’, буквально ‘горькое разочарование’). Отражая эту двойственность английского узуса в отношении коллокаций, «Большой англо-русский словарь» [17] переводит лексему *collocation* как ‘сочетание слов’, но для синтагмы *dictionary of collocations* словарь дает два перевода: 1) словарь сочетаемости; 2) словарь фразеологических сочетаний. Характерно также представление «коллокаций» в «Англо-русском словаре по лингвистике и семиотике» [18, с. 63] в качестве и «проявления полисемии в сочетаемости» (например, *мальчик прыгает* и *мысли прыгают*) и в качестве «фразеологизма».

Сложность вопроса в том, что в семантике некоторых коллокаций по мере возрастания их употребительности появляются и/или усиливаются черты идиоматичности. Судя по тому, что БТСРЯ всё же объясняет такие словосочетания, как *уголовное право*, *уголовный преступник*, *уголовный суд*, *уголовное отделение*, *уголовный розыск*, *уголовная тюрьма*, *уголовная литература*, всё это не свободные соединения слов: они не только воспроизводятся, но и характеризуются той степенью семантической слитности, которая делает их фраземами, хотя и не образными. Терминологичность (т. е. принадлежность оборотов профессиональному словарю, при том, что многие из них известны в общем употреблении) не отменяет их идиоматичности; напротив, специальная семантика одной или обеих лексем в таких словосочетаниях способствует фразеологизации оборота в общем языке.

Дополнительным подтверждением фразеологичности конкретных коллокаций служит наличие у таких словосочетаний однословного разговорного или разговорно-просторечного синонима, образованного путем универбализации словосочетания с опорой на один из компонентов (*заправка*, *зарубежка*, *зачетка*, *мобильник*, *обменник*, *попутка*, *продленка*, *уголовка* и т. п.). При этом многозначность (или омонимия) словосочетаний отчасти сохраняется и в семантике универбов. Так, слово *уголовка* известно в значениях ‘отделение уголовного розыска’, ‘уголовный розыск’, ‘уголовное преступление’ [12], а в сленге еще и ‘учебный предмет, курс уголовного права, кафедра уголовного права’.

4. О количестве фразем с разной степенью идиоматичности. Для фразеологических исследований, начиная от работ Ш. Балли, всегда было характерно понимание идиоматичности фразем как признака, который присутствует в разных фраземах в разной степени, т. е.

является градуальным. С учетом степени «семантической слитности» компонентов построены классификации фразем В.В. Виноградова [19] и Н.М. Шанского [5], [11], наиболее органичные для фразеологии. Позднейшие фразеологические исследования, в том числе с опорой на операциональные определения и экспериментальные методы, подтвердили релевантность фразеологических разрядов В.В. Виноградова и Н.М. Шанского (хотя сама номенклатура разрядов используется не всегда).

Четыре разряда фразем, выделенные Виноградовым и Шанским, образуют следующую нисходящую градацию по степени идиоматичности: 1) фразеологические сращения: полные идиомы (= нулевая мотивированность): *точить лясы* 'пустословить', *собаку съел (в чем)* 'знаток, мастер (в чем)', а также обороты с некротизмами: *ничтоже сумняшеся*, *притча во языцех*; 2) фразеологические сочетания (*високосный год*, *сослагательное наклонение*, *закадычный друг*): частичная идиоматичность, создаваемая денотативной и синтагматической недостаточностью одного из компонентов), при этом идиоматичность фразеологических сочетаний более сильная, чем идиоматичность фразеологических выражений), и, в отличие от идиоматичности фразеологических единств, является необразной; 3) для фразеологических единств характерна частичная идиоматичность, также значительная (сильная), но образная: *держат камень за пазухой*, *язык без костей*, *язык на плече* и т. п.; 4) у фразеологических выражений идиоматичность незначительная (слабая, близкая к нулевой): *литературный язык*, *уголовное право*, *пригласительный билет*.

Чтобы судить о том, существует ли связь между степенью идиоматичности фразем в рассмотренных разрядах и количеством фразем в каждом разряде, представим необходимые данные в таблице 3.

Таблица 3 – Корреляции между степенью идиоматичности фразем в рассмотренных разрядах и количеством фразем в каждом разряде

Классы фразеологических оборотов		Градация классов фразем по степени идиоматичности	Количественные характеристики классов фразем
1	Сращения (<i>в этом он</i>) <i>собаку съел</i>	++	а ('очень мало')
2	Единства (<i>вылететь в трубу</i>)	+	1000 а
3	Сочетания (<i>високосный год</i>)	(+)	а ('очень мало')
4	Выражения (<i>учебный год</i>)	(-)	Необозримое множество

В столбце «Градация классов фразем по степени идиоматичности» полная идиоматичность маркирована двумя знаками «плюс», неполная – одним знаком «плюс», причем в 3-й строке «плюс» заключен в скобки для указания на ограничения в проявлении данного признака у фразеологических сочетаний. В 4-й строке в скобки заключен знак «минус», чтобы отметить не-нулевую (т. е. слабую) идиоматичность фразеологических выражений. В крайнем правом столбце представлены некоторые данные об относительном количестве фразем в каждом разряде. Сращения (т. е. полностью немотивированных фразем) в языках очень мало (что связано именно с немотивированностью подобных оборотов: языковому сознанию говорящих легче, привычнее оперировать знаками, в той или иной мере мотивированными; знаки, утратившие мотивированность, – в разных языках это «уходящая натура»); данная величина обозначена знаком **а**. Почти столь же мало в конкретных языках фразеологических сочетаний; это объясняется тем, что в их составе имеется «неживой» компонент, который не используется в языке вне данного оборота, и поэтому его значение неясно и неизвестно, как его употреблять. Как и сращения, фразеологические сочетания – это «уходящая натура».

Что касается образных идиом (фразеологических единств), то их примерно в 1000 раз больше, чем сращений, и примерно в 1000 раз больше, чем фразеологических сочетаний, однако в абсолютных цифрах их не так уж много: «Фразеологический словарь русского языка» под редакцией А.И. Молоткова (1967) содержит примерно 4000 таких единиц; в близком по объему «Фразеалагічным слоўніку беларускай мовы» И.Я. Лепешева (1993) – около 6000 образных идиом.

Несмотря на то, что образных идиом сравнительно немного, это самый заметный и приоритетный разряд фразем, краса и гордость языка. Их любят и читатели, и издатели, и исследо-

ватели. В них нередко видят всю фразеологию. Есть словари, которые принципиально включают только образные идиомы, хотя и называются более широко – **фразеологические**. Образные фраземы первыми попали в поле зрения этнографов и фольклористов и надолго определили взгляд на фраземы как на средства экспрессивной перифрастической номинации, вторичной по отношению к основным и нейтральным обозначениям. В речи они живут как яркие краски на фоне необразных и обычно менее экспрессивных однословных обозначений, которые, однако, воспринимаются говорящими как основные. В.И. Даль в предисловии к сборнику «Пословицы русского народа» (1861–1862), говоря о таких образных оборотах, как *у него не все дома, одного поля ягода, один как верста в поле, чужими руками жар загребает*, подчеркивал их вторичность по отношению к словам: это «окольное выражение, переносная речь, простое иносказание, обиняк» [20, с. XX]. Их употребляют ради «красного словца».

Между тем основная масса фразем – это слабо идиоматические обороты, однако воспроизводимые – тот класс фразем, которые Н.М. Шанский назвал фразеологическими выражениями. Они действительно трудно отличимы от коллокаций. Фразеологические выражения – это не добавочные перифразы «для красного словца», но основные и часто единственные обозначения вполне определенных денотатов. Особенно много таких оборотов в системах научно-технических обозначений, поскольку в терминологиях новые обозначения чаще всего создаются путем синтаксической деривации, а не морфемной (как в обиходном словаре), что соответствует резкому преобладанию в терминологических подсистемах родовых отношений между терминами над всеми остальными логическими связями.

Однако фразеологические выражения – это не только специальные, терминологические обозначения. Огромное количество таких оборотов – это общепринятые номинации всем известных вещей, часть общенародного словаря. Ср. группу таких оборотов, относящихся к школьной жизни: *учебный год, остаться на второй год, годовая оценка, оценка за четверть, четвертная оценка, классный журнал, классная работа, внеклассная работа, внеклассное чтение, домашняя работа, домашнее задание, самостоятельная работа, контрольная работа, работа над ошибками, группа продленного дня* и мн. др. Еще пример: многочисленность слабо идиоматических и при этом воспроизводимых оборотов из области права и юриспруденции (которые так резко отличаются от «настоящих» (образных) идиом из той же сферы жизни, типа *на птичьих правах* или относительно недавно отмеченных В.М. Мокиенко *качать права, телефонное право* [21]): *римское право, обычное п., древнерусское п., отрасли права, гражданское п., уголовное п., административное п., международное п., избирательное п., частное п., публичное п., трудовое п., дать (получить) права, вступить в (свои) права, право гражданства, на равных правах, крепостное право, феодальное п., нормы права, право наций на самоопределение, политические права, ссылка без права переписки, право собственности, авторское п., право наследования, право голоса, права личности, лишение родительских прав, право на убежище, право на жилище, право оперативного управления, водительские права, права первого класса, отобрать права за нарушение правил дорожного движения, сдать на права, право на внеочередное обслуживание, получить право преподавать* и т. п.

Кластеры слабоидиоматических оборотов могут быть объединены не только тематически, но и некоторой общей лексемой, значение которой в этих оборотах в той или иной мере варьируется, как например, в группе фразеологических выражений и/или коллокаций с лексемой *год*: *календарный год, академический г., учебный г., сельскохозяйственный г., финансовый г., хозяйственный г., олимпийский г., (не)урожайный г., григорианский г., тропический г.* (астрон.: ‘период между двумя прохождениями Солнца через точку весеннего равноденствия’), *звездный год* (астрон.: ‘промежуток времени, в течение которого Солнце совершает свой видимый путь по небесной сфере относительно звезд’ [22, I: 600]), *круглый год* (‘в течение всего этого промежутка времени’), *Вы какого года?* (‘когда родились’), *времена года* (зима, весна, лето, осень), *Новый год* (наступающий, следующий, а также день 1 января), *из года в год* (‘постоянно, ежегодно, несколько лет подряд’), *год от года (году)* (с каждым новым таким промежутком времени), *год за годом* (‘постепенно’), *год на год не приходится* (‘одно время не похоже на другое’), *молодые годы, преклонные годы, не по годам (одет, резвится)* и т. п. ‘не по возрасту’) и др.

Как можно судить по приведенным примерам, в составе номинативных средств языка существует огромное количество воспроизводимых оборотов с малой или нулевой идиоматичностью. Вполне вероятно, что их число не меньше, а, скорее всего, больше количества лексем. Однако во сколько раз больше? В 10 ли раз, как уверенно писали Л.Н. Иорданская и И.А. Мельчук в 2006 г., пока неизвестно.

6. О телеологии в строении языка: межуровневые различия в пропорциях воспроизводимых и идиоматичных единиц языка и речи. В начале статьи говорилось о познавательной ценности уровневой концепции языка. Представления о той роли в коммуникации (т. е. в порождении высказываний), которую выполняют единицы разных языковых уровней, позволяет увидеть коммуникационную логику в межуровневых различиях, во-первых, по количеству единиц, относимых к тому или иному уровню и, во-вторых, по степени свободы говорящих в оперировании единицами разных уровней.

Уровневая структура языка по количеству единиц, относящихся к определенному уровню, – это «расширяющаяся вселенная». Расширение идет вверх от уровня ДП фонем: фонем больше, чем дифпризнаков, морфем больше, фонем, и т. д. (см. таблицу 1). В этом же направлении (от слов к высказываниям) растет и степень свободы говорящих в конструировании своей речи.

В противоположном направлении – от уровня высказываний к морфемам (о свободе в выборе фонем говорить не приходится) – идет усиление противоположных свойств уровневых подсистем: от уровня к уровню возрастает удельный вес единиц воспроизводимых и семантически слитных (т. е. идиоматичных). Каждое из этих свойств – воспроизводимость и идиоматичность – внутренне амбивалентно. С одной стороны, они придают языковым единицам стабильность, материальную компактность, предсказуемую эмфатичность (образных фразем и паремий) и иллюкутивную определенность (паремий и речевых формул). Но, с другой стороны, как всякие клише, они ограничивают мыслительные и коммуникативные горизонты говорящих, оставляя им свободу в выборе «подходящего» из наличных средств, но не в создании новых возможностей. Однако «гений языка» (или телеология его саморазвития на протяжении многих тысячелетий, большинство из которых относится к дописьменной истории) отмеряет для разных уровней разные пропорции клишированных языковых средств – от практически 100-процентной воспроизводимости и идиоматичности слов до максимальной свободы говорящих в порождаемых высказываниях (которые бывают образными (*Не всё ко-ту масленица*), но не бывают полностью идиоматичными).

Что касается количественного соотношения слов и фразем, то для его адекватной оценки, по-видимому, не избежать двойственного подхода: видеть, с одной стороны, относительно немногочисленный подкорпус образных и полных (необразных) идиом (это примерно 5–6 тыс. прагматически маркированных единиц), а с другой стороны, – минимально идиоматичные фразеологические выражения и близкие к ним коллокации, которые, при высокой употребительности, быстро идиоматизируются; их общее количество, с учетом отраслевых терминологий и номенклатур, по-видимому, превышает количество лексем.

Литература

1. Вахек, Й. Лингвистический словарь Пражской школы [1960] / Й. Вахек ; под ред. и с предисл. А. А. Реформатского. – М. : Прогресс, 1964. – 350 с.
2. Ахманова, О. С. Словарь лингвистических терминов / О. С. Ахманова. – М. : Сов. энциклопедия, 1966. – 608 с.
3. Античные теории языка и стиля / Под общ. ред. О. М. Фрейденберг. – М.–Л. : Соцэкгиз, 1936. – 344 с.
4. Пермяков, Г. Л. К вопросу о русском паремиологическом минимуме / Г. Л. Пермяков // Словари и лингвострановедение. – М. : Русский язык, 1983. – С. 131–137.
5. Пермяков, Г. Л. О паремиологическом уровне языка и русском паремиологическом минимуме / Г. Л. Пермяков // Паремиологические исследования : сб. ст. – М. : Наука, 1984. – С. 262–268.
6. Permjakov, G. L. 300 allgemeingebrauchliche russische Sprichwörter und Sprichwörtliche Redensarten. Ein illustriertes Nachschlagewerk für Deutschsprechende / G. L. Permjakov. – М. : Russkij jazyk – Leipzig : VEB Verlag Enzyklopaedie, 1985. – 160 s.

7. Крикман, А. Паремииологические эксперименты Г.Л. Пермякова / А. Крикман. – Таллин : Академия наук Эстонской ССР. Отделение общественных наук, 1986. – 60 с. – (Препринт / Академия наук ЭССР ; КК I-40).
8. Котова, М. Ю. Русско-славянский словарь пословиц с английскими соответствиями / М. Ю. Котова ; под ред. проф. П. А. Дмитриева. – СПб. : Изд-во СПбГУ, 2000. – 360 с.
9. Иорданская, Л. Н. Смысл и сочетаемость в словаре / Л. Н. Иорданская, И. А. Мельчук. – М. : ЯСК, 2007. – 672 с.
10. Шанский, Н. М. Фразеология современного русского языка / Н. М. Шанский. – Изд. 2-ое. – М. : Высш. школа, 1969. – 232 с.
11. Шанский, Н. М. Лексикология современного русского языка / Н. М. Шанский. – М. : Просвещение, 1964. – 316 с.
12. Кузнецов, С. А. Большой толковый словарь русского языка / С. А. Кузнецов. – СПб. : Норинт, 2001. – 1536 с.
13. Mel'čuk, I. Collocations and Lexical Functions / I. Mel'čuk // *Phraseology. Theory. Analysis and Applications* ; A. P. Cowie (Ed.). – Oxford : Clarendon Press, 1998. – P. 23–53.
14. Mel'čuk, I. Phrasemes in Language and Phraseology in Linguistics/ I. Mel'čuk // *Idioms : Structural and Psychological Perspectives* ; M. Everaert [et al.] (eds.). – Hillsdale (NJ) : Hove, 1995. – P. 167–232.
15. Hornby, A. S. With the assistance of Christina Ruse. *Oxford Student's Dictionary of Current English* / A. S. Hornby. – Moscow-Oxford, 1984. – XII, 769 p.
16. *Macmillan English Dictionary* [Electronic resource]. – Access mode : <http://www.macmillandictionary.com>. – Access date : 22.12.2021.
17. Апресян, Ю. Д. Новый большой англо-русский словарь. Около 250000 : в 3 т. / Ю. Д. Апресян, Э. М. Медникова [и др.]. – М. : Русский язык, 1993–1994.
18. Баранов, А. Н. Англо-русский словарь по лингвистике и семиотике : около 9000 терминов / А. Н. Баранов, Д. О. Добровольский, М. Н. Михайлов [и др.]. – 2-е изд., испр. и доп. – М. : Азбуковник, 2001. – 640 с.
19. Виноградов, В. В. Об основных типах фразеологических единиц в русском языке / В. В. Виноградов // *Избранные труды. Лексикология и лексикография*. – М. : Наука, 1977. – С. 140–161.
20. Даль, В. И. Пословицы русского народа. Сборник пословиц, поговорок, речений, присловий, чистоговорок, загадок, поверий и проч. / В. И. Даль. – М. : Гос. изд. худ. литературы, 1957. – XXVIII, 992 с.
21. Мокиенко, В. М. Новая русская фразеология : словарь / В. М. Мокиенко. – Орле, 2003. – 168 с.
22. Словарь русского языка : в 4 т. / АН СССР, Ин-т рус. яз. ; под ред. А. П. Евгеньевой. – 2-е изд., испр. и доп. – М. : Рус. яз. – Т. 1 : А–Й. – 1981. – 698 с. ; Т. 2 : К–О. – 1982. – 736 с. ; Т. 3 : П–Р. – 1984. – 752 с. ; Т. 4. С–Я. – 1984. – 794 с.

Канцэптасфера аповесці А. Адамовіча «Венера, або Як я быў прыгоннікам» і апавядання А. Салжаніцына «Матрэнін двор»: супастаўляльны аналіз

А.С. Папоў

У артыкуле даследуюцца канцэптасферы аповесці А. Адамовіча «Венера, або Як я быў прыгоннікам» і апавядання А. Салжаніцына «Матрэнін двор». На матэрыяле абодвух твораў разглядаюцца асноўныя элементы мастацка-філасофскіх канцэпцый абодвух аўтараў. Параўноўваюцца погляды пісьменнікаў на гісторыю беларускага і рускага народаў на працягу першай паловы XX стагоддзя. Выяўляюцца адносіны А. Адамовіча і А. Салжаніцына да падзей часоў Вялікага тэрору і іх уздзеяння на нацыянальную ідэнтычнасць і гістарычную памяць савецкіх людзей. Пры аналізе вобразаў галоўных герояў вызначаюцца іх характэрныя рысы.

Ключавыя словы: канцэптасфера, супастаўленне, таталітарная мадэль, вобраз-сімвал, вобраз-тып.

The article examines the conceptospheres of A. Adamovich's concept «Venus, or as I was a serpentine» and the story by A. Solzhenitsyn «Matrenin Dvor». On the material of both works, the main elements of the artistic and philosophical concepts of both authors are compared. The writers' views on the history of the Belarusian and Russian peoples during the first half of the 20th century are compared. The attitude of A. Adamovich and A. Solzhenitsyn to the events of the Great Terror and their impact on the national identity and historical memory of the Soviet people is revealed. When analyzing the images of the main characters, their characteristic features are determined.

Keywords: conceptosphere, comparison, totalitarian model, image-symbol, image-type.

Вывучэнне твораў мастацкай літаратуры заўсёды з'яўляецца больш плённым і выніковым пры выкарыстанні прыёма супастаўлення. Прынамсі, для таго, каб лепш зразумець аднаго пісьменніка, неабходна супаставіць канцэпцыю, вобразную сістэму і глыбінныя сэнсы яго твора з такімі ж элементамі ў творчасці іншых мастакоў слова.

Пасля заканчэння сталінскай эпохі ў развіцці савецкага грамадства пачалі з'яўляцца творы, накіраваныя на крытыку тагачасных рэалій, і перш за ўсё – на дзеянні рэпрэсіўнага апарата дзяржавы. Прычыны гэтага хаваліся ў паступовым асэнсаванні інтэлігенцыяй у агульным і пісьменнікамі ў прыватнасці сэнсу і рэальнага маштабу Вялікага тэрору і звязаных з ім сацыяльных з'яў. Аўтары, якія належылі да розных народаў Савецкага Саюза, кожны па-свойму, намагаліся зразумець прычыны і следствы жудасных падзей і выпрацаваць нейкі філасофскі адказ на іх.

Фарміраванне літаратуры такога кшталту ішло пад сур'ёзным уціскам дзяржавы, якая не жадала такой страснай крытыкі мінулага, бо баялася за сваю будучыню. Аднак паступова, пачынаючы з В. Шаламава, працягваючы А. Салжаніцыным і заканчваючы часамі перабудовы і галоснасці, творы аб сталінскім перыядзе набіралі больш завостранасці і мелі ўсё большую вагу ў літаратурным свеце.

Мэта дадзенага артыкула – выявіць поле маральна-філасофскіх канцэптаў, агульнае для А. Адамовіча і А. Салжаніцына і правесці паралелі паміж героямі іх твораў. У беларускім літаратуразнаўстве тэма супадзення канцэптасфер А. Адамовіча і А. Салжаніцына дагэтуль комплексна не распрацоўвалася. Найбольш блізкімі да тэмы дадзенага артыкула можна лічыць навуковыя працы Л.Д. Сіньковай «Журналісцкія прыёмы ў “непрыдуманай літаратуры” А. Салжаніцына і А. Адамовіча» [1] і В.А. Зыблюк «Народ як ахвяра гісторыі (Драгаслаў Міхаілавіч “Голы востраў” і Александр Салжаніцын “Архіпелаг гулаг”» [2].

Творчасць А. Адамовіча – гэта сапраўдны феномен у беларускай літаратуры. Адзін з пачынальнікаў літаратурнага жанра вуснай гісторыі, выбітны пісьменнік, публіцыст, ён не быў адзінока ў сваіх роздумах і трывозе за будучыню. Аднадумцам беларускага пісьменніка па многіх праблемах грамадскага і літаратурнага жыцця быў рускі творца А. Салжаніцын, чый драматычны жыццёвы шлях і змаганне за справядлівасць вядомыя мільёнам людзей у розных краінах свету.

Мы засяродзімся на адным з ранніх твораў вядомага рускага пісьменніка: апавяданні «Матренин двор». Выбар яго для супастаўлення з канцэптэуальнай аповесцю А. Адамовіча «Венера» тлумачыцца падабенствам праблематыкі, вобразаў галоўных герояў, а таксама маральна-гуманістычным пафасам абодвух твораў. Да таго ж, у дадзеным кантэксте важным падаецца факт асабістага знаёмства творцаў, аб чым сведчыць іх сумесная фатаграфія (1967 г., гатэль «Масква») і тое, што абодва пісьменнікі мелі падобныя погляды на ўнутрыпалітычную сітуацыю і праблемы тагачаснага савецкага грамадства – А. Адамовіч і В. Быкаў былі ў ліку тых дзеячоў культуры і мастацтва, якія падпісалі зварот А. Салжаніцына да пісьменнікаў аб скасаванні цэнзуры.

На першы погляд, А. Адамовіч і А. Салжаніцын прысвяцілі свае творы рознай тэматыцы, і вобразы герояў у іх кардынальна адрозніваюцца. Аднак, па нашым меркаванні, абодва мыслеры сваю звышзадачу бачылі, па-першае, у раскрыцці трывушчасці і маральнасці вобраза жанчыны. Гэта пераважна жанчыны адраджалі, адбудоўвалі мірнае жыццё першых пасляваенных дзесяцігоддзяў, яны вытрымалі цяжар рэпрэсій, уздымалі народную гаспадарку. Канечне, аўтары, безумоўна, не маглі абыйсці ўвагай тэмы нацыянальнай ідэнтычнасці і гістарычнай памяці беларускага і рускага народаў, якія прайшлі выпрабаванні ваенным ліхалеццем і пасляваеннымі крызісамі. Уважліва аналізуючы «Венеру» і «Матренин двор», мы знайшлі надзвычай шмат кропак судакранання і супадзення поглядаў і думак пісьменнікаў.

Па-першае, трэба звярнуць увагу на раскрыццё тэмы рэпрэсій. А. Адамовіч адкрыта і жорстка крытыкуе Сталіна і створаны ім механізм тэрору ўсіх нязгодных. Як мы ўжо адзначалі вышэй, беларускі мыслер раскрыў гэтую тэму праз гісторыю героя і абагульнена-сімвалічным імем – Старая. Жанчыны на ўласным лёсе зведала здзекі НКВС і жахі высылкі ў Сібір. Старая ў А. Адамовіча гаворыць павольна і ўспамінае даваеннае жыццё неахвотна, аднак нават з кароткіх яе рэплік бачныя адносіны пісьменніка да савецкага таталітарнага рэжыму: *«Сядзелі, здаецца, у тым во падвале. Высокія падмуркі, бачыш. А яны прыходзілі, у даўгіх шынялях, нават з жонкамі прыходзілі глядзець на маіх унукаў, як на звяр'ё»* [3, с. 106]. А. Адамовіч па майстэрску малюе карціну здзекаў над нявіннымі і жорстка крытыкуе рэпрэсіі. Ён робіць вобраз Старой адным з галоўных у вобразнай сістэме аповесці.

На першы погляд, тэма рэпрэсій у творы А. Салжаніцына, у адрозненні ад аповесці А. Адамовіча, амаль не падымаецца. Аднак рускі пісьменнік, майстар звышдэталізаванай прозы, робіць акцэнт на нязначных, на першы погляд, элементах: на жаданні героя твора дайсці ў сваім падарожжы да лясоў сярэдняй паласы Расіі, на яго незадаволенасці ад замазанага рукава яго лагернага адзення, прывезенага да Матроны: *«Тут заметил я, что она в моей телогрейке, уже измазала рукава о льдистую грязь бревен, – и с неудовольствием сказал ей об этом. Телогрейка эта была мне память, она грела меня в тяжелые годы»* [4, с. 12]. Гэтыя дэталі ў творы, напісаным аж у 1959 г., не могуць не прыцягнуць увагу пільнага чытача. Так, гэта яшчэ не «Архіпелаг ГУЛАГ» з яго сотнямі сведкаў, амаль дакументальнай асновай – аднак першыя намёкі на праўду аб рэпрэсіях ужо з'яўляецца. Такім чынам, мы можам адзначыць, што дадзеная тэма па-рознаму, але ўздымаецца абодвума аўтарамі.

Канцэпт *рэпрэсій* арганічна перафармуецца ў абодвух аўтараў у агульную негатыўную маральную ацэнку парадкаў савецкай ўлады. Так, напрыклад, А. Салжаніцын ужо на першых старонках з'едліва каментуе «гаспадарліваць» старшыні мясцовага калгаса, які высек старажытны лес і прадаў яго, матывуючы гэта павышэннем даходаў арганізацыі: *«А и на этом месте стояли прежде и перестояли революцию дремучие, непрохожие леса. Потом их вырубил – торфоразработчики и соседний колхоз. Председатель его, Горшков, свел под корень изрядно гектаров леса и выгодно сбыв в Одесскую область, на том свой колхоз и возвысив»* [4, с. 1]. Дарэчы, трэба адзначыць, што старшыня Гаршкоў, як лічаць гісторыкі і даследчыкі творчасці А. Салжаніцына, гэта рэальны чалавек, які на самой справе кіраваў калгасам такім чынам, вынішчаючы лясы і прадаючы драўніну ў іншыя саюзныя рэспублікі. Гэты факт надае твору рускага мыслера дакументальнасць, а яго актуальнасць не страцілася і з часам.

Прыклад цемрашальнай безгаспадарліваасці ёсць і ў «Венеры» А. Адамовіча. Аднак, жадаючы больш гучна выразіць сваю думку, завастрыць сітуацыю, беларускі аўтар у якасці аб'екта здзекаў з боку «савецкіх гаспадароў» выбірае жывёл – трафейных нямецкіх кароў,

якіх у адноўлены калгас перадаюць у якасці матэрыяльнай дапамогі: «Хутка, бачна, і апошнія немачкі адмучаюцца. Палова чарады перадохла ўжо, і хаця б адну карову зарэзалі для людзей, ды не, усіх адцягнулі на ўзлесак, ваўкам. Няхай згіне, абы не калгасніку» [3, с. 130]. А. Адамовіч звяртае ўвагу на тое, што па загаду старшыні мясцовага калгаса паміраючых кароў было забаронена аддаваць простым людзям – жывёлы ў вынікудохлі і даставаліся ваўкам.

Аналізуючы абодва творы, мы пабачылі, што антысавецкая канцэптуальнасць у іх можа выяўляцца як праз крытыку ўсёй таталітарнай сістэмы цалкам, так і праз адносіны аўтара і яго герояў да прадстаўнікоў дзяржаўнай улады і праз ацэначнае апісанне іх агідных ўчынкаў. Так, напрыклад, А. Салжаніцын падае ў сваім апаведзе эпізядычны вобраз жонкі старшыні калгаса, якая прыходзіць да Матроны і патрабуе, каб тая выходзіла на працу. Між тым старая ўжо не працуе ў калгасе. Аднак прадстаўніцу ўлады гэта не турбуе: «Когда рук не хватало, когда отнекивались бабы уж очень упорно, жена председателя приходила к Матрене. Она была тоже женщина городская, решительная, коротким серым полупальто и грозным взглядом как бы военная.

Она входила в избу и, не здороваясь, строго смотрела на Матрену. Матрена мешалась.

– Та-ак, – раздельно говорила жена председателя. – Товарищ Григорьева? Надо будет помочь колхозу! Надо будет завтра ехать навоз вывозить!» [4, с. 6]. Гэта жанчына лічыць, што мае права распараджацца вольным часам ўсіх вяскоўцаў. Фактычна, А. Салжаніцын малое вобраз сапраўднай феадальнай пані, для якой сяляне – як прыгонныя, абавязаныя выконваць яе загады.

Цэлая галерэя падобных вобразаў распрацавана і А. Адамовічам у аповесці «Венера...». Так, амаль поўны аналаг вобраза жонкі старшыні калгаса – гэта вобраз бухгалтаркі Груні, жонкі старшыні сельсавета з характэрнай мянушкай «Савецкая ўлада»: «– Дзе я? Я ўжо ледзь жывая, – трымаючыся за растрэпаную галаву, скардзіцца паўнацелая кабета, высаджаная з танку. Голас сіпла-мужчынскі» [3, с. 97] ці «– Анічога, тут кабыліцы добрыя, – помсліва адказвае Груня. – А вы – кабялі. Хутка да яе на печ палезеце, я бачу» [3, с. 104]. Беларускі пісьменнік выразна падкрэслівае амаль тых ж дэталі вобраза, што і А. Салжаніцын: мужчынскі голас жанчыны, грубасць на мяжы пошласці і ўпэўненасць у асабістай праваце. Венерын ложак, які Груня і яе муж адабралі ў гаспадыні дома, – гэта не звычайная дэталі інтэр'еру, а вельмі ёмісты алегарычны вобраз: ён увасабляе «свабодна-гвалтоўнае» ўсталяванне савецкага жыцця ў першыя месяцы пасля Перамогі і ўзнаўлення адміністрацыйнага ўціску на людзей на вызваленых тэрыторыях.

Безумоўна, асэнсоўваючы тэму *рэпрэсій* абодва пісьменнікі не маглі не абмінуць такі аспект, як неапраўдана жорсткія прысуды. У аповесці «Венера...» гэта пакладзена ў аснову сюжэта: галоўную гераіню затрымліваюць і асуджаюць да турэмнага зняволення за кош змёрзлай бульбы. Гэты прысуд становіцца для яе смяртэльным – жанчына гіне ў лагерах, пакінуўшы дзяцей сіротамі. Падобную сітуацыю мы бачым і ў творы А. Салжаніцына – знаёмую Матроны цягаюць па судах з-за незаконнай здабычы торфу: «Летось мы торфу натаскивали сколища! Я ли бы и теперь три машины не натаскала? Так вот ловят. Уж одну бабу нашу по судам тягают» [4, с. 5]. Торф, як піша рускі пісьменнік, выдаваўся калгаснікам, але яго не хапала на атапленне хат. Гэта фактычна вымушала людзей станавіцца па-за законам. Аўтар ставіць пытанне – як можна судзіць простых людзей за такія нязначныя злачынствы, на якія іх вымушае безвыходнае становішча? А гэта вяртае нас да асноўнай тэмы ў творчасці А. Салжаніцына: тэмы рэпрэсій у таталітарным грамадстве. Бо чым жа, як не логікай рэпрэсійнага апарата можна патлумачыць такія жорсткія прысуды?

Вельмі важную ролю ў раскрыцці сэнсавай глыбіні і апавядання, і аповесці адыгрывае канцэпт *дом*. У творы А. Салжаніцына гэты канцэпт амаль ідэнтычны такому ж канцэпту на старонках аповесці А. Адамовіча.

Дом Матроны па сваім апісанні падобны да дома Венеры: ён таксама даволі вялікі, разлічаны на тое, што ў ім будуць жыць шмат людзей.

Табліца 1 – Параўнанне апісання дамоў галоўных гераінь

А. Адамовіч, «Венера, або Як я стаў прыгоннікам»	А. Салжаніцын, «Матренин двор»
<p><i>То быў менавіта дом. Простаі хатай не назавеш. Пяцісценка, пад бляшаным дахам, вокны вялікія з белымі фіранкамі. І паўсюль кветкі. У Станкевіча быў і свой пчальнік, і конік, звычайны, нават мізэрны [3, с. 9]</i></p>	<p><i>Дворик не был крыт, но в доме многое было под одной связью. За входной дверью внутренние ступеньки поднимались на просторные мосты, высоко осененные крышей. Налево еще ступеньки вели вверх в горницу – отдельный сруб без печи, и ступеньки вниз, в подклеть. А направо шла сама изба, с чердаком и подпольем. Строено было давно и добротнo, на большую семью, а жила теперь одинокая женщина лет шестидесяти [4, с. 2]</i></p>

Аўтары падрабязна апісваюць хаты, акцэнтуючы ўвагу на якаснасці і трываласці пабудовы. На нашу думку, пісьменнікі гэтым падкрэсліваюць адразу некалькі важных момантаў. Па-першае, сувязь з народнымі традыцыямі: абодва дамы будаваліся руплівымі гаспадарамі для жыцця вялікіх сем'яў. Аднак войны і іншыя няшчасці першай паловы мінулага стагоддзя разбурылі традыцыйны ўклад жыцця грамадства, і трансфармацыя канцэпта «дом» у творах беларускага і рускага мысляроў выдатна гэта паказвае. У выпадку Венеры яе дом быў спачатку абязлюджаны немцамі, а потым заняты савецкімі ўладамі, якія за невялікую правіннасць, фактычна, забілі маладую жанчыну, адправіўшы на пяць гадоў у сталінскія лагеры.

Сітуацыя з гераіняй А. Салжаніцына крыху іншая – вайна не дабралася фізічна да яе дома. Аднак яна страціла мужа, а потым і падтрымку з боку сям'і. Сімвалічным у гэтым плане падаецца тое, што дом, які ў традыцыйнай канцэптуальнай сферы выяўляецца ў якасці крэпасці, спакойнага і надзейнага месца, у гэтых творах апасродкавана (як у аповесці А. Адамовіча) ці прама (як у аповедзе А. Салжаніцына) служыць прычынай смерці і Венеры, і Матроны.

Канцэпт «дом» у «Матрениным дворе» раскрываецца яшчэ і праз яго сувязь з вобразам героя-наратара, у якім аўтар персаналізуе самога сябе. А. Салжаніцын, які, як вядома, быў рэпрэсаваны і доўгі час прабыў у лагерах у Сярэдняй Азіі, піша пра сваё моцнае жаданне вярнуцца з пяскоў пустынь да лясоў сярэдняй паласы Расіі: *«Мне просто хотелось в среднюю полосу – без жары, с листовным рокотом леса. Мне хотелось затесаться и затеряться в самой нутряной России – если такая где-то была, жила»* [4, с. 1]. Рускі пісьменнік і дысідэнт стварае вобраз чалавека, які страціў сваё мінулае і зараз намагаецца знайсці месца ў новым для яго свеце. А. Салжаніцын паказвае праз думкі героя падвоенасць яго натуры: з аднаго боку ён не мае дома, а з другога – яго дом уся Расія.

Канцэпт «дом» для абодвух аўтараў увогуле вельмі цесна звязаны з канцэптам «Айчына». Жытло гераінь А. Адамовіча і А. Салжаніцына адлюстроўвае не толькі іх унутраны свет, мяняючыся разам са змяненнем становішча гераінь, але і карэлюе са станам грамадства і дзяржавы. Нездарма дамы Венеры і Матроны, як і тагачаснае грамадства, праходзяць некалькі стадыяў: пачатак існавання, крызіс часоў Вялікай Айчыннай вайны, павольнае паміранне пасляваеннага перыяду. Лёс дамоў, такім чынам, непарыўна звязваецца як з жыццёвым шляхам жанчын, так і з лёсам савецкага народа.

Адзін з апошніх эпізодаў твора А. Салжаніцына прысвечаны «гібелі» часткі хаты Матроны – святліца, якая была пабудавана Фадзеям і яго бацькам для маладой пары, самім жа старым і разбураецца: *«Эту избу он парнишкою сам и строил когда-то с отцом; эту горницу для него, старшего сына, и рубили, чтоб он поселился здесь с молодой. А теперь он яро разбирает ее по ребрышкам, чтоб увезти с чужого двора»* [4, с. 11]. Рускі мыслар паймаў паказвае не толькі пачуцці самога Фадзея, але і малое яркі сімвал гібелі традыцыйнага грамадства. Фактычна, з разбурэння дома пачынаецца і зваротны адлік жыцця самой Матроны. Яе лёс быў прама звязаны з хатай, у якой жанчына пражыла амаль усё жыццё.

Нешта падобнае мы бачым і ў лёсе Венеры А. Адамовіча – павольная гібель гераіні разварочваецца перад чытачом з моманту, калі яе хата становіцца прытулкам для савецкіх чыноўнікаў. Таксама, як і родныя Матроны, яны яшчэ да знікнення гаспадыні займаюць жытло, пачынаюць перарабляць яго пад свае патрэбы – і няшчасная не можа аказаць ніякага супраціву новым захопнікам.

Яшчэ адзін важны канцэпт, які звязвае творы А. Адамовіча і А. Салжаніцына – гэта канцэпт «сям’я». Письменнікі па-рознаму раскрываюць яго. Беларускі мысляр канцэнтруе ўвагу на эвалюцыі канцэпта і значэнні ваеннай трагедыі і пасляваенных рэпрэсій у разбурэнні традыцыйнай беларускай сям’і. А. Салжаніцын таксама звяртае пільную ўвагу на паступовую дэградацыю сямейных зносінаў пад уздзеяннем знешніх фактараў: Вялікай Айчыннай вайны, савецкай ідэалогіі і інш.

Канцэпт «сям’я» ў аповесці «Венера, або як я быў прыгоннікам» адыгрывае значную ролю ў фарміраванні сюжэта твора. Ён выразна праяўляецца ў найбольш напружаных сцэнах: пошукаў сховішча ў лесе, спалення Ёўнішчаў, некалькіх напружаных эпізодах пасляваеннага жыцця. Гэтым А. Адамовіч падкрэслівае значнасць сям’і ў жыцці беларусаў, важнасць дома і сям’і ў пераломныя моманты жыцця.

Адносіны ў сям’і Станкевічаў аўтар апісвае як традыцыйныя, трывалыя: моцны, упэўнены ў сабе бацька, маці і шмат дзяцей. Такім чынам, ужо тут, на этапе апісання структуры сям’і, А. Адамовіч выяўляе свае погляды на тое, якой павінна быць гэтая найменшая частка грамадства.

Што датычыцца ж твора рускага пісьменніка, то ў ім выяўленне азначанага канцэпта мае падобныя рысы, памножаныя, аднак, на спецыфіку светаўспрымання самога А. Салжаніцына. Для выяўлення гэтага мэтазгодна прадставіць прыклады з каментарамі ў выглядзе табліцы.

Табліца 2 – Этапы развіцця канцэпта сям’я

Этап развіцця канцэпта	А. Адамовіч, «Венера, або Як я стаў прыгоннікам»	А. Салжаніцын «Матренин двор»
Пачатак функцыянавання канцэпта «сям’я», даваеннае жыццё:	<i>«Бацька, бывала, возьме яе, як малую, на рукі, трымае, не выпускае» [3, с. 53]</i>	<i>«– Меня сам ни разу не бил, – рассказывала она о Ефиме. – По улице на мужиков с кулаками бежал, а меня – ни разу... То есть был-таки раз – я с золовкой поссорилась, он ложку мне об лоб расшибил» [4, с. 10]</i>
Ваенныя падзеі, пачатак разбурэння канцэпта «сям’я»	<i>Закрываў дзіка і пратэстуючы-гучна Антончык, замахаў ручкамі, скідваючы наліплы на яго саламяны агонь. Венеру аглушыў жахлівы трэск валасоў, якія загарэліся на галаве ў яе, і ўдар болю – у цемю, у патыліцу. Гэта быў апошні кантраляваны стан, адчуванне [3, с. 68]</i>	<i>«В сорок первом не взяли на войну Фаддея из-за слепоты, зато Ефима взяли. И как старший брат в первую войну, так младший без вести исчез во вторую. Но этот вовсе не вернулся. Гнила и старела когда-то шумная, а теперь пустынная изба – и старела в ней беспритупная Матрена» [4, с. 10]</i>
Пасляваенны час, разбурэнне традыцыйнай сям’і і зносінаў паміж роднымі і суседзямі	<i>І брыдка, і страшна, і няма зусім волі, нешта з Вэнэрай здарылася, знікла раптам уся сіла з рук, з цела. Голас такі блізкі, словы незнаёма ласкавыя. Раптам сцяміла: даўно іх чакае, і не ад каго іншага, а менавіта ад гэтага шалапуты – Косці, такога вясёлага, добрага і да слёз ненадзейнага [3, с. 118]</i>	<i>Эти две недели Матрена ходила как потерянная. Оттого особенно ей было тяжело, что пришли три сестры ее, все дружно обругали ее дурой за то, что горницу отдала, сказали, что видит ее больше не хотят, – и ушли [4, с. 11]</i>

Такім чынам, мы бачым, што ў цэлым спосабы раскрыцця ў сюжэце твора канцэпта «сям’я» падобныя, і трагічныя лёсы беларускай і рускай сямей падобныя. Аўтары раскрываюць ролю цяжкай вясковай працы ў фарміраванні сямейных адносінаў, а таксама засяроджваюцца на асаблівасцях нацыянальнага характару рускіх і беларусаў, якія падаюцца праз прызму пабудовы сям’і. Канцэпт «сям’я» ў творах А. Салжаніцына і А. Адамовіча – не статычны, ён развіваецца і цалкам адпавядае логіцы развіцця гістарычнага працэсу. У даваенныя гады мы бачым класічную вясковую традыцыйную сям’ю з вялікай колькасцю дзяцей, трывалымі і паважлівымі зносінамі паміж бацькам і маці. Вайна выступае пэўным

водападзелам: мужчыны гінучь, сувязь паміж членамі адной сям’і становіцца менш трывалай. Пасляваенны час і ўзмацненне пранікнення дзяржавы ў сямейныя зносіны ставіць кропку ў развіцці традыцыйнай сям’і. Венера становіцца ахвярай прадстаўнікоў савецкай улады, якія наўпрост выкарыстоўваюць яе, а Матрона ціха дажывае свае гады амаль без родных, якія збіраюцца да яе толькі па эгаістычных маёмасных справах.

Змястоўная канцэпцыя *нацыянальнай ідэнтычнасці* і ў творах А. Салжаніцына, і ў творах А. Адамовіча ўтрымлівае ў сабе канцэпт «конь». Для беларускага пісьменніка – гэта сімвал працавітасці народа: цягавітага, прыгожага, чый лёс алегарычна супадае з лёсам беларусаў пасляваеннага часу. Па меркаванні даследчыцы міфалагічных вобразаў у беларускай літаратуры ХХ ст. Л.Г. Бараноўскай: «У ментальнай свядомасці беларуса гэтая свойская жывёла звязваецца з доляй беларуса-працаўніка» [5, с. 99]. У рускага ж творцы канцэпт «конь» выкарыстаны ў цеснай звязцы з канцэптам «руская жанчына». Менавіта гэты мы бачым, калі Матрона расказвае галоўнаму герою пра сваё даваеннае жыццё: «*А нашого на войну забрали, этого подраненного – взамен. А он стиховой какой-то попался. Раз с испугу сани понес в озеро, мужики отскакивали, а я, правда, за узду схватила, остановила. Овсяной был конь*» [4, с. 7]. Аўтар, такім чынам, ілюструе класічнае ўяўленне пра рускую жанчыну, якая і каня на скаку спыніць, і ў палаючую хату зойдзе.

Канцэпт «вера» таксама падаецца нам важным у кантэксце параўнання канцэптасфер абодвух твораў. Аднак, перш чым разглядаць яго, патрэбна адзначыць, што час напісання твораў розны, калі адрозніваліся палітычныя ўмовы. Тое, што адкрыта мог пісаць А. Адамовіч, для ранняй творчасці А. Салжаніцына знаходзілася пад забаронай, і рускі мысляр пра гэта мог гаварыць толькі алегарычна, падаючы сваю думку праз вобразы, параўнанні, падтэкст.

Безумоўна, як адзначалася вышэй, кульмінацыйны момант раскрыцця канцэпту «вера» ў «Венеры...» А. Адамовіча – гэта сцэна святкавання Вялікадня і эксгумацыі астанкаў азвар вайны, вяскоўцаў. Па напружанні, заостранасці і эмацыйнасці гэтая сцэна можа, хіба, параўнацца толькі са сцэнай спалення Уюнішчаў. Менавіта ў гэтым эпізодзе Старая гаворыць фразу, якая, на наш погляд, выяўляе адносіны А. Адамовіча да рэлігіі і яго бачанне месца і ролі веры ў светасузіранні чалавека: «*Тое ранішняе, з чым яны прачнуліся, што іх сёння на світанні сустрэла: Вялікдзень, забыты дзесьці ў маленстве Бог, Сын Бога, які ажыў у вайну, з вайною да іх вярнуўся, – Ён тут, у гэтай яме разам з усімі. І ўваскрасаць ім разам. Але толькі пасля таго, як будзе папоўнена лічба...*» [3, с. 86–88].

Гэтымі словамі беларускі мысляр, па нашым перакананні, ставіць знак роўнасці паміж пакутамі Хрыста і пакутамі беларускага народа падчас вайны. Акрамя гэтага, у сімвалічным уваскрашэнні Ісуса Хрыста пасля смерці аўтар алегарычна выказваецца аб адраджэнні рэлігіі ў Савецкім Саюзе падчас самых цяжкіх часоў Вялікай Айчыннай вайны.

У раскрыцці гэтага канцэпта бачыцца і яшчэ адзін сэнс, які можна абзначыць з дапамогай выдатнай беларускай прымаўкі «не прыйдзе трывога, не ўспомніш і Бога». Іншымі словамі, толькі вайна і надзвычайныя пакуты змаглі адрадзіць у чалавека веру, якая, у сваю чаргу, надавала моцы народу на барацьбу з фашысцкай навалай.

Акрамя гэтага, важна адзначыць, што веру герояў «Венеры...» А. Адамовіча нельга назваць на сто адсоткаў хрысціянскай. Рытуал з чарапамі і косткамі забітых у брацкай магіле падчас спалення вёскі – гэта выразна язычніцкі рытуал, які мае на мэце годнае перазахаванне і ўпакаенне мёртвых.

Раскрыццё канцэпту «вера» на старонках салжаніцынскага «Матрениного двора» некалькі іншае. Рускі пісьменнік арганічна ўпісвае гэты элемент канцэптасферы ў вобраз галоўнай гераіні: «*Не сказать, однако, чтобы Матрена верила как-то истово. Даже скорей была она язычница, брали в ней верх суеверия: что на Ивана Постного в огород зайти нельзя – на будущий год урожая не будет*» [4, с. 7]. Матрена, як і Старая з «Венеры», верыць, хутчэй, не кананічна, а так, як верылі пакаленнямі яе продкі, змешваючы народныя прыкметы і язычніцкія абрады са шчырай верай у Ісуса Хрыста. А. Салжаніцын падкрэслівае спецыфічную набожнасць Матроны, якая, нібыта, саромееца сваёй веры і лічыць яе чымсьці вельмі асабістым, тым, што не прынята паказваць усім: «*Сколько жил я у нее – никогда не*

видал ее молящейся, ни чтоб она хоть раз перекрестилась. А дело всякое начинала “с Богом!” и мне всякий раз “с Богом!” говорила, когда я шел в школу. Может быть, она и молилась, но не показно, стесняясь меня или боясь меня притеснить» [4, с. 8]. Увогуле, адносіны да веры герояў абодвух аўтараў – важны спосаб раскрыцця канцэпта *нацыянальнай ідэнтычнасці*. У беларускім працоўным асяроддзі ў цяжкія часы захоўвалася вера, і рускія сяляне захоўвалі яе, ахвяруючы рытуальнай часткай. Інтэлігенцыя і простыя людзі баранілі духоўны сэнс хрысціянства і намагаліся жыць па праваслаўных канонах. Гэта і падкрэслівае А. Салжаніцын, называючы сваю Матрону «праведніцай»: «Все мы жили рядом с ней и не поняли, что есть она тот самый праведник, без которого, по пословице, не стоит село» [4, с. 17]. Змясціўшы гэтыя словы ў фінал твора, пісьменнік нібыта аддае даніну павагі рускім жанычнам, якія змаглі не толькі замяніць сабой мужчын у тыле падчас вайны, але і захаваць веру, мараль, не апусціцца фізічна і духоўна.

Падводзячы вынікі даследавання, неабходна адзначыць надзвычайнае падабенства канцэптасферы твораў А. Адамовіча і А. Салжаніцына. Абодва творцы аперыруюць канцэптамі *нацыянальнай ідэнтычнасці* і гістарычнай памяці, абапіраючыся як на асабісты вопыт, так і на калектыўны вопыт сваіх народаў. Погляды пісьменнікаў на сутнасць сталінскай улады, тагачаснага рэпрэсіўнага апарата цалкам супадаюць, нягледзячы на розны час напісання прааналізаваных твораў.

Канцэпты *нацыянальнай ідэнтычнасці* і *гістарычнай памяці*, якія фарміруюць усю канцэптасферу абодвух твораў, і ў А. Салжаніцына, і ў А. Адамовіча складаюцца з менш аб’ёмных канцэптаў «вера», «дом», «конь», «жанчына-сялянка» і г. д. Яны ў цэлым фарміруюць выразную карціну жыцця беларускага і рускага народаў у крызісныя дзесяцігоддзі дваццатага стагоддзя, калі цана жыцця простага чалавека значна падала, а нястачы і знешні ўціск разбуралі ўстоі народнай і хрысціянскай маралі.

Літаратура

1. Сінькова, Л. Д. Журналісцкія прыёмы ў «непрыдуманай літаратуры» А. Салжаніцына і А. Адамовіча / Л. Д. Сінькова // Журналістыка-2019 : стан, праблемы і перспектывы : матэрыялы 21-й Міжнар. навук.-практ. канф., Мінск, 14–15 ліст. 2019 г. ; рэдкал.: В. М. Самусевіч (адк. рэд.) [і інш.]. – Мінск : БДУ, 2019. – С. 593–599.
2. Зыблюк, В. А. Народ як ахвяра гісторыі (Драгаслаў Міхаілавіч «Голы востраў» і Александр Салжаніцын «Архіпелаг гулаг») / В. А. Зыблюк // Сборник работ 63-й научной конференции студентов и аспирантов Белгосуниверситета, г. Минск, 23–26 мая 2006 г.: в 3 ч. ; редкол.: А. Г. Захаров (ответственный редактор) [и др.]. – Минск, 2006. – Ч. 3. – С. 12–16.
3. Адамовіч, А. Віхі. Тры апошнія аповесці / А. Адамовіч. – Мінск : ТАА «Каўчэг», 2002. – 504 с.
4. Солженицын, А. Матренин двор [Электронный ресурс] / А. Солженицын. – Режим доступа: <https://limbook.net/book/matrenin-dvor.html>. – Дата доступа : 25.05.2021.
5. Бараноўская, Л. Г. Архетыпная аснова і ідэйна-мастацкая трактоўка аніمالістычных вобразаў у беларускай літаратуры XX стагоддзя / Л. Г. Бараноўская // Веснік МДУ імя А.А. Куляшова. – 2004. – № 4 (19). – С. 98–101.

Вывучэнне спецыяльнай лексікі ў галіне інфарматыкі і камп'ютарных тэхналогій на занятках па дысцыпліне «Беларуская мова (прафесійная лексіка)» ў тэхнічных ВНУ

Н.Я. ПЯТРОВА

У артыкуле разглядаецца вывучэнне тэрміналогіі на занятках па беларускай мове ў тэхнічных вышэйшых навучальных установах (ВНУ). Асноўная ўвага надаецца асаблівасцям працы са спецыяльнай лексікай у сферы інфарматыкі і камп'ютарных тэхналогій. Асаблівая роля адводзіцца такому прыёму працы, як стварэнне навучальных тэрміналагічных слоўнікаў. Мэта дадзенай работы – прадставіць прыёмы працы, якія дазваляюць павысіць эфектыўнасць навучання беларускай мове ў тэхнічнай ВНУ.

Ключевые слова: беларуская мова, прафесійна арыентаванае навучанне, тэхнічная ВНУ, тэрмін, тэрміналогія.

The article deals with the problems of terminology at Belarusian language classes. The main attention is paid to the peculiarities of working with special vocabulary in the field of computer science and computer technology. A special role is given to such a method of work as the creation of educational terminological dictionaries. The purpose of this work is to present methods of work allowing teachers to improve the efficiency of teaching Belarusian language in a technical university.

Keywords: Belarusian language, professionally oriented teaching, technical university, term, terminology.

Вывучэнне спецыяльнай лексікі ў працэсе навучання мове ў вышэйшай навучальнай установе (ВНУ) мае вялікае значэнне, паколькі адной з прыярытэтных задач вышэйшай адукацыі з'яўляецца падрыхтоўка асобы, здольнай свабодна карыстацца мовай у прафесійнай дзейнасці. Без наяўнасці ў будучага спецыяліста пэўнага запasu спецыяльных слоў наогул ускладняецца яго ўдзел у вучэбна-прафесійным дыскурсе.

У тэхнічных ВНУ Рэспублікі Беларусь спецыфіка прафесійнага маўлення найперш вывучаецца ў межах такой вучэбнай дысцыпліны, як «Беларуская мова (прафесійная лексіка)». У сувязі з гэтым пошук эфектыўных прыёмаў працы са спецыяльнай лексікай на занятках па беларускай мове ў ВНУ з'яўляецца актуальным у сучаснай лінгвадыдактыцы.

Такія сферы, як інфарматыка, вылічальная тэхніка, радыёэлектроніка, інфакамунікацыі, вельмі запатрабаваныя ва ўсім свеце, таму зразумела, што многія беларускія ВНУ ажыццяўляюць набор на спецыяльнасці па гэтых накірунках. Што датычыць асаблівасцей выкладанна беларускай мовы на ўзгаданых профілях, то варта адзначыць, што спецыялісты ў галіне інфарматыкі і камп'ютарных тэхналогій, як і любая іншая прафесійная група, маюць свой спецыфічны стыль зносін, свае асацыяцыі і сувязі, сваю індывідуальную культуру і сваю ўнікальную мову. Асноўную спецыфіку прафесійнага дыскурсу спецыялістаў у галіне інфарматыкі і камп'ютарных тэхналогій набывае дзякуючы спецыяльнай лексіцы, да якой звычайна адносяць тэрміны, номены і прафесіяналізмы. Усё гэта трэба ўлічваць пры выкладанні курса «Беларуская мова (прафесійная лексіка)».

Існуюць і пэўныя праблемы, з якімі выкладчыкі беларускай мовы пастаянна сутыкаюцца ў працэсе выкладання прадмета. Па-першае, часам выкладчыку-філолагу цяжка зразумець вузкаспецыяльную тэхнічную тэрміналогію, карэктна растлумачыць студэнтам сэнс таго ці іншага спецыяльнага слова. Па-другое, праблемы ў выкладанні курса «Беларуская мова (прафесійная лексіка)» па профілі «Інфарматыка і камп'ютарныя тэхналогіі» звязаны з тым, што да нашага часу беларуская спецыяльная лексіка гэтай галіны не даследавана ў дастатковай ступені, паколькі ўяўляе сабой вельмі дынамічную частку сучаснай мовы. Гэта найперш абумоўлена тым, што спецыяльныя адзінкі мовы ў галіне інфарматыкі і камп'ютарных тэхналогій з'яўляюцца ў мове амаль кожны дзень. Разам з тым, многія лексемы хутка страчваюць актуальнасць. У сваю чаргу, даследчыкі мовы не паспяваюць фіксаваць гэтыя змены ў слоўніках.

Калі ў рускім мовазнаўстве прысутнічае пэўная колькасць рускамоўных лексікаграфічных крыніц, што фіксуюць асноўны пласт спецыяльнай лексікі сферы інфарматыкі і камп'ютарных тэхналогій, то ў беларускім мовазнаўстве назіраецца іх значны недахоп. На матэрыяле беларускай мовы выдадзены адзінкавыя слоўнікі, якімі могуць карыстацца спецыялісты ў галіне інфарматыкі і камп'ютарных тэхналогій. Так, можна назваць працы П. Бранцэвіч [1], А. Паўлоўскага [2], М. Савіцкага [3], [4], П. Урбановіч [5] і некаторыя іншыя. Вышэйназваныя слоўнікі не вызначаюцца паўнотой і выдадзены яшчэ ў ХХ ст. Зараз, у ХХІ ст., назіраюцца значныя змены ў галіне інфарматыкі і камп'ютарных тэхналогій, што патрабуе дэтальнага і няспыннага апісання і вывучэння яе лексікі.

У працэсе навучання беларускай мове ў тэхнічных ВНУ выкладчык павінен у першую чаргу добра валодаць спецыяльнай лексікай, а таксама забяспечыць спецыфічны адбор вучэбнага матэрыялу, максімальна ўлічваючы пры гэтым патрэбы студэнтаў і іх будучую прафесійную дзейнасць. Асноўны від дзейнасці для засваення прафесійнай лексікі і развіцця ўсіх неабходных кампетэнцый – гэта чытанне навуковых тэкстаў. Менавіта тэкст з'яўляецца асноўным сродкам для асэнсавання новых лексічных адзінак і граматычных канструкцый, выступае асновай для фарміравання камунікатыўных кампетэнцый.

Перш за ўсё навуковыя тэксты павінны адказваць мэтам і задачам навучання, інтарэсам і схільнасцям навучэнцаў, быць звязанымі з матэрыялам па профільных дысцыплінах. Таксама тэксты павінны быць крыніцай актуальнай інфармацыі і служыць асновай для стварэння пэўнай камунікатыўнай сітуацыі; яны павінны спрыяць узбагачэнню актыўнага слоўніка студэнтаў, у тым ліку звязанага з будучай спецыяльнасцю. Акрамя гэтага, тэкст дапамагае мэтанакіравана арганізаваць лексічную работу, дазваляе паказаць студэнтам месца вывучаемых лексічных адзінак у маўленні.

Працу з тэкстамі трэба ўскладняць паступова. Звычайна пачынаць трэба знаёмства з агульнанавуковымі і навукова-папулярнымі тэкстамі, паступова пераходзячы да чытання вузкаспецыяльных тэкстаў. Кожны тэкст павінен быць адаптаваны для выкарыстання ў вучэбным працэсе. Часам прыходзіцца змяніць нават назву, скарачаць тэкст, выбіраць адзінкі для лексічнай работы, рапрацоўваць сістэму як перадтэкставых, так і паслятэкставых заданняў. Напрыклад, на старонках электроннай энцыклапедыі «Вікіпедыя» мы знайшлі вялікі тэкст пад назвай «Інфарматыка» [6]. Пакажам, якім чынам быў адаптаваны гэты тэкст для студэнтаў 1-га курса БДУІР і прывядзём некаторыя магчымыя варыянты заданняў, якія можна прапанаваць навучэнцам.

ШТО ТАКОЕ ІНФАРМАТЫКА

Інфарма́тыка (ням.: informatik, фр.: informatique) – гэта навука пра метады атрымання, назвавання, захоўвання, пераўтварэння, перадачы і выкарыстання інфармацыі. Яна ўключае дысцыпліны, якія нейкім чынам датычаць апрацоўкі інфармацыі ў вылічальных машынах і сетках: як абстрактныя, накшталт аналізу алгарытмаў, так і даволі канкрэтныя, напрыклад, распрацоўка моў праграмавання. Э. Дэйкстра ў свой час адзначаў: «Інфарматыка не больш навука пра камп'ютары, чым астраномія – навука пра тэлескопы».

Гісторыя з'яўлення тэрміна.

Тэрмін інфарматыка ўзнік у 60-х гг. у Францыі для наймення галіны, якая займаецца аўтаматызаванай перапрацоўкай інфармацыі, іляхам зліцця французскіх слоў information і automatique [1].

Асноўнымі кірункамі даследаванняў у інфарматыцы з'яўляюцца наступныя пытанні:

- што магчыма ці немагчыма рэалізаваць у праграмах і базах дадзеных (тэорыя вылічальнасці, штучны інтэлект);
- якім чынам можна вырашаць спецыфічныя вылічальныя і інфармацыйныя задачы з максімальнай эфектыўнасцю (алгарытмы, базы дадзеных);
- у якім выглядзе варта захоўваць і аднаўляць інфармацыю спецыфічнага тыпу (структуры і базы дадзеных);
- як праграмы і людзі павінны ўзаемадзейнічаць адзін з адным (карыстальніцкі інтэрфейс, мовы праграмавання) і інш.

Што вывучае інфарматыка.

Інфарматыка – маладая навуковая галіна, якая найперш вывучае пытанні, звязаныя з выкарыстаннем інфармацыі ў розных галінах чалавечай дзейнасці. Заўважым, што генетычна інфарматыка звязана з вылічальнай тэхнікай, камп'ютарнымі сістэмамі і сеткамі, таму што менавіта камп'ютары дазваляюць ствараць, захоўваць і аўтаматычна апрацоўваць інфармацыю ў такой колькасці, што навуковы падыход да інфармацыйных працэсаў робіцца адначасова неабходным і магчымым.

Гісторыя інфарматыкі.

Нягледзячы на тое, што інфарматыка як навука з'явілася адносна нядаўна, яе походжанне звязваюць з працамі Лейбніца па стварэнні першай вылічальнай машыны і распрацоўцы ўніверсальнага (філасофскага) падліку.

Тэрмін інфарматыка быў упершыню ўведзены ў Германіі Карлам Штэйбургам у 1957 г., пасля быў запазычаны ў многія еўрапейскія мовы. Першы факультэт інфарматыкі быў заснаваны ў 1962 г. ва ўніверсітэце Purdue (Францыя). Сёння факультэты і кафедры інфарматыкі ёсць у большасці ўніверсітэтаў свету.

Вышэйшай узнагародай за заслугі ў галіне інфарматыкі з'яўляецца прэмія Цьюрынга, якая прызначаецца Асацыяцыяй вылічальнай тэхнікі ў ЗША.

Літаратура:

1. Інфарматыка: энцыклапедычны слоўнік / склад. Д. А. Паспелаў. – М. : Педагогіка-прэс, 1994. – С. 288.

*Звычайным і вельмі важным перадтэкставым этапам у прафесійна-арыентаваным навучанні з'яўляецца лексічная работа, у час якой уведзяцца новыя словы, найперш спецыяльныя, ці ўдакладняюцца значэнні знаёмага матэрыялу. Так, у межах чытання вышэйпрапанаванага тэксту, можна праводзіць лексічную работу з наступнымі словамі і выразамі: *алгарытм, база дадзеных, інфармацыя, апрацоўка інфармацыі, вылічальная машына, вылічальная сетка, запазычыць (запазычваць), камп'ютарная сістэма, карыстальніцкі інтэрфейс, мова праграмавання, назвапанаванне, праграма, тэорыя вылічальнасці, штучны інтэлект.**

*Тлумачэнне слоў і выказаў можна даручыць студэнтам у час фронтальнай гутаркі. Такая праца навучыць іх дакладна выказаць свае думкі, аргументуючы ўласны выбар, будзе рыхтаваць да стварэння навуковых паведамленняў. Задача выкладчыка ў першую чаргу – выправіць пры неабходнасці памылкі; дапамагчы ў тлумачэнні, калі з'явіцца патрэба; аб'яднаць розныя меркаванні; звярнуць увагу на функцыянаванне моўных адзінак, асабліва мнагазначных. Так, сярод прапанаваных лексем рэкамендуем асобна спыніцца на такіх знаёмых студэнтам словах, як *праграма* і *інфармацыя*. Пажадана прывесці дадатковыя кантэксты, у якіх будзе прадстаўлена семантычная разнастайнасць гэтых слоў. Разам з тым, напрыканцы, трэба асобна вылучыць сэнс гэтых слоў у дачыненні да будучай прафесійнай дзейнасці студэнтаў.*

*Карысным будзе звярнуцца і да слова *штучны*, у выкарыстанні якога часта з'яўляюцца памылкі ў маўленні, выкліканыя міжмоўнай аманіміяй. Можна прапанаваць пошук слоў, якія сярод прадстаўленых з'яўляюцца агульнаўжывальнымі. Паралельна з тлумачэннем слоў абавязкова адпрацоўваецца іх вымаўленне, а таксама звяртаецца ўвага на іх граматычныя асаблівасці. Напрыклад, можна спытаць, чым адрозніваюцца словы *запазычыць* і *запазычваць* і далей паўтарыць са студэнтамі формы дзеяслова, асаблівасці спражэння і кіравання.*

Таксама рэкамендуем выкарыстоўваць наступныя заданні ў час лексічнай перадтэкставай працы:

- вызначыць крыніцу з'яўлення слова ў беларускай мове (самастойна або з дапамогай слоўніка);
- вызначыць спосаб утварэння лексемы;
- змяніць граматычную форму моўнай адзінкі;
- падабраць магчымыя спалучэнні да слова (выбраць з прапанаванага спіса або прыдумаць самім);
- аб'яднаць словы ў групы па пэўных семантычных прыкметах або выключыць лішнія словы, якія не падыходзяць да групы па семантыцы;
- дапоўніць або скласці словазлучэнні ці сказы, выкарыстоўваючы новыя лексічныя адзінкі ці выразы і інш.

Заданні павінны быць накіраваны не толькі на разуменне семантыкі слоў, асабліва сцэй словазмянення, але і на фарміраванне навыкаў іх ужывання ў маўленні. Звернем увагу і на такі факт, што, нягледзячы на «недзіцячы» ўзрост студэнтаў, вялікую цікавасць у іх выклікаюць гульнявыя формы навучання. З вопыту выкладання беларускай мовы ў тэхнічных ВНУ можна сказаць, што эфектыўнасць паказалі такія гульні, як «Поле цудаў» і камандныя спаборніцтвы накшталт віктарыны «Што? Дзе? Калі?». Найбольшую эфектыўнасць прадэманстравалі заняткі, на якіх чаргаваліся гульнявыя прыёмы навучання са звычайнымі.

Перад першасным знаёмствам з тэкстам «Што такое інфарматыка» раім звярнуць увагу на сродкі арганізацыі навуковага тэксту, якія тут можна вызначыць, не чытаючы яго. Напрыклад, можна заўважыць наяўнасць разнастайных шрыфтоў (тлусты і звычайны), наяўнасць спасылкі, цытаты, прыём нумарацыі і інш. Карысным будзе задаць студэнтам і наступныя пытанні: 1. Хто такія Лейбніц і Цьюрынг? 2. Якія мовы праграмавання вы ведаеце? 3. Якую мову праграмавання вы лічыце найлепшай і чаму? 4. Сфармулюйце сваімі словамі, што, на ваш погляд, вывучае інфарматыка?

Пасля тэкставых заданні могуць быць наступнымі:

- адказаць на пытанні ці сфармуляваць пытанне самастойна;
- дапоўніць інфармацыю з тэксту;
- вызначыць правільныя і няправільныя сцвярджэнні;
- выканаць невялікі тэст на разуменне зместу тэксту;
- сфармуляваць пытанне да асобных частак тэксту;
- скласці план тэксту;
- скараціць тэкст, захоўваючы асноўную думку;
- пераказаць тэкст ці яго частку;
- перакласці тэкст ці яго частку на рускую мову;
- ацаніць актуальнасць прачытанай інфармацыі; выказаць сваё ўражанне ад прачытанага тэксту і інш.

У сітуацыі прыняцця новых адукацыйных стандартаў у сістэме вышэйшай адукацыі значная роля адводзіцца павелічэнню маштабаў выкарыстання тэстаў. Так, напрыклад, навучанне ў БДУІР становіцца тэстаарыентаваным, і гэта апраўдана, паколькі тэст з'яўляецца эканомным і аб'ектыўным паказчыкам ступені засваення ўсімі студэнтамі вучэбнага матэрыялу. У сувязі з гэтым на занятках па дысцыпліне «Беларускай мова (прафесійная лексіка)» мы раім актыўна выкарыстоўваць такія формы працы і прапануем невялікі тэст, які можна выкарастаць пасля прачытання тэксту «Што такое інфарматыка».

1. *Вызначце стыль тэксту:*

А. *Навуковы;*

Б. *Афіцыйна-справавы;*

В. *Мастацкі;*

Г. *Публіцыстычны;*

Д. *Гутарковы.*

2. *Выберыце няправільнае сцвярджэнне:*

А. *Вышэйшай узнагародай за заслугі ў галіне інфарматыкі з'яўляецца прэмія Цьюрынга;*

Б. *Тэрмін інфарматыка ўзнік у 60-х гадах у Германіі;*

В. *Інфарматыка даследуе, якім чынам можна вырашаць спецыфічныя вылічальныя і інфармацыйныя задачы з максімальнай эфектыўнасцю;*

Г. *Інфарматыка – старажытная навука, якая найперш вывучае пытанні, звязаныя з выкарыстаннем інфармацыі ў розных галінах чалавечай дзейнасці;*

Д. *Інфарматыка ўключае дысцыпліны, якія нейкім чынам датычаць апрацоўкі інфармацыі ў вылічальных машынах і сетках.*

3. *Выберыце правільныя тлумачэнні ў дачыненні да тэрміна «вылічальная сетка»:*

А. *Сінонім да выразу «камп'ютарная сетка»;*

Б. *Машына, якая апрацоўвае дадзеныя згодна са спісам інструкцый;*

В. *Асноўная частка камп'ютара, якая выконвае інструкцыі праграм;*

Г. *Комплекс камп'ютарных праграм, які кіруе апаратнымі і праграмнымі рэсурсамі камп'ютара;*

Д. Сістэма сувязі двух ці больш камп'ютараў (камп'ютарнага абсталявання).

4. Знайдзіце выразы з моўнымі памылкамі:

А. Атрымаць веды ў галіне інфарматыцы;

Б. Карысны інтэрфейс;

В. Кіруемая камп'ютарная сістэма;

Г. Два сучасныя камп'ютары;

Д. Апрацоўка інфармацыі.

5. Як называецца раздзел інфарматыкі, які вывучае магчымасць ажыццяўлення асэнсаваных разважанняў і дзеянняў з дапамогай вылічальных сістэм і іншых прылад?

А. Тэорыя вылічальнасці;

Б. Матэматычная логіка;

В. Штучны інтэлект;

Г. Радыёэлектроніка;

Д. Кібернетыка.

6. Які сродак арганізацыі не прысутнічае ў навуковым тэксце «Што вывучае інфарматыка»:

А. Спасылкі;

Б. Цытаты;

В. Умоўна-выніковы злучнік калі-то;

Г. Выкарыстанне разнастайных шрыфтоў;

Д. Нумарацыя.

7. Выберыце правільны пераклад з рускай мовы на беларускую сказа Язык SQL предназначен для создания и изменения реляционных баз данных:

А. Мова SQL прызначаны для стварэння і змены рэляцыйных баз дадзеных;

Б. Мова SQL прызначана для стварэння і змены рэляцыйных баз дадзеных;

В. Мова SQL прызначаны для стварэння і змены рэляцыйных баз даных;

Г. Язык SQL прызначан для стварэння і змены рэляцыйных баз дадзеных;

Д. Мова SQL прызначана для стварэння і змены рэляцыйных баз даных.

8. Выберыце словазлучэнні, якія няправільна перакладзены з беларускай мовы на рускую:

А. Штучны інтэлект – единичный интеллект;

Б. Мова праграмавання – язык программирования;

В. Апрацоўка інфармацыі – апробация информации;

Г. Назапашванне інфармацыі – накопление информации;

Д. Вылічальная сетка – вычислительная сеть.

Адказы: 1 – А; 2 – Б, Г; 3 – А, Д; 4 – А, Б, В; 5 – В; 6 – В; 7 – Б; 8 – А, В.

Апісаная вышэй праца з навуковымі тэкстамі будзе спрыяць актыўнаму авалоданню спецыяльнай лексікай, спецыфічнымі для навуковага маўлення канструкцыямі, асноўнымі нормаў сучаснага беларускага маўлення. Менавіта назапашванне спецыяльных слоў, навуковых клішэ, выпрацоўка ўменняў і навыкаў выкарыстоўваць іх у маўленні дапаможа студэнтам рэалізаваць свае камунікатыўныя патрэбы ў прафесійнай сферы.

Эфектыўным прыёмам працы са спецыяльнай лексікай на занятках па беларускай мове ў ВНУ становіцца практыка складання слоўнікаў. Слоўнікі можна складаць як перакладныя, так і тлумачальныя. Такі прыём працы не толькі павышае ўзровень авалодання студэнтамі прафесійнай лексікай, але і спрыяе фарміраванню навыкаў працы з навуковым стылем наогул.

Таксама на занятках па беларускай мове ў тэхнічных ВНУ мы прапануем выкарыстоўваць калектыўныя формы працы, напрыклад, метады праекта, які не толькі ўдасканаліць навыкі працы з прафесійнай лексікай і навуковымі тэкстамі, але і будзе спрыяць развіццю камунікатыўных кампетэнцый, паколькі вынікам выканання праекта з'яўляецца яго абарона, выступленне перад аўдыторыяй. Іншымі перавагамі праектнай працы таксама з'яўляюцца наступныя рысы: высокая матывацыя з боку студэнтаў; міждысцыплінарны характар; фарміраванне культуры прафесійнай і калектыўнай камунікацыі; навучанне ў дзейнасці; развіццё творчых здольнасцей і інш. Акрамя гэтага, у студэнтаў развіваюцца і некаторыя асобныя якасці: праца ў праекце патрабуе ад удзельнікаў адказнасці перад калектывам, схіляе падпарадкоўвацца агульнай справе, прыходзіць да агульнага рашэння і інш.

Найбольш прымальным варыянтам праектнай працы з'яўляецца падрыхтоўка навуковага даклада. У выніку абароны праекта ацэньваецца не толькі спрадудыраваны і правільна аформлены навуковы тэкст (створаны групай студэнтаў даклад), але і актуальнасць абранай тэмы, прэзентацыя, выступленне, уменне абгрунтаваць эфектыўнасць і інш. Падрыхтаваныя праекты можна заслухаць на занятках з наступным калектыўным аналізам зместу дакладаў, прэзентацый і саміх выступленняў. Такая праца дазволіць студэнтам эфектыўна падрыхтавацца да напісання і абароны дыпломнай працы на заключным этапе навучання ў ВНУ.

Як паказаў вопыт выкладання беларускай мовы ў тэхнічных ВНУ, выкарыстанне прыёму па складанні тэрміналагічных слоўнікаў у спалучэнні з праектнай калектыўнай студэнцкай дзейнасцю садзейнічае яшчэ большай эфектыўнасці ў навучанні. Напрыклад, у 2020 г. студэнты 2-га курса БДУІР Ілья Шалль і Яўген Ягаўдзік у выніку сумеснай праектнай дзейнасці склалі кароткі беларускі слоўнік «Пашыраныя прафесіяналізмы сферы ІТ», у якім растлумачылі кожны прафесіяналізм ці падабралі да яго адпаведны тэрмін. Слоўнік быў укаранёны ў навучальны працэс у якасці матэрыялаў практычных заняткаў па дысцыпліне «Беларуская мова (культура маўлення)», што дазволіла ўдасканаліць працу ў выпрацоўцы навыкаў вуснага прафесійнага маўлення будучых спецыялістаў сферы інфарматыкі і камп'ютарны'х тэхналогій.

Вынікам праектнай студэнцкай дзейнасці па скаладанні вышэйназванага слоўніка стала навуковая праца пад назвай «Прафесійнае маўленне спецыяліста ў галіне інфармацыйных тэхналогій», прадстаўленая на XXVII Рэспубліканскі конкурс навуковых работ студэнтаў. Праца была адзначана на конкурсе 2-ой катэгорыяй. На нашу думку, для студэнтаў 2-га курса тэхнічнай ВНУ гэты вынік значны, паколькі ў лінгвістычнай секцыі былі прадстаўлены ў асноўным навуковыя працы студэнтаў, магістрантаў і аспірантаў філалагічных спецыяльнасцей. Акрамя гэтага, такая калектыўная праектная дзейнасць станоўча паўплывала на агульную паспяховасць студэнтаў, якія пазней паказалі больш высокія вынікі ў падрыхтоўцы і абароне курсавых праектаў па спецыяльных дысцыплінах.

Такім чынам, валоданне роднай мовай з'яўляецца неабходнай умовай для развіцця кампетэнтнаснага спецыяліста. Ён павінен эфектыўна карыстацца сродкамі літаратурнай мовы ў прафесійнай дзейнасці, ведаць спецыяльную лексіку сваёй сферы, як рускую, так і беларускую, умець правільна перакладаць тэксты па спецыяльнасці з рускай мовы на беларускую і наадварот. Менавіта на занятках па беларускай мове ажыццяўляецца актыўнае авалоданне прафесійнай лексікай і функцыянальна-стылістычнымі нормаў навуковага маўлення ўвогуле, фарміруюцца ўменні і навыкі складання ўласных навуковых тэкстаў, што з'яўляецца эфектыўнай падрыхтоўкай студэнтаў да напісання і абароны курсавых і дыпломных праектаў.

Літаратура

1. Англа-руско-беларускі слоўнік асноўных скарачэнняў у галіне інфармацыйных тэхналогій для студэнтаў, выкладчыкаў, спецыялістаў / Скл. П. Ю. Бранцэвіч, А. С. Кабайла. – Мінск : БДУІР, 1996. – 57 с.
2. Інфарматыка: Беларуско-рускі тэрміналагічны слоўнік / Укл. Ю. А. Бакадораў, А. Ц. Кузняцоў, А. А. Марозаў [і інш.] ; пад аг. рэд. А. І. Паўлоўскага. – Мінск : БДПУ, 1996. – 125 с.
3. Савіцкі, М. І. Тлумачальны слоўнік па інфарматыцы / М. І. Савіцкі. – Мінск : «Энцыклапедыкс», 2009. – 300 с.
4. Савіцкі, М. Руско-беларуска-англійскі слоўнік па інфарматыцы і вылічальнай тэхніцы / М. Савіцкі. – Мінск : МП «Гаспад», 1992. – 63 с.
5. Урбановіч, П. П. Руско-беларускі слоўнік па радыёэлектроніцы, вылічальнай тэхніцы і сувязі / П. П. Урбановіч. – Мінск : БДТУ, 1998. – 170 с.
6. Інфарматыка [Электронны рэсурс] // Вікіпедыя. – Рэжым доступу : <https://be.wikipedia.org/wiki/інфарматыка>. – Дата доступу : 27.09.2020.

УДК 7.037.3:821.161.3

Стратэгіі футурызму ў полісістэмнай творчасці А. Александровіча і У. Дубоўкі

Л.М. САДКО

Артыкул прысвечаны даследаванню стратэгіі футурызму ў творчасці А. Александровіча, У. Дубоўкі – яркавых прадстаўнікоў беларускай літаратуры першай трэці XX ст. Адзначаецца, што ў полісістэмных творах гэтых паэтаў праяўляе сябе зынтэграванасць, полілагічнасць розных культур і эпох, дыялагавыя адносіны розных эстэтычных кірункаў, выкарыстанне асаблівых візуальных і акустычных мастацкіх сродкаў.

Ключавыя словы: полісістэмнасць, мадэрнізм, авангардызм, футурызм, графічная вобразнасць, словатворчасць, эксперымент, А. Александровіч, У. Дубоўка.

The article is devoted to the study of futurism strategies in the works of A. Alexandrovich, U. Dubouka, who were prominent representatives of Belarusian literature of the first third of the XX century. It is noted that the polysystemic works of these poets possess the integration, polylogical nature of different cultures and epochs, dialogical relations of different aesthetic directions, use of special visual and acoustic artistic means.

Keywords: polysystematic approach, modernism, avant-garde, futurism, graphic imagery, word formation, experiment, A. Alexandrovich, U. Dubouka.

Надыход XX ст. у філасофскім асэнсаванні ўяўляецца вельмі супярэчлівым. Змрочныя прагнозы А. Шпэнглера, Т. Адорна, М. Бярдзьева пра заняпад культуры і духоўнасці ў сучасным свеце супярэчаць поглядам К. Ясперса, Х. Артэгі-і-Гасэта, Л. Уайта, П. Сарокіна, І. Абдзіраловіча, У. Самойлы, якія сцвярджаюць магчымасць выхаду культуры на якасна новы ўзровень праз заканамерны этап крызіснасці і пераходнасці. Падобны эклектызм філасофскіх дактрын меў адбітак і ў сусветным мастацтве мадэрнізму і авангардызму, што адлюстравалі стварэнне «маладой» культуры, наватарскіх досведаў, энергіі эксперыментаў, нараджэнне новай канцэпцыі свету і чалавека.

У кантэксце эксперыментаў еўрапейскага і сусветнага мадэрнізму і авангардызму мяжы XIX–XX стст. іх беларускія праявы супалі з сацыяльнымі пераўтварэннямі ў нашым грамадстве ў гэты перыяд. Беларуская літаратура становіцца «сведкай свайго часу», набывае ў канцы XIX – першай трэці XX ст. цэлы шэраг наватарскіх рыс, нязвыклых, нават эпатуючых паэтычных сродкаў, парадаксальных сінтэзаваных формаў на перакрываванні розных відаў мастацтва. Для такіх твораў (тэксты А. Александровіча, М. Грамыкі, У. Дубоўкі) характэрныя эксперыменты з вербальнымі элементамі (літара, слова, тэкст), у якіх падкрэсліваюцца візуальныя і акустычныя аспекты. Істотным для творчай манеры гэтых аўтараў з’яўляецца падкрэсліванне візуальнай і гукавой энергіі, энергетыкі «жыццёвага парыву» (А. Бергсон) аж да стварэння выступлення-перформансу. Згодна з бергсаніянтам, якое мела татальную распаўсюджанасць у еўрапейскім ідэйна-эстэтычным жыцці памежнага перыяду, гэтая сіла – нейкі гіпатэтычны рухавік усяго існага, у тым ліку і творчай эвалюцыі: «жыццёвы парыв, пра які мы гаворым, складаецца па сутнасці ў патрэбнасці творчасці» [1, с. 247].

Такі падыход звязаны і з актуальнасцю ў мадэрнісцкай літаратуры мяжы XIX–XX стст. прыёму «адзіўлення» («остранения»). Дадзенае паняцце было ўведзена ў навуковы ўжытак В. Шклоўскім, выдатным тэарэтыкам рускай фармальнай школы, для абазначэння штучнай цяжкасці, парушэння аўтаматызмаў успрымання, гэта – «агульнае азначэнне сукупнасці спосабаў павелічэння адчування рэчы» [2, с. 61].

Энергетыка «жыццёвага парыву», прыём «адзіўлення» знаходзяць рэалізацыю ў творах футурызму (ад лац. *futurum* – «будучыня»), накірунку, што асабліва праяўляе сваю творчую прадуктыўнасць у італьянскай (Ф. Т. Марынэці, Дж. Бала, У. Бачоні, Л. Русола) і рускай (Д. Бурлюк, У. Маякоўскі, В. Хлебнікаў, А. Кручонах) літаратуры і мастацтве. Зразумела, што апошняя, як блізкароднасная з розных пунктаў гледжання – ад эстэтычных да

сацыялагічных, мела непасрэдны ўплыў на развіццё беларускага літаратурнага працэсу. Як у рускім футурызме існавала некалькі творчых стратэгий, строга не абмежаваных жорсткімі правіламі, так і ў беларускім варыянце праграмы «бюджэтыян» аптымістычнае ўслаўленне прагрэсу ў выглядзе рэвалюцыі, міфалагізацыя горада і тэхнікі суседнічалі з разуменнем моцы цывілізацыі як дэфармуючай сілы, што разбурае спрадвечныя нацыянальныя законы светабудовы. Такі падыход дазваляе спалучаць у полісістэме творчасці паэтаў-наватараў – «маладнякоўца» А. Александровіча і «ўзвышэнца» У. Дубоўкі – услаўленне дасягненняў тэхнікі і зварот да архаічных пластоў народнай культуры, прастамоўя і дыялектаў, дэмакратызм і антыэлітарызм тэматыкі (жыццё пралетарыяту, селяніна) з адмысловымі досведамі словатворчай паэтычнай стыхіі.

У творчасці маладнякоўцаў знаходзяць адлюстраванне рэпертуарныя мадэлі футурыстаў, якія з дапамогай адмысловых формаў, своеасаблівай урбаністычна-тэхналагічнай тэматыкі, арыгінальнай рытмічнай пабудовы верша перадаюць дынаміку ўзрушэння грамадства аж да касмічных маштабаў. У творчасці А. Александровіча ў вершаваным рамане «Нараджэнне чалавека» (1931) адна з частак твора мае падкрэслена графічную пабудову. Тэкст называецца «Была вайна... Ацэнім яе...» [3, с. 62], аформлены ён у выглядзе абрысу лічбы сем, у пэўным сэнсе сакральнай і для савецкага чалавека, бо менавіта сёмага кастрычніка жыццё стала адлічвацца па рэвалюцыйным календары. Пра гэтыя абставіны гаворыць і подпіс пад гэтым графічным вершам: «І ў прыбоях навальнічных / Смерць вайне прынёс Кастрычнік». Частка гэтага твора ўяўляе сабой брахікалон – арыгінальную паэтычную форму, дзе кожны радок – аднаскладовае слова. Брахікалон у рускай паэзіі атрымаў распаўсюджанне менавіта ў творчасці паэтаў-мадэрністаў і авангардыстаў (Ул. Хадасевіча, М. Асеева, У. Маякоўскага, А. Безыменскага), чые вершы былі добра знаёмыя маладым беларускім паэтам-наватарам. Аднаскладовік А. Александровіча падкрэслена плакатны, палымяна-публіцыстычны, утрымлівае «пярэварацень» добра знаёмага савецкага лозунга, што па-руску гучыць «Миру – мир», а беларускі аўтар трансфармуе яго ў дэвіз «Вайна – вайне». У дадзеным выпадку такі арыгінальны падзел тэксту на радкі выглядае даволі ўдала, бо, па-першае, адпавядае асаблівай інтанацыі закліку, прамовы, а па-другое, дэманструе вырашэнне праблемы графічнай адпаведнасці вымаўляемаму вершу:

Некаторыя творы зборніка «Прозалаць» (1926) А. Александровіча таксама грунтуюцца на візуальных эксперыментах, закліканых перадаць форму, абрыс прадмета. Тэкст «о хто ня чуў...» (1925) [4, с. 32] (захаваная традыцыя пісьма А. Александровіча. – Л. С.) выглядае як шасціканцовая зорка ці адмысловая кветка, складзеная са слоў і фраз, напісаных без вялікіх літар і амаль без знакаў прыпынку, пры гэтым з захаваннем акустычнай рыфмы (вясна – серабра, машын – пыл і г. д.). Тэарэтык футурызму Т. Марынэці звязвае такі від твора з цэласным успрыманнем усяго тэксту, ён адзначае, што без пунктуацыйнага афармлення «сам па сабе паўстане жывы і плаўны стыль без недарэчных паўзаў, кропак і косак» [5, с. 163]. Тэкст можа быць прачытаны як зверху ўніз, так і наадварот з захаваннем логікі разгортвання лірычнага аповеду. Характэрнае футурыстычнай вобразнасці адмысловае параўнанне

атаясамліванне працы завода і хараства вясны заяўлена ў гэтым вершы досыць натуральна, рытмічная арганізацыя – энергічная, радасная – надае тэксту неабходны настрой працы-свята, працы-песні. Візуальная форма верша ўвасабляе цэнтральны вобраз тэксту – кветку, зорку – нешта прыгожае і прыўзнятае, з другога боку, радкі гэтага верша пра завод і працу на ім паслухмяна складваюць фігуру дэталі шасцярэнькі, што таксама ўпісваецца ў ідэйна-тэматычную прастору гэтага твора, звязанага з машынай індустрыяй. Графічная вобразнасць тут служыць актывізацыі асацыятыўнага мыслення чытача, па-наватарску аздабляе твор.

Неабходна дадаць, што ў адрозненне ад шэрагу твораў еўрапейскіх і рускіх футурыстаў верш А. Александровіча лёгка можа быць прадэкламаваны, бо нацэлены і на візуальнае, і на акустычнае ўспрыманне, мае добра распрацаваную семантыку:

о
хто
ня чуў
гул працы
на заводзе
калі вясна
праменьнямі гуляе ля машын
калі як пырскі серабра
сталыны імглівіць пыл
той хараство жыцця
няздолеў напаткаць
я чуў сьпеў вясны
калі кіпіць завод
калі лье слёзы сталь
агнём халодна – сінім
твой сьпеў вясна – завод
а вольнасьць – сьпеў вясны
на заводзе
вясна мая
п е с ь н ю
т а б е
пяю
я

Вядомы знаўца старажытнай літаратуры Д. Ліхачоў, аналізуючы рускую паэзію XVII ст., у прыватнасці творчасць кніжнага паэта Яўстрація, гаворыць, што гэты аўтар арыентуецца на паэтычную культуру Заходняй Еўропы, дзе ў гэты час распаўсюджаны так званыя «кур’ёзныя вершы» накшталт паліндромаў, вершаў у выглядзе крыжа, зоркі і г. д. Яўстрацій у 1621 г. сваю вершаваную малітву «пачаў лацінскай паметай “serpenticum versus”, г. зн. “серпантынны (або змяіны) верш”» [6, с. 358]. Гэтыя досведы старажытнага паэта даследчык называе «алхіміяй слова», вопытамі «медытацыі» [6, с. 359]. Падобная пільная ўвага да слова, яго функцыянальных мыгчымасцей у новых сацыяльных абставінах пераўтварэнняў адзначаецца і ў вершы «Эпаманіён» (1925) [4, с. 33] А. Александровіча. Сам аўтар пазначае, што гэта «старая форма верша», дае рэкамендацыі, як яго патрэбна чытаць, пераходзячы ў шахматным парадку з радка на радок. Ёсць магчымасць прачытаць гэты верш «па слупках», больш-менш акрэслена іх вылучаецца пяць. У такім выпадку можна гаворыць пра стварэнне верша-крыпты, «кавалкавага, ці схаванага верша», па вызначэнні літаратуразнаўцы М. Шульгоўскага [7, с. 37]. Такая адвольная траекторыя ўспрымання твора прымушае чытача рупліва ўглядацца ў радкі, разважаць пра задуму гэтага твора, актыўна ўключацца ў сэнсатворчасць:

Горад	звўсёды	льле	гоман	грукат
топчаш		ты		па бруку
А ўсёткі		мой		бушуе
	горад		родны	
люблю я		сын		яму я
Песьні		нас		чароўнай
	вучыў		бурліва	
Горад		жыць		бунтоўна

Падобныя фігурныя вершы звычайна разглядаліся як перыферычная, маргінальная з’ява ў полісістэме паэзіі, у тым ліку беларускай. Але мадэрнісцкія і авангардныя пошукі новых спосабаў пісьма падобныя эксперыментальныя формы актуалізуюць. Нязвычайная графічная кампазіцыя твора – з вострых вуглоў, перакрываванняў, з вялікай колькасцю графічных інтэрвалаў – перадае футурыстычныя мастацкія прынцыпы хуткасці, руху, энергіі. Такія формы звычайна лёгка пазнаюцца і падказваюцца іншымі элементамі тэксту – назвай, вобразна-тэматычнай прасторай, подпісамі, эпіграфамі і г. д.

Еўрапейскія футурысты ўвялі ў паэтычны ўжытак таксама патрабаванне зрабіць тэкст не толькі візуальна выразным, але і акустычна насычаным, звярнуцца да паэзіі шумоў тэхнікі, заводаў, іх гудкоў і сігналаў. Таму нават у назвах твораў А. Александровіча – «Менскі рытм», «Песня вёскі і фабрычных станкоў», «Самалёт», «Машыніст», «На заводзе», «Гудкі» – літаральна гучаць словы і выразы пра новае жыццё, тэхнічны прагрэс, што спалучаецца з маладнякоўскімі спадзяваннямі на рэвалюцыйныя змены, думкамі аб светлай будучыні, надзеямі пераадолець векавую тэхналагічную і тэхнічную адсталасць. Верш «На заводзе» (1925) А. Александровіча гучыць як ода працы рабочых-завадчан, што гераічна, ахвяруючы сабой, будуць новае жыццё, дзе іншая светабудова, дзе з’яўць іншыя сонцы, даносяцца іншыя гукі:

А рабочыя песьні сьпяваюць,
ні куточка ня знойдзеш цішы.
Няхай сонца панкоў забаўляе,
наша сонца – песьня машын.

Няхай сонца званіцы ліжа,
а нас злектрычнасьці сьвет.
Наша мэта ўсё бліжай і бліжай,
яна вабіць, наперад заве! [4, с. 20]

Рэпертуарныя мадэлі А. Александровіча выразна карэлююць з метафарычна-эпатажнымі заклікамі Т. Марынэці з «Першага маніфеста футурызму»: «Мы будзем апяваць працоўны шум, радасны гул і бунтарскі роў натоўпу; пярэстае рознагалоссе рэвалюцыйнай віхуры ў нашых сталіцах; начное гудзенне ў партах і на верфях пад сляпучым святлом электрычных месяцаў. Хай пражэрлівыя пашчы вакзалаў заглянаюць змей, якія чадзяць. Хай заводы прывязаны да аблокаў за нітачкі дыму, што вырываецца з іх труб» [8, с. 160–161].

У мове пастаянна знаходзяць яркае выяўленне розных фактары сацыяльна-палітычнай, эканамічнай, культурнай і іншых сфер. Усё новае, што адбываецца ў нашым жыцці, захоўваецца ў слове. Футурысцкае патрабаванне «выкідаць з мовы сцёртыя вобразы і аблезлыя метафары» [5, с. 164] А. Александровіч рэалізоўваў у практыцы стварэння аўтарскіх неалогій, новых слоў і нечаканых фраз. Хрэстаматыйнымі прыкладамі сталі неалагізм «**бурапеніць**» і яго формы: «Толькі Менск **бурапеніць**, рдзе, / зьямае асколкі сьмяцьця!» (з верша «Абрам»); «**Бурапеніў**, буяніў па бруку / вечар – ліпнёвы гармонік», «**Бурапеніў**, бегаў босы / вечар – бунтар-гарманіст, / **бурапеніў**, ня то што проста / са стрэхамі дождж гаманіў» (з верша «Ўсеваладу Макаравічу Ігнатоўскаму»); неалагізм «**зорнакрылы**»: «Ўвязваць барацьбу / З каханьнем **зорнакрылым**, / Проблема – як раса, / Сівая вечнасьць!» (з вершаванага рамана «Нараджэнне чалавека»); неалагізм «**зарэць**»: «На рыштаваньнях песьнямі **зарэе**» (з вершаванага рамана «Нараджэнне чалавека»); неалагізм «**калосіць**»: «сінь іх вачанятка / **калосіць** / ненавісьць / да нэпманскае / банды» (верш «Вуліца») і шмат іншых.

У маніфесце «Аплявуха грамадскаму густу» рускіх футурыстаў таксама заяўлена адмысловае стаўленне да слова, абвясчаецца нянавісьць да традыцыйнай мовы, дэкларуецца словавынаходніцтва як самамэта: «Далоў слова-сродак, няхай жыве Самавітае, самакаштоўнае Слова» [9, с. 69]. Па-наватарску да моўных сродкаў ставіўся і лідэр «Узвышша» У. Дубоўка, чья творчасць – полісістэмны ўзор спалучэння «самавітага» слова футурызму і канкрэтных задач «узвышэння культуры мовы як адной з перадумоў належнага развіцця культуры наогул» [10, с. 211]. Паэт, мяркуючы пра наваторы, разважліва дадае, што яны: «павінны быць лёгкімі для ўспрымання, мілагучнымі, знітанымі з асноўнай слоўнікавай масай і павінны выклікаць у жыццё арганічнай патрэбнасцю» (вылучана У. Дубоўкай. – Л.С.) [10, с. 232]. Словатворчая стыхія У. Дубоўкі, па словах І. Багдановіч,

«адзнака авангарднага творчага мыслення, якое заўжды скіраванае да эксперыменту» [11, с. 120]. Цэлы шэраг новых лексічных адзінак, уведзеных у паэтычны ўжытак У. Дубоўкам, вонкава выглядае як словатворчасць, але гэтыя наватворы, штучна прыдуманя лексемы, на самой справе азначаюць сур'ёзны пошук новых, яшчэ не задзейнічаных магчымасцей беларускай мовы, народных гаворак, іх мастацкага развіцця: «Кроў у нас хай закрынічыць, / **Завіхрыцца** дух віром» (з верша «Спагадае хто?»); «Нас жыццё **віратлівае** вабіць» (з верша «Трыпціх. Журавінамі плача восень...»); «Змрок **імклівіў** наўсцяж даліны»; «Будуць сінія вочы затое / зноў **узрочыстай** казкай **крышталіць**» (з верша «Змрок імклівіў»); «**Распарасонься**, вада-ваданіца»; «Раскалыхалася мора ў запале, / пенаю плача, **іглініць** пырскі» (з верша «Нафарбавала навошта вусны»); «Ці знайду шурпавата-звычайныя словы, / летуценні **заістужыць** шлях ці знайду»; «спляліся з пяском **бадзячым**»; «То-бо-то **нурцуюць** вочы ў прасторах»; «**сіньшы** за неба ад соку лён» «дажджоў **даўгазвонных**»; «**едлянцовым** куп'ём», «**смагласць ірдзеніць** затым на руках!» (з верша «Ці знайду»); «**цяля за цяляй** і хвіля за хвіляй» («Цяля за цяляй») і многія іншыя.

У футурыстычнай дыскурсіўнай практыцы наогул, як і ў мадэрнізме і авангардызме ў цэлым, пашыраны прыёмы трансфармацыі хранатопа, суб'ект-аб'ектнай арганізацыі тэксту. Менавіта гэтыя асаблівасці маюць адбітак у паэмнай трыядзе «Кругі», «І пурпуровых ветразей узвівы...», «Штурмуйце будучыні аванпосты!» У. Дубоўкі. В. Максімовіч, аналізуючы гэтыя творы, адзначае: «Мастацкі дыкурс паэм далёка не ўкладваецца ў межы традыцыйнага жанру паэмы – наяве дэкананізацыя строга эпічнай жанравай формы паэмы» [12, с. 127–128]. Сапраўды, творчая футурыстычная стратэгія праяўляе сябе ў паэмах У. Дубоўкі праз складанае сінтэзаванне фальклорных і аўтарскіх элементаў, праз «самарастварэнне» ўласнай асобы ў прыгчых, казачных сітуацыях з новым пунктам гледжання на свет» [13, с. 488]. Падобныя «звышсюзэтнасць», зварот да архаікі, парушэнні жанравай і кампазіцыйнай архітэктонікі сведчаць пра моцны ўплыў на мастацкую манеру У. Дубоўкі авангардысцкіх, найперш футурысцкіх, эстэтычных і паэтычных прынцыпаў. Беларускі наватар выразна адчувае «дух эпохі», складаную сацыяльную і культурную сітуацыю другой паловы 1920-х гг., шукае спосабы адлюстраваць адметнае нацыянальнае аблічча Бацькаўшчыны. Арсенал прыёмаў футурызму – зварот да архаічных феноменаў, неалагізмы і аказіяналізмы, першабытная мова – праяўляе сябе як канфрантацыя мастацтва і рэчаіснасці, спроба знайсці сваю «зямлю заповітную». Таму паэма «Штурмуйце будучыні аванпосты!» У. Дубоўкі поўніцца вобразамі і сюжэтамі з фальклорна-міфалагічнага арсенала (матывы вандроўкі ў прасторы і часе, сну, вяртання, продажу душы д'яблу, уваскрашэння, арфеічныя матывы) розных нацыянальных літаратур (рускай, англійскай), ствараюць мастацкую мадэль нацыянальнага беларускага сусвету з своеасаблівай канцэпцыйнай прасторы і часу. Першае, што вылучае гэтую паэму У. Дубоўкі, – нязвыклы для класічнай літаратуры сінхранізм часу, калі гістарычныя і культурныя падзеі розных эпох адбываюцца не паслядоўна, а паралельна, набываюць суб'ектыўную афарбоўку.

Падзеі мінулага розных перыядаў, сучаснасць, намалёваная ў алегарычных вобразах, думкі пра будучыню У. Дубоўкам малююцца праз прыёмы мантажу, змешвання экскурсаў у міфалагічную даўніну, разваг Кандуктара і Пасажыра пра падзеі нядаўніх часоў, увядзення іншакультурных кампанентаў. Такая сімулянная, шматпазіцыйная архітэктоніка паэмы «Штурмуйце будучыні аванпосты!», адначасова малюнак розных бакоў прадмета ці з'явы дазваляюць з розных пунктаў гледжання асэнсаваць іх сутнасць, сінтэзаваць уяўленні пра іх. У аўтакаментарыях паэт адзначае: «Сапраўды, у творы ёсць і пераклады, і нататкі, дыялог, казкі, – прадумана суладжаныя» [10, с. 163]. У. Дубоўка будзе сваю паэму на першасных катэгорыях і архетыпах, нацыянальных сімвалах, а не на гістарычных падзеях і зменах, што ў вялікай ступені адпавядае платанічнай ідэалістычнай філасофіі, светабачанню мадэрнізму. Герой дубоўкаўскага аповеду – чалавек наогул вызвалены ад сацыяльных абставін і часовых прыкмет, з майстэрскі выяўленымі глыбінямі псіхалогіі. «Штурмаванне аванпостаў», «рэвалюцыі колы», праблемы «калектывізацыі», знешне адпавядаючыя пралеткультуўскім інтарэсам, на самой справе – з'ява любога гістарычнага перыяду, універсальны закон барацьбы процілегласцей, развіцця, зберажэння свайго, першаснага, роднага. Гісторыю чалавецтва наогул, і беларускую нацыянальную ў прыватнасці паэт малюе скрозь міф пра

Вавілонскую вежу, дзе перамяшаліся ўсе культуры, мовы, чалавечыя і гістарычныя лёсы. Таму ў паэме сімулянна гучаць галасы Кандуктара, Пушкіна, Байрана, Чорта, Музыкі, прамудрага Салімона і яго дачкі, а гісторыя малюецца як вечнае кола паўтораў («Як камень у ціхай вадзе, – кругі час правёў на паверхні») [10, с. 159]), як адносная катэгорыя, нездарма ў паэме У. Дубоўка шматкратна рэфрэнам паўтарае:

Мінаюць, ізноў паўстаюць

падзеі павольнай хадою [10, с. 167, 168, 206].

Адзначым, што своеасаблівая канцэпцыя часу, якая атрымала ў працах Дж. Джойса назву «now and here», шырока распаўсюдзілася ў творах англамоўных мадэрністаў пачатку ХХ ст. – самога Дж. Джойса, В. Вулфа, М. Пруста, Ф. Кафкі, Дж. Дон Пасаса, О. Хакслі, Т.С. Эліэта і інш. У. Дубоўка, вызначаючы жанр свайго твора, звяртаецца менавіта да англійскай мовы, уводзіць у мастацкі свет паэмы эгідную для брытанскай літаратуры і культуры постаць Дж. Байрана. Вядома, што дэфініцыя «цяпер» абмяркоўвалася ў трактате «Фізіка» Арыстоцеля, дзе тлумачылася як «бесперапынная сувязь часу; яно (цяпер – Л.С.) звязвае мінулае з будучым і наогул ёсць мяжа часу, з’яўляючыся пачаткам і канцом іншага» [14, с. 154]. Абапіраючыся на гэтае вызначэнне і палемізуючы з ім, мадэрністы вынайшлі «трыяду “час – прастора – чалавек”», што ўключае ў сябе «ўсе часы як непарыўнае адзінства мінулага, сучаснасці і будучыні з чалавечай прасторай і свядомасцю» [15, с. 316].

У полісістэмнай творчасці А. Александровіча, У. Дубоўкі, яскравых прадстаўнікоў беларускай літаратуры першай трэці ХХ ст., праяўляе сябе зынтэграванасць, полілагічнасць розных культур і эпох, дыялогавыя адносіны розных эстэтычных кірункаў. Безумоўна, роднасасць беларускіх праяў «маладнякоўства», «ўзвышэнства», аквітызму з мадэрнісцкімі і авангардысцкімі з’явамі сусветнай літаратуры заўважаецца на розных узроўнях творчасці А. Александровіча і У. Дубоўкі. А. Александровіч найбольш паслядоўна рэалізуе футурыстычную праграму, творча адлюстроўвае маштабны дынамізм грамадскіх зрухаў, жыццё вялікага горада, уводзіць у паэтычны ўжытак сродкі графічнай выразнасці верша, эксперыменты над лексікай і сінтаксісам. Наследуючы асаблівы філасофскі погляд эстэтыста М. Багдановіча на жыццё як адзінства цёмнага і светлага, мінорнага і мажорнага, аквітыст У. Дубоўка таксама стварае мастацкі космас захаплення прыгажосцю розных праяў жыцця, бачыць цуд у самых звычайных рэчах, прымаць рэчаіснасць напоўніцу, без прагалаў і паўтонаў. У. Дубоўка дапаўняе і развівае гэтыя здабыткі новымі мадэрнісцкімі і авангардысцкімі рысамі словатворчай стыхіі, увагай да рэсурсаў дыялектнай мовы, выкарыстаннем асаблівай мастацкай архітэктонікі і хранатопу.

Літаратура

1. Бергсон, А. Творческая эволюция / А. Бергсон. – М. : Канон-пресс, Кучково поле, 1998. – 209 с.
2. Шкловский, В. Б. Гамбургский счет : статьи – воспоминания – эссе (1914–1933) / В. Б. Шкловский ; предисл. А. П. Чудакова ; коммент. и подгот. текста А. Ю. Галушкина. – М. : Советский писатель, 1990. – 544 с.
3. Александровіч, А. Нараджэнне чалавека / А. Александровіч. – Мінск : Беларускае дзяржаўнае выдавецтва, 1931. – 148 с.
4. Александровіч, А. Прозалаць / А. Александровіч. – Мінск : Выданне ЦБ Маладняка, 1926. – 63 с.
5. Маринетти, Ф. Т. Технический манифест футуристской литературы / Ф. Т. Маринетти // Называть вещи своими именами : программные выступления мастеров западноевропейской литературы ХХ века ; сост., предисл., общ. ред. Л. Г. Андреева. – М. : Прогресс, 1986. – С. 163–168.
6. История русской литературы Х–ХVII вв. : учеб. пособ. для студ. пед. ин-тов / Л. А. Дмитриев, Д. С. Лихачев, Я. С. Лурье [и др.] ; под ред. Д. С. Лихачева. – М. : Просвещение, 1979. – 462 с.
7. Шульговский, Н. Н. Занимательное стихосложение / Н. Н. Шульговский. – М. : Издательский дом Мещерякова, 2009. – 208 с.
8. Маринетти, Ф. Т. Первый манифест футуризма / Ф. Т. Маринетти // Называть вещи своими именами : программные выступления мастеров западноевропейской литературы ХХ века ; сост., предисл., общ. ред. Л. Г. Андреева. – М. : Прогресс, 1986. – С. 158–163.
9. Русский футуризм : Стихи. Статьи. Воспоминания ; сост. В. Н. Терёхина, А. П. Зименков, вступ. ст., коммент., летопись В. Н. Терёхина. – СПб. : Полиграф, 2009. – 832 с.

10. Дубоўка, У. Вершы. Паэмы. Крытыка / У. Дубоўка. Жылка, У. Вершы. Паэмы. Проза. Крытыка / У. Жылка. Пушча, Я. Вершы. Паэмы. Крытыка / Я. Пушча; уклад. і камент. І. Э. Багдановіч; навук. рэд. Я. А. Гарадніцкі. – Мінск : Маст. літ., 2016. – 726 с.
11. Багдановіч, І. Уладзімір Дубоўка і паэтыка «Узвышша» / І. Багдановіч // Запісы Беларус. ін-та навукі і мастацтва. – 2005. – Кн. 28. – С. 93–168.
12. Максімовіч, В. А. Паэмы Уладзіміра Дубоўкі : наватарскія пошукі формы і зместу / В. А. Максімовіч // Шляхам спазнання існасці : літаратурны працэс другой паловы XIX – пачатку XXI ст. у постацях ; навуковы рэдактар У. М. Конан. – Мінск : Бел. навука, 2011. – С. 126–129.
13. Арочка, М. М. Уладзімір Дубоўка, 1900–1976 / М. М. Арочка // Гісторыя беларускай літаратуры XX стагоддзя : у 4 т. / НАН Беларусі, Аддз-не гуманітар. навук і мастацтваў, Ін-т літаратуры імя Янкі Купалы ; рэдкал.: У. В. Гніламедаў [і інш.] ; навук. рэд.: У. В. Гніламедаў, В. А. Каваленка. – Мінск : Бел. навука, 2002. – Т. 2. – С. 475–503.
14. Аристотель. Сочинения : в 4 т. / Аристотель. – М. : Мысль, 1981. – Т. 3 ; перевод, вступ. статья и примеч. И. Д. Рожанский. – 613 с.
15. Гарин, И. И. Век Джойса / И. И. Гарин. – М : ТЕРРА-Книжный клуб, 2002. – 848 с.

Центр исследований белорусской
культуры, языка и литературы
НАН Беларуси

Поступила в редакцию 15.06.2021

Стратегия дискредитации и тактики ее реализации в полемическом дискурсе печатных СМИ (на материале британской и белорусской прессы)

Е.В. САЖИНА

Настоящая статья посвящена изучению тактико-стратегического потенциала полемического дискурса британских и белорусских печатных СМИ и его языковой репрезентации. В ходе исследования рассматриваются тактика обвинения и тактика непрямого оскорбления, участвующие в реализации стратегии дискредитации в исследуемом дискурсе; определяется набор языковых средств вербализации указанных тактик в полемическом дискурсе печатных СМИ на материале британской и белорусской прессы.

Ключевые слова: полемический дискурс печатных СМИ, стратегия дискредитации, тактика обвинения, тактика непрямого оскорбления.

This article deals with the study of the tactical and strategic potential of the polemic discourse of the British and Belarusian print media and its linguistic representation. The paper studies the tactics of accusation and tactics of indirect insult, involved in the implementation of the strategy of discredit in the studied discourse; the set of language means of verbalizing these tactics in the polemic discourse of the print media on the material of the British and Belarusian press has been found out.

Keywords: polemic discourse of the print media, strategy of discredit, tactics of accusation, tactics of indirect insult.

Введение. Современную коммуникацию невозможно представить без постоянного обновления контента, влияние на который оказывают различные социально-экономические, политические, бытовые и другие факторы, которые находят свое отражение не только в содержательной структуре высказываний, которые участники коммуникации используют в речи, но и влияют, прежде всего, на выбор коммуникативных стратегий и тактик, чтобы максимально эффективно осуществить коммуникацию и достичь поставленных целей. В этой связи актуальным представляется рассмотрение такого явления как дискурс, который представляет собой реализацию любых процессов, имеющих место в обществе, и находящих свое отражение в продуктах нашей жизнедеятельности, равно как и проблем успешности коммуникации, которые на протяжении многих десятилетий привлекают внимание лингвистов (В.И. Карасик, И.А. Стерин, Т.В. Ларина, О.С. Иссерс, М.Р. Желтухина, О.Н. Паршина и др.), которые широко освещают аспекты коммуникативной деятельности в различных сферах нашей жизни, объединяющихся в том или ином типе дискурса.

Как было установлено ранее, успешность коммуникации определяется стремлением адресанта и адресата соблюдать правила вежливости, смягчать категоричность высказывания, чтобы избежать конфронтацию, недовольство адресата и др. Тем не менее, практика показывает, что даже в конфликтной ситуации коммуникация может быть успешной, что обусловлено стремлением адресанта стимулировать негативную реакцию, тем самым побуждая адресанта к вступлению в диалог, спор, полемику.

Анализ, проводимый в рамках нашего исследования, показал, что полемическая дискуссия как форма организации дискурса характерна для полемического дискурса печатных СМИ, который происходит в пределах социального института печатных СМИ между индивидами и группами с целью нахождения путей решения актуальной проблемы [1].

Было установлено, что для успешной реализации цели полемического дискурса печатных СМИ его участники – автор проблемной статьи и читатели – используют различные коммуникативные стратегии и тактики. Так, для оптимизации эффективности воздействия, оказываемого адресантом полемического дискурса на адресата, применяется стратегия побуждения, которая реализуется такими тактиками, как *тактика создания эффекта достоверности, тактика создания эффекта значительности события, тактика оценки, тактика повторения, тактика вопрошительности* [2].

Было также установлено, что каждая тактика реализуется посредством определенного набора языковых средств. Так, например, для реализации стратегии информирования в исследуемом дискурсе используются такие тактики, как *композиционное деление текста, обзор и анализ фактов, публикаций, утверждений адресанта или адресата, цитация, тактика повторения лексем*. Все перечисленные тактики получают разную языковую репрезентацию в британской и белорусской прессе.

Однако тактико-стратегический потенциал полемического дискурса печатных СМИ до сих пор остается изучен не до конца, в частности, мало изученной остается такая стратегия, как стратегия дискредитации и тактики ее реализации, поэтому целью настоящей работы является изучение таких тактик как тактика обвинения и тактика непрямого оскорбления и выявление языковых средств, участвующих в их реализации в рамках коммуникативной стратегии дискредитации.

В целом стратегия дискредитации направлена на снижение степени доверия к кому-либо или чему-либо, умаление авторитета и т. п. В настоящей работе, вслед за И.С. Лисюткиной, под стратегией дискредитации мы понимаем такой способ действия, который направлен на подрыв доверия к объекту, умаление его значения, прямая или косвенная негативная оценка объекта, выраженная вербально [3, с. 11]. Традиционно для реализации стратегии дискредитации используется определенный набор речевых тактик: *тактика обвинения, тактика нагнетания отрицательного, тактика не прямых оскорблений, тактика навешивания ярлыков, тактика умаляющих сравнений* и др. Как правило, за счет создания положительного образа «своих» через очернение «чужих», с одной стороны, достигается развязывание острой дискуссионной полемики, что в случае полемического дискурса призвано достичь цели – поиска решения существующей проблемы. Стратегия дискредитации, в свою очередь, как один из способов проявления речевой агрессии используется с целью создания у массового адресата не столько негативного образа оппонента, сколько некоего третьего лица или явления, но при этом воздействуя на читателя, чтобы тот согласился с высказанной позицией.

Тактика обвинения, участвующая в реализации стратегии дискредитации, призвана продемонстрировать наличие существующих фактов, которые, на взгляд автора проблемной статьи, а затем и отдельных читателей, являются заведомо ложными и умаляют степень существующей проблемы, вводят людей в заблуждение. Поэтому использование тактики обвинения способствует не только созданию полемического контекста, но и представляет собой обращение к более тонким, имплицитным механизмам воздействия, способствующим желательному восприятию фактов и необходимой для адресанта информации [4, с. 176].

Употребительность тактики непрямого оскорбления в полемическом дискурсе печатных СМИ определяется самой природой исследуемого дискурса, которая предполагает не только информирование адресата о существующей в обществе проблеме, но и оказание отрицательного воздействия на чувства адресата с целью получения ответной реакции в виде вступления его в полемическую дискуссию.

Если же обратиться к определению речевой тактики «(непрямое) оскорбление», то оно видится разными лингвистами в разном свете. Так, Г.В. Кусов трактует оскорбление как «такой иллокутивный речевой акт, при котором, вследствие речевой агрессии, происходит понижение социального статуса адресата путем использования приемов коммуникативного давления» [5, с. 11]. К.И. Федорова, Н.В. Сабурова и С.В. Николаева выделяют следующие коммуникативные ходы для реализации тактики непрямого оскорбления: коммуникативный ход, предполагающий негативную характеристику объекта либо отрицательную оценку; создание выгодных для адресанта ассоциаций; развенчание притязаний; с помощью «навешивания ярлыков» [6]. В полемическом дискурсе печатных СМИ под тактикой непрямого оскорбления мы понимаем совокупность коммуникативных ходов, направленных на вербализацию негативной оценки личности, внешности человека, его качеств, поведения, а также событий, в форме, противоречащей установленным правилам поведения и требованиям общечеловеческой морали, не прибегая к унижению чести и достоинства личности, выраженного в неприличной форме. Тактика непрямого оскорбления реализуется определенным набором языковых средств, установлению которых и будет посвящена настоящая работа.

Результаты исследования и их обсуждение. Практический анализ проводится на материале проблемных статей и откликов читателей на них в газетах «СБ. Беларусь сегодня» и «The Guardian».

Как показал проведенный практический анализ, для реализации тактики обвинения в полемическом дискурсе печатных СМИ используются прямой и косвенный способ языковой репрезентации. В первом случае мы имеем дело с использованием лексем, в семантическом ядре которых содержится сема 'вина'. Рассмотрим примеры на материале британской и белорусской и прессы:

Автор (Article «The main lesson from Afghanistan is that the 'war on terror' does not work»):

*Antony Blinken, the US secretary of state, had the temerity to **blame** the Afghan security forces for not defending their country despite all the money the US has provided. In fact, many of them have died in defence of their country. But much of the trillions of dollars spent on equipping and training the security forces went into the pockets of the US allies in the «war on terror» – the Afghan warlords and corrupt officials.*

В приведенном примере, посвященном проблеме вывода американских войск из Афганистана, употребление лексемы *to blame* маркирует реализацию прямого способа обвинения, поскольку слова со значением 'вина' являются прямым указанием на обстоятельства или лица, которые могут быть так или иначе, по мнению автора статьи, причастны к возникновению проблемы, которой посвящена статья.

Лексемы со значением 'вина' также присутствуют и в откликах читателей, которые, как правило, соглашались с обвинениями, которые выдвигает автор проблемной статьи, либо читатели могут выдвигать свои обвинения, тем самым затрагивая различные обстоятельства или лиц, имеющих отношение в проблеме:

Читатель *expatinscandinavia*: *Antony Blinken, the US secretary of state, had the temerity to **blame** the Afghan security forces for not defending their country despite all the money the US has provided. In fact, many of them have died in defence of their country.*

*Exactly this. Blinken and Biden should be ashamed of their cowardly **blame**-shifting. As Ms Kaldor correctly points out here, there is no 'reformed, progressive' Taliban, and they must not be recognised.*

The war failed, and withdrawal was inevitable, but to do so in such a disorganised, cowardly way is a stain on America and its president.

Благодаря реализации тактики обвинения путем употребления лексем с ядерной семой 'вина' осуществляется акцентирование на негативных, по мнению адресанта, последствиях деятельности субъекта или субъектов.

Как показал дальнейший анализ, для белорусской прессы реализация тактики обвинения при помощи прямого способа номинации не свойственна. Акцентирование отрицательных результатов деятельности субъекта или субъектов с случае с белорусскими проблемными статьями и откликами на них реализуется посредством анафорического построения смежных предложений, где на первый план выдвигается указание на причины проблемы, а субъект выражен личными местоимениями 3-го лица, притяжательными, возвратными и указательными местоимениями:

Автор («Нехтомотольки вслед за гитлеровцами призывают убить собственный народ»):

*Даже хуже – как **полицай**. **Сами** предав страну, **они** отчаянно нуждаются в **таких же** вокруг **себя**. Потому что **их** революция из «цветной» давно стала откровенно грязной. И потому, что предателей не любит никто, а значит вот-вот – и **их** хозяева тоже отвернутся. Кстати, первыми же нехтомотольки, несмотря на все **свои** сегодняшние обещания, бросят именно **тех** людей в белых халатах, которые повелись на **их** лухту. Знаете почему? Из зависти к уровню.*

В данном примере мы слышим обвинение в адрес людей, которые намеренно пытаются причинить вред стране путем распространения ложной информации. С помощью лексики, обладающей негативной семантикой (*хуже, как полицай, предав, отчаянно грязной, предателей не любит никто, отвернутся, бросят, лухту*), моделируется образ «виновного».

Для откликов читателей также характерно употребление языковых средств, реализующих тактику обвинения, как и в проблемной статье, однако, как правило, мы наблюдаем отсутствие прямого способа обвинения:

Читатель Alexandre Alkhovski: *a ничего... Они умеют только оскорблять... врать и клеветать.*

При анализе англоязычного материала удалось установить, что в британских проблемных статьях и откликах читателей на них для реализации косвенного способа также используются номинации субъектов в предложениях с анафорическим построением:

Автор («Trust is essential in these times. But Boris Johnson is not a man to be trusted»): *The shortcomings extend more widely. The financial system has required a wholesale repurposing since the financial crisis. But **this has not happened, nor has Britain developed** robust public banking agencies that could help. Thus, the weakness of the attempt to get hundreds of billions to distressed businesses at the appropriate speed and volumes. Similarly, **no attempt had been made** to reframe the relationship between business and society, hence the patchwork quilt of business responses, a few noble but too many distressingly self-interested.*

В данном примере мы видим обвинения, звучащие в адрес правительства во главе с Борисом Джонсоном, которые допустили нестабильность финансовой системы в Британии. При этом лексемы со значением 'вина' отсутствуют, а имеет место косвенный способ обвинения, путем перечисления бездействия властей.

Как мы видим, стратегия дискредитации, реализующаяся при помощи тактики обвинения, направлена на умаление профессиональных качеств не только политиков, но и представителей других сфер. В сочетании с другими стратегиями она способствует достижению цели исследуемого дискурса в целом – совместному поиску решения существующей проблемы, поскольку позволяет вынести на обсуждение факты и действия, которые могут скрываться от общественности.

В ходе дальнейшего практического анализа проблемных статей и откликов на них в печатных изданиях «СБ. Беларусь сегодня» и «The Guardian» британской и белорусской прессы удалось установить, что стратегия дискредитации может реализовываться при помощи тактики непрямого оскорбления, которая вербализуется в большинстве случаев при помощи пейоратива. Рассмотрим пример из англоязычной проблемной статьи «The main lesson from Afghanistan is that the 'war on terror' does not work»:

*Many of us said at the time that the attacks of 9/11 should have been viewed as a crime against humanity, not as an attack by a foreign state. The terrorists should have been designated as **criminals** not enemies. As the distinguished war historian Michael Howard said, the phrase «war on terror» accorded the «terrorists a status they seek and do not deserve». <...> Actually, there was no insurgency until five years after the invasion. The insurgency began for two main reasons. First, night raids, drone attacks and bombing produced a counterreaction. Second, the US allies in the counter-terror endeavour were the so-called warlords, many of the same people or their children that the CIA recruited to fight the Soviets in the 1980s. It was the continued presence of **these criminalised and predatory warlords** within the Afghan government that explains its systemic corruption and lack of legitimacy. Civil society groups were vocal and persistent in their demands for justice and an end to corruption. But their demands were ignored.*

Лексемы с уничижительной коннотацией (*criminals, these criminalised and predatory warlords*) служат средством воздействия для стимулирования ответной реакции адресата, его вступления в дискуссию. Обратимся к примеру из статьи «Подлые трусы»:

*Подлость – она на то и подлость, что люди ее замечают не сразу. Ну, вспомните: еще месяц-два назад всякие телеграм-каналы, **нехты с мотольками**, не рисковали ни откровенно оскорблять, ни открыто призывать к бунту. Но осмелели в заграничной безопасности – и вот уже «невероятно свободным людям» противостоят **«каратели и убийцы, ублюдки и фашисты»**. Так получается, если только их и читать.*

*Подлость в том, что у «светлолицых протестантов» складывается вот такая картина мира: есть они, невероятные люди, и есть **«мрази, оливки, каратели»**. И прочая **чиновничья шушера**, которые – не люди. Не белорусы. Не народ.*

Употребление выделенных лексем не только создает определенный эмоциональный фон, но и стимулирует к полемической дискуссии читателей, ответной реакции со стороны адресата.

Как показал проведенный анализ, особенность использования тактики непрямого оскорбления в полемическом дискурсе печатных СМИ в британской и белорусской прессе состоит в том, что адресант использует ее не в отношении адресата, как обычно происходит в прямом диалоге, а в отношении третьих лиц и/или действий, предпринимаемых ими, то есть тех, кто, по мнению автора, ответственен за создание проблемной ситуации.

Пейоративные лексические единицы использованы адресантом с целью принизить достоинство героев публикации, о которых идет речь, выставить в неприглядном свете их самих или их действия, поступки, что способствует реализации стратегии дискредитации, в рамках которой и используется указанная тактика в исследуемом дискурсе. При этом следует отметить, что как в британском, так и в белорусском варианте полемического дискурса печатных СМИ употребление указанной тактики носит стимулирующий характер, побуждая адресата к ответной реакции, включению последнего в полемическую дискуссию.

Адресат, в свою очередь, может прибегать к применению тактики непрямого оскорбления в отношении других адресатов полемического дискурса, но подобное явление скорее является исключением, поскольку целью исследуемого дискурса является поиск решения проблемы, а не выяснение отношений между его участниками. Поэтому употребление пейоратива как средства вербализации тактики непрямого оскорбления в откликах читателей также преимущественно связано с третьими лицами и/или действиями, предпринимаемыми ими.

Заключение. Таким образом, мы видим, что в полемическом дискурсе британских и белорусских печатных СМИ в рамках реализации стратегии дискредитации используется тактика обвинения, для реализации которой характерно употребление прямых и косвенных способов, выражающихся в употреблении (в англоязычном дискурсе) лексем с ядерной семой 'вина' и/или номинациях субъектов (в обоих языковых вариантах) с погружением информации в негативный контекст (создается за счет лексем с отрицательной семантикой).

Для реализации тактики непрямого оскорбления адресант использует пейоративную лексику, которая называет, как правило, лица и/или события, являющиеся причиной возникшей проблемы, обсуждению которой и посвящена та или иная проблемная статья и отклики на нее.

Литература

1. Сажина, Е. В. Структурные и прагматические характеристики полемического дискурса : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.04 / Е. В. Сажина. – Минск : МГЛУ, 2007. – 132 с.
2. Сажина, Е. В. Языковая репрезентация коммуникативных стратегий в полемическом дискурсе / Е. В. Сажина // Вестник МГПУ им. И.П. Шамякина. – 2010. – № 1 (26). – С. 108–111.
3. Лисюткина, И. С. Динамика реализации стратегии дискредитации в медиадискурсе 1950–2019 гг. (на материале русского и английского языков) : автореф. дис... канд. филол. наук : 10.02.19 / И. С. Лисюткина. – Саратов, 2021 – 25 с.
4. Паршина, О. Н. Российская политическая речь : теория и практика / О. Н. Паршина. – М. : Изд-во ЛКИ, 2007. – 232 с.
5. Кусов, Г. В. Оскорбление как иллокутивный лингвокультурный концепт : автореф. дис... канд. филол. наук : 10.02.19 / Г. В. Кусов. – Волгоград, 2004. – 27 с.
6. Федорова, К. И. Реализация речевой агрессии : стратегия дискредитации и стратегия манипулирования в англоязычных СМИ / К. И. Федорова, Н. В. Сабурова, С. В. Николаева // Вестник Северо-Восточного федерального университета им. М.К. Аммосова. – 2016. – № 5 (55). – С. 154–156.

Категория возвратности в польском языке

Г.В. СЕРИКОВ

В статье анализируются особенности употребления в польском языке возвратных форм как глагольных, так и именных. Автор вводит понятия контактной и дистактной препозиции и постпозиции энклитики *się*, её относительно свободное и связанное место в синтаксисе простого предложения. Обращается внимание на особенности перевода польских возвратных конструкций на русский язык, анализируются глаголы, изменяющие свои лексические значения в зависимости от их употребления с возвратной энклитикой или без неё.

Ключевые слова: контактная препозиция, дистактная постпозиция, контактная постпозиция, дистактная постпозиция, бивалентность, энклитика, возвратные глаголы, возвратное местоимение.

The article analyzes the features of the use of reflexive forms in the Polish language, both verbal and nominal. The author introduces the concepts of contact and distact preposition and postpositional enclitics *się*, its relatively free and related place in the syntax of a simple sentence. The attention is drawn to the peculiarities of translating Polish reflexive constructions into Russian, the verbs that change their lexical meanings depending on their use with or without return enclitics are analyzed.

Keywords: contact preposition, distact preposition, contact postposition, distact postposition, bivalence, enclitics, reflexive verbs, reflexive pronoun.

При знакомстве с морфологией польского глагола как отдельной грамматической категории обращают на себя внимание особенности использования возвратных форм этой части речи, её структуры и соотносённость с восточнославянскими (белорусско- и русскоязычными) соответствиями, что широко и естественно функционируют во всех сферах и жанрах письменной и устной речи (возвратные формы в польском языке, однако, характерны не только глаголам, о чём речь будет ниже). Возвратные глаголы польского языка сохранили свою древнюю структуру и поэтому весьма содействуют ретроспективному анализу особенностей формирования названного класса глаголов, которым пока не удалось полностью «подчинить» себе энклитическую форму винительного падежа местоимения *się* (← *siebie*), что выражается в её раздельном (не слитном) от глагола написании и относительно свободной позиции в синтаксических конструкциях. Вообще же, возвратное местоимение польского языка выступает в четырёх ипостасях: *się* (Р.п., В.п.), *siebie* (Р.п., В.п.), *sobie* (Д.п., П.п.) и *sobą* (Т.п.), из которых наибольшей частотностью употребления характеризуется энклитическая форма *się* винительного падежа.

Как свидетельствуют данные «Словаря базовой лексики польских СМИ» [1, с. 114], возвратное местоимение *siebie* в исследованном авторами лексическом корпусе объёмом в 170 878 слов было употреблено 3316 раз (в виде полных форм и энклитической в разных падежах), что составляет 1,94 % словоупотреблений и выдвигает данное местоимение на 4-е место по частотности употребления среди всех польских слов. Для сравнения: на 1-м месте по частоте употреблений в названном лексическом конгломерате (170 878 единиц) находится предлог *w* 'в' (он употреблен 5616 раз, т. е. 3,28 %), на 2-м месте – соединительный союз *i* 'и' (3420 раз, т. е. 2,00 %), на 3-м месте – глагол *być* 'быть' (3352 раза, т. е. 1,96 %).

Несколько веков назад, о чем свидетельствуют памятники древнерусской и старобелорусской письменности, место энклитической формы местоимения **СА** было также относительно свободным в предложении, о чем свидетельствуют многочисленные случаи употребления **СА** как в препозиции, так и в постпозиции относительно тех глаголов, значение которых данное местоимение уточняло. В «Грамоте великого князя Мстислава» 1130 г. читаем: **донкльъ же сь миръ състоить** [2, с. 11], **кто сь изовстанеть въ монастыри** [2, с. 11], в «Русской правде» 1282 г: **нъ коунами сь выкоупати** [2, с. 13], **иже сь прикладывакть вирую** [2, с. 14], в «Повести о Тристане» XVI в.: **и збегло сь множество** [2, с. 174], **Треба сь товѣ и Трищану стеречи** [2, с. 174].

На протяжении исторического развития белорусского и русского языков энклитическая форма местоимения *себя, сябе – ся* (← **СА**) по причине высокой частотности употребления в позиции *после* определённых групп глаголов, во-первых, начала писаться с ними слитно, в польском же языке – исключительно раздельно (на данном, по крайней мере, этапе развития этого языка): *моюсь – моюся, тује się; причёсываюсь – причёсваюся, czeszę się; собираюсь – zbieram się* и т. д.), во-вторых, подчиняясь фонетическому принципу белорусской орфографии, эта форма трансформировалась в постфикс *-ца* инфинитивов (*мыцца, причёсвацца, zbiraцца*, и т. д.), а в русском языке появился редуцированный вариант *-сь*, обусловленный фонетической особенностью славянских языков – чередованием «сильных» и «слабых» гласных фонем в слове: *собирался – собиралась (сьбиралъ ся – сьбирала⁺ ся)*.

Отметить следует и тот факт, что не все глаголы в славянских языках могут выступать в качестве возвратных, причем в границах одной языковой группы (восточнославянской ли, или западнославянской) эти глаголы совпадают. Например, на данном этапе развития русского или белорусского языков мы не можем представить себе существование, с одной стороны, возвратных форм от глаголов *завидовать – зайздросціць; пообедать – паабедаць; выступать – выступаць; пойти – пайсці, присутствую – прысутнічаю* и др. С другой стороны, без постфикса *ся* также нельзя употребить глаголы *гордиться – ганарыцца; отдышаться – аддыхацца; насмехаться – насміхацца; надеяться – спадзявацца; вдумываться – удумвацца* и др. Для изучающих польский язык как иностранный носителями восточнославянских языков возвратные глаголы заставляют обращать на себя внимание по нескольким причинам.

1. Это раздельное написание энклитической формы местоимения *się* (← *siebie*), о котором говорилось выше, и следствием которого (написания) является пре- или постпозиционная привязка к глаголу. Трансформация данной формы местоимения (самостоятельной именной части речи) в постфикс свидетельствует о том, что, несмотря на существование в истории языка препозиционных употреблений местоимения *ся* на письме и в устной речи, в большинстве случаев эта энклитика всё же чаще употреблялась *после* некоторых глаголов, что привело к его приращению к ним и превращению в постфикс с последующей орфографической кодификацией. Например: *Pociąg rozpedził się na dobre i jechał teraz naprawdę szybko* [3, с. 10] – *Поезд разо-гнался порядочно и ехал теперь действительно быстро; Po chwili odezwał się cicho i spokojnie* [3, с. 12] – *Спустя минуту он отозвался тихо и спокойно; Nie mogę spotykać się z twoją siostrą codziennie* [3, с. 25] – *Я не могу встречаться с твоей сестрой ежедневно.*

В начале изучения польского языка каждый учащийся обязательно знакомится с фразами типа: *Nazywam się Adam Nowak, Jak się nazywasz?* или *Jak się masz?* При моментальной когнитивной интерпретации (не вербально, при первичной обработке сознанием) упомянутые фразы буквально переводятся как *'Называю ся Адам Новак', 'Как ся называешь? 'или 'Как ся маешь?'* (ср. бел. *Як маеіся?*) и обращают на себя внимание тем, что энклитическая форма *się* может выступать как сразу же после глагола, что воспринимается натурально по причине продолжительного использования нами русского языка и его привычных моделей (*Nazywam się Adam Nowak*), так и перед ним (*Jak się masz?*), что идёт вразрез с устоявшейся «иерархией» парадигмы смыслов и языковых шаблонов. Однако несмотря на «вольность» *się* в польском языке, эта энклитика никогда не выступает в начале предложения, а если употребляется после глагола, то в этом случае нечасто отделяется от неё каким-либо словом (см. примеры ниже в пункте 9). *Контактная препозиция* (случаи, когда *się*¹ выступает непосредственно перед соответствующим глаголом², не отделяясь от него каким-либо словом) – обычное явление для оформления возвратных форм в предложениях: *A potem, im dłużej ci się¹ przyglądałam², twoja twarz stopniowo się¹ zmieniała²* [3, с. 17] – *А потом, чем дольше я к тебе присматривалась, твоё лицо постепенно изменялось; Nagle cała czwórka głośno się¹ roześmiała* [3, с. 18] – *Вдруг вся четвёрка громко рассмеялась; ...lecz dzięki Bogu wojna się¹ skończyła* [3, с. 21] – *...но, слава Богу, война закончилась.*

В самом начале изучения польского языка учащимся внушается мысль не оставлять энклитику *się* в конце предложения (*Jak się nazywasz? – Nazywam się Kowalski*). Этот первичный постулат необходим на начальном этапе усвоения синтаксиса, хотя позже, с накоплением языкового опыта, происходят отступления от этого правила (см. пункт 12).

2. В силу самостоятельного и несколько обособленного развития славянских языков наблюдаются расхождения в возвратности / невозвратности у некоторых семантически тождественных глаголов. Обратим внимание на случаи, когда:

а) невозвратному польскому глаголу соответствует русский возвратный: *Zofia siada na kanapie* – Софья **садится** на диван; *Andrzej wraca do domu* – Андрей **возвращается** домой; *Białorusini walczą o niepodległość* – белорусы **сражаются** за независимость; *rodzice dbają o bezpieczeństwo swoich dzieci* – родители **заботятся** о безопасности своих детей (ср. бел.: бацькі **дбаюць** пра бяспеку сваіх дзяцей); *zawsze dążymy do lepszych wyników* – мы всегда **стремимся** к лучшим результатам; *dzisiaj zostaję w domu* – сегодня я **остаюсь** дома; *już dawno koresponduję z tym pisarzem* – я уже давно **переписываюсь** с этим писателем; *już prawie każdy korzysta z telefonu komórkowego* – уже почти каждый **пользуется** сотовым телефоном; *...patrzyłam na to zdjęcie – wyznała, nie odwracając się* [3, с. 16] – ...я смотрела на этот снимок, – **призналась** она, не оборачиваясь;

б) возвратному польскому глаголу соответствует русский невозвратный: *tata lubi się bawić z dziećmi* – папа любит **играть** с детьми; *przewróciłem się na schodach* – я **упал** на лестнице; *wczoraj bardzo się zmęczyłem* – вчера я очень **устал** (ср. бел.: учора я вельмі **стаміўся** или русск. **утомился**); *nie warto się denerwować* – не стоит **нервничать**; *nie wolno się spóźniać na zajęcia* – нельзя **опаздывать** на занятия; *rodzice opiekują się dziećmi* – родители **опекают** детей; *uczę się na pamięć tego wiersza* – я **учу** на память этот стих и под. Примеры из художественного текста: *...i kazali panu Geraldowi się położyć* [3, с. 12] – и приказали господину Жеральду **лечь**; *...nie możemy się zbyt pilnować nawzajem* [3, с. 55] – ...мы не можем чересчур **следить** друг за другом; *...próbując czytać w jego myślach, dowiedzieć się, jakie wrażenie wywarł na nim ten widok* [3, с. 42] – ...пробуя **читать** его мысли, **узнать**, какое впечатление произвёл на него этот вид (ср. бел. **даведацца** ‘узнать’).

3. В структуре многих синтаксических единиц польского языка наблюдается структурно-семантическая бивалентность возвратного местоимения *się*. Это происходит в тех случаях, когда одно это местоимение в предложении структурно равноправно связано с двумя глаголами одновременно, маркируя их своим присутствием как возвратные (на письме или в устной речи). Например, предложение *Oni spotykają się i witają* на польском языке звучит как *Oni spotykają się i witają*. В белорусском варианте в этом предложении, кроме «привязки» постфикса к глаголу наблюдается и его алломорф, возникший в силу фонетического принципа белорусской орфографии: *Яны сустракаюцца і вітаюцца*. Или ещё: *Rano budzę się i ubieram* – Утром я **просыпаюсь** и **одеваюсь**; *Rano myję się i czeszę* – Утром я **умываюсь** и **причёсываюсь**; *Tego nie da się domyśleć* – Об этом не **удаётся** догадаться; *Rozbierz się i połóż do łóżka* – **Разденься** и **ложись** в кровать. Примеры из художественного текста: *Usiłował się nie roześmiać* [3, с. 23] – Он **старался** не **рассмеяться**; *Patrzył, jak ziemia przechyla się, przysuwa ku niemu* [3, с. 34] – **Смотрел**, как земля **наклоняется**, **надвигается** на него; *Alf się przewrócił i uderzył głową o podłogę* [3, с. 27] – Альф **упал** и **ударился** головой о пол. В последнем примере энклитика *się* относится к двум польским возвратным глаголам, но на русский язык как возвратный переводится только один из них. В приведённых примерах очевидна языковая экономия и логика польского синтаксиса, когда относительно первого глагола возвратное местоимение *się* находится в постпозиции, а относительно второго – в препозиции (что всегда предпочтительнее), и в то же время не оказывается в конце предложения. Встречаются случаи, когда при двух возвратных глаголах энклитика *się* дублируется: *...mógłbyś chociaż zobaczyć się z nią wieczorem, pożegnać się jak człowiek* [3, с. 30] – ...ты мог бы **увидеться** с ней вечером, **попрощаться** по-человечески; *Kiedy Hella obudziła się tego ranka, przestraszyła się, nie mogąc przypomnieć, gdzie jest* [3, с. 39] – Когда Элла **проснулась** в то утро, она **испугалась**, не в силах **припомнить**, где находится. Такие повторы происходят, думается оттого, что два возвратных глагола разделяются между собой группой уточняющих слов и паузой (запятой). Если бы это предложение было менее развитым, мы бы могли наблюдать бивалентность возвратного *się*, обслуживающего два глагола: *Trzeba się z nią zobaczyć i pożegnać* – **Нардо** с ней **увидеться** и **попрощаться** или: *Obudziła się i przestraszyła* – **Проснулась** и **испугалась**.

4. В польском языке отмечаются случаи, когда невозвратные глаголы, присоединяя к себе возвратное местоимение *się* и приобретая статус возвратного, изменяют свое значение: *Trzeba gdzieś dostać pieniądze* 'надо где-то раздобыть деньги' – *Trzeba gdzieś dostać się na studia* 'надо куда-то поступить (в ВУЗ)'; *Dzisiaj zwróciłem książki do biblioteki* 'сегодня я вернул книги в библиотеку' – *Dzisiaj zwróciłem się do bibliotekarki* 'сегодня я обратился к библиотекарше'; *Drzewa puszczają korzenie* 'деревья пускают корни'; –...*ona na boku puszcza się z Jurgenem* [3, с. 55] '...она на стороне развлекается с Юргеном'; *Wryć koła w piasek drogi* 'врыть колёса в песок дороги' – *...ten obraz wrył się mocno w pamięć Moski* [3, с. 58] '...эта картина сильно запечатлелась в памяти Моски'; *Pewnego ranka, gdy tak stał przy oknie...* [3, с. 70] 'однажды утром, когда так стоял у окна...' – *Stał się niespokojny i częściej jadał w Ratskeller* [3, с. 70] 'сделался беспокойным и чаще ел в «Ратскеллере»'; *Dziecko zbierało kwiaty* 'дуня собирало цветы' – *Zbierało tu się na uśmiech* [3, с. 71] 'он был готов улыбнуться'; *Lubimy obchodzić święta* 'мы любим отмечать праздники' – *...ostrożnie powinniśmy się obchodzić z tymi dodatkowymi dwustu kaloriami* [3, с. 77] – '...мы должны осторожно обходиться с этими дополнительными двумястами калориями'; *Nabrać wody* 'набрать воды' – *Mosca prawie dał się nabrać na fortel* [3, с. 94] 'Москва почти попался на уловку'.

5. При наличии в польском предложении возвратного глагола довольно часто возвратная энклитика *się* не только может выступать в препозиции к соответствующему глаголу, но и отделяться от него как служебными, так и знаменательными словами или группой слов. Это положение энклитики по отношению к соответствующему глаголу назовём *дистактной препозицией*. Например: *Ona się często śmieje* – Она часто смеётся. Обратимся к примерам из художественного текста: *Szeregowiec się nie poruszył* [3, с. 13] – Рядовой не пошевелился; *...uznałaś, że nic się nie zmieniłem* [3, с. 17] – ты признала, что я ничуть не изменился; *Nikt z idących się nie odwrócił* [3, с. 37] – Никто из идущих не отвернулся; *Jeżeli się nie uda, zajrzyj po powrocie do mieszkania...* [3, с. 58] – Если не удастся, загляни по возвращении в квартиру...; *Nikt by się nie domyślał, że jesteś Niemcem* [3, с. 68] – Никто бы не додумался, что ты немец; *Będiesz się teraz pakował?* [3, с. 27] – Ты будешь сейчас паковаться?; *Przyjdzie wieczorem, ale ja nie chcę się z nią widzieć* [3, с. 29] – Придёт вечером, но я не хочу с ней видеться; *Jakby się wam podobało uszczknąć z niej co nieco?* [3, с. 50] – Как бы вам понравилось урвать от неё что-либо? *Wszystko się między nami ułoży* [3, с. 25] – Всё между нами образуется; *Chyba będzie lepiej, jak się w końcu zdecydujesz...* [3, с. 80] – Наверное, будет лучше, если в конце концов решишься...; *Jeszcze się taki nie narodził* [3, с. 83] – Ещё такой не родился. При изучении польского синтаксиса важно усвоение готовых подобных коммуникативных моделей, поскольку не каждое слово или группа слов могут быть употреблены в указанном порядке.

6. Особое значение приобретает возвратная энклитика *się* в синтаксисе, когда при составлении определённо- или неопределённо-личных предложений она присоединяется к глаголу в форме 3-го лица единственного числа. Поэтому при переводе на польский язык предложений типа: *Так по-польски не говорят; Так не делают* и подобных следует быть очень осторожным, чтобы не поддаться формальному калькированию, т. е. *говорят* и *делают* нельзя перевести теми же личными формами (3-е л. мн. ч.) на польский язык. Здесь используются формы 3-го л. ед. ч. настоящего времени с возвратной энклитикой *się*, поэтому перевод этих предложений должен быть таким: *Tak po polsku się nie mówi; Tak się nie robi* соответственно. *Ile się płaci?* [3, с. 57] – Сколько платят?; *...kiedy się wyskakuje do rzutu w koszykówce* [3, с. 69] – ...когда выскакиваешь для броска в баскетболе; *Pokaże ci, jak gra się w baseball* [3, с. 69] – Я покажу тебе, как играют в бейсбол. Или, например, известную пословицу (с четырьмя энклитиками *się*) *Jak się nie ma, co się lubi, to się lubi, co się ma* переводим обобщённо-личным предложением: *Если нет того, что любишь, то любишь то, что есть*, в котором нет ни одного возвратного глагола.

7. Не только глаголы, но и различные глагольные формы польского языка (причастия и деепричастия), как и в русском языке, могут приобретать значение возвратности. В этих случаях вновь внимание притягивает место энклитики по отношению к этим формам. Обратимся к примерам с возвратными причастиями: *...precyzyjne trafienie do wnętrza rozpadającej się czaszki* [3, с. 10] – ... точное попадание внутрь распадающегося черепа; *...patrzył na przesuwaną się za nią ciemny krajobraz* [3, с. 14] – ...смотрел на перемещающийся за ней тёмный пейзаж. Такая же ситуация с контактной постпозицией энклитики наблюдается и в воз-

вратных деепричастиях: *A gdzie tamten? – zapytał, zwracając się do reszty cywilów* [3, с. 10] – *А где тот? – спросил он, обращаясь к остальным гражданским*; *...patrzyłam na to zdjęcie – wuznała, nie odwracając się* [3, с. 16] – *...я смотрела на этот снимок, – призналась она, не оборачиваясь*; *...matka pobladła, wpatrując się w napięciu w jedną z fotografii* [3, с. 18] – *...мать побледнела, всматриваясь с напряжением в одну из фотографий*; *...rzekł do Eddiego, kierując się do wyjścia* [3, с. 51] – *...сказал Эдди, направляясь к выходу*. Как видим, устойчивая контактная постпозиция *się* характерна для возвратных причастий и деепричастий.

8. Издревле польский язык изобилует отглагольными существительными, которые весьма регулярно функционируют в текстах различных жанров и устной речи и по сей день. Например, предложения *Kupi coś-нибудь поесть* или *Дай что-нибудь почитать* вполне можно перевести как *Kup coś do jedzenia* (букв. ‘к еде’) и *Daj coś do czytania* (букв. ‘для чтения’) соответственно. Польская языковая практика пошла дальше, наделив подобные отглагольные существительные способностью употребляться с энклистикой *się*, и в таких случаях на русский язык эти возвратные существительные переводятся инфинитивами, возвратными глаголами или существительными: *Miał lekki, przytilny sposób wypowiadania się, niemal śliski* [3, с. 48] – *У него был лёгкая, заискивающая манера говорить, почти скользкая*; *Jeżeli podpiszesz przyznanie się do winy, nie wniesiemy oskarżenia* [3, с. 51] – *Если подпишешь признание в своей вине, мы не внесём обвинения*; *...poczuł dziwny opór przed udaniem się na poszukiwanie dziewczyny* [3, с. 58] – *...ощутил удивительное сопротивление идти на поиски девушки*; *...wzbiecie się w górę i posłanie piłki do kosza* [3, с. 69] – *...рывок вверх и бросок мяча в корзину*; *Próba wyrwania się z olbrzymiego tłumu okazała się daremna* [3, с. 88] – *Попытка вырваться из огромной толпы оказалась напрасной*; *Takie pospolite targowanie się jak z jakimś sklepikarzem było dlań upokarzające* [3, с. 109] – *Такая обычная торговля, как с каким-то магазинщиком, была для него унижительна*.

9. Отмечаются также случаи употребления *się* после глагола в дистактной постпозиции, когда энклитика отделена от него словом (как правило, личным местоимением): *...rzuciło mi się w oczu jego zdjęcie* [3, с. 14] – *...ему бросился в глаза его снимок*; *...a potem śniło mi się, że już nigdy cię nie zobaczę* [3, с. 17] – *...а потом снилось, что уже никогда тебя не увижу*; *Przyjechała mi się badawczo i pojęła, że kłamie* [3, с. 42] – *Она присмотрелась к нему изучающе и поняла, что он врёт*; *...ale zdaje mi się, że ona na boku puszcza się z Jurgenem* [3, с. 55] – *...но мне кажется, что она на стороне развлекается с Юргеном*; *Przyda ci się dodatkowy karton* [3, с. 28] – *Тебе пригодится дополнительная коробка*; *Podobał jej się jego długi tors z białym ornamentem blizny* [3, с. 57] – *Нравился ей его длинный торс с белым орнаментом шрама*; *Vochenek wysunął jej się z rąk...* [3, с. 60] – *Буханка выскользнула из её рук*.

10. В некоторых случаях полная форма В.п. *siebie* в устной и письменной речи поляков заменяется энклистикой *się*, которая, однако, может быть переведена на русский язык в структуре предложения или словосочетания исключительно полной формой В.п. *себя*, например: *O wiele lepiej czułby się w mundurze* [3, с. 9] – *Намного лучше он чувствовал бы себя в мундире*; *...czuł się zakłopotany i zawstydzony* [3, с. 68] – *...чувствовал себя озабоченным и пристыженным*; *Przez cały wieczór nie pozwoliła mi się pocałować* [3, с. 39] – *За весь вечер она не позволила ему себя поцеловать*; *Nie czuł rożądania, lecz zmuszał się do niego...* [3, с. 43] – *Не чувствовал желания, но принуждал себя к нему...*; *Nie czuj się winny* [3, с. 43] – *Не чувствуй себя виноватым*; *Zmusił się, żeby nie myśleć o Helli* [3, с. 46] – *Он заставил себя не думать об Элле*; *Zmusił się jednak, żeby dokończyć golenie* [3, с. 58] – *Заставил себя, однако, закончить бритьё*; *Nienawidzimy się i zabijamy* [3, с. 93] – *Мы ненавидим себя и убиваем*.

11. При безличных глаголах наблюдаются случаи как контактной постпозиции *się*, так и дистактной: *...okazało się, że ręce ma puste* [3, с. 13] – *...оказалось, что руки у него пусты*; *...dlaczego wszystko ułożyło się tak kiepsko* [3, с. 14] – *...почему всё обернулось так плохо*; *Wrócił się do okna, ale zrobiło się za ciemno, żeby sokołwiek zobaczyć* [3, с. 22] – *Он вернулся к окну, но сделалось темно, чтобы что-либо увидеть*; *Chciało mi się spać* [3, с. 83] – *Ему хотелось спать*.

В польском синтаксисе встречаются случаи объединения в пределах одного сложного предложения личных и безличных возвратных глагольных форм, которые сохраняют порядок следования энклитики *się*, как если бы каждое из этих простых предложений в составе

сложного было представлено отдельно: *Kiedy się odwrócił, rozległo się pukanie i do mieszkania weszła Gloria* [3, с. 22] – *Когда от отвернулся, раздался стук, и в квартиру вошла Глория* (см. последний абз. пункта 1).

12. Традиция постановки энклитики *się* внутри предложений (в любых пре- и постпозициях) является доминирующей в польском синтаксисе. Однако существуют конструкции, когда постановка *się* в конце предложений неизбежна. Это происходит тогда, когда предложение состоит только из двух слов, вторым из которых является названная энклитика. Например, в диалоге – *Co robisz? – Myje się.* ‘– *Что делаешь? – Моюсь*’. По-другому употребить форму *się* невозможно в силу того, что она не может употребляться в начале предложений: *Roześmiał się* [3, с. 51] – *Он рассмеялся*; *Nie bójcie się!* [3, с. 98] – *Не бойтесь!* Есть однако случаи постановки *się* в абсолютный конец развитых предложений, например: – *Ktoś zamawiał drinki – powiedziała w końcu i odsunęła się* [3, с. 22] – *Кто-то заказывал напитки, – сказала она в конце и отодвинулась*; *Czekała jednak posłusznie, aż on zawiąże krawat i uczesze się* [3, с. 24] – *Она ждала, однако, послушно, пока он завяжет галстук и причешется*; *Ona... jadła, żartując z nimi i śmiejąc się* [3, с. 54] – *Она ела..., шутя с ними и смеясь*. Объясняется такое явление тем, что здесь мы имеем дело либо с предложениями, состоящими из двух-трёх слов, либо с общевозвратными глаголами, которые характеризуются сильной привязкой к себе энклитики *się* исключительно в постпозиции, либо со случаями употребления в конце предложений возвратных причастий и деепричастий.

Таким образом, современный польский язык, существующий в разных жанрах устной и письменной речи, свидетельствует собой сохранение в собственной природе архаичных форм, одной из которых является энклитика *się* возвратных глаголов, некогда характеризовавшаяся также относительно свободным функционированием в составе предложений древнерусского и белорусского языков. Лицам, изучающим польский язык, непременно приходится обращать внимание на правила употребления названной энклитики в польском синтаксисе и вырабатывать собственные речевые привычки на основании устоявшихся речевых моделей. Особенной чертой категории возвратности в польском языке является её проявление не только в глаголах, но и в абстрактных существительных среднего рода.

Литература

1. Сериков, Г. В. Словарь базовой лексики польских СМИ / Г. В. Сериков, П. Л. Чечет. – Минск : Змицер Колас, 2013. – 216 с.
2. Хрэстаматыя па гісторыі беларускай мовы : у 2 ч. / Пад рэд. Р. І. Аванесава. – Мінск : Выдавецтва Акадэміі навук Беларускай ССР, 1961. – Ч. 1. – 539 с.
3. Puzo, M. Mroczna arena / M. Puzo. – Warszawa : Albatros, 2017. – 303 s.

Адмоўныя загадкі і іх дыскурсіўна-стылістычныя асаблівасці

А.А. СТАНКЕВИЧ

У артыкуле аналізуюцца дыскурсіўныя асаблівасці адмоўных народных загадак – апісваюцца іх структурна-семантычныя мадэлі, якія ўключаюць назвы пэўных дзеянняў, стану, якасцей і уласцівасцей, не характэрных для загадваемага прадмета, адзначаюцца экспліцытная і імпліцытная формы супрацьпастаўлення дэнатата і яго метафарычнага эквівалента, акрэсліваецца семантычны спектр адмоўных загадак, звяртаецца ўвага на метафарычнае мадэляванне семантыкі адмоўнай загадкі і яе антрапаморфны код, выдзяляецца асацыяцыйна-сэнсавае поле, што ўключае аналогіі загаданага прадмета з іншымі з’явамі, указваецца семантыка адмоўных асацыятаў, вызначаюцца функцыянальна-стылістычныя асаблівасці аналізуемых загадак.

Ключавыя словы: адмоўныя загадкі, дыскурс загадкі, дэнатат, загаданы прадмет, метафарычны эквівалент, іншасказальны субстытут, структурна-семантычная мадэль, антрапаморфны код, асацыяцыйна-сэнсавае поле, ядро і перыферыя поля, адмоўныя асацыяты, асацыяцыйныя блокі, функцыянальна-стылістычная роля.

The article analyzes the discursive features of negative folk riddles, their structural and semantic models are described, including the names of certain actions, states, qualities and properties that are not characteristic of the hidden object, the explicit and implicit forms of opposition of the denotation and its metaphorical equivalent are noted, the semantic spectrum of negative riddles is outlined. The attention is drawn to the metaphorical modeling of the semantics of a negative riddle and its anthropomorphic code, the associative-semantic field is highlighted, including analogies of the hidden object with other phenomena, the semantics of negative associates is indicated, as well as the functional and stylistic features of the analyzed riddles are determined.

Keywords: negative riddles, riddle discourse, denat, hidden object, metaphorical equivalent, allegorical substitute, structural and semantic model, anthropomorphic code, associative and semantic field, core and periphery of the field, negative associates, associative blocks, functional and stylistic role.

Загадкі, якія адносяцца да малых жанраў вуснай народна-паэтычнай творчасці, лічацца аднымі з самых старажытных фальклорных твораў. Як адзначае А.І. Гурскі, яны «ўзніклі тады, калі чалавек поўнасю быў яшчэ ва ўладзе прыроднай стыхіі» [1, с. 9]. Паводле меркавання В.В. Мітрафанавай, «у глыбокай старажытнасці загадкі ў славян мелі абрадавае значэнне. <...> Загадка прывівала навыкі тайнай мовы, знаёміла з вобразамі і падстаўнымі словамі, развівала кемлівасць, уменне валодаць іншасказаннем» [2, с. 37–38].

Загадкі прыкметна вызначаюцца ў сістэме іншых фальклорных жанраў невялікім тэкставым аб’ёмам, лаканічнасцю выражэння зместу, іншасказальнай формай апаведу, кагнітыўна-прагматычнай функцыяй, накіраванай на развіццё мысленых навыкаў і пазнавальнай дзейнасці чалавека. Многія фалькларысты адзначаюць высокія мастацка-выяўленчыя якасці загадак, паэтычнасць і вобразнасць іх формы адлюстравання аб’ектыўнай рэчаіснасці, афарыстычнасць і выразнасць выказвання.

У працах даследчыкаў беларускай народна-паэтычнай творчасці даволі грунтоўна асвятлялася паэтыка народных загадак [3], [4], [5]. Даследаваліся таксама асобныя лінгвістычныя адметнасці дыскурсу беларускіх народных загадак: эўфанічныя [6], лексічныя [7], рытміка-інтанацыйныя [8], словаўтваральныя [9] і сінтаксічныя [10].

Аб’ектам аналізу ў артыкуле з’яўляюцца беларускія народныя загадкі, змешчаныя ў зборніку «Загадкі» [11], мэтай – апісанне адмоўных загадак паводле іх структурна-семантычных, кагнітыўна-прагматычных і дыскурсіўна-стылістычных асаблівасцей.

Загадкай называюць «іншасказальнае вобразнае апісанне якога-небудзь прадмета або з’явы на аснове падабенства паміж утоеным прадметам, які трэба адгадаць, і тым, які замяняе яго ў загадцы» [1, с. 10]. У аснову загадкі, такім чынам, пакладзена супастаўленне розных рэалій, прадметаў, з’яў і дзеянняў паводле падобных або блізкіх знешніх ці ўнутраных якасцей і ўласцівасцей. У навуковай лінгвістычнай літаратуры загаданы прадмет найчасцей тэрмінуецца як *дэнатат*, а яго іншасказальны эквівалент абазначаецца як *антыдэнатат*, *субстытут*, *замышчальнік*, *рэпрэзэнтант*.

Асаблівасці дыскурсу народных загадак у тым, што яны пабудаваны па мадэлі, якая дазваляе перадаваць пэўныя веды ў «завуаляванай» форме, што прыводзіць да стварэння энigmatычнага, загадкавага тэксту. Некаторыя даследчыкі распаўсюджваюць на механізм стварэння дыскурсу загадак тэорыю мадэлі брыкалажа і дэканструкцыі, якую К. Леві-Строс прымяняў пры аналізе міфалагічнай рэфлексіі [12].

Паводле формы выкладу зместу загадкі традыцыйна падзяляюць на станоўчыя і адмоўныя. У станоўчых загадваемых прадметы і іх метафарычныя эквіваленты, хаця і супастаўляюцца па нейкіх асобных прыкметах, у цэлым атаясамліваюцца [13]. Іншасказальная форма выкладу ў загадках прызначана «зашыфраваць» змест і раскрыць унутраныя схаваныя ўласцівасці апісваемых рэчаў і з'яў. Дэнататы і іх субстытуты ў такім выпадку супастаўляюцца на аснове іх падабенства па розных прыкметах: колеры: «*У сярэдзіне белае, а на версе краснае. Цыбуля*» [№ 647]; форме: «*Вісіць сіта круглавіта, залатое, навітое. Сонца*» [№ 11]; знешнім выглядзе: «*Доўгі даўгач упадзе ў балота, яго не знаць. Дождж*» [№ 210]; памеры: «*Малы малышак упаў з вышак, ён не забіўся, адно шапачкі пазбыўся. Жолуд, арэх*» [№ 440]; дзеянні: «*І шуміць, і гудзе, на ўвесь свет голас ідзе. Вецер*» [№ 193]; унутраных якасцяў: «*Мудры мудрэц гусей арэць. Пісар*» [№ 2944] і інш.

У адмоўных загадках, нягледзячы на тое, што загаданыя дэнататы і іх субстытуты збліжаюцца па пэўных прыкметах, у цэлым яны супрацьпастаўляюцца: «*Не сучок, не лісток, не краска, а на дрэве расце. Кара*» [№ 433] – не расліна, а расце; «*Без рук, без ног, а цвяты рысуе. Мароз*» [№ 242] – зашыфраваны дэнатат хоць не мае рук і ног, але можа дзейнічаць. У адмоўных загадках выразна дамiнуе так званая семантыка нелагічнага выніку, мэта якой – максімальна адасобіць апісанне ад дэнатата, што стымулюе кагнітыўна-прагматычную функцыю дыскурсу.

Прынцып сэнсавай пабудовы адмоўнай загадкі С.Г.Лазуцін збліжае з аксюмаранам, заснаваным на аналогіі, аб'яднанні двух супрацьлеглых, несумяшчальных паняццяў. «Аксюмаран, уласна кажучы, – аснова загадкі. Дзёрзкасць спалучэнняў, смеласць камбінацый – вось што прываблівае нас часцей за ўсё ў загадках, і што выклікае ўсмешку ў выніку, пры разгадцы» [13].

Структурна-семантычная мадэль адмоўных загадак уключае назвы пэўных дзеянняў, стану, якасцей і ўласцівасцей, не характэрных для загадваемага прадмета. Адмоўныя загадкі засноўваюцца на аналогіі са з'явамі, якія не маюць ніякіх адносін да зашыфраванага прадмета. Такая пабудова загадкі стымулюе мысленчую дзейнасць адрасата, прымушае яго разважаць і ў той жа час папярэджвае пра магчымыя памылкі і падказвае правільны шлях разгадкі.

Супрацьпастаўленне дэнатата і яго метафарычнага субстытута ў загадках можа мець як экспліцытную, так і імпліцытную формы вербалізацыі. У беларускіх народных загадках прэваліруе экспліцытная форма рэалізацыі супрацьпастаўлення, якая выражаецца праз уключэнне ў структуру загадкі супраціўных злучнікаў *а, ды*, адмоўных часціц *не, ні*, прыназоўніка *без*: «*Не чарнёны, а ўвесь чорны. Воран*» [№ 1345]; «*Нітак многа, а ў клубок не зматаеш. Павуцінне*» [№ 1470]; «*Чырвона, ды не дзеўка, зялёна, ды не дуброва. Морква*» [№ 738]; «*Ідзе, ідзе, а з месца не сыйдзе. Гадзіннік*» [№ 3214]; «*Коціца ні катушка, ні звер, ні птушка, ні камень, ні вада, не адгадаеш нікагда. Клубок*» [№ 1830]; «*Без крыл лятае, без ног бяжыць. Вецер*» [№ 175].

Імпліцытная форма вербалізацыі супрацьпастаўлення дэнатата і антыдэнатата выражаецца праз семантычнае, унутранае нападўненне тэксту: «*Усе яго любяць, як паглядзяць – моршчацца. Сонца*» [№ 25].

Нягледзячы на іншасказальнасць, умоўнасць загадкі, яе сэнсавая прастора дастаткова рэалістычная і канкрэтная. Яна ўключае ўсё тое, што заўсёды суправаджала існаванне чалавека: прыродны свет, працу, паўсядзённы побыт, тыя прадметы і з'явы, якія кожны дзень прысутнічалі ў яго жыцці.

Семантычны спектр адмоўных загадак даволі разнастайны. Паводле прадметна-тэматычнай суаднесенасці дэнатата – загаданага прадмета ў складзе адмоўных загадак вызначаюцца наступныя групы:

- назвы нябесных свяціл: «*Глянеш – заплачаш, а ўсе яму рады. Сонца*» [№ 24];
- прыродных з'яў: «*Стукае, грукае, а нідзе яго не відаць. Гром*» [№ 166];
- воднай стыхіі: «*Без плеч, а ляжыць, без ног, а бяжыць. Снег, вада*» [№ 290];
- зямнога рельефу: «*У шапках, а не людзі, высокія, а не дрэвы. Горы*» [№ 292];

- раслін: «Зелена, як елка, тоўстая, як дзеўка, з хвостом, да не мыш. Рэпа» [№ 757];
- жывёл: «Не араты, не каваль, не плотнік, а першы на вёсцы работнік. Конь» [№ 1047];
- насякомых: «Без матораў гудуць, без пілотаў лятаюць, без іголак, а балюча колюцца.

Пчолы» [№ 3484];

- рэчываў: «У рубаіцы радзіўся, а голы ходзіць. Сыр» [№ 2005];
- канкрэтна-прадметных рэалій – пабудоў: «Цела цёпла, а крыві няма. Печ» [№ 2132];
- прадметаў побыту: «Жыве – не чалавек, памрэ – не радзіцель. Гаршчок» [№ 2488];
- адзення: «Не звер, а махнатая, не конь, а з вушамі. Шапка» [№ 2766];
- прыстасаванняў працы: «Зубастыя, а не кусаюцца. Граблі» [№ 1658];
- прадметаў навучання: «Не куст, а з лісточкамі, не чалавек, а расказвае. Кніга» [№ 3029];
- сродкаў перамяшчэння: «Траішыць, а не кузнечык, ляціць, а не птушка, вязець, а не конь. Самалёт» [№ 3425];

– чалавека: «Ні калодка і ні пень, а ляжыць цэлы дзень, не жне і не косіць, а есці просіць. Гультай» [№ 3483] або яго органаў: «Без агню, а варыць. Страўнік» [№ 970].

Як правіла, такое супрацьпастаўленне суправаджаецца метафарычным мадэляваннем семантыкі народнай загадкі, у якім найбольш актыўна прымае ўдзел антрапаморфная метафара, якая рэпрэзентуе дэнатат у якасці актыўнага суб'екта, што выконвае пэўнае дзеянне без вызначэння аб'екта, на які яно накіравана. У сувязі з гэтым прыродныя з'явы або канкрэтныя прадметы надзяляюцца дзеяннямі і ўласцівасцямі чалавека.

Асацыяцыйна-сэнсавае поле, якое ўключае аналогіі загаданага прадмета з іншымі з'явамі, што выконваюць у загадцы ролю метафарычнага эквівалента, даволі аб'ёмнае. Ядро гэтага поля ўтвараюць акцыянальныя назвы, якія абазначаюць дзеянне чалавека, характэрнае для загаданага прадмета: «Без рук, без сякеры, а масты будзе. Мароз» [№ 239]; «І спім, і ядзім, і ходзім, самі бяром, а людзям не даём. Паветра» [№ 300]; «Не ткачыха, а адзявае, не шавец, а абувае, не гаспадыня, а корміць, не чараўніца, а цуды робіць. Хімія» [№ 3480], рух: «Без рук, без ног, без чэрава ўзлезе на дзерава. Хмель» [№ 530]; «Увесь свой век ходзіць, а з месца не сыходзіць. Гадзіннік» [№ 3217]; «Я іду, іду, ніколі да стога не дайду. Туман» [№ 303]; знешні выгляд: «У шапках, а не людзі, высокія, а не дрэвы. Горы» [№ 292]; фізіялагічны стан: «Нежывы, а ўгору лезе. Хмель» [№ 536]; псіхалагічны стан: «Не мора, а хвалюецца. Ніва» [№ 1524].

Антрапаморфны код асацыяцый у адмоўных загадках падкрэслівае выкарыстанне шматлікіх саматычных назваў, якія ўключаюцца ў асацыяцыйныя блокі: «Без рук, без ног, без чэрава ўзлезе на дзерава. Хмель» [№ 532]; «Хоць зубоў не мае, а за твар балюча кусае. Мароз» [№ 253]; «Жыве без цела, гаворыць без языка, ніхто яго не бачыць, а ўсякі чуе. Рэха» [№ 325]; «Ног не мае, а ідзе, рук не мае, да б'е, а ў сваім сэрцы сакрэт крые. Гадзіннік» [№ 3206].

Адмоўнымі асацыятамі ў загадках могуць служыць назвы рэалій заасферы і фітасферы, якія знаходзяцца на перыферыі прадметна-паняцыйнага поля: «Рагаты, а не бык, хватае, ды не сыт, людзям аддае, сам аддыхаць ідзе. Серп» [№ 1688]; «Коціцца бачурачка, ні звер, ні птушачка. Месяц» [№ 56]; «Не сучок, не лісток, не краска, а на дрэве расце. Кара» [№ 433]; «Расце без караня, цвіце без цвету, а служыць усяму цвету. Соль» [№ 2031].

Перыферыя асацыяцыйна-сэнсавага поля ўключае таксама адмоўныя аналогіі дэнатата з канкрэтнымі прадметамі гаспадарчага і паўсядзённага побыту: «Воз без калёс, біч без ляску, а дарога без пяску. Лодка, вясло, рака» [№ 2890]; «Нітак многа, а ў клубок не зматаеш. Павуцінне» [№ 1470].

Адмоўныя асацыяты ў загадках засноўваюцца звычайна на дзеянні субстыгутаў загаданага прадмета: «Не мае рук, але зрывае з дрэў лісце. Не мае вуснаў, а вые і свішча. Хто гэта такі? Вецер» [№ 185]; «Рук і ног не мае, а дзверы адчыняе. Вецер» [№ 180]; «Без крылляў ляціць, без голасу свішча. Куля» [№ 3387]; «Без рук, без ног, а па зямлі паўзе. Чарвяк» [№ 1413]; «На сцяне вісіць сіта, не рукамі звіта. Павуцінне» [№ 1465]; «Не агонь, а пячэцца. Крапіва» [№ 525].

Асацыяцыйна-сэнсавыя сувязі могуць быць пабудаваны таксама на знешніх уласцівасцях і якасцях метафарычных замяшчальнікаў дэнатата, звязаных з эйдэчнай, канкрэтна-пачуццёвай формай ўспрыняцця аб'ектыўнай рэчаіснасці – такіх, як колер: «Чырвона, ды не дзеўка, зялёна, ды не дуброва. Морква» [№ 738]; форма і знешні выгляд: «Круглае, ды не

гарбуз, з хвостом, да не мыш. Рэпа» [№ 756]; структура: «*Сшыта, злаплена, а іголки не было. Печ*» [№ 2134]; «*Не куст, а з лістамі, не кашуля, а пашыта*. Кніга» [№ 3028]; кансістэнцыя і колер: «*Вадкае, а не вада, белае, а не снег*. Малако» [№ 2002].

Многія адмоўныя загадкі з'яўляюцца комплекснымі – у іх уключаюцца некалькі асацыятыўна-сэнсавых блокаў – праводзіцца адмоўная аналогія з двума і больш субстытутамі. У склад адмоўных асацыятаў загаданага прадмета могуць уваходзіць назвы, якія абазначаюць супастаўленне:

– характарыстыкі прыродных з'яў і ўласцівасцей чалавека: «*Зялёная, а не луг, белая, а не снег, кучаравая, а без валасоў*. Бяроза» [№ 411];

– знешняга выгляду жывёлы, смаку рэчыва і выявы чалавека: «*Хвост, як у мышы, ды не мышы; салодкая, як мёд, ды не мёд; галава пляшывая, як у ксяндза, ды не ксёндз; барада, як у папа, ды не поп*. Рэпа» [№ 758];

– колеру рэаліі расліннага свету, знешняга выгляду чалавека і жывёлы: «*Зелена – не елка, красна – да не дзеўка. З хвостом – ды не мыш*. Бурак» [№ 688];

– прадмета, жывёлы, птушкі і рэчыва: «*Коціца ні катушка, ні звер, ні птушка, ні камень, ні вада, не адгадаеш нікагда*. Клубок» [№ 1830];

– дзеянняў чалавека і жывёлы: «*Не мае рук, але зрывае з дрэў лісце. Не мае вуснаў, а вые і свішча. Хто гэта такі? Вецер*» [№ 185];

– знешняга выгляду жывёлы і птушкі: «*Чатыры нагі, але не звярушка, многа пер'я, ды не птушка*. Ложак з падушкамі» [№ 2400];

– расліны і чалавека: «*Не куст, а з лісточкамі, не чалавек, а расказвае*. Кніга» [№ 3029];

– гука насякомага, руху птушкі, перамяшчэнне жывёлы: «*Грашчыць, а не кузнечык, ляціць, а не птушка, вязець, а не конь*. Самалёт» [№ 3425];

– уласцівасцей птушкі, характару сельскагаспадарчай прылады, выгляду транспартнага сродку: «*З крыллямі, а не птушка, з сярпом, а не жняня, з коламі, а не воз*. Жнярка» [№ 3458].

Як паказваюць прыклады, змешаная парадыгма асацыяцый у адмоўных загадках уключае дзеянні і прыкметы пэўных рэалій і адмаўляе іх прыналежнасць загаданай з'яве, ствараючы іншасказальны калейдаскапічны малюнак вобраза зашыфраванага дэнатата, які ўключае яго рознабаковую характарыстыку, што стымулюе кагнітыўна-прагматычную ролю дыскурсу загадкі.

Такім чынам, адмоўная форма вербалізацыі зместу народных загадак, якая змяшчае назвы пэўных дзеянняў, стану, якасцей і ўласцівасцей, блізкіх да загадваемага прадмета, але якія ён не можа выконваць або мець, несумненна, сведчаць пра высокае паэтычнае майстэрства, адметныя разумовыя здольнасці і ментальны патэнцыял іх складальнікаў. Структура загадкі, заснаваная на аналогіі дэнатата са з'явамі, якія не маюць ніякіх адносін да зашыфраванага прадмета, стварае кантрастны характар выкладу зместу, што павышае выразнасць дыскурсу загадак, узмацняе яго слоўную вобразнасць, нагляднасць і маляўнічасць, садзейнічае актывізацыі мысленчай дзейнасці рэцыпіентаў і выконвае ролю ўскоснай падказкі для раскрыцця зместу загадкі.

Літаратура

1. Гурскі, А. І. Беларускія народныя загадкі / А. І. Гурскі // Загадкі ; склад. М. Я. Грынблат, А. І. Гурскі. – Мінск : Навука і тэхніка, 1972. – С. 5–20.
2. Митрофанова, В. В. Русские народные загадки / В. В. Митрофанова. – Л. : Наука, 1978. – 180 с.
3. Гілевіч, Н. С. Паэтыка беларускіх загадак / Н. С. Гілевіч. – Мінск : «Выш. школа», 1976. – 128 с.
4. Гурскі, А. І. Беларускія загадкі : Даследаванне жанру / А. І. Гурскі. – Мінск : «Беларус. кнігазбор», 2000. – 80 с.
5. Алфёрава, А. Г. Усходнеславянскія і заходнеславянскія загадкі. Вобразна-паэтычная сістэма / А. Г. Алфёрава. – Мінск : Беларуская навука, 2008. – 162 с.
6. Хазанова, К. Л. Гукавыя сродкі арганізацыі тэксту ў беларускіх народных загадках / К. Л. Хазанова // Пытанні мастацтвазнаўства, этналогіі і фалькларыстыкі / Цэнтр даследаванняў беларускай культуры, мовы і літаратуры НАН Беларусі ; навук. рэд. А. І. Лакотка. – Мінск : Права і эканоміка, 2021. – Вып. 29. – С. 425–432.

7. Станкевіч, А. А. Слоўныя сродкі наглядна-вобразнай канкрэтызацыі зместу ў беларускіх народных загадках / А. А. Станкевіч // Известия Гомельского гос. ун-та им. Ф. Скорины. – 2021. – № 1 (124). – С. 128–133.

8. Станкевіч, А. А. Рыфма і яе рытміка-інтанацыйная роля ў беларускіх народных загадках / А. А. Станкевіч // Пытанні мастацтвазнаўства, этналогіі і фалькларыстыкі / Цэнтр даследаванняў беларускай культуры, мовы і літаратуры НАН Беларусі ; навук. рэд. А. І. Лакотка. – Мінск : Права і эканоміка, 2020. – Вып. 28. – С. 330–336.

9. Станкевіч, А. А. Дэрывацыйны паўтор і яго функцыянальна-стылістычная роля ў беларускіх народных загадках / А. А. Станкевіч // Пытанні мастацтвазнаўства, этналогіі і фалькларыстыкі / Цэнтр даследаванняў беларускай культуры, мовы і літаратуры НАН Беларусі ; навук. рэд. А. І. Лакотка. – Мінск : Права і эканоміка, 2021. – Вып. 29. – С. 410–417.

10. Цімашэнка, Н. П. Сінтаксічныя асаблівасці беларускіх загадак / Н. П. Цімашэнка // Пытанні мастацтвазнаўства, этналогіі і фалькларыстыкі / Цэнтр даследаванняў беларускай культуры, мовы і літаратуры НАН Беларусі ; навук. рэд. А. І. Лакотка. – Мінск : Права і эканоміка, 2021. – Вып. 29. – С. 432–438.

11. Загадкі / склад. М. Я. Грынблат, А. І. Гурскі. – Мінск : Навука і тэхніка, 1972. – 448 с.

12. Леви-Строс, К. Первобытное мышление [Электронный ресурс] / К. Леви-Строс. – Режим доступа : https://platon.net/load/knigi_po_filosofii/antropologija/klod_levi_stross_pervobytnoe_myshlenie_1994/5-1-0-2812. – Дата доступа : 04.09.2021.

13. Лазутин, С. Г. Поэтика русского фольклора : учеб. пособие для филол. фак. ун-тов [Электронный ресурс] / С. Г. Лазутин. – Режим доступа: http://www.infliolib.info/philol/lazutin/2_1.html. – Дата доступа : 23.08.2021.

Гомельский государственный
университет имени Франциска Скорины

Поступила в редакцию 15.09.2021

Стылістыка азначальных канструкцый у загадках Гомельшчыны

К.Л. ХАЗАНАВА

У артыкуле даследуюцца спосабы граматычнага выражэння і стылістычныя функцыі азначальных канструкцый у загадках, выяўленых на тэрыторыі горада Гомеля. Азначэнні дакладна называюць самыя ярковыя і істотныя якасці і асаблівасці загаданых рэалій і з'яўляюцца трапнымі і экспрэсіўнымі моўнымі падказкамі для адгадвальніка. Паводле спосабаў граматычнага выражэння выяўляюцца азначэнні, выражаныя якаснымі прыметнікамі, сярод якіх колькасна выдзяляюцца найменні колераў. На ўжыванні адносных прыметнікаў у загадках грунтуецца метафарычнасць мовы загадак. У даследаваных загадках сустракаюцца памяншальна-ласкальныя формы прыметнікаў, а таксама дзееспрыметныя звароты. Асобным тыпам азначэнняў у загадках з'яўляюцца прыдаткі.

Ключавыя словы: фальклор, загадка, азначэнне, прыметнік, эпітэт, прыдатак, метафарычнасць, экспрэсіўнасць.

The article studies the ways of grammatical expression and stylistic functions of definitions in the riddles found in Gomel. The definitions accurately indicate the most striking and essential qualities and features of hidden realities and are accurate and expressive language clues for the guessing. According to the methods of grammatical expression, definitions expressed by qualitative adjectives are distinguished, among which the names of colors are quantitatively distinguished. The metaphorical nature of the language of the riddles is based on the use of relative adjectives in riddles. In the studied riddles, there are diminutive forms of adjectives, as well as participial turnovers. Applications are a separate kind of definition in riddles.

Keywords: folklore, riddle, definition, adjective, epithet, application, metaphor, expressiveness.

У вуснай народнай творчасці выдзяляюцца разнастайныя паводле стылістычных асаблівасцей і моўных рыс жанры. Загадкі з'яўляюцца своеасаблівымі метафарычнымі аповедамі пра пэўныя рэаліі, якія захоўваюцца за іншымі з'явамі, падобнымі на загаданыя некаторымі якасцямі. Менавіта па гэтых прыкметах магчыма правільна даць адказ на загадку. Як слушна заўважыла А.А. Станкевіч, «прагматычная накіраванасць дыскурсу загадак, іх уздзеянне на адрасата мае ў першую чаргу кагнітыўны характар – садзейнічае развіццю пазнавальнай дзейнасці чалавека і, акрамя таго, спрыяе фарміраванню навыкаў яго мысленчай здольнасці» [1, с. 128].

Да мовы беларускіх народных загадак як да аб'екта навуковага даследавання часта звяртаюцца этнографы і лінгвісты [1], [2], [3], [4], [5], [6], [7], [8]. Этнографы даследуюць адзінкі названага фальклорнага жанру ў агульнаславянскім кантэксце [2], [4]. Мовазнаўцы імкнуцца выявіць стылістычны патэнцыял сродкаў вобразнага выяўлення [1], [7], аналізуюць лексіку [3], [4], [5] і выдзяляюць сінтаксічныя рысы [8] загадак, шукаюць спосабы прымянення «тэкстаў загадак для развіцця сацыяльна-асобных кампетэнцый студэнтаў» [6, с. 319]. Пры гэтым часцей навуковая ўвага даследчыкаў кранае беларускія народныя загадкі ў іх сукупнасці. Радзей адбываецца зварот да вывучэння мовы гэтага асаблівага жанру народна-паэтычнай творчасці ў канкрэтным рэгіёне [3]. Моўныя рысы загадак, выяўленых на тэрыторыі горада, усё яшчэ застаюцца мала даследаванымі.

Трапна адзначыла Н.П. Цімашэнка, што «беларускія загадкі прадстаўлены рознымі тыпамі сінтаксічных канструкцый, пры дапамозе якіх выражаюцца і захоўваюцца мудрыя думкі народа» [8, с. 438]. Пры гэтым загадкі кожнай мясцовасці слаўныя сваімі стылістычна-вобразнымі асаблівасцямі. У загадках, зафіксаваных на тэрыторыі Гомельскай вобласці, адзначаюцца цікавыя азначальныя канструкцыі.

Мэта артыкула – характарыстыка спосабаў граматычнага выражэння і стылістычных функцый азначэнняў у мове загадак, якія функцыянуюць на тэрыторыі горада Гомеля. Фактычным матэрыялам даследавання сталі выяўленыя ў горадзе загадкі, захаваныя ў фальклорным архіве філалагічнага факультэта Гомельскага дзяржаўнага ўніверсітэта імя Ф. Скарыны. Тэксты прыводзяцца з захаваннем мясцовых моўных адметнасцей.

Выкарыстанне азначэнняў надзвычай уласціва для большасці тэкстаў розных фальклорных жанраў. «Устойлівасць традыцыі выкарыстання ў фальклорных творах пастаянных спалучэнняў *прыметнік + назоўнік* выражаецца» [9, с. 142] у пашыранасці ў

тэкстах колеравых найменняў. У народна-паэтычных творах «традыцыйнасць выкарыстання пэўнага колераабзначэння з адпаведным субстантывам стварае своеасаблівую вобразнасць выяўленчага кантэксту» [9, с. 142]. У загадках, акрамя таго, у выніку жанравай адметнасці, ад'ектыўныя каляронімы выконваюць функцыю падказак. Асабліва пашыраны прыметнікі, што называюць колеры, у адзначаных у г. Гомелі загадках, прысвечаных прыродным рэаліям. Натуральна, што часцей у разгледжаных тэкстах ужываюцца назвы колераў, найбольш пашыраных у беларускай прыродзе і акаляючым асяроддзі.

У многіх загадках узгадваецца прыметнік *белы*: *Нясе белыя каменьчыкі* (куруша); *Белая вата поплыла куда-то* (воблака). Названы колер прысутнічае ў загадках пра органы цела чалавека і жывёл адпаведнага колеру: *За белым бярэзнічкам талалайка грае* (язык і зубы); *Полон хлемец белых овец* (зубы).

Папулярныя ў загадках найменні сіняга колеру і яго адценняў: *Сівыя галубчыкі па падземеллю скачуць* (лемяшы); *Сівы бык у акенца шмык* (світанне). Дэмінутыўныя формы прыметнікаў выражаюць адносіны асаблівага замілавання і павагі да пэўных прыродных з'яў: *Сіненкая шубка ўвесь мір накрыла* (небо). У лексічны склад загадак уключаюцца ад'ектыўныя назвы колераў, якія найбольш дакладна характарызуюць адпаведныя якасці загадных прадметаў: *Румяны Піліп да палкі прыліп* (яблык).

Даволі часта ў штодзённым побыце сустракаецца чорны колер, з прычыны чаго ўжыванне адпаведнага прыметніка з'яўляецца характэрнай уласцівасцю мовы загадак: *Выпашу чыстае поле, наганю чорных авец* (хлеб у печцы); *Чорная Івашка, драўляная рубашка, дзе пройдзеца, там след застанецца* (аловак).

У склад шматлікіх загадак уваходзіць некалькі прыметнікавых колераабзначэнняў. Звычайна ў такіх загадках тоіцца пэўная рэалія з многімі складнікамі: *Красныя дзвері в пещере моей, Белые звери сидят у дверей, И мясо, и хлеб – Всю добычу мою я с радостью белым зверям отдаю* (рот). А некаторыя загадкі за кошт выкарыстання некалькіх найменняў колераў адлюстроўваюць розныя этапы развіцця з'яў, перш за ўсё – прыродных рэалій: раслін, жывёл: *Зімой – белы, а летам – шэры* (заяц); *Як жыве, дык чорны, як памрэ – чырвоны* (рак).

Паводле наяўнасці розных найменняў колераў лягчэй здагадацца пра рознакаляровыя аб'екты, што трапілі пад увагу народных загадак: *Красна, ды не дзеўка, зелена, а не дубрава* (морква); *Чарна, як жук, зелена, як лук, верціцца, як бес, повяртаецца ў лес* (сарока).

Сярод азначэнняў у мове загадак выяўляюцца і іншыя лексіка-семантычныя групы якасных прыметнікаў. З дапамогай якасных прыметнікаў у загадках вобразна ўказваюцца найбольш яскравыя рысы з'яў і працэсаў, якія трэба назваць адгадвальніку. Варта заўважыць, што загадкі прапануюць уласцівасці асобных рэалій, выяўленыя праз народнае ўспрыманне. Паколькі большая частка фальклорных твораў захавалася са старажытнасці, то ўяўленне пра некаторыя прыродныя з'явы загадкі таксама адлюстроўваюць уласцівае даўнім часам: *Круглае, дліннае, ніхто не дастане* (неба); *І тонкі, і доўгі, а з травы не відаць* (дождж).

Асобна неабходна выдзеліць метафарычнае словаўжыванне прыметнікаў у загадках. Аўтары старажытных тэкстаў трапна заўважалі падобнасць некаторых побытавых і гаспадарчых прадметаў і прыродных з'яў з маральнымі і фізічнымі якасцямі чалавека, і загаданыя з'явы атаясамліваліся з чалавечым вобразамі: *Гарбаты дзядок усё поле аббегаў* (серп).

Ужыванне метафарычных эпітэтаў у загадках часам падмацоўваецца кантактным аднакарэнным паўторам, што спрыяе павелічэнню экспрэсіўнасці фальклорнага тэксту: *Злая злюка ў рэчцы жыве, маленькім рыбкам драмаць не дае* (шчупак).

Адметным спосабам граматычнага выражэння азначэнняў у народных загадках, зафіксаваных у Гомелі, з'яўляюцца адносныя прыметнікі. Частка з іх маюць на мэце абазначыць матэрыялы, з якіх традыцыйны вырабляюцца загаданыя прадметы: *Носік стальны, хвосцік льяны скрозь палатно ходзіць* (іголка); *У лілавым куце мядзведзь равец* (цымбалы); *Жалезны конь, у жываце агонь, есці (аўса) не просіць, жне і косіць* (трактар). У загадках, дзе ў ролі падказак выступаюць азначэнні, выражаныя адноснымі прыметнікамі, за адгадку звычайна маюцца прадметы побыту або прылады і прыстасаванні для гаспадарчай дзейнасці чалавека.

Асаблівасць мовы народных загадак у тым, што адносныя прыметнікі, як і якасныя, могуць выступаць у функцыі метафарычных эпітэтаў. Адбываецца гэта, калі ў фальклорным тэксце адна прыродная з'ява вобразна называе іншую. Некаторыя тэксты загадак прапануюць цэлыя казачныя апаведы: *Ляціць конь заморскі, іржэць ён па-польску, хто яго заб'ець, сваю кроў пральець* (камар).

У мове многіх фальклорных твораў часта сустракаюцца памяншальна-ласкальныя формы рознай часцінамоўнай прыналежнасці. Як заўважыла Н.П. Цімашэнка, «утварэнне

памяншальна-ласкальных форм пры дапамозе суфіксаў службы для суб'ектыўнай ацэнкі і ўласціва размоўнаму, экспрэсіўна напоўненаму маўленню» [10, с. 146]. У фальклорных тэкстах пашыраныя прыметнікавыя дэмінітывы. Гэтыя ад'ектыўныя ўтварэнні маюць розныя стылістычныя функцыі, але перш за ўсё – дэмінітыўныя прыметнікі павялічваюць эмацыянальнасць і выразнасць мовы твора. Памяншальна-ласкальныя прыметнікі з'яўляюцца ўласцівымі і для мовы даследаваных фальклорных тэкстаў.

У загадках суфіксы суб'ектыўнай ацэнкі з семантыкай 'малы' набываюць прыметнікі пры характарыстыцы невялічкіх паводле памераў прадметаў і з'яў: *Маленькія бочачкі, ды поўныя золата* (вочы). Для мовы загадак даволі ўласцівым можна назваць ужыванне ў тэксце розных прыметнікаў-дэмінітываў, што апісваюць пэўныя невялікія памеры рэаліі: *Вочы чорненькія, зубкі востранькія* (мыш).

Адным з дэмінітыўных азначэнняў у многіх загадках выступае прыметнік з семантыкай 'невялікія памеры': *Маленькі, кругленькі, А до неба дакінеш* (вока). Ужыванне прыметніка *малы* з суфіксам суб'ектыўнай ацэнкі павялічвае экспрэсіўнасць мовы фальклорнага твора. І натуральна, што іншае азначэнне ў загадцы таксама ўжываецца з такім самым афіксам: *У маленькім гаршэчку смачненькая каша* (арэх); *Маленькая, сухенькая, а ўсіх адзявае* (лён). У загадках названыя спалучэнні дэмінітыўных азначэнняў выступаюць і ў кароткай форме: *Маленька-крывенька, а ўсё поле звае* (серп).

Кароткія формы прыметнікаў больш старажытныя за поўныя ад'ектывы. У агульнаўсходнеславянскай мове кароткія, або іменныя, прыметнікі выкарыстоўваліся ў сказе і ў функцыі прэдыката, і ў функцыі азначэння. Ужо ў часы выдзялення з агульнаўсходнеславянскай мовы беларускай, па звестках гісторыкаў беларускай мовы, «у жывой народнай мове (пра гэта сведчаць тыя пісьмовыя тэксты XIV-XVII ст., якія адлюстроўваюць жывую народную мову – перапіска, дзелавыя дакументы і інш.) прадуктыўнасць кароткіх прыметнікаў ва ўсіх склонах была надзвычай малая; усё большае пашырэнне набывалі поўныя прыметнікі. Паступова яны запанавалі ў атрыбутыўнай функцыі (азначэнне), з часам – і ў прэдыкатыўнай (выказнік)» [11, с. 187]. У мове загадак як фальклорных тэкстах, захаваных з часоў даўняй мінуўшчыны, кароткія формы прыметнікаў даволі актыўныя пры тым, што для сучаснай беларускай літаратурнай мовы гэтыя формы не з'яўляюцца ўласцівымі: *У богатага тонка, у беднага тоўста, затое заўсёды пры сябе* (рубахы).

У старажытнай кароткай форме ўжываюцца ў мове даследаваных тэкстаў загадак і азначэнні, выражаныя дзеепрыметнікамі. Часцей такія азначэнні ўяўляюць сабой канструкцыю дзеепрыметнага звароту: *Вісіць світа, не рукамі світа* (павуцінне). Азначальныя канструкцыі, выражаныя спалучэннем дзеепрыметнай формы з назоўнікам, у мове загадак часцей размяшчаюцца ў постпазіцыі да паяснёнага слова: *А пры боку каліта – поўна злата наліта* (печ); *Вісіць світа, золатам абліта, хто яго палае, сабе ічасця не мае* (сонца). Распаўсюджанасць постпазіцыйнага становішча дзеепрыметных зваротаў у мове загадак – спадчына ўжывання кароткіх ад'ектыўных форм у прэдыкатыўнай функцыі.

Для загадак, выяўленых на тэрыторыі г. Гомеля, уласцівыя таксама азначэнні-прыдаткі: *Сарока-белабока да хаты прыляцела, у парозе села, з-за мяжы і з усёй краіны прынесла навіны* (газета). Прыдаткі выражаюцца назоўнікамі, утворанымі ад прыметнікаў, якія, як і прыметнікі, што выкарыстоўваюцца ў тэкстах загадак, называюць найбольш дакладныя і характэрныя ўласцівасці загаданых рэалій. Многія азначэнні-прыдаткі ў мове загадак – гэта спецыфічныя ўтварэнні, якія даюць схаванаму ў тэксце аб'екту трапнае найменне і адначасова ўтрымліваюць узгадку пра істотныя якасці рэаліі. З гэтай прычыны некаторыя прыдаткі сустракаюцца выключна ў мове фальклорных тэкстаў: – *Чарныш-загарыш, куды паехаў?* – *Маўчы, кручана-верчана, сам там будзеш* (вілкі і чыгун). Ілюстрацыйны матэрыял паказвае, што, як і ў выпадку з прыметнікавымі азначэннямі, у загадках часта ўжываецца некалькі азначэнняў-прыдаткаў.

У функцыі прыдаткаў у прааналізаваных тэкстах загадак ужываюцца назоўнікі, узятыя з народна-гутарковага маўлення: *Маці таўстуха, дачка краснуха, а сын перабор пайшоў курыць ва двор* (печ, агонь, дым). У большасці выпадкаў у мове загадак ужываюцца прыдаткі з яркай утваральнай асновай. Відавочная матываванасць вытворных прыдаткаў пры пашыранасці ўжывання ў фальклорных тэкстах ад'ектываў з утваральнай асновай стварае экспрэсіўнасць і эмацыянальнасць народна-паэтычных тэкстаў загадак.

Прыведзены фальклорны матэрыял дае падставы адзначыць, што адзінкі розных фальклорных жанраў у цяперашні час працягваюць функцыянаванне не толькі на тэрыторыі абласцей, у вясковай мясцовасці, але і ў лакацыі гарадоў. Актыўна ўжываюцца ў жывым маўленні горада Гомеля разам з прыказкамі і прымаўкамі загадкі. Мове народных загадак уласціва надзвычайная выразнасць і эмацыянальнасць, якая ствараецца рознымі сродкамі. Адзін з самых пашыраных сродкаў выяўленчай выразнасці мовы загадак, выяўленых на тэрыторыі г. Гомеля – азначэнні. Азначэнні, якія выкарыстоўваюцца ў прааналізаваных загадках, дакладна называюцца самымя яскравыя і істотныя якасці і асаблівасці загаданых рэалій і з’яўляюцца трапнымі і экспрэсіўнымі моўнымі падказкамі для адгадвальніка. Паводле спосабаў граматычнага выражэння выяўляюцца азначэнні, выражаныя якаснымі прыметнікамі, сярод якіх колькасна выдзяляюцца найменні колераў. На ўжыванні адносных прыметнікаў у загадках грунтуецца метафарычнасць мовы загадак. У даследаваных загадках сустракаюцца памяншальна-ласкальныя формы прыметнікаў, а таксама дзеепрыметныя звароты. Асобным тыпам азначэнняў у загадках з’яўляюцца прыдаткі.

Літаратура

1. Станкевіч, А. А. Слоўныя сродкі наглядна-вобразнай канкрэтызацыі зместу ў беларускіх народных загадках / А. А. Станкевіч // Известия Гомельского гос. ун-та им. Ф. Скорины. – 2021. – № 1 (124). – С. 128-133.
2. Алфёрава, А. Г. Усходнеславянскія і заходнеславянскія загадкі. Вобразна-паэтычная сістэма / А. Г. Алфёрава. – Мінск : Беларуская навука, 2008. – 162 с.
3. Хазанава, К. Л. Лексіка пасіўнага ўжытку ў беларускіх народных загадках (на прыкладзе загадак Гомельшчыны) / К. Л. Хазанава // Россия и славянские народы в XIX–XXI вв. : сб. ст. мат. Международной научной конференции, Новозыбков, 28 марта 2020 г. ; под ред. В. В. Мищенко, Т. А. Мищенко, С. П. Куркина. – Брянск: ООО «Аверс», 2020. – С. 266–273.
4. Хазанава, К. Л. Запазычаная лексіка ў беларускіх і рускіх загадках / К. Л. Хазанава // Проблемы истории и культуры славян в академическом дискурсе России, Белоруссии и Сербии : сб. матер. круглого стола, Новозыбков, 12 сентября 2020 г. ; под ред. В. В. Мищенко, Т. А. Мищенко, С. П. Куркиной. – Брянск : ООО «Аверс», 2020. – С. 78-85.
5. Хазанава, К. Л. Уласныя найменні ў беларускіх загадках / К. Л. Хазанава // Известия Гомельского гос. ун-та им. Ф. Скорины. – 2020. – № 4 (121). – С. 141–146.
6. Хазанава, К. Л. Прымяненне тэкстаў загадак для развіцця сацыяльна-асобасных кампетэнцый студэнтаў / К. Л. Хазанава // Актуальные вопросы научно-методической и учебно-организационной работы: сочетание классических подходов и инновационных организационно-образовательных моделей и технологий [Электронный ресурс] : матер. республиканской науч.-метод. конф., Гомель, 12–13 марта 2020 г. / М-во образования Республики Беларусь, Гомельский гос. ун-т им. Ф. Скорины ; редкол.: И. В. Семченко (гл. ред.) [и др.]. – Электронные текстовые данные (10,5 Мб). – Гомель : ГГУ им. Ф. Скорины, 2020. – Системные требования: IE от 11 версии и выше или любой актуальный браузер, скорость доступа от 56 кбит. – Режим доступа : <http://conference.gsu.by>. – С. 319–323.
7. Хазанава, К. Л. Гукавыя сродкі арганізацыі тэксту ў беларускіх народных загадках / К. Л. Хазанава // Пытанні мастацтвазнаўства, этналогіі і фалькларыстыкі / Цэнтр даследаванняў беларускай культуры, мовы і літаратуры НАН Беларусі ; навук. рэд. А. І. Лакотка. – Мінск : Права і эканоміка, 2021. – Вып. 29. – С. 425-432.
8. Цімашэнка, Н. П. Сінтаксічныя асаблівасці беларускіх загадак / Н. П. Цімашэнка // Пытанні мастацтвазнаўства, этналогіі і фалькларыстыкі / Цэнтр даследаванняў беларускай культуры, мовы і літаратуры НАН Беларусі ; навук. рэд. А. І. Лакотка. – Мінск : Права і эканоміка, 2021. – Вып. 29. – С. 432-438.
9. Хазанава, К. Л. Аб ролі ад’ектываў у экспрэсівізацыі паэтычнага кантэксту беларускай народнай пазаабрадавай лірыкі / К. Л. Хазанава // Известия Гомельского гос. ун-та им. Ф. Скорины. – 2019. – № 1 (112). – С. 141–144.
10. Цімашэнка, Н. П. Памяншальна-ласкальныя найменні ў мове беларускіх народных песень пра каханне / Н. П. Цімашэнка // Известия Гомельского гос. ун-та им. Ф. Скорины. – 2019. – № 1 (112). – С. 145–150.
11. Янкоўскі, Ф. М. Гістарычная граматыка беларускай мовы : вучэб. дапаможнік / Ф. М. Янкоўскі. – 3-е выд., выпр. – Мінск : Вышэйшая школа, 1989. – 300 с.

Языковая актуализация коммуникативных интенций автора англоязычного научного доклада

Е.В. ХОМЕНКО

В статье представлены результаты дискурсивного анализа англоязычного научного доклада. Конкретизированы прагматические и языковые характеристики рассматриваемой жанровой разновидности научного текста. Определены языковые средства, актуализирующие коммуникативные интенции автора (употребление модальных глаголов и модальных слов, эксплицирующих семантику эпистемической необходимости и эпистемической возможности, а также модификации различных аспектов оценочной структуры – основание оценки, ее характер, субъект и объект оценки).

Ключевые слова: англоязычный научный текст, научный доклад, коммуникативная интенция автора, коммуникативная тактика, модальные глаголы, эксплицирующие семантику эпистемической необходимости, эпистемической возможности, оценочная структура, адресат.

The article presents the results of a discourse analysis of the English-language scientific report. The pragmatic and linguistic characteristics of the considered genre variety of the scientific text are specified. The linguistic means that actualize the communicative intentions of the author (such as the use of modal verbs and modal words that explicate the semantics of epistemic necessity and epistemic possibility, as well as modifications of various aspects of the evaluative structure – the basis of the evaluation, its nature, subject and object of evaluation) have been identified.

Keywords: English-language scientific text, scientific report, communicative intention of the author, communicative tactics, modal verbs that explicate the semantics of epistemic necessity, epistemic possibility, evaluative structure, addressee.

Изучение специфики функционирования лингвистических средств, обусловленной экстралингвистическим контекстом, относится к дискурсивно-прагматическим исследованиям [1, с. 35], [2]. Дискурсивно-прагматическое направление исследования научного текста предполагает выявление коммуникативно-прагматической направленности текста на определенного адресата, что выражается в специфике репрезентации научной информации посредством употребления тех или иных языковых средств и особенностях их сочетания [3], [4]. Убеждение адресата в достоверности анализируемых научных концепций и полученных выводов как результата экспериментальных исследований является основной коммуникативно-прагматической интенцией автора и рассматривается как разновидность речевого воздействия на предполагаемого адресата [5]. В процессе устной научной коммуникации осуществляется модификация оценочного отношения автора к излагаемым научным положениям, к существующим точкам зрения на рассматриваемую проблему, призванная оказать воздействие на изменение поведения адресата, т.е. на принятие последним тех или иных научных концепций [6]. Для того чтобы способы убеждения адресата дали положительный эффект, автору необходимо принимать во внимание факторы, затрагивающие как автора текста, так и адресата. К таким факторам можно отнести: правильное использование языковых средств, соответствующих определенному дискурсивному жанру, комбинаций языковых средств, направленных на выдвижение конкретных текстовых фрагментов; знание особенностей дискурсивного взаимодействия, регулирующего коммуникацию и др. [7].

Представляется, что жанровые разновидности научных текстов отличаются используемыми в них комплексами языковых средств, актуализирующих коммуникативные интенции автора и реализующие таким образом функцию речевого воздействия на адресата. В связи с этим изучение прагматического аспекта текста определенного научного жанра направлено на определение соответствующих языковых средств, выявление их воздействующих свойств и на установление корреляции между коммуникативными интенциями адресанта и особенностями их языкового выражения в тексте.

К важной исследовательской задаче в данном проблемном поле относится определение комплекса используемых в научном тексте языковых средств, соответствующих прагматической заданности текста определенного жанра (коммуникативным интенциям автора и уровню научно-профессиональной компетенции адресата). Рассмотрение специфики использования оценочных структур, модальных маркеров в качестве фактора лингвопрагматической дифференциации жанровых разновидностей англоязычного научного текста обусловлено особенностями реализации основной коммуникативной интенции адресанта – убеждением реципиента информации в достоверности обсуждаемых научных концепций и полученных выводов.

В ракурсе рассмотрения данной статьи является описание закономерностей взаимодействия вышеобозначенных языковых средств с основными прагматическими факторами (коммуникативными интенциями адресанта, типом адресата, для которого характерен определенный научный потенциал); выявление лингвоспецифичных особенностей англоязычных научных текстов такой жанровой принадлежности как научный доклад.

Научный доклад относится к особому типу научного общения, обладающему следующими характеристиками: 1) институциональностью, которая заключается: а) в подготовленном характере научного доклада (автор выстраивает собственную стратегическую линию, предусматривает вероятную точку зрения оппонента); б) в использовании средств межличностного общения, допускающих более эмоциональное воздействие на адресата); 2) интертекстуальностью, т. е. актуализацией в тексте доклада противоположных мнений: убеждение адресата в достоверности собственной концепции и проявление расхождения с той или иной концепцией; 3) коммуникативно-прагматической раздвоенностью, предполагающей ориентированность автора как на убеждение аудитории в целом в истинности собственной позиции, так и на переубеждение своих оппонентов. В качестве прототипической структурной схемы научного доклада можно рассмотреть следующую: тезис (исходное высказывание) – аргументы – антитезис (высказывание, выражающее несогласие с исходным положением) – контраргументы – заключение.

Цель проведенного экспериментального исследования заключалась в выявлении комплексов языковых средств, используемых авторами в тексте англоязычного научного доклада, обусловленных типом адресата. Для реализации вышеобозначенной цели был проведен прагматический анализ научных докладов, установлены способы языковой материализации коммуникативных интенций адресанта и прагматического воздействия на адресата. **Материалом исследования** явились тексты англоязычных научных докладов по энергетической проблематике, размещенные на официальных сайтах зарубежных университетов.

Актуальность проведенного исследования обусловлена поставленной научной задачей – определение комплексов языковых средств, дифференцирующих жанровые разновидности научного текста. Актуальность исследования определяется также необходимостью проведения модернизации технологий иноязычного обучения студентов с целью формирования компетенций, которыми должны владеть выпускники вузов технико-технологического профиля. **Новизна** полученных нами практических результатов заключается в детализации лингвистических и прагматических характеристик такого жанра англоязычного научного текста, как научный доклад. Выявлены языковые средства, актуализирующие коммуникативные интенции автора научного доклада.

Анализ текстов англоязычных научных докладов позволил установить, что реализация основной коммуникативной интенции автора доклада – отображение анализируемых объектов / явлений в конкретном ракурсе осмысления и убеждение в объективности выдвигаемой автором концепции – осуществляется при помощи коммуникативных тактик, которые в тексте доклада актуализируются посредством определенных языковых средств. В проведенном исследовании было проанализировано использование модальных модификаторов в качестве таких средств.

Для текста любого научного жанра основным является применение *коммуникативной тактики информирования*. При реализации данной тактики автор опирается на достоверные сведения об описываемых явлениях объективной действительности, используя модальные слова, эксплицирующие семантику эпистемической необходимости: *actually, of course, surely, definitely* и др. Например: *The use of biomass energy has **definitely** the potential to greatly reduce our greenhouse gas emissions* 'Использование энергии биомассы, безусловно, может

значительно снизить выбросы парниковых газов'. В данном примере показано использование модального слова эпистемической необходимости *definitely*, подчеркивающего уверенность автора в улучшении экологии.

Для научного доклада особую значимость имеет *коммуникативная тактика эксплицитное / имплицитное выражение собственной точки зрения*, предполагающая акцентирование внимания адресата на конкретных аспектах рассматриваемой проблемы, представление мнения автора на описываемый объект/явление, его критическую оценку используемых подходов при их анализе, выявление недостатков в суждениях других ученых. При этом критическое рассмотрение предметов/явлений, разбор научных ситуаций осуществляется, в основном, имплицитно.

Автор при предикатах мнения использует модальные модификаторы, цель которых – реализовать различные значения: проблематичности (*might assume* 'можно допустить', *might appear to be* 'может оказаться'); гипотетичности (*would appear* 'оказалось бы', *would seem* 'казалось бы'); объективной возможности (*can be considered* 'можно считать', *can be thought* 'можно полагать'); необходимости (*must assume* 'придется принять', *should be regarded* 'следует рассмотреть'), что позволяет автору управлять восприятием репрезентируемой информации адресатом.

Например:

– *Unlike other renewable energy sources, biomass can be considered a source of liquid fuels – biofuels – for our transportation needs* 'В отличие от других возобновляемых источников энергии, биомассу можно рассматривать как источник жидкого топлива – биотоплива – для наших транспортных нужд'. В данном примере автор использует модальный глагол *can*, реализующий значение объективной возможности.

– *We now face a threat arising from humanity's destabilizing impact on Earth's biosphere that it might seem <...>* 'Сейчас мы сталкиваемся с угрозой, исходящей от дестабилизирующего воздействия человечества на биосферу Земли, что может показаться <...>'. В приведенном примере значение проблематичности реализуется посредством модального глагола *might*, эксплицирующего семантику эпистемической возможности.

– *I would expect that the use of cofiring systems by coal-fired power plants will significantly reduce emissions, especially sulfur dioxide emissions* 'Я предполагал бы, что использование систем совместного сжигания на угольных электростанциях значительно сократит выбросы, особенно выбросы диоксида серы'. В данном случае автор эксплицирует значение гипотетичности модальным глаголом *would*.

– *Methane should be regarded as an energy source in many ways* 'Метан следует рассматривать как источник энергии во многих отношениях'. Значение необходимости реализуется посредством модального глагола *should*.

При рассмотрении существующих точек зрения на анализируемую проблему с целью увеличения прагматического воздействия используемых аргументов автор доклада применяет *коммуникативную тактику апелляции к авторитету*. При этом ссылка может быть сделана на известный адресату источник: *General Director of World Nuclear Association J. Ritch, thinks that today governments around the world are embracing nuclear power as fundamental to their strategies of national energy security* 'Генеральный директор Всемирной ядерной ассоциации Дж. Ритч считает, что сегодня правительства всего мира рассматривают ядерную энергетику как фундаментальную основу своих стратегий национальной энергетической безопасности'.

Излагая результаты проведенного исследования, автор доклада часто использует *коммуникативную тактику прогнозирования*, цель которой заключается в предвосхищении дальнейшего получения знания об исследуемом предмете /явлении. При этом используются модальные слова, эксплицирующие семантику эпистемической возможности. Например: *In the decades just ahead we could achieve nothing less than a global clean-energy revolution* 'В ближайшие десятилетия мы смогли бы совершить глобальную революцию в области чистой энергии'.

В процессе устной коммуникации особое значение имеет применение *статусно-ролевой тактики*. Как правило, автору доклада свойственно использование в своей речи языковых средств реализации эпистемической необходимости. Однако, для того чтобы подчеркнуть уважительное отношение к аудитории, может происходить замена семантики необходимости на семантику возможности. Например: *Are you sure that the countries where oil and*

gas reserves are insignificant have to use nuclear energy? I think maybe we could wait ‘Вы уверены, что страны, где запасы нефти и газа незначительны, должны использовать атомную энергию? Я думаю, может мы могли бы подождать’.

Важным условием эффективности общения докладчика и аудитории является применение коммуникативной тактики ссылка на фоновые знания адресата, предполагающей использование общих знаний коммуникантов. Так, реализация основной коммуникативной интенции автора доклада зависит от типа адресата: профессионала, имеющего глубокие знания в определенной сфере научно-профессиональной деятельности и адресата, обладающего невысоким научно-интеллектуальным потенциалом. При идентичном уровне научно-профессиональной компетенции коммуникантов уверенность адресанта маркируется модальными словами эпистемической необходимости (*certainly*). При несовпадении уровней научно-профессиональной компетенции автор доклада оперирует модальными словами эпистемической возможности (*apparently*) для получения требуемого перлокутивного эффекта. Так, в примере: *Nuclear energy may become even more competitive when national policies will be implemented to internalise external costs* ‘Ядерная энергия может стать еще более конкурентоспособной, если будет реализована национальная политика по интернализации внешних затрат’ – докладчик намеренно понижает степень уверенности в достоверности предоставляемой информации, используя модальное слово эпистемической возможности *may*, чтобы заставить адресата поразмышлять над поднятой проблемой, хотя в данном случае целесообразно использовать модальное слово эпистемической необходимости, принимая во внимание тот факт, что адресат владеет достоверной информацией.

Эффективность реализации основной коммуникативной интенции автора доклада связана также с особенностями характера оценивания, используемого в рассматриваемой жанровой разновидности научного текста. В результате проведенного эксперимента были выявлены оценочные модификации, касающиеся таких аспектов оценочной структуры, как основание оценки, ее характер, субъект оценки, объект оценки. Так, при реализации интенции, направленной на обоснование или уточнение своей первичной оценки, докладчик вводит новую оценочную шкалу, в соответствии с которой изменение основания оценки не ведет к изменению ее характера, т. е. оценка остается либо положительной, либо отрицательной. При этом могут использоваться рациональные и эмоциональные типы оценочных значений. Например: *Nuclear energy is a proven and reliable resource. This energy resource provides us with a highly efficient source of energy. Nuclear energy is a safe resource to use. The cost of nuclear energy is manageable for most countries* ‘Атомная энергия – проверенный и надежный ресурс. Этот энергетический ресурс дает нам высокоэффективный источник энергии. Ядерная энергия – безопасный ресурс. Стоимость ядерной энергии приемлема для большинства стран’. В данном примере появляются новые основания оценки для характеристики разных аспектов анализируемого объекта *nuclear energy*.

Особое значение при подготовке доклада с прагматической точки зрения имеет интенция автора, направленная на *подкрепление своей оценки* анализируемого объекта / явления *мнением других ученых*. С целью придания своим аргументам большего веса в глазах аудитории, адресант акцентирует или противопоставляет свою позицию позиции других ученых и таким образом усиливает обоснование собственной оценки. При этом адресант использует метадискурсивные клише: *I strongly believe in..., I definitely believe that..., there is no doubt that..., my personal feeling is...*, особенно в сочетании с союзом *but*, подчеркивающим разногласие между мнениями автора и других ученых. Например, *Professor Y. Amano holds the view that nuclear energy is the safest resource in comparison with other fuel resources. But it's my firm believe that there are certainly some dangers to consider when using nuclear power* ‘Профессор Ю. Аmano придерживается точки зрения, что ядерная энергия – самый безопасный ресурс по сравнению с другими топливными ресурсами. Но я твердо уверен, что при использовании ядерной энергии, безусловно, следует учитывать некоторые опасности’.

Наблюдаются случаи *анализа объекта оценки двумя или более субъектами оценки*, мнения которых совпадают, при этом характер оценки не меняется: *Expert in nuclear energy Prof. Dimas thinks that there is always the threat of an accident when working with nuclear energy. The member of World Nuclear Association Mr. Ma Kai believes that nuclear energy produces ionizing radiation as one of its side effects. I fully agree that exposure to nuclear materials can create health problems* ‘Эксперт в области атомной энергетики профессор Димас считает, что при работе с атомной энергией всегда существует угроза аварии. Член Всемирной ядерной

ассоциации г-н Ма Кай считает, что ядерная энергия производит ионизирующее излучение как один из побочных эффектов. Я полностью согласен с тем, что воздействие ядерных материалов может вызвать проблемы со здоровьем'. Для обозначения вышеупомянутой интенции докладчика используются некоторые речевые клише, выражающие согласие (*I completely agree with you..., you are certainly correct to say that...*), а также наречия (*indeed, truly*) и др.

Выявлены случаи *смены характера оценки*, которая одновременно может быть как позитивной, так и негативной. Смена характера оценки позволяет адресанту рассматривать некий объект, иллюстрируя его как положительные, так и отрицательные черты, и акцентировать внимание аудитории на наиболее важном, с его точки зрения, аспекте. В данном случае используются такие языковые средства, как: противительные конструкции, сопровождающиеся вводными словами (*but, however* 'однако', *nevertheless* 'тем не менее', *also, as well, too* 'также'): *Nuclear power is cost-competitive with all other forms of electricity generation. However the only exception to this advantage is in locations where a power plant has direct access to low-cost fossil fuels* 'Ядерная энергия конкурентоспособна по стоимости со всеми другими формами производства электроэнергии. Однако, единственное исключение из этого преимущества – места, где у электростанции есть прямой доступ к дешевым ископаемым видам топлива'. Наблюдаются случаи употребления параллельных синтаксических конструкций, которые акцентируют ключевую идею автора и выступают как средство эмоционального воздействия.

Анализ экспериментального материала позволил выявить случаи *изменения оценки объекта путем привлечения внимания адресата к оценке другого объекта*, который связан с исходным объектом определенным образом, однако эксплицитного сравнения объектов не происходит. Например: *People think that building houses that are heated entirely by solar energy is the best way to keep your home warm. As far as I'm concerned, I can't tell yet how warm the house can be. But I am absolutely sure that in terms of costs the use of solar energy is much cheaper than the use of other energy sources* 'Люди думают, что строительство домов, полностью отапливаемых солнечной энергией, – лучший способ сохранить тепло в доме. Как мне известно, я пока не могу сказать, насколько теплым может быть дом. Но я абсолютно уверен, что с точки зрения затрат использование солнечной энергии намного дешевле, чем использование других источников энергии'.

В результате проведенного нами исследования представляется возможным сделать вывод о том, что коммуникативные интенции автора доклада обуславливают дифференцированное использование таких языковых средств, как модальные глаголы и модальные слова, эксплицирующие семантику эпистемической модальности и эпистемической возможности, а также определяют изменения, касающиеся различных аспектов оценочной структуры – основания оценки, ее характера, субъекта и объекта оценки.

Литература

1. Новиков, Д. Н. Когнитивно-прагматические аспекты современной англистики и общего языкознания / Д. Н. Новиков ; Моск. гос. ин-т междунар. отношений. – М. : МГИМО-Университет, 2007. – 134 с.
2. Black, E. Pragmatic stylistics / E. Black. – Edinburgh : Edinburgh Univ. Press, 2006. – 166 p.
3. Кубрякова, Е. С. Язык и знание: На пути получения знания о языке : части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира / Е. С. Кубрякова ; Рос. акад. наук, ин-т языкознания. – М. : Яз. слав. культуры, 2004. – 555 с.
4. Чернявская, В. Е. Текстуальность как когнитивный феномен / В. Е. Чернявская // Интерпретация. Понимание. Перевод : сб. науч. ст. / С.-Петербург. гос. ун-т экономики и финансов ; отв. ред. В. Е. Чернявская. – СПб., 2005. – С. 14–28.
5. Варгина, Е. И. Научный текст: функция воздействия : автореф. дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.04 / Е. И. Варгина ; С.-Петербург. гос. ун-т. – СПб., 2004. – 31 с.
6. Чернявская, В. Е. Научный текст как социокультурный феномен / В. Е. Чернявская // Жанры и типы текста в научном и медийном дискурсе : межвуз. сб. науч. тр. / Орлов. гос. ин-т искусств и культуры ; редкол.: А. Г. Пастухов (отв. ред.) [и др.]. – Орел, 2006. – Вып. 3. – С. 17–26.
7. Perez-Llantada, C. Scientific discourse and the rhetoric of globalization : the impact of culture and language / C. Perez-Llantada. – London : Continuum Intern., 2012. – 243 p.

УДК 821.161.1-1/-9*В.Л. Кигн-Дедлов

Российская идентичность в литературном творчестве В.Л. Кигна-Дедлова

Цзи ХЭХЭ

В статье анализируется российская идентичность нашего земляка, популярного писателя конца XIX – начала XX в. В.Л. Кигна-Дедлова с трех аспектов – самоидентичности, национального отношения и национальной вовлеченности. В заключении отмечено, что его российская идентичность впервые проявилась во время работы в правительственных структурах, углублялась в поездках по Российской империи, и усиливалась перед лицом угрозы от Японии.

Ключевые слова: В.Л. Кигн-Дедлов, литературное творчество, российская идентичность, самоидентичность, национальное отношение, национальная вовлеченность.

The article analyzes the Russian identity of our fellow countryman, a popular writer of the late 19th – early 20th centuries V.L. Kign-Dedlov from three aspects – self-identity, national attitude and national involvement. In the conclusion, it is noted that his Russian identity first manifested itself while working in government structures, deepened in travels across the Russian Empire, and intensified in the face of the threat from Japan.

Keywords: V.L. Kign-Dedlov, literary works, Russian identity, self-identity, national attitude, national involvement.

В.Л. Кигн-Дедлов трагически погиб в 1908 г. в произошедшем в Рогачеве нелепом инциденте. Этот факт, как и отсутствие преемников и жизнь на окраине империи, привели к забвению известного писателя. В нашем веке при поддержке Института социальной памяти РФ были переизданы литературные произведения литератора и организованы разные мероприятия в его честь. В результате спустя примерно сто лет после смерти имя забытого писателя возвращается. Ввиду того, что в его творчестве проявляется яркая гражданская идентичность, сегодня литератора чаще всего ассоциируют как русского патриота и преданного гражданина. Опираясь на теории национальной идентичности, в статье анализируется российская идентичность В.Л. Кигна-Дедлова с разных аспектов.

В исследовании национальной идентичности прежде всего следует учесть самоидентичность. В своем творчестве В.Л. Кигн-Дедлов многократно употреблял первое лицо во множественном числе со словами территориально-политического значения: «мы, российские люди» [1, с. 44]; «если бы это были наши российские лошади» [1, с. 210]; «на всем огромном пространстве нашего царства» [1, с. 200]; «наши маньчжурские борцы, бьющиеся за нас, за Россию» [2, с. 47]; «наша страна – страна чудес» [2, с. 147]. Иногда он прямо считал себя наследником России: «неужели мы не сыны могущей России» [3, с. 174]; «так думал о нем легкомысленный турист, сын другого равнинного царства» [4, с. 34]. Несомненно, все это показывает его российскую идентичность.

В связи с тем, что на самоидентичность чаще влияют внешние факторы, в ходе исследования важно обращать внимание на национальное отношение индивида. В.Л. Кигн-Дедлов относился к России и всему связанному с ней. В первую очередь, он проявил уверенность в силе Российской империи. Так, в самом начале книги «Вокруг России», говоря о отношении русского литератора к России, автор четко отметил, что «России лезть не нужна, и нужна ей не лезть» [4, с. 28]. Увидев быстрые темпы развития русских в Оренбурге, он был полон уверенности в будущем страны: «Да, мы еще вперед, мы цивилизуем, мы цивилизуемся, но надо идти еще скорей, еще скорей! И это вполне возможно» [1, с. 34]. Говоря об освоении Дальнего Востока, он уверенно пишет: «Маньчжурия не наша, но у нас есть Китайско-Восточная железная дорога, которая имела право и полную возможность отчудить себе столько земли, сколько ей было нужно» [2, с. 68]. Во-вторых, В.Л. Кигн-Дедлов не раз показывал свою гордость за Россию. Говоря о пройденном пути русского народа, он пишет: «Все это я знаю, всем этим я горжусь, все это меня поддерживает» [1, с. 67]. Увидев просторный горизонт в

Нижнем, у него естественно поднялось настроение: «Это так же величественно, как море, но еще внушительней, <...> Тут вы почувствуете и «любовь к Отечеству» и «народную гордость» с такой силой, какую до того вам не внушить ни хрестоматии, и гимназические сочинения на эту тему» [4, с. 388]. Говоря о том, что жизнь в Маньчжурии закипает, у него появляется чувство национальной гордости и он особо подчеркивает: «уж, конечно, не китайцы содействовали этому подъему жизни» [2, с. 64], а россияне. Далее речь зашла о скорости и эффективности России. Описав то, что лишь за 10 лет Россия построила 6000 верст железной дороги в Сибири, и примерно две с половиной тысячи в Маньчжурии, он невольно восхищается: «какая волшебная сила эта «становая кость!»» [2, с. 64]. Безусловно, в этом отражается российская идентичность писателя.

Гражданская идентичность проявляется и в отношении к другим народам. Хотя киргизам и бурятам «культурности» добиться не так легко и быстро, как жителям Поволжья и Польши, В.Л. Кигн-Дедлов полагал, что все-таки Россия сможет претворять их «дикую» кровь в более «благородную», ближе подходящую к «человеку». Потому что, на его взгляд, «Россия – страна чудес, в крови русского человека заронена некая искорка, которая, если и редко превращается в светлое пламя, то всегда гонит человека прочь от векового густого мрака, тяготеющего над ним целые века» [4, с. 237]. Здесь он рассмотрел Россию как представителя высшей цивилизации, который освободит других от так называемой «низкой» цивилизации. Такое представление еще заметнее после того, как разразилась Русско-японская война. Утверждения в некоторых провинциальных газетах о стеснениях японцев, он считал бредом, и отметил, что в Японии слишком много свободы. От этого он далеко ушел: «Желтая опасность оттого и опасность, что победа желтой расы подавила бы высшую европейскую культуру, основанную на христианском братстве свободных личностей, и заменяла бы ее китайско-японской муравьиной культурой, где нет муравья, а есть только муравейник» [2, с. 21]. Нельзя отрицать, что такое чувство национального превосходства показывает российскую идентичность литератора.

Идентичность не ограничивается субъективным сознанием. Российская идентичность В.Л. Кигна-Дедлова больше отражается на практике, в национальной вовлеченности. Он активно участвует в социально-политической жизни государства. В 1882–1885 гг. в качестве члена Кахановской комиссии по разработке реформы местного управления он участвовал в подготовке доклада министра внутренних дел Александру III, в котором есть такая рекомендация: «При осуществлении реформы надлежит руководствоваться не отвлеченными принципами или чуждыми нам идеалами западно-европейской государственной теории и практики, а ясным пониманием коренных, самостоятельных основ русской государственной жизни и сознанием настоятельной необходимости строго последовательного» [5, с. 9]. Очевидно, что он как госслужащий начал рассматривать проблемы в интересах государства. Позже, услышав политику свободной торговли, он сразу выразил свою озабоченность. С учетом того, что в огромной области по Оке и северной Волге сотни сел и деревень давно превратились в фабрики, и они кормят несколько миллионов людей в регионе, В.Л. Кигн-Дедлов полагал, что устранение пошлин повредит развитию местной промышленности и в конечном итоге приведет к тому, что кустари и фабричные центральных губерний умрут от голода. Таким образом он предложил: «Раз завели обрабатывающую промышленность, – волей-неволей надо ее поддерживать. Возврата нет, спастись можно только идя вперед, до тех пор, пока мы не станем в уровень с нашими западными соседями. Иначе русская область, величиной с Германию, погибнет» [4, с. 394].

В повести «Школьные воспоминания» В.Л. Кигн-Дедлов ответственно выявил недостатки школьной системы в России. Хотя немецкая школа в целом произвела на его хорошее впечатление, ему было жалко, что школа не была национальной. Он полагал, что такая школа «делает человека менее приспособленным к жизни, делает его менее сильным для управления этой жизнью» [6, с. 136]. Видно, это наносит вред дальнейшему развитию Российской империи в долгосрочной перспективе. С его точки зрения, «идеал – в полной гармонии отдельного человека с его страной. Чем гармония полнее, тем плодотворней и энергичней работа нации и государства. Чем дальше от идеала, тем больше вялость, неуверенность и без-

результативность царят в частной и общественной жизни» [6, с. 136]. Что касается русской школы, он смело отметил, что здесь недостаточно свободы и любви к ученикам, и это оказало отрицательное психическое влияние на наивных детей. На его взгляд, учителя, надзиратели, инспектор и директор здесь не педагоги, а «самые заурядные русские чиновники, служившие по учебному ведомству, с их чиновничьим, протекцистским, титульным, подавленной иронией и сатирой, ожидающей своей очереди стать деспотизмом» [6, с. 140]. Эти замечания настолько метки, что В. Розанов оценил их так: «все русские школьные администраторы и, во главе их, министры просвещения должны быть иметь эту книгу в качестве настольной у себя» [7, с. 34]. Образование в немалой степени определяет будущее государства. И так забота о проблемах в российских школах проявляет патриотический энтузиазм писателя.

В 1890-е гг. В.Л. Кигн-Дедлов путешествовал по Российской империи. За это время он как ответственный гражданин отмечал разные проблемы в стране. В первую очередь, это противоречие между распределением ресурсов и населением. В небольшом Таболе за десять лет поселилось примерно 35000 человек, в результате «стало «тесно», – тесно с землей и с лугами: друг другу мешают, да и киргизы подняли плату до рубля. Стало тесно с лесом: несчастные Ары, Сабанкулы и проч. стали так жечь и красть, что начальство взяло их под свою опеку и охрану» [1, с. 65]. Уезд Минуса, благодаря благоприятным условиям, привлек немало переселенцев, но «скоро переполнился, и в нем стало тесно» [1, с. 295]. В.Л. Кигн-Дедлов не только описывает реальное положение, но и дальновидно отмечает возможный дисбаланс населения в стране и его последствие: «Если бы Сибирь была безгранична, она была бы опасна для России, отвлекая к себе наше растущее население и тем оставляя Россию все с прежним слабым народонаселением и тем отдаляя необходимость вырабатывать более культурные формы труда и общественности» [1, с. 326].

Во-вторых, это уничтожение окружающей среды. От Оренбурга до Орска было много дичи, птиц, родников и дождей. Перенаселенность привела к тому, что свели рощи, иссякли ключи. В результате экосистема в этом регионе разрушена: улетели птицы, развелись насекомые, настала засуха. И так сейчас здесь ужасная картина: «верст на пятьдесят во все стороны видны степь и уральские луга, и все желто, – мертвенной, бледно-серой желтизной. Ни былинки не уцелело. Засеянные поля черны, как только что вспаханные. Со времени посева здесь был только один небольшой дождь» [1, с. 47]. Ситуация вдоль реки Иртыш не лучше. Хотя земля здесь черная, «но уже истощенная довольно сильно. Леса, конечно, уничтожены, по брошенным пашням, сырým котловинам и крутым склонам оврагов засел частый тонкий березняк. Истребление леса сейчас же повело к усыханию ручьев и к уменьшению дождей. Засухи не редкость, во многих местах жалуются на недостаток воды» [1, с. 271]. В.Л. Кигн-Дедлов еще сделал сравнение между Россией и другими странами. В Польше, в Прибалтике, в Финляндии жителей радуют хорошие поля, фермы и многочисленные дикие животные, а в российской Сибири «на десятки верст от селений нет зверей, кроме вредных крыс, мышей и сусликов, нет птиц, кроме поганых ворон да галок. Сибирские кусты и уцелевшие рощи удивительно пустынные и молчаливы; не видно и не слышно и мелкой пташки. Зато оводов, слепней, комаров и мошек столько, что они заедают скотину насмерть» [1, с. 328]. Конечно, его цель в том, чтобы общественность уделяла внимание этим серьезным проблемам.

В-третьих, это бедность, голод и культурная неразвитость. В Самарской и Оренбургской губерниях он обидно отметил, что из-за шестилетнего неурожая «население обнищало и впало в какое-то нехорошее отупение» [1, с. 36]. Когда был неслышанный урожай, никто не делал запасы, лишнюю пшеницу продавали или меняли на водку. А когда наступил неурожайный год, бывший мужицкий рай Кустонай превратился в страшный город: «в нынешнем году тихо: у мужиков голод, у киргизов бескормица. В магазинах пусто, приказчиков распустили, барышей нет» [1, с. 66]. Голод еще привел к таким общественным проблемам, как воровство и драка. В Кустонае не только голод, но и отсталость. Здесь «ни садика, ни газеты, ни телеграфа, ни хорошей церкви ...» [1, с. 67]. В.Л. Кигн-Дедлов как ответственный госслужащий призывал заводить в Кустанае телеграф, школы и газеты. В Троицке также недостаточно культуры, здесь «газеты так же трудно добыть, как ананас; книжных лавок нет, даже бань

нет, даже гостиниц, даже места для гулянья» [1, с. 85]. На взгляд В.Л. Кигна-Дедлова, в городе лишь красивые и чистые купеческие дома показывают культуру. Кроме того, чтобы вызвать большое внимание, наблюдатель специально сравнил российское место с африканским. К примеру, даже в большей глуши на Ниле есть телеграф, почта, аптека, а в поселке Николаевском «лишь по слухам говорят, что ближайший телеграф в полтораста верстах, а лечит меня единственный культурный человек, случайно попавший сюда молодой ветеринарный врач» [1, с. 50]. С этим дальновидный человек ассоциирует судьбу страны. Он отметил, что «не в Петербурге, не в Москве решаются теперь будущие судьбы России, а в глухих деревнях: русских, мордовских татарских, башкирских» [1, с. 101].

В.Л. Кигн-Дедлов как российский гражданин активно защищает образ России. Перед маленькими, но сердитыми японцами, Петербург сильно расстроил себе нервы и в городе даже шли к мысли о мире. Безусловно, это не соответствует светлому образу великой империи – могучему и отважному. Таким образом, он старательно фактами доказал, что от войны народ не отлынивает. В заключение В.Л. Кигн-Дедлов утвердительно подвел итог: «о том, чтобы Россия в целом боялась войны, не сочувствовала войне, робела перед японцем, считала себя ниже японца, не может быть и речи» [2, с. 21]. Когда публика в вагонах говорит, что русский крестьянин и солдат не патриоты, он немедленно задал 3 встречных вопроса. С этой версией, конечно, он был не согласен, поэтому оправдал: «Естественный русский патриотизм тверд, как скала; <...> каждый начинает жить повышенной жизнью целого, а это целое в конце концов – Россия» [2, с. 28]. Когда в обществе возложили неудачи на фронте на бессилие России, он увидел более объективные причины: «в Маньчжурии японец «дома», а нам туда десять тысяч верст; у японца перевозка водой, а у нас в теплушках товарных вагонов, китаец японцу вроде кума, а для нас разбойник» [2, с. 18].

Известно, что протяженная территория Российской империи приобретена силой оружия за короткое время. Эту историю приукрасил В.Л. Кигн-Дедлов в своем творчестве. Игнорируя существование немалых коренных народов, он рассмотрел захваченную землю как бесхозяйственную, а саму экспансию – переселение: «вся русская история есть история «переселения», переселения землепашца с заселенной гуще привычного или с истощенной нивы на ближайшую целину или вольную землю» [2, с. 18]. Помимо этого, описывая эту историю, госслужащий специально не употреблял «негативные» слова: «Россия в 1806 г. заняла Бессарабию» [4, с. 106]; «эту полосу мы взяли себе от той же Пруссии» [1, с. 64]; «после присоединения Измаила к России» [4, с. 150]. А когда это касается других стран или народов, то использовал совершенно другие слова: «арабы завоевали нильскую долину» [8, с. 267]; «узнали о конокрадском нападении японцев на наши порт-артурские броненосцы» [2, с. 19]; «тюменская татарка – татарка особенная, подлинная, прямой потомок завоевателей Руси» [1, с. 205]. И так, под его пером были созданы два самых разных образа. В редком случае патриот признал завоевание, но к этому непременно добавлял что-то. Рассказывая о скворечницах, поставленных на бастионе Менового двора в Оренбурге, он отметил, что «это знамя русского мирного завоевания» [1, с. 34]. Говоря о завоевании Тобольска, госслужащий особо подчеркнул, что «Русская власть редко предпринимало завоевания. Если она покоряла, то в видах самозащиты» [1, с. 220]. Наряду с этим, писатель еще нарочно сделал сравнение: «От турецких зверств братушки избавились, но скоро России пришлось их избавлять от зверств молдавских» [4, с. 130]. Таким образом, Турция и Молдова стали зверскими, а Россия – великим спасителем. Патриот приукрасил и управление Российской империи в других местах. Он считает, что Варшава как важный посредник европейско-русской торговли и промышленности в течение веков не стала богатой, город расцвел «только при русском владычестве», и особо отметил, что «время наибольшего роста Варшавы начинается с 1831 г., т. е. как раз с потери поляками последних политических прав» [4, с. 44]. Благодаря России в городе население увеличилось, оживилось, появились все принадлежности промышленного и торгового города. Что касается Украины, Дедлов пишет: «Ялта, как и весь Южный берег, как и вся Новороссия, обязана своим процветанием русским» [4, с. 205]. С его точки зрения, за следом пребыванием русских, турков и татар стало меньше и меньше, и город украсился и разбогател.

Безопасность государства также волновала В.Л. Кигна-Дедлова. В постоянном увеличении мигрантов-немцев патриот ощутил огромную угрозу и предупредил, что «между нами и немцем начинается и уже началось «Борьба за существование» [1, с. 27]. Однако в такой чрезвычайной ситуации правительство империи проповедовало переселяться в Азию, поэтому он сатирически пишет: «Воображаю, как это приятно слушать немцу!» [1, с. 27]. Несомненно, здесь проявляется его недовольство существующей политикой по переселению, что обусловлено именно высокой ответственностью. Чтобы немцы не вытеснили русских из Европы, он предложил направить переселенцев «на запад и юг Европейской России, где нам грозит большая опасность. Кроме того, надо употребить все усилия, чтобы повысить экономический и культурный уровень мужика, вообще, а западного и южного, в особенности» [1, с. 27–28]. Когда наступила настоящая опасность, он смело выступил вперед. После того, как разразилась Русско-японская война, Дедлов продемонстрировал великую ответственность гражданина. Когда Михаил Меньшиков попросил его поехать на театр войны, он, недолго думая, согласился: «готов ехать, куда угодно, в Россию или за границу, в Европу или в другие части света, как угодно: по железной ли дороге, на лошадях или пешком, присматриваясь к мелочам быта и подробностям нравов, к которым меня всегда влекло и влечет» [3, с. 40]. Одним словом, главное, быть полезным стране человеком. В результате он стал первым российским фронтовым корреспондентом.

Таким образом, российская идентичность В.Л. Кигна-Дедлова проявляется в самоидентичности, национальном отношении и национальной вовлеченности. Работая госслужащим, в первой половине 1880-х гг. в разработке государственной политики он впервые проявил гражданскую идентичность. Далее, в 1890-е гг., во время поездок по Российской империи он беспокоился о самых разных проблемах в стране, заботился о государственных делах, украсил историю территориальной экспансии империи и ее управление на окраинах. При этом его российская идентичность углублялась. Во время Русско-японской войне, перед лицом угрозы от другого народа его идентичность как российского гражданина усиливалась, и в этом проявил бесстрашие и высокую степень преданности.

Литература

1. Дедлов, В. Л. Переселенцы и новые места. Панорама Сибири. Художественная публицистика / В. Л. Дедлов. – М., 2008. – 456 с.
2. Дедлов, В. Л. Мирные на войне / В. Л. Дедлов. – М. : Граница, 2010. – 256 с.
3. Скибина, О. М. Творчество В.Л. Кигна-Дедлова : Проблематика и поэтика / О. М. Скибина. – 2-е изд., испр. и доп. – Оренбург : ОГПУ, 2013. – 360 с.
4. Дедлов, В. Л. Вокруг России : Художественная публицистика / В. Л. Дедлов. – М., 2009. – 464 с.
5. Ужанов, А. Е. Главная цель – возрождение духовности / А. Е. Ужанов // Военно-промышленный курьер. – 2007. – 18–24 июля. – С. 9.
6. Дедлов, В. Л. Киевский Владимирский собор. Школьные воспоминание : Художественная публицистика / В. Л. Дедлов. – М., 2007. – 240 с.
7. Розанов, В. В. Старая и молодая Россия / В. В. Розанов // Собр. соч. : в 30 т. – М., 2004. – Т. 19. – С. 30–38.
8. Дедлов, В. Л. Приключения и впечатления в Италии и Египте. Заметки о Турции / В. Л. Дедлов. – СПб., 1888. – 482 с.

УДК 811.161.3'42'367.332:398.61(=161.3)

Сінтаксічная арганізацыя беларускіх народных загадак са структурай простага сказа

Н.П. ЦІМАШЭНКА

Аўтар разглядае сінтаксічныя асаблівасці беларускіх народных загадак са структурай простага сказа; выяўляе тыповыя формы прадстаўлення простых двухсастаўных і аднасастаўных сказаў у сінтаксічнай арганізацыі гэтых фальклорных міні-тэкстаў; праводзіць класіфікацыйны аналіз такіх сінтаксічных канструкцый.

Ключавыя словы: сінтаксічная арганізацыя, фальклор, загадка, просты сказ, двухсастаўны сказ, аднасастаўны сказ, кампаненты простага сказа.

The author examines the syntactic features of Belarusian riddles with the structure of a simple sentence; identifies the typical forms of representation of simple two-part and one-part sentences in the syntactic organization of these folklore mini-texts; conducts the classification analysis of such syntactic constructions.

Keywords: syntactic organization, folklore, riddle, simple sentence, two-part sentence, one-part sentence, components of a simple sentence.

Беларуская народная загадка вызначаецца сваёй мудрасцю, ідэйнай глыбінёй і высокай мастацкай формай. Загадкі, як і іншыя фальклорныя тэксты, уяўляюць сабой унікальны матэрыял для рознага тыпу лінгвістычных даследаванняў. У даным артыкуле наша ўвага будзе скіравана на сінтаксічную характарыстыку простых сказаў, прадстаўленых у гэтых фальклорных міні-тэкстах, якія, як правіла, у форме пытання падаюць іншасказальнае вобразнае апісанне розных прадметаў і з'яў аб'ектыўнай рэчаіснасці. Мэта артыкула – выявіць тыповыя формы прадстаўлення простых двухсастаўных і аднасастаўных сказаў у сінтаксічнай арганізацыі беларускіх загадак, правесці класіфікацыйны аналіз такіх сінтаксічных канструкцый.

Беларускія народныя загадкі, як і іншыя малыя фальклорныя формы, маюць сваю сінтаксічную структуру, якая супадае як з простым, так і са складаным сказам. Сярод простых сказаў найбольш прадстаўлены двухсастаўныя іншасказальныя апісальныя канструкцыі: *Вышэй аблакоў чырвоная птушка лятае (Сонца)* [1, с. 21]; *Сярод поля ляжыць капыток (Маладзёк)* [1, с. 27]; *Круглы хлявец повен белых авец (Гарбуз)* [1, с. 99]; *Пад соснамі, пад ёлкамі ляжыць клубок з іголкамі (Вожык)* [1, с. 164]. Тэксты загадак са структурай простага аднасастаўнага сказа менш пашыраны ў народнай творчасці: *Расцялю радзюжку, пасыплю гарошку і краец хлеба палажу (Неба, зоркі, месяц)* [1, с. 27]; *Нічым хаты не абнясеш (Мора)* [1, с. 36]. Адзінкавымі з'яўляюцца выпадкі, калі загадка складаецца з нелькіх простых сказаў: *У маці дваццаць дзетак. Усе дзеткі-адналеткі (Курыца з куранятамі)* [1, с. 150]. Ёсць арыгінальныя загадкі, пабудаваныя ў форме дыялогу: *Ляцеў лютар, сеў на калютар, пытаўся ў кудахтаркі: «А дзе твае пыхтаркі?» – «Мае пыхтаркі ў стракаў гарод пайшлі!» (Каришун, курыца, кураняты, крапіва)* [1, с. 150].

Паколькі загадкі з'яўляліся народным жанрам і існавалі, як правіла, у вуснай форме, то для гэтых міні-тэкстаў уласціва варыянтнасць: *За сцяною касцяною салавейка шчабеча (Язык)* [1, с. 115]; *За гарою салавейка пішчыць (Язык)* [1, с. 115]; *За сцяной касцяной цецярук балбоча (Язык)* [1, с. 115]; *За сцяною касцяною талалай (талалай) брэша (Язык)* [1, с. 115]; *За сцяною касцяною тарандай скача (Язык)* [1, с. 115]; *За алешнічкам, за бярэзнічкам талалайчык скача (Язык)* [1, с. 116]; *За белымі бярозамі талалай брэша (Язык)* [1, с. 116]; *Каля белага бярэзнічку талалайка скача (Язык)* [1, с. 116]; *За белым бярэзнічкам тарарай жыве (Язык)* [1, с. 116]; *За белымі варотамі талалай жыве (Язык)* [1, с. 117]; *Паміж белымі бярозамі скакунец скача (Язык)* [1, с. 117]; *За гарою воўк балбоча (Язык)* [1, с. 117]; *Ляжыць калода пасярод балота: не гніе, не сохне (Язык)* [1, с. 117]; *Пасярод балота ляжыць калода: не прасыхае і не гніе (Язык)* [1, с. 117]; *Ляжыць у балоце калода: не гніе, не плеснее (Язык)*

[1, с. 117]; *Пад печчу плашка ляжыць (Язык)* [1, с. 118]; *Пасярод лесу ануча вісіць, яна заўсёды мокра (Язык)* [1, с. 118]; *Балбоча, балбоча, ніколі не перастане (Язык)* [1, с. 118]; *Маленькі, красненькі, кароценькі, а пусці, то забрэша (Язык)* [1, с. 118]. Неабходна дадаць, што ўсе загадкі падзелены на тэматычныя групы (Прырода і чалавек, Гаспадарка і матэрыяльны быт, Грамадскі і сямейны быт і інш.), што гаворыць пра шырокі круггляд нашых продкаў, у якіх на ўсе выпадкі з жыцця была загадана загадка.

Кожная сінтаксічная канструкцыя, якая прадстаўлена ў тэкстах загадак і якая ўяўляе сабой просты двухсастаўны сказ, мае структурную схему, што з'яўляецца граматычнай формулай такога сказа. У структурны мінімум (схему) двухсастаўнага сказа, як правіла, уключаюцца кампаненты, якія арганізуюць яго прэдыкатыўнае ядро (дзеінік і выказнік). Безумоўна, самай прадуктыўнай схемай для рэалізацыі двухсастаўных канструкцый з'яўляецца спалучэнне дзейніка, выражанага назоўнікам (пытальным займеннікам) у форме назоўнага склону, і выказніка, выражанага спрагальнай формай дзеяслова (N_1-V_f): *Сіняя дзяружка ўвесь свет накрыла (Неба)* [1, с. 21]; *Па чорнай паляне нябачны пастух белых баранчыкаў ганяе (Неба, вецер, хмары)* [1, с. 21]; *Хто наўперад у цэркву уваходзіць? (Ключ)* [1, с. 269]; *Доўгае вузвышча на ўсяму свету свішча (Дарога)* [1, с. 336]; *Хто ляціць без крылляў? (Вецер)* [1, с. 382]. Акрамя таго, загадкі, прадстаўленыя двухсастаўнымі сінтаксічнымі канструкцыямі, зрэдку могуць мець структурную мадэль N_1-Adj або N_1-Part , калі дзейнік выражаны назоўнікам (пытальным займеннікам) у форме назоўнага склону, а выказнік – прыметнікам або дзеепрыметнікам у форме назоўнага склону: *Што самае мякчэйшае? (Далонь)* [1, с. 383]; *У нашага Антонка спіна тонка (Таўкач у ступе)* [1, с. 233]; *Уся дарожка ўсыпана гарошкам (Зоркі)* [1, с. 29]; *Поўна каморка клубочкаў (Мак, макаўка)* [1, с. 107]; *Што на смерці найпрыгажэйша? (Рак)* [1, с. 172]. Іншыя структурныя мадэлі не прадстаўлены ў аналізуемых загадках. Неабходна адзначыць, што ўсе сінтаксічныя кампаненты, заяўленыя ў загадцы, сэнсава важныя і неабходныя, паколькі адсутнасць нават аднаго з іх можа парушыць семантычную структуру гэтага фальклорнага жанру.

Беларускія народныя загадкі са структурай простага двухсастаўнага сказа маюць як прамы, так і адваротны парадак размяшчэння сінтаксічных кампанентаў. Граматычнае значэнне парадку слоў выяўляецца «ў замацаванасці за тым ці іншым членам сказа пэўнага месца (пазіцыі)» [2, с. 173]. Так, у двухсастаўным сказе пры прамым парадку слоў дзейнік знаходзіцца перад выказнікам (*За лесам сіні агонь гарыць (Лён цвіце)* [1, с. 82]), прамое дапаўненне – пасля выказніка (*Турак маніць курак (Певень)* [1, с. 155], *Махнула птушка пярком, накрыла ўвесь свет крылом (Ноч)* [1, с. 60]), дапасаванае азначэнне – перад паяснёным словам (*Чырвоненькі пеўнічак у зямліцы спявае (Бурак)* [1, с. 95]), акалічнасць спосабу дзеяння і меры і ступені – перад дзеясловам-выказнікам або ў пачатку сказа ў якасці дэтэрмінанта (*Рогам есць, на лапатах ходзіць (Гусь)* [1, с. 156], *Лёгка з зямлі паднімеш, а далей сваёй руці не кінеш (Птушынае пяро)* [1, с. 160]), іншыя акалічнасці не маюць фіксаванай пазіцыі (*Зімой і летам адным цветом (Елка, хвоя)* [1, с. 65]). Пры адваротным (інверсійным) парадку, напрыклад, выказнік знаходзіцца перад дзейнікам (*Стаіць певень на таку ў чырвоным каўпаку (Мак у час цвіцення)* [1, с. 105]; *На паляне сіняй пасецца конь сівы (Месяц)* [1, с. 26]; *З высокай дарогі глядзіць бычок крутарогі (Месяц)* [1, с. 26]), прамое дапаўненне стаіць перад выказнікам (*Пару лебедзяў на нітцы вяду (Валы)* [1, с. 132]; *Маленька бабушка ўвесь свет адзявае (Іголка)* [1, с. 224]; *Ваўкі вала з'елі, толькі хвост аставілі (Разабраны стог сена)* [1, с. 190], *За сцяною кошка косці грызе (Церніца)* [1, с. 217]), дапасаванае азначэнне можна сустрэць пасля паяснёнага слова (*Кабыла бела ўсе дровы паела (Печ)* [1, с. 82]; *Сярод хаты стаіць чорт рагаты (Калаўрот)* [1, с. 220]) і інш. Парадак слоў выконвае важную сінтаксічную ролю: служыць для адрознення членаў сказа. У беларускіх народных загадках вельмі часта з мэтай выразнасці, экспрэсіўнасці звычайны парадак слоў можа свядома парушацца: найбольш значны кампанент сказа выносіцца ў пачатак або канец сказа. Асаблівасцю беларускіх народных загадак з'яўляецца пастаноўка пытальнага займенніка ў пачатак сказа, у выніку чаго атрымліваецца традыцыйная пытальная канструкцыя: *Што зімою камлём уверх расце? (Ледзяшы)* [1, с. 383]; *Чаго лягчэй на свеце няма? (Думкі)* [1, с. 383]; *На чым мякчэй спаць? (На руцэ)* [1, с. 383]. Калі гэта не пытальная канструкцыя, то, як правіла, у пачатак сказа выносіцца прымета або дзеянне,

характэрнае для прадмета ці з’явы, што неабходна адгадаць: *Ляцелі чырычыкі, задраўшы лычыкі (Санкі)* [1, с. 326]; *Бягуць у лясок, задраўшы насок (Сані)* [1, с. 327]; *Белая кабыла ўсе дровы павазіла (Печ)* [1, с. 252]; *Звязаны, а ўсё скача (Венік)* [1, с. 294]; *Беленькае, кругленькае, у сярэдзіне жоўценькае (Яйцо)* [1, с. 153].

Як вядома, паводле мэты выказвання сказы падзяляюцца на апавядальныя, пыталыныя і пабуджальныя. Асаблівасцю беларускіх загадак з’яўляецца тое, што гэтыя фальклорныя тэксты са структурай простага двухсастаўнага сказа ўяўляюць сабой апавядальныя або пыталыныя сінтаксічныя пабудовы, якія маюць на мэце або паведаміць пра характэрныя рысы пэўнага прадмета ці з’явы, або задаць пытанне. Усё гэта накіравана на адно – атрымаць адказ: *Ляжыць на ложку, задраўшы ножку (Прасніца)* [1, с. 218]; *Тры браты на белым полі едуць (Пальцы, ручка, папера)* [1, с. 128]; *Без розума, а хітрая (Пастка)* [1, с. 215]; *Што ходзіць дагары нагамі? (Верацяно)* [1, с. 218]; *Які звер астаўляе птушыныя сляды? (Выдра)* [1, с. 165]; *Што такое ў чырвоных ботах рогам воду п’е? (Гусь)* [1, с. 158]; *Што нас корміць, а есці не просіць? (Зямля)* [1, с. 30]; *Хто жывы чорны, а на смерці чырвоны? (Рак)* [1, с. 173]; *Хто на сабе хатку носіць? (Слімак)* [1, с. 174]; *Хто два разы на свет родзіцца? (Птушка)* [1, с. 166]; *Хто задам ходзіць? (Рак)* [1, с. 174]. Апавядальным, пыталым, пабуджальным сказам можа надавацца эмацыянальная афарбоўка. Такія сказы з узмоцненым адценнем экспрэсіўнасці называюцца клічнымі. Дадзены тып сказа не прадстаўлены ў тэкстах загадак.

Паводле мадальнасці (адносін зместу сказа да аб’ектыўнай рэчаіснасці) у мове вылучаюцца сцвярджальныя і адмоўныя сказы. Сярод тэкстаў беларускіх загадак найбольш прадстаўлены сцвярджальныя сінтаксічныя канструкцыі: *Ва ўсіх дзетак адзенне з манетак (Рыба)* [1, с. 171]; *Чорная свінка мае тры спінкі (Грэчка)* [1, с. 86]. Адмоўныя сінтаксічныя канструкцыі прадстаўлены адзінкавымі прыкладамі. Сярод гэтага тыпу сказаў сустракаюцца як агульнаадмоўныя, дзе выражаецца поўнае адмаўленне з’яў і падзей (*Сто коней, сто валоў яйцо не пацягнуць (Зямны шар)* [1, с. 30]), так і частковаадмоўныя, дзе адмаўляюцца толькі асобныя ўласцівасці агульнай з’явы або падзеі, якая сцвярджаецца ў сказе (*Скубу не пер’е, ем не мяса (Рыба)* [1, с. 171]).

Структурная аснова любой загадкі, якая суадносіцца з простым двухсастаўным сказам, часцей за ўсё развіваецца рознымі пашыральнікамі ў функцыі даданых членаў сказа: *У лесе на прыгурку стаіць панна ў чырвоным каптурку (Суніца)* [1, с. 72]; *Прыйшла Эльжуха ў сямі кажухах (Цыбуля)* [1, с. 91]; *Рабая курыца пад лістам кубліцца (Гарбуз)* [1, с. 99]. Неразвітыя сказы, якія складаюцца толькі з галоўных членаў, адзінкава выяўлены намі ў даследаваных тэкстах: *Усё поле ў дзірачках (Іржышча)* [1, с. 191]. Тлумачыцца гэта тым, што загадкі, дзе структура сказа пашыраецца даданымі членамі, у большай ступені даюць нам уяўленне аб прадмеце ці з’яве, што трэба адгадаць. Аднак такія неразвітыя канструкцыі сустракаюцца ў якасці прэдыкатыўных частак складаных сказаў: *Нос стальны, хвост льняны (Голка з ніткай)* [1, с. 226]; *Тындэлічка невялічка, тындэль бальшой (Капуста)* [1, с. 94].

Неабходна адзначыць, што двухсастаўныя сказы-загадкі могуць ускладняцца рознымі сінтаксічнымі канструкцыямі, сярод якіх намі былі выяўлены наступныя: 1) аднародныя члены сказа: *Што ў вадзе сохне, а ў печы мокне? (Воск)* [1, с. 194]; *Вісіць сіта круглавата, залатое, навітое (Сонца)* [1, с. 22]; *Цераз палі, цераз лугі спусціліся канцы дугі (Радуга)* [1, с. 45]; *Усё там: і зямля, і неба, і вада (Кніга)* [1, с. 354]; 2) параўнальныя канструкцыі: *Нібыта фокуснік той стужкі, ён выкідае з роту стужкі (Рубанак)* [1, с. 310]; *Белы, як снег, глабоўць у воду (Гусь)* [1, с. 159]; 3) адасобленыя акалічнасці: *Упіраючыся на берагах, ляжыць дуга на быках (Вясёлка)* [1, с. 44]; *Сядзіць у клоччы, вытрашчыўшы вочы (Каноплі, канаплянае сям’я)* [1, с. 83]; *Стаіць Хадося, растрапаўшы валосця (Каноплі)* [1, с. 84]; *Стаіць Рыгор паміж гор, кіямі апёршыся (Азярод)* [1, с. 210]; *Сагнуўшыся, скорчыўшыся, па хаце скача (Венік)* [1, с. 294]. Сказ можа ўскладняцца адразу некалькімі кампанентамі, але такіх беларускіх загадак нязначная колькасць: *Выйдзе на поле, надзьмецца, як мех, заржэ па-конску, залапоча не па-польску (Гусь)* [1, с. 157].

Беларускія канструкцыі ў форме загадак, як і любыя простыя двухсастаўныя сказы, могуць ужывацца з поўным наборам неабходных для іх членаў ці з пропускам некаторых з іх. У мове загадак сустракаюцца як поўныя сказы (*Тысяча братоў адным поясам падпаясаны*

(Сноп) [1, с. 191]; *Жоўценькі вапручоначак між загародак бегае (Чаўнок)* [1, с. 222]; *Верабейка гару дзяржыць (Замок)* [1, с. 268]), так і няпоўныя сінтаксічныя канструкцыі (*Ні стучыць, ні гручыць – у ваконца глядзіць (Сонца)* [1, с. 21]; *Свеціць і грэе, весяліць і ззяе, усю зямлю ажыўляе (Сонца)* [1, с. 24]; *Вечарам нараджаецца, ноч жыве, а раницай памірае (Раса)* [1, с. 45]). Вялікая колькасць няпоўных сінтаксічных канструкцый сярод тэкстаў загадак тлумачыцца тым, што, як правіла, тое слова, якое неабходна адгадаць, і прапушчана ў тэксце загадкі. Трэба адзначыць вялікую колькасць эліптычных сказаў: *З акна ў акно – залатое верацяно (Прамень сонца)* [1, с. 26]; *У снім мяшочку шмат белых парасят (Неба і зоры)* [1, с. 27]; *Пад адным брыльком дзевяць казакоў (Лён)* [1, с. 82]; *На чалавечку тры манішкі (Цыбуля)* [1, с. 92]; *У адной дзежцы два хлебцы (Яйцо)* [1, с. 150].

Беларускія народныя загадкі таксама прадстаўлены і аднастаўнымі канструкцыямі. Перш за ўсё неабходна адзначыць, што аднастаўны сказ – гэта сказ з адным галоўным членам (суадносным ці з дзейнікам, ці з выказнікам двухстаўнага сказа, але не ідэнтычным яму), які сумяшчае ў сабе значэнне лагічнага суб'екта ці прэдыката: *Пад клёнам сяджу, бярозаю трасу (Верацяно бярозавае і грэбень кляновы)* [1, с. 218]; *Адну казу маю і тую за хвост падымаю (Прасніца)* [1, с. 218]. Аднак аднастаўныя сказы нячаста сустракаюцца ў тэкстах беларускіх загадак: *Жыву, жыву, а ліку іх не знаю. Што гэта такое? (Валасы)* [1, с. 115]; *Іду, нідзе следу не найду (Лодка на вадзе)* [1, с. 331]; *Цераз сцену сукно цягнуць (Дым)* [1, с. 261]; *На чым мякчэй спаць? (На руцэ)* [1, с. 383]; *На чым знаку не наложым? (На вадзе і агні)* [1, с. 383]. Найбольш прадстаўлены ў мове гэтых фальклорных тэкстаў канструкцыі са структурай аднастаўных пэўна-асабовых сказаў: *Хаджу на сёну, да й не шамаю (Цень)* [1, с. 54]; *Лезу, лезу, на мясную гору ўзлезу (Садзіцца на каня)* [1, с. 134]; *Нясу крывулічку ды ў тую вулічку (Лыжску ў рот)* [1, с. 244]; *Абліжы і зноў улажы (Лыжка)* [1, с. 245]; *Палажу скрылькамі, выну крошкамі (Дровы ў печы)* [1, с. 255]; *Сяджу на нагах, а хаджу на галаве (Цвік у ботах)* [1, с. 315]. Таксама ў тэкстах загадак можна сустрэць аднастаўныя няпэўна-асабовыя сказы: *Білі мяне і калацілі, а з царом разам усадзілі (Бялізна)* [1, с. 311]; *Скрозь плятня вала цягнуць (Дратва)* [1, с. 315]; *Малатамі куюць і нам даюць (Грошы)* [1, с. 342]. Адзінкавымі прыкладамі прадстаўлены безасабовыя аднастаўныя пабудовы: *У нашае цёткі гарыць у сяродкі (Самавар)* [1, с. 299]. Трэба адзначыць, што часта можна сустрэць аднастаўныя прэдыкатыўныя часткі ў межах складаных сказаў: *Кіну мякіну – выцягну таўкач (Морква)* [1, с. 102]; *Зрэжам галаву, вымем сэрца, дадзім папіць, стане гаварыць (Гусінае пярэ)* [1, с. 160]; *Цяжэла, не цяжэла, а цераз ізбу не перакінеш (Пярэ)* [1, с. 161]; *Няма грэху, ды павешаны (Мухі на столі)* [1, с. 177]; *За морам рубяць, а на наш стол шчэпкі ляцяць (Соль)* [1, с. 242]; *Сякуць, рубаюць, на моры трэскі лятаюць (Адзежу мыюць, б'юць пранікам)* [1, с. 311]. Прааналізаваныя намі фальклорны матэрыял сведчыць пра тое, што для формы загадкі ўласціва двухстаўная перадача прэдыкатыўнасці, паколькі праз двухстаўныя – як поўныя, так і няпоўныя – сінтаксічныя канструкцыі больш дакладна і ярка можна ахарактарызаваць прадметы ці з'явы аб'ектыўнай рэчаіснасці з мэтай атрымання адказу.

Такім чынам, наша даследаванне беларускіх народных загадак са структурай простага сказа паказала, што амаль кожную загадку можна разглядаць як самастойную сінтаксічную адзінку са сваёй структурнай арганізацыяй. Для любой загадкі, якая суадносіцца з простым двухстаўным і аднастаўным сказам, уласцівы ўсе тыя ж катэгарыяльныя паказчыкі, што і простамаўнаму сказу аднатыповай пабудовы.

Літаратура

1. Загадкі / пад рэд. А. С. Фядосіка. – Мінск : Навука і тэхніка, 1972. – 448 с.
2. Яўневіч, М. С. Сінтаксіс сучаснай беларускай мовы / М. С. Яўневіч, П. У. Сцяцко. – Мінск : Аверсэв, 2006. – 286 с.

УДК 821.131.1.09 (476) (092) Капэлі “18”

Папулярызатар італьянскай літаратуры на беларусіх землях у першай палове XIX стагоддзя (Луіджы Капэлі)

У.І. ЧАРОТА

Артыкул прысвечаны дзейнасці Луіджы Капэлі па папулярызацыі італьянскай літаратуры. Аўтар разглядае яго выкладчыцкую дзейнасць у Віленскім універсітэце, дзе з 1808 г. ён быў прафесарам італьянскай мовы і літаратуры. Даследчык вывучае змест укладзеных Л. Капэлі анталогій «Scelta di poesie italiane» (Vilna, 1809) і «Scelta di prose» (Vilna, 1827), аналізуе, як прадстаўлена творчасць В. Альф’еры і Ф. Петраркі ў яго артыкулах, надрукаваных на польскай мове ў часопісе «Dziennik Wileński».

Ключавыя словы: італьянская літаратура, Віленскі ўніверсітэт, Л. Капэлі, анталогіі паэзіі і прозы, В. Альф’еры, Ф. Петрарка.

The article is devoted to the activities of Luigi Cappelli for the popularization of Italian literature. The author examines his teaching activities in the University of Vilnius where he was professor of Italian language and literature from 1808. The researcher studies the contents of the anthologies «Scelta di poesie italiane» (Vilna, 1809) and «Scelta di prose» (Vilna, 1827) compiled by L. Cappelli, analyzes how the works of V. Alfieri and F. Petrarca are presented in his articles published in Polish in the magazine «Dziennik Wileński».

Keywords: Italian literature, University of Vilnius, L. Cappelli, anthologies of poetry and prose, V. Alfieri, F. Petrarca.

Як вядома, значны перыяд Вільня была цэнтрам культурнага жыцця і літоўцаў, і беларусаў. Цікава, што ў XIX ст. на яе вуліцах можна было пачуць мову Дантэ Аліг’еры, Ф. Петраркі і Дж. Бакача. Справа ў тым, што «пачынаючы з часоў біскупа Масальскага шмат італьянцаў пасялілася ў Літве, пераважна ў Вільні...» і «з цягам часу там утварылася вялікая італьянская калонія» [1, s. 735] (*Пераклад з польскай, італьянскай і рускай моў на беларускую тут і далей наш. – У.Ч.*). Мяркуючы па ўсім, некаторыя мясцовыя жыхары таксама валодалі італьянскай мовай (напрыклад, каталіцкае духавенства з тых, хто вучыўся ці жыў нейкі час у Італіі, а таксама інш.). Польская даследчыца і выкладчык універсітэта ў Венецыі Д. Паўляк слухна лічыць, што «ва ўсякім разе колькасць людзей, якія чыталі па-італьянску, павінна была быць даволі значнай, калі ў Вільні друкаваліся кнігі на гэтай мове» [2, p. 245]. А яна мае на ўвазе перш за ўсё тое, што ў 1806 г. віленскі друкар і выдавец Юзаф Завадскі апублікаваў у перакладзе прафесара лацінскай мовы і літаратуры Віленскага ўніверсітэта, рымлянна Паала Тарэнгі (актавамі з грэчаскай на італьянскую мову) трэцюю і чацвёртую кнігі «Posthomerica» Квінта Смірскага [3, s. 177]. Прычым гэта факт не адзінкавы: пасля згаданага праз два гады ў тым жа выдавецтве і выкананы тым жа П. Тарэнгі ўбачыў свет ужо поўны пераклад названага твора [3, s. 177].

Віленскі ўніверсітэт, важны цэнтр асветы, навукі і культуры, адыграў вельмі значную ролю ў распаўсюджанні і папулярызацыі італьянскай літаратуры. Маюцца звесткі, што яшчэ ў 1803 г. яго навучэнцы выказвалі жаданне вывучаць італьянскую мову і прасілі знайсці выкладчыка [1, s. 735]. Толькі ў 1808 г. прафесар грамадзянскага і крымінальнага права Віленскага ўніверсітэта (з 1804 г.) Луіджы Капэлі (Cappelli Luigi; 1776–1838), ураджэнец Пістоі, «абавязаўся выкладаць спачатку граматыку, па завяршэнні якой “указваў на мастацкія вартасці і выбар твораў, на гэтай мове напісаных”» [1, s. 735]. Цікавасць уяўляе праграма заняткаў: па паўтары гадзіны тры разы на тыдзень студэнты вывучалі мову, а раз на тыдзень чыталася лекцыя па літаратуры [1, s. 735]. Ужо цытаваны аўтар трохтомнага даследавання «Віленскі ўніверсітэт (1579–1831)» Ю. Беліньскі паведамляе: «У першыя гады ён чытаў і тлумачыў са сваімі заўвагамі “Кнігу песень” Петраркі і “Боскую камедыю” Дантэ. У 1812 г. выкладаў на тасканскім дыялекце крытычную гісторыю філасофіі, літаратуры і

вольных мастацтваў, якімі праславіліся італьянцы; і раз на тыдзень чытаў лекцыі пра заслугі і мастацкія вартасці італьянскіх пісьменнікаў. У 1813 г. выкладаў “Вызвалены Іерусалім” Таса, а курс літаратуры, паводле працы Тырабоскі. З 1815 г. выкладаў гераічныя паэмы Таса і Арыёста, выбіраючы самыя прыгожыя месцы; з лірычных паэтаў – Вінчэнца Філікая; Альф’еры – трагедыю “Віргінія”. У 1818 г. з гісторыі італьянскай літаратуры ён абраў у якасці прадмета вывучэння эпоху Дантэ, Петраркі, Бакача і Салютаці. Галоўнымі дапаможнікамі ў выкладанні літаратуры, акрамя згаданага Тырабоскі, былі для яго працы: Гравіна, Zamottego (не ўдалося высветліць, каго мае на ўвазе Ю. Белінскі. – У.Ч.), Герардзіні, Жэнгенэ і Сісмандзі» [1, s. 735–736].

Калі ставіць пытанне пра вучэбныя дапаможнікі, то высвятляецца, што ўжо ў 1808 г. ўніверсітэцкі друкар Юзаф Завадскі «для карыстання аматарам італьянскай мовы» выдаў «Нарыс па філасофіі моў» Мельхіёра Чэзароці, да якога Луіджы Капэлі падрыхтаваў заўвагі [3, s. 180]. Гэты прафесар, увагу да якога мы хочам прыцягнуць, уклаў таксама анталогію «Выбраная італьянская паэзія для карыстання тым, хто вывучае італьянскую мову ў Імператарскім Віленскім універсітэце» [4]. Змест гэтай анталогіі: драма «Алімпіяда» П’етра Метастазія (1698–1782), трагедыя «Віргінія» Віторыя Альф’еры (1749–1803), Песні VI і VII з паэмы ў актавах «Неўтаймаваны Раланд» Лудавіка Арыёста (1474–1533), «Канцона Яну III Каралю Польшчы» Вінчэнца да Філікая (1642–1707), напісаная тэрцынамі невялікая паэма «Прыгажосць Сусвету» Вінчэнца Монці (1754–1828), Песня II з паэмы ў актавах «Вызвалены Іерусалім» Тарквата Таса (1544–1595), паэтычныя творы (два санеты, тэрцына, канцона, пяць «Од Гармоніі») Анджэла Мацца (1741–1817), а таксама напісаная тэрцынамі паэма «Грамадзянскі разлад» («La Discordia Civile») Л. Капэлі. У прадмове да выдання адсутнасць у ім твораў Дантэ Аліг’еры ўкладальнік апраўдваў тым, што «цяжка было вылучыць нейкі эпизод “Боскай Камедыі”; адсутнасць жа санетаў і канцон Ф. Петраркі – тым, што “не меў пад рукой экзэмпляра”» [5, s. 12]. Так ці інакш, гэта не зусім важкія апраўданні. На тое, каб не ўключыць паэтычныя творы геніяў сусветнай літаратуры, відаць, меліся нейкія іншыя прычыны. Польскі спецыяліст па раманскай філалогіі С. Гліксэлі лічыць, што, хутчэй за ўсё, Л. Капэлі не разумеў Дантэ Аліг’еры і вышэй за яго ставіў В. Монці, называючы апошняга: «il Dante ringentilito» [5, s. 13], што можа перакладацца як «Дантэ ў больш высакародным выглядзе».

Як можна заўважыць, у зборніку прадстаўлены не толькі шэдэўры слянных мастакоў слова, але і творы значна менш прызнаных аўтараў. На нашу думку, падаючы творы А. Мацца, укладальнік ставіў мэту пазнаёміць студэнтаў з рознымі відамі вершаў, радзімай узнікнення якіх была Італія.

С. Гліксэлі і Д. Паўляк адзначаюць, што пазней Л. Капэлі ўклаў таксама анталогію «Scelta di prose» («Выбраная проза»), якая змяшчала: «Castiglione *Il Cortegiano* I, Boccaccio *Decameron* VIII 3, X 10, Della Casa *Il Galateo*, Guicciardini *Storia d’Italia* I, Alberto Lollio *Orazione della eccellenza e dignità della lingua toscana*, Paolo Frisi *Elogio del Galileo*, Machiavelli *Storie fiorentine* I» [5, s. 12], [2, p. 247]. Але кідаюцца ў вочы разыходжанні датоўкі выхаду гэтай кнігі. Так, польскі бібліёграф, гісторык літаратуры К.Ю. Эстрайхер (1827–1908) фіксуе 1817 г., агульную колькасць старонак пры гэтым не пазначаючы [6, s. 350–351]. Алічбаваны і ў шырокім доступе апынуўся асобнік выдання «Scelta di prose. – Vilna : Dalla stamperia e a spese di Giuseppe Zawadski, 1827» [7], арыгінал якога захоўваецца ў Нацыянальнай бібліятэцы Польшчы (Варшава) [8]. Прагляд гэтай электроннай копіі дазваляе высветліць наступнае: на 105 старонках кнігі (гэтая ж колькасць старонак указваецца і ў каталозе бібліятэкі) надрукаваны ўрывак з першай кнігі трактата «Прыдворны» Бальдасарэ Кастыльёнэ (1478–1529), трэцяя навела восьмага дня з «Дэкамерона» Джавані Бакача (1313–1375), фрагмент трактата «Галатэа» Джавані Дэла Каза (1503–1556), урывак з першай кнігі «Гісторыі Італіі» Франчэска Гвічардзіні (1483–1540), трошкі скарачаная прадмова да адной з кніг «Raccolta di prose fiorentine» («Зборнік фларэнтыйскай прозы») [9, p. III–XXX], але адсутнічаюць згаданыя С. Гліксэлі і Д. Паўляк дзясятая навела дзясятага дня з «Дэкамерона» Дж. Бакача, «Прамова аб дасканаласці/перавазе і вартасці тасканскай мовы» («Orazione della eccellenza e dignità della lingua toscana») Альберта Лолія, «Пахвала Галілею» Паала Фрызі

(1728–1784) і «Гісторыя Фларэнцыі» І Нікало Макіявелі (1469–1527). Раствлумачыць такое можна хіба што цалкам верагоднай акалічнасцю, што ў польскай бібліятэцы захоўваецца толькі першы том «Scelta di prose», а ў другі том прыгаданыя тэксты якраз і ўвайшлі. Дадатковае пацверджанне якраз такой версіі мы выявілі ў электронным каталозе бібліятэкі Акадэміі навук Літвы імя Урублеўскіх, дзе пазначана, што там захоўваецца двухтомнае выданне 1827 г. «Scelta di prose» (Т. 1 – 105 р. [с. – У.Ч.]; Т. 2 – 95 р.) [10]. На наш погляд, малаверагодна, што ў 1817 г. ў друкарні і коштам Ю. Завадскага ўбачыла свет першае выданне анталогіі італьянскай прозы, а ў 1827 г. – другое. Між тым, адназначная інфармацыя пра гэта пакуль што не знойдзена.

Сфера дзейнасці Л. Капэлі не абмяжоўвалася разгледжанымі фактамі. Ён папулярызаваў літаратуру сваёй радзімы таксама на старонках польскамоўнага часопіса «Dziennik Wileński» («Віленскі дзённік»), які, паводле У.І. Мархеля, належыць да ліку тых перыядычных выданняў, што «не знаходзіліся на перыферыі грамадска-культурнага руху Беларусі і, выступаючы арганізатарамі літаратурнага працэсу ў краі, ускосна ўплывалі на фарміраванне беларускай літаратуры...» [11, с. 90–91]. У названым часопісе друкаваліся два артыкулы Капэлі, прысвечаныя італьянскім мастакам слова.

Першы з іх змяшчае звесткі пра жыццё і творчасць Віторыа Альф’еры [12], прадстаўляючы яго як аўтара, які «стварыў італьянскую трагедыю, а вышынёй думкі, адзінствам і прастатой дзеяння, выдатным, ... акуратным стылем, увядзеннем жывых і моцных пачуццяў, якія намерваўся перадаць, ён паказаў на прыкладзе правілы трагічнага мастацтва і акрэсліў межы чалавечага розуму» [12, с. 277]. На думку Л. Капэлі, вяршыняй драматургіі італьянскага пісьменніка з’яўляецца трагедыя «Віргінія» – твор, «дасканалы ва ўсіх адносінах» [12, с. 279]. Папулярызатарам у адносінах да самых прыкметных твораў выкарыстоўваецца паняцце «несмяротныя». Да такіх ён адносіць трагедыі «Змова Пацы» і «Меропа» В. Альф’еры [12, с. 280]. Варта заўважыць, што Л. Капэлі не ператварае свой артыкул у хвалебны спеў на адрас італьянскага пісьменніка, нават даволі крытычна ставіцца да яго паэзіі, адзначаючы, што стыль санетаў «жарсткаваты і мала мае гармоніі», а ў напісанні од і эпіграм ён пераўзыходзіць іншымі італьянскімі паэтамі [12, с. 284]; затое сапраўдную і бяспрэчную славу В. Альф’еры здабыў і трымае першыноўствам як аўтар арыгінальных трагедый [12, с. 285].

Другі, больш грунтоўны артыкул прысвечаны творчасці і дзейнасці Франчэска Петраркі «як паэта, філолага і мараліста» [13]. Мы ў сваім разглядзе гэтай публікацыі абмяжуемся толькі той часткай, дзе гаворка ідзе пра Петрарку-паэта. Як вынікае з загаловка, гэта польскамоўная друкаваная версія прамовы дэкана аддзялення літаратуры і мастацтваў Алаізія Капэлі, якую ён чытаў па-французску на акадэмічным пасяджэнні Імператарскага Віленскага ўніверсітэта 15 лістапада 1816 г. У ім спачатку даецца характарыстыка італьянскай паэзіі, «слабой ... і недасканалай, як усе рэчы ў дзяцінстве» [13, с. 119], да прыходу ў літаратуру Франчэска Петраркі. Капэлі лічыць, што менавіта пад пяром аўтара «Кнігі песень» італьянская паэзія «набыла тую чысціню і слодыч, якая ёй уласціва» [13, с. 119]. Здзейсніць гэта і вывесці паэзію на якасна новы ўзровень Ф. Петрарка здолеў дзякуючы свайму выключнаму таленту, сутнасць якога Л. Капэлі бачыць вось у чым: «У ім з’ядналіся самыя высакародныя якасці. Не толькі жывое і выключнае ўяўленне, якое прадстаўляе перш за ўсё асобныя рэчы ў самым прывабным і кранальным выглядзе, ажыўляючы ўсё, што толькі закране; але найбольш той вытанчаны густ і далікатны выбар, які ўмее адрозніць найменшае адценне; нарэшце, тое багацце і мноства сродкаў, якімі рэчы ў розных формах здольны паказаць і ва ўсёй красе раскрыць» [13, с. 122]. Аўтар публікацыі хоць і згадвае лацінамоўныя творы вялікага паэта (паэму «Афрыка», эклогі, трактаты і г. д.), некалькі разоў цытуе іх, але асноўную ўвагу засяроджвае на вершах, напісаных па-італьянску, бо якраз яны «яму забяспечылі першае месца сярод лірычных паэтаў Новага часу» [13, с. 124]. Гэтая публікацыя ўключае на мове арыгінала санеты «Le stelle, e’l cielo, e gli elementi a prova...» (CLIV), «In qual parte del cielo, in quale idea...» (CLIX), «Se lamentar augelli o verdi fronde...» (CCLXXIX), «Ite, rime dolenti, al duro sasso...» (CCCXXXIII), якія суправаджаюцца празаічнымі перакладамі на польскую мову [13, с. 125–130]. Аднак гэтыя пераклады, як сцвярджае сам Л. Капэлі, не могуць даць поўнага

ўяўлення «пра ўзвышаную паэзію і боскую гармонію арыгінала» [13, s. 128]. На думку аўтара артыкула, яшчэ адной заслугой аўтара «Кнігі песень» з’яўляецца тое, што «да трох грацый ён дадаў чацвёртую – прыстойнасці, ... надаючы палкім пачуццям іншы кірунак, а любоўнай паэзіі – іншую мову» [13, s. 125]. Прафесар Віленскага ўніверсітэта не забыўся згадаць пра тое, што вялікага паэта па праву называюць бацькам італьянскай мовы [13, s. 119], паколькі ён зрабіў важкі ўнёсак у яе станаўленне і ўдасканаленне. Завяршаючы агляд артыкула пра Франчэска Петрарку, адзначым, што ў цэлым значэнне яго творчасці і дзейнасці аўтар публікацыі сфармуляваў наступным чынам: ён «даў новае жыццё навукам, рассяў святлом свайго генія цемру, якая ў той варварскі век усіх ахутала, і мае заслугі істотныя як для сваёй айчыны, так і для ўсёй Еўропы» [13, s. 122].

Як ужо згадвалася, Л. Капэлі належыць аўтарства паэмы «Грамадзянскі разлад». Вядома, што апрача гэтага ён напісаў «In occasione dell’orazione inaugurale letta dal consigliere e professore Giovanni Pietro Franck... il dì 29 Novembre 1804 Sonetto offerto a S.E. Monsignor Stroynowski» («3 нагоды інаўгурацыйнай прамовы, прачытанай саветнікам і прафесарам Іаганам Петэрам Франкам ... 29 лістапада 1804 Санет, прысвечаны Яго Правасхадзіцельству, Мансін’ёру Страйноўскаму») [5, s. 13]. У 1813 г. выйшаў невялікі зборнік, прысвечаны расійскаму імператару Аляксандру I, пад назвай, якая з італьянскай мовы перакладаецца так: «3 нагоды выдатных перамог, атрыманых саюзнікамі над французскай арміяй у кастрычніку месяцы 1813 года») [14]. Тут у якасці першага тэкста друкаваўся санет «Signor, poiché del grand’Impero a scempio...» прафесара Л. Капэлі [14, p. 4]. А другім па парадку ішоў тэкст пад назвай «Rendimento di grazie a Sua Divina Maestà» з падзагалоўкам «Ода Вінчэнца да Філікая, перадрукаваная і пераробленая для гэтай жа нагоды прафесарам Л. Капэлі» [14, p. 5]. Ёсць таксама інфармацыя, што ў 1814 г. ў друкарні Ю. Завадскага ўбачыла свет яшчэ адно выданне з яго «італьянскімі вершамі»: «Pel ritorno da Parigi della S.C.M. di Alessandro I. Imper. di Russia es. Poesie italiane» («На вяртанне з Парыжа Яго Імператарскай Вялікасці Аляксандра I, Імператара Расіі і г. д. Італьянскія вершы») [15, p. 59].

Калі вызначыць агульную храналогію педагагічнай працы Луіджы Капэлі ў Вільні, то трэба ўдакладніць, што на працягу 1808–1832 гг. ён выкладаў італьянскую мову і літаратуру ва ўніверсітэце [2, s. 246], [5, s. 15], а пасля яго закрыцця – «царкоўнае права ў Віленскай рымска-каталіцкай духоўнай акадэміі» [16, с. 595]. У 1838 г. прафесар вярнуўся ў Італію, дзе ў хуткім часе памёр.

Безумоўна, укладзеныя ім анталогіі спрыялі вывучэнню італьянскай мовы і распаўсюджванню ведаў пра італьянскую літаратуру сярод тых, хто валодаў мовай арыгіналаў твораў Дж. Бакача, Л. Арыёста, Б. Кастыльёнэ, Дж. Дэла Каза, Т. Таса, П. Метастазія і іншых пісьменнікаў. Не меншай заслугой прафесара Віленскага ўніверсітэта ў папулярызацыі прыгожага пісьменства яго радзімы з’яўляюцца польскамоўныя артыкулы пра В. Альф’еры і Ф. Петрарку, таму што з іх творчасцю праз гэтыя публікацыі магла азнаёміцца значна большая колькасць мясцовых чытачоў па ўсёй тэрыторыі, куды трапляў польскамоўны часопіс «Віленскі дзённік». Польская мова, у сваю чаргу, выконвала ролю пасрэдніка ў знаёмстве з набыткамі не толькі італьянскай, але і іншых заходнееўрапейскіх літаратур.

Вось што можа ўяўляць кароткі нарыс пра актыўнага папулярызатара італьянскай літаратуры на нашых землях у першай палове XIX ст.

Літаратура

1. Bieliński, J. Uniwersytet Wileński (1579–1831) : w 3 t. / J. Bieliński. – Kraków : Druk W. L. Anczyca i Spółki, 1899–1900. – Т. II. – 845 s.
2. Pawlak, D. La lingua italiana a Vilna ai tempi del giovane Mickiewicz / D. Pawlak // Per Mickiewicz. Atti del Convegno internazionale nel bicentenario della nascita di Adam Mickiewicz, Accademia Polacca di Roma, 14–16 dicembre 1998 / a cura di A. Ceccherelli, L. Marinelli, M. Piacentini, K. Żaboklicki. – Varsavia-Roma, 2001. – P. 244–252.
3. Estreicher, K. Bibliografia polska XIX. stolecia / przez K. Estreichera. – Krakow : czcionkami drukarni c.k. Uniwersytetu Jagiellońskiego, 1872. – Т. I (A–F). – 523 s.

4. Scelta di poesie italiane per uso di coloro, che si dedicano allo studio della lingua italiana nell'Università Imperiale di Vilna. – Vilna : A spese di Giuseppe Zawadzki stampatore dell'università, 1809. – 296 p.
5. Glixelli, S. O nauce języków romańskich w Wilnie : 1781–1832 (Odbitkaz Rocznika Tow. Prz. Nauk w Wilnie, t. VII) / S. Glixelli. – Wilno, 1922. – 17 s.
6. Estreicher, K. Bibliografia polska XIX. stólecia / przez K. Estreichera. – Krakow : czcionkami drukarni c.k. Uniwersytetu Jagiellońskiego, 1874. – T. II (G–L). – 634 s.
7. POLONA [Zasób elektroniczny]. – Tryb dostępu : <https://polona.pl/item/scelta-di-prose,MTE2MjczODY2/110/#index>. – Data dostępu : 22.09.2021.
8. Biblioteka Narodowa [Zasób elektroniczny]. – Tryb dostępu : [https://katalogi.bn.org.pl/discovery/fulldisplay?docid=alma991029348329705066&context=L&vid=48OMNIS_NLOP:48OMNIS_NLOP&lang=pl&search_scope=NLOP_IZ_NZ&adaptor=Local%20Search%20Engine&tab=LibraryCatalog&query=any,exact,\(OCoLC\)899816004](https://katalogi.bn.org.pl/discovery/fulldisplay?docid=alma991029348329705066&context=L&vid=48OMNIS_NLOP:48OMNIS_NLOP&lang=pl&search_scope=NLOP_IZ_NZ&adaptor=Local%20Search%20Engine&tab=LibraryCatalog&query=any,exact,(OCoLC)899816004). – Data dostępu : 22.09.2021.
9. Raccolta di prose fiorentine. Parte Prima, Volume Secondo contenente orazioni. – In Firenze : Nella Stamperia di S.A.R. Per Gio. Gaetano Tartini, e Santi Franchi, 1716. – 220 p.
10. The Wroblewski Library of the Lithuanian Academy of Sciences [Electronic resource]. – Mode of access : <https://vb.mab.lt/primo-explore/sourceRecord?vid=LMAVB&docId=MAB01000194248>. – Date of access : 22.09.2021.
11. Мархель, У. І. Прадвесце : Беларуска-польскае літаратурнае ўзаемадзеянне ў першай палавіне XIX ст. / У. І. Мархель. – Мінск : Навука і тэхніка, 1991. – 112 с.
12. Cappelli, L. Wiadomość o życiu i pismach Hrabiego Wiktora Alfieri da Asti, napisane przez Professora Capelli / L. Cappelli // Dziennik Wileński. – 1806. – II (Czerwiec). – S. 276–286.
13. Cappelli, L. Petrarca uważany jako poeta, filolog i moralista; Rzecz na posiedzeniu akademickim uniwersytetu imperatorskiego wileńskiego dnia 15 listopada 1816 roku czytana w języku francuzkim przez Aloizego Cappelli Professora i Dziekana oddziału literatury i sztuk pięknych (Tłumaczenie) / L. Cappelli // Dziennik Wileński. – 1817. – V (№ 26). – S. 118–150.
14. In occasione delle insigni vittorie riportate dagli Alleati sull'esercito francese nel mese d'Ottobre dell'anno 1813. – W Wilnie : w Drukarni J. Zawadzkiego, 1813. – 24 p.
15. Ciampi, S. Bibliografia critica delle antiche reciproche corrispondenze politiche, ecclesiastiche, scientifiche, letterarie, artistiche dell'Italia colla Russia, colla Polonia ed altre parti settentrionali; il tutto raccolto ed illustrato con brevi cenni biografici delli autori meno conosciuti da Sebastiano Ciampi / S. Ciampi. – Firenze : Per Leopoldo Allegrini e Giov. Mazzoni, 1834. – T. I. – 364 p.
16. Жукович, П. О профессорах богословского факультета Виленского университета в настоящем столетии / П. Жукович // Христианское чтение. – 1888. – № 5–6. – С. 556–595.

Крэатыўны і выхаваўчы патэнцыял беларускай біяграфічнай прозы XX стагоддзя

А. У. ЯРМОЛЕНКА

У артыкуле вызначаны і прааналізаваны креатыўны і выхаваўчы патэнцыял асобных твораў беларускай біяграфічнай прозы XX ст. На матэрыяле творчасці класікаў айчыннай літаратуры асэнсаваны вобразы рабочых, чыгуначнікаў, інжынераў, якія адлюстроўваюць этапы фарміравання і развіцця асобы чалавека. Засяроджана ўвага на ролі вывучэння біяграфічнай прозы, якая дапамагае рэалізацыі прынцыпа персаніфікацыі, засваенню каштоўнасці самаўдасканалення, пошуку творчага патэнцыялу асобы.

Ключавыя словы: выхаванне, креатыўнасць, біяграфія, чыгунка, чыгуначнік, інжынер, прафесіяналізм, патэнцыял, патрыятызм.

The article identifies and analyzes the creative and educational potential of some works of Belarusian biographical prose of the twentieth century. The images of workers, railway men, and engineers, which reflect the stages of formation and development of an individual's personality, are interpreted on the basis of the works of the classics of national literature. The focus is on the role of studying biographical prose, which helps to implement the principle of personification, mastering the value of self-improvement, finding the creative potential of the individual.

Keywords: education, creativity, biography, railway, railway man, engineer, professionalism, potential, patriotism.

Выхаванне грамадзянскай адказнасці і патрыятызму з'яўляецца адным з прыярытэтных напрамкаў у развіцці сацыяльна і духоўна развітай креатыўнай асобы. Рэалізацыя задачы маральнага ўдасканалення чалавека прадугледжвае выкарыстанне найбольш эфектыўных падыходаў для паляпшэння сацыяльна-асобасных і метапрадметных кампетэнцый падростаючага пакалення з мэтай яго пад'ёму на больш высокую ступень пазнання і творчай эвалюцыі. Развіццё творчага патэнцыялу асобы магчымае, у прыватнасці, з дапамогай выкарыстання біяграфічнай прозы беларускіх пісьменнікаў XX ст.

Выкарыстанне біяграфічных і аўтабіяграфічных твораў класікаў беларускай літаратуры, іх креатыўнага і выхаваўчага патэнцыялу садзейнічае рэалізацыі індывідуальнага падыходу да зместу выхавання, якое павінна адпавядаць патрабаванням сучаснага грамадства. Біяграфічныя творы, прысвечаныя жыццю і дзейнасці беларускіх рабочых, чыгуначнікаў, інжынераў і інш., ілюструюць этапы фарміравання і развіцця асобы чалавека. Характар і свядомасць такога чалавека раскрываюцца ў жыццёвых выпрабаваннях (Першая сусветная война, рэвалюцыя, калектывізацыя, індустрыялізацыя).

Творчую біяграфію характарызуе наяўнасць вялікага аб'ёму імпліцытнай выхаваўчай інфармацыі. Вывучэнне асобы беларускага спецыяліста-прафесіянала ў кантэксце прасторы і часу, сацыяльнага асяроддзя дае багаты матэрыял для самарэфлексіі, усведамлення маладым чалавекам свайго месца і ролі ў гісторыі. Узорам стварэння аксіялагічнай мадэлі паводзін для паслядоўнага самаўдасканалення чалавека можа служыць творчасць Максіма Іванавіча Гарэцкага (1893–1938) – беларускага пісьменніка, філосафа, грамадскага дзеяча, чарчэжніка (скончыў Горы-Горацкае каморніцкае вучылішча), каморніка (землямера) землеўпарадкавальных камісій; Уладзіслава Галубка (Уладзіслаў Іосіфавіч Голуб (1882–1937)) – беларускага драматурга, пражаніка, рэжысёра, акцёра, мастака, чыгуначніка; Міхася Ціханавіча Лынькова (1899–1975) – беларускага настаўніка і пісьменніка. Асноўнай ідэяй грамадскай і творчай дзейнасці класікаў з'яўляецца самаразвіццё і самарэалізацыя чалавека.

Чыгунка адыграла выключна важную ролю ў эканамічным, сацыяльным і культурным развіцці тэрыторыі Рэспублікі Беларусь у пачатку XX ст. і адкрыла новыя гарызонты і магчымасці. Будаўніцтва і эксплуатацыя чыгуначных ліній прынеслі новыя веды і прафесіі,

новыя тэхналогіі і, перш за ўсё, змену светапогляду. З развіццём чыгункі, укараненнем рэвалюцыйных тэхнічных сродкаў, пачала фармавацца вера ў пастаянны прагрэс чалавецтва, які ідзе да ўсё больш высокага, дасканаласці стану. Чалавек стаў асэнсоўвацца як істота прагрэсіўная і развітая. У светапоглядзе асоба перайшла ад забабонаў да навукі. З'явілася ўпэўненасць у сіле глыбокіх навуковых ведаў, перакананасць, што з дапамогай тэхнікі чалавек усё ў большай ступені авалодвае светам. Такім прагрэсіўным чалавекам паўстаў у беларускай прозе пачатку XX ст. прадстаўнік чыгуначнай прафесіі.

Беларуская мастацкая літаратура дае багаты матэрыял для аналізу вобраза чыгуначніка, яго склада розуму, стылю паводзін, характэрных асаблівасцей жыцця, якія служаць прыкладам для выхавання асобы. Беларускія пісьменнікі У. Галубок, М. Лынькоў прысвяцілі нямала праявітых твораў апісанню розных прадстаўнікоў працоўных прафесій, якія так ці інакш звязаных з чыгуначным транспартам і забяспечэннем эфектыўнай работы чыгуначнай інфраструктуры. Пісьменнікі характарызуюць адметныя асаблівасці спецыялістаў гэтай галіны, звязаныя з гарантаваннем бяспекі многіх людзей і захаваннем вялікай колькасці грузаў. У прадстаўнікоў чыгуначнай прафесіі мастацкія словы адзначаюць прафесіяналізм, веданне і захапленне родам выбранай дзейнасці, а таксама асабістыя якасці, такія як асцярожнасць, адказнасць і акуратнасць. Аўтары паказваюць «новых людзей», якіх адрозніваюць устойлівыя маральныя прынцыпы, прагрэсіўныя погляды, цяга да навукі і культуры.

Беларускі пісьменнік У. Галубок нарадзіўся ў сям'і рабочага-чыгуначніка, працаваў слесарам у Мінскім дэпо. У сферу інтарэсаў У. Галубка ўваходзіць асэнсаванне лёсу работніка чыгункі пачатку XX ст. Вобраз адказнага, прафесійнага чыгуначніка, захопленнага сваёй справай, апісаны ў апавяданні У. Галубка «Стрэлачнік» (1929). У творы аўтар ставіць героя перад праблемай маральнага выбару. Падчас рэвалюцыйных падзей 1905 г. ў Расійскай імперыі галоўны герой – добрасумленны, дысцыплінаваны спецыяліст, вымушаны вырашаць пытанне аб жыцці або смерці людзей, якія залежаць ад яго рашэння. Стрэлачнік Макар павінен прапусціць або пусціць пад адхон эшалон з салдатамі, якія едуць для падаўлення паўстання працоўных. Аўтар адлюстроўвае моцныя пакуты, маральную дылему, якая ўзнікла ў свядомасці героя, які ўсёй душой падтрымлівае барацьбу працоўных і ў той жа час не можа пайсці на парушэнне прафесійнага абавязку, ведаючы, якія ахвяры пацягне за сабой яго ўчынак. У выніку, ён пераводзіць стрэлку на згубны шлях, але дае чырвоны сігнал і толькі ненадоўга спыняе цягнік. Пасля падаўлення паўстання, стрэлачніка звальняюць з чыгункі, і яму даводзіцца пасвіць гусей, каб не памерці з голаду. Толькі зрэдку, чуючы свісток паравоза, Макар са слязамі на вачах успамінае працу, якой прысвяціў сваё жыццё: «Здалёку сталёвай істужкай мігаець рэйкі. Гарэныя праменні сонца купаюцца між рэек на пяску, а там і будка выглядае спамяж кустоў. Наплываюць успаміны 50-гадовай службы. Слёзы на вачах. За сінім борам дымок ад цягніка відаць. Сюды ён бяжыць па рэйках, дрыжыць зямля, дрыжыць і сэрца ў Макара. Гудзіць свісток – працяжна, екатліва. Пішчом Макару ў вушы лезе зык. Трасучымі рукамі ён закрывае вушы, стараецца не чуць такі дарагі і радасны і цяпер такі далёкі гук» [1, с. 570].

Выхадзец з сям'і чыгуначніка, вядомы беларускі пісьменнік М. Лынькоў многія свае творы прысвяціў жыццю чыгуначнікаў і іх сем'яў. Вобраз адданага сваёй справе спецыяліста адлюстроўвае пісьменнік у апавяданні «Андрэй Лятун» (1930). Аповяданне прасякнута павагай і любоўю да працы на чыгунцы. Аўтар падрабязна апісвае прафесійную дзейнасць машыніста, счэпшчыка, качагара. Аднак асноўная ўвага пісьменніка засяроджана на асобе галоўнага героя твора – машыніста. Большую частку свайго жыцця, з юных гадоў да старасці, герой Андрэй Сапун прысвячае рабоце на чыгунцы. У маладосці ён атрымлівае мянушку Андрэй Лятун за смелую і рызыкаўную манеру кіравання цягніком. Падчас працы машыністам паравоза ён не раз здзяйсняе адважныя ўчынкі, ратуючы сябе і пасажыраў цягніка, дзякуючы майстэрству кіравання складанай тэхнікай.

Аўтар са спагадай апісвае старасць рашучага чыгуначніка, які вымушаны перасесці з пасажырскага на манеўровы паравоз. Зоркасць, спрыт, энергія пакідаюць пажылога спецыяліста, але застаецца юнацкі запал, рамантычная прыхільнасць да прафесіі, якія падтрымліваюць сілы, надаюць сэнс жыцця: «І, калі цягнік адыходзіць ад станцыі, Андрэй заўсёды просам просіць машыніста: “Родненькі, галубок мой, дай жа я правяду крыху”. Яму

не адмаўляюць. Дрыжачай рукой націскае Андрэй на бліскучы рэгулятар, напружваецца сам, як магутны паравоз, і, радасны, прыслухоўваецца, як хліпае гарачая пара ў шырокіх паравозных трубах, як лясочуць усё шыбчэй і шыбчэй гарэзлівыя высокія колы паравоза, як пыхкае пара з-пад бліскучых, гарачых поршняў цыліндра. І, перагнуўшыся ў акенца, шырокімі грудзямі ўдыхае Андрэй пах палыну і мазуту, мерна ківаецца на сядзенні і ў такт усяму дрыжачаму паравознаму целу прыгаварвае часам: “І ляцім жа, браткі! Э-эх ляцім!.. Даганяй – не дагоніш”» [2, с. 217].

Малюючы вобразы прадстаўнікоў чыгуначнай прафесіі, пісьменнікі аб’ектыўна адлюстроўваюць працэсы палітычнай, сацыяльнай і культурнай трансфармацыі беларускага грамадства ХХ ст., яго адыход ад ранейшага традыцыйнага ўкладу, пераход да новых форм тэхналагічнага ладу, прагрэсіўных навуковых ведаў. Беларускімі пісьменнікамі асэнсаваны важнейшыя характарыстыкі асобы спецыялістаў, якія нясуць адказнасць за забеспячэнне жыццядзейнасці соцыума, жыццё і здароўе людзей, бяспеку грузаў. У. Галубок, М. Лынькоў малююць сваіх герояў адукаванымі і граматычнымі спецыялістамі, захопленымі родам выбранай дзейнасці, асцярожнымі, адказнымі і акуратнымі. Выбраная прафесія, паводле сцвярджэння пісьменнікаў, накладвае глыбокі адбітак на асабістыя характарыстыкі герояў, іх маральныя каштоўнасці і жыццёвыя арыенціры. Вернасць абавязку службы, здольнасць да самаахвяравання дзеля выратавання іншых характарызуюць чыгуначнікаў, апісаных у творах беларускіх аўтараў. У беларускай мастацкай прозе ХХ ст., такім чынам, адлюстраваны станоўчы тып прадстаўніка чыгуначнай прафесіі, які можа служыць годным прыкладам для падростаючага пакалення.

Аўтабіяграфічны, наватарскі тып героя, створаны пісьменнікам для таго, каб выказаць свае думкі, пачуцці і перажыванні, прадстаўлены ў апавяданнях «У лазні» (1913), «Роднае карэнне» (1913), «У чым яго крыўда?» (1914) [3] і аповесцях («У чым яго крыўда?» (1925–1926) [4], «Меланхолія» (1916–1921, 1928) [4], «На імперыялістычнай вайне» (1926) [5]) М. Гарэцкага. Герой пісьменніка шмат працуе над уласнай адукацыяй і выхаваннем, пераадольваючы маральныя і матэрыяльныя цяжкасці, каб вучыцца і работаць на карысць роднай краіны. Лёс інтэлігенцыі пачатку ХХ ст., даваеннае і ваеннае становішча беларускай вёскі пададзены ў апавяданнях і аповесцях М. Гарэцкага праз аналіз жыццёвага шляху аўтабіяграфічнага героя. Пісьменнік адлюстроўвае гарачае імкненне маладога інжынера да авалодання новымі ведамі, пазнання сябе і навакольнага свету. Ubачыўшы гарадское жыццё, чытаючы кнігі і часопісы, займаючыся самаадукацыяй, ён пачынае пагарджаць вёскай, крытыкаваць бытавыя і сацыяльныя ўмовы жыцця бацькоў. Але малады максіmalізм паступова змяняецца разуменнем прычын і абставін гаротнага існавання вёскі. Адмаўленне пераходзіць у разуменне і асэнсаванне. Духоўныя перажыванні галоўнага героя дапамагаюць чытачу не толькі даведацца пра мінулае, але і перажываць разам з персанажам, фарміраваць погляды, характар, выхоўваць імкненне да добра і справядлівасці.

Празаічныя творы М. Гарэцкага ствараюць такія яскравыя малюнак, што выявы і вобразы выклікаюць зваротныя эмоцыі, садзейнічаюць глыбокаму самааналізу, развіццю самасвядомасці. Сіла мастацкага слова аказвае маральнае, эстэтычнае і выхаваўчае ўздзеянне на асобу, станоўча ўплывае на розум і пачуцці, узбагачае ўнутраны свет. Узнятыя пісьменнікам пытанні безумоўна ўплываюць на сучаснае станаўленне і фарміраванне асобы і грамадства. Створаны М. Гарэцкім вобраз маладога інтэлігента, які ўласнае жыццё прысвячае служэнню радзіме і барацьбе за шчаслівую долю беларускага народа, можа служыць яскравым прыкладам для падростаючага пакалення. Выпрабаванні, якія выпадаюць на долю героя-інтэлігента, прымушаюць задумацца над уласным лёсам, цвяроза ацаніць падрыхтоўку да самастойнага жыцця і працы, вызначыць прыярытэтныя напрамкі самаразвіцця. Важным для М. Гарэцкага з’яўляецца адлюстраванне развіцця характару выхадца з сялянскага асяроддзя, станаўленне яго самасвядомасці, выбар жыццёвага шляху. Гэта неабходна таму, што лёс яго героя прадвызначае лёс той зямлі, адкуль яны родам, жыццё людзей, якія залежаць ад яго.

Такім чынам, творы У. Галубка, М. Лынькова М. Гарэцкага ў беларускай мастацкай прозе з’яўляюцца аднымі з лепшых сацыяльна-псіхалагічных, інтэлектуальна змястоўных пра жыццё і прафесійную дзейнасць рабочых, інжынераў, чыгуначнікаў. Героі пісьменнікаў

з'яўляюцца дзейнымі і мэтанакіраванымі людзьмі, прафесіяналамі, якіх хвалюе лёс краіны. Спецыялістаў клапацяць сацыяльныя і эканамічныя праблемы, яны праяўляюць бескампраміснасць, паслядоўнасць у адстойванні сваіх пазіцый і поглядаў. Героі твораў беларускіх пісьменнікаў – неардынарная, таленавітая асобы, людзі гуманістычнага мыслення. Іх прыклад садзейнічае выбару будучай прафесіі, выхаванню патрыятызму і нацыянальнай самасвядомасці, фарміраванню грамадзянскасці, маральнай і эстэтычнай культуры.

Вывучэнне біяграфічнай прозы дапамагае рэалізацыі прынцыпа персаніфікацыі, засваення каштоўнасці самаўдасканалення, пошуку творчага патэнцыялу асобы. Асэнсаванне кожнага біяграфічнага твора прадугледжвае наступныя этапы: пошукі фактараў і стымуляў самаразвіцця, спасціжэнне індыўідуальнасці героя праз ключавыя моманты яго лёсу, выбар грамадзянскай пазіцыі і асэнсаванне ролі ў гістарычным працэсе. Такі аналіз садзейнічае дасягненню мэты выхавання, якая прадугледжвае: фарміраванне грамадзянскасці, патрыятызму і нацыянальнай самасвядомасці; падрыхтоўку да самастойнага жыцця і працы; фарміраванне маральнай, эстэтычнай і экалагічнай культуры; культуры бяспекі жыццядзейнасці; авалоданне ведамі, каштоўнасцямі і навыкамі здаровага ладу жыцця; фарміраванне культуры сямейных адносін; стварэнне ўмоў для актуалізацыі ініцыятывы, паспяховага самаразвіцця і самарэалізацыі асобы.

Літаратура

1. Галубок, У. Творы : драматургія, паэзія, проза, публіцыстыка / У. Галубок ; уклад., падрыхт. тэкстаў, уступ. артыкул і камент. С. Лаўшука. – Мінск : Маст. літ., 1983. – 607 с.
2. Лынькоў, М. Збор твораў : у 8 т. / М. Лынькоў. – Мінск : Навука і тэхніка, 1981. – Т. 1 : Апавяданні, 1926–1941. – 622 с.
3. Гарэцкі, М. Збор твораў : у 4 т. / М. Гарэцкі ; аўт. прадм. А. Адамовіч. – Мінск : Маст. літ., 1984. – Т. 1. Апавяданні. – 446 с.
4. Гарэцкі, М. Збор твораў : у 4 т. / М. Гарэцкі. – Мінск : Маст. літ., 1985. – Т. 2. Апавесці. Драматычныя абразкі. – 416 с.
5. Гарэцкі, М. Збор твораў : у 4 т. / М. Гарэцкі. – Мінск : Маст. літ., 1985. – Т. 3. На імперыялістычнай вайне; Віленскія камунары. – 399 с.

Философия

УДК 2-67:316.7:008(476)

Рэлігійны аспект цывілізацыйнай самаідэнтыфікацыі ў сучаснай Беларусі

В.А. АДЗІНОЧАНКА

У артыкуле разглядаецца праблема цывілізацыйнай ідэнтыфікацыі ў сучаснай Беларусі. Яе актуальнасць абумоўлена тым, што цяпер краіна знаходзіцца на пераломным этапе свайго гістарычнага развіцця і неабходна вызначыць шляхі руху ў будучыню. Гэта звязана з выбарам пэўнай сістэмы каштоўнасцяў, што азначае цывілізацыйную ідэнтыфікацыю. У сучасным свеце выдзяляюць некалькі цывілізацый, што стварае саму магчымасць выбару. Беларусь часта апісваюць праз яе знаходжанне паміж Расіяй і Еўропай. Мы лічым, што ва ўмовах сучаснага свету неабходны іншыя падыходы да цывілізацыйнай самаідэнтыфікацыі.

Ключавыя словы: рэлігія, ідэнтыфікацыя, цывілізацыя, трансфармацыя, сучаснасць, прамежкавае становішча, глабалізацыя, поліканфесійнасць.

The article deals with the problem of civilizational identification in modern Belarus. Its relevance is due to the fact that the country is currently at a turning point in its historical development, and it is necessary to determine the way to move into the future. This is due to the choice of a certain system of values, which means civilizational identification. In the modern world, several civilizations are distinguished, which creates the very possibility of choice. Belarus is often described as being between Russia and Europe. We believe that in the conditions of the modern world, different approaches to civilizational identification are necessary.

Keywords: religion, identification, civilization, transformation, modernity, intermediate position, globalization, polyconfessionalism.

Мы прывядзем два фрагменты, у якіх гаворыцца аб рэлігійным аспекце цывілізацыйнай самаідэнтыфікацыі Беларусі. Яны з'яўляюцца класічнымі ў двух сэнсах: па-першае, належаць выдатным дзеячам нашай культуры, па-другое, змяшчаюць палажэнні, якія ў далейшым стануць адпраўнымі пры абмеркаванні беларускай самаідэнтыфікацыі.

Першы ўзяты з працы М. Багдановіча з характэрнай назвай «Хто мы такія?» (1915). Багдановіч пісаў: «Хто вы такія? Што вы за народ? Так пытаюцца ў нас, простых людзей. Але мы і самі не ведаем. Вакол усе кажуць: я – паляк, я – літвін, я – жyd. А мы нават імя свайго народа забыліся. Вось і адмаўляем: я – праваслаўны, я – каталік. Але ж гэта названне нашай веры, а не нашага народа... Мы – трэці народ рускага караню, завёмся беларусамі, і старонка наша завецца Беларусь. Ёсць паміж нас праваслаўныя, ёсць і каталікі, але народ з нас адзін, бо ўва ўсіх адна гаворка, адны звычаі, адны песні, адна вопратка, адзін лад жыцця» [1, с. 126].

Другі фрагмент, у якім акцэнт зроблены на адмоўным уплыве ідэнтыфікацыі па прыкмеце рэлігійнай прыналежнасці на фарманне беларусаў як нацыі, узяты з працы Я. Купалы «Вера і нацыянальнасць» (1914). У ім гаворыцца: «Апрача палітычнай і эканамічнай залежнасці, была і другая прычына, асляпіўшая светапогляд беларуса, – гэта рэлігійная нязгода двух хрысціянскіх абрадаў у нашым краі: каталіцтва і праваслаўя... Гэта змаганне дзвюх вер не толькі дзеліць беларусаў на дзве часці па рэлігіі, але, самае важнае, забівае ў іх свядомасць і пачуццё начыянальнай еднасці. Беларусу-католіку ўгаворваюць, што раз ён католік, то ён – паляк і не павінны братацца з тым, хто іншай веры; беларусу праваслаўнаму кажуць, што раз ён праваслаўны, то ён – расіец і католіка-беларуса павінен сцерагчыся, бо ён – паляк» [2, с. 212–213].

Пачатак ХХ ст., калі былі напісаны гэтыя працы, з'яўляецца адным з пераломных перыядаў у гісторыі нашага народа. У гэты час была дакладна сфарміравана праблема далейшага палітычнага развіцця, якую ўдалося паспяхова вырашыць. Была створана БССР са сваімі межамі, кіраўніцтвам, Акадэміяй навук, тэатрамі, музеямі і г. д.

Сучасная Беларусь утварылася ў выніку разрыву з савецкім перыядам. Ён застаўся ў мінулым, але аказвае ўплыў на наш цяперашні стан. Таму неабходна яго асэнсаванне. У гэты час быў зроблены вялізны крок у эканамічным і тэхнічным развіцці. Таксама беларускае грамадства засвоіла шэраг ідэй, на якія арыентуецца і зараз, прагрэсу, гуманізму, дэмакратыі, творчасці, роўнасці, высокай ацэнкі працы і г. д. Але, самае галоўнае, у Канстытуцыі БССР было замацавана права на свабодны выхад з ССРС, што паслужыла падставой для прыняцця 27 чэрвеня 1990 г. Вярхоўным Саветам Дэкларацыі аб дзяржаўным суверэнітэце.

Безумоўна, неабходна ўлічваць своеасаблівасць савецкага цывілізацыйнага праекта, часткай якога была БССР. Жорсткімі сродкамі ажыццяўляўся працэс паскоранай мадэрнізацыі, які ўключаў у сябе індустрыялізацыю, калектывізацыю і культурную рэвалюцыю. Таксама БССР не была самастойнай дзяржавай, яе межы ўстанаўліваліся ў Маскве, адтуль жа прызначалася кіраўніцтва.

У галіне рэлігіі праводзілася паслядоўная атэістычная палітыка, якая абгрунтоўвалася аргументамі як палітычнага, так і цывілізацыйнага характару. Рэлігія разглядалася як элемент ідэалагічнага панавання эксплуатацыйных класаў, але таксама і як забабоны. У Савецкім Саюзе лічылася, што царкву наведваюць пераважна пажылыя малапісьменныя жанчыны. Такім чынам, рэлігійнасць тлумачылася як адзін з паказчыкаў нецывілізаванасці.

Распад Савецкага Саюза азначаў не толькі палітычны, але і цывілізацыйны пералом. Па-першае, Беларусь пачала развівацца як самастойная дзяржава. Па-другое, паступова яна стала ўключацца ў парацэсы, якія адбываюцца ў сучасным свеце.

Для Беларусі змянілася сама сацыяльная рэчаіснасць. Варта ўлічваць, што апошняя ствараецца чалавекам. Яна ўтрымлівае ў сабе ўспрыманне і ўстаноўкі розных відаў і ўзроўняў, але таксама мае аб'ектыўны характар праз наяўныя інстытуты, групы і структуры паводзінаў.

Савецкі Саюз быў ідэалагізаваным грамадствам. Структура сацыяльнай рэчаіснасці задавалася падлажэннямі, сфармаванымі ў марксізме. Працэсы, якія адбываліся ў свеце, ўспрымаліся праз фармацыйную парадыгму. Менавіта яна вызначала характар сацыяльнай прасторы і часу. БССР была часткай магутнай сацыялістычнай дзяржавы, якая займала шостую частку сушы і паспяхова рухалася да пабудовы камуністычнага грамадства.

З набыццём незалежнасці актуальным зрабілася пытанне, што такое нацыя, і як яна звязана з фарміраваннем сувярэннай дзяржавы. Мы прывядзем у сувязі з гэтым нядаўняе выказванне кіраўніка Адміністрацыі Прэзідэнта І.П. Сяргееўкі: «па-сапраўднаму незалежнай дзяржава можа быць толькі пры моцнай нацыі» [3]. Яно паказальна тым, што ў якасці адной з мэтай дзяржаўнага будаўніцтва названа фарміраванне моцнай беларускай нацыі. Напэўна, зараз неабходна абмеркаваць шляхі дасягнення гэтай мэты.

У сучасных умовах адной з актуальных робіцца праблема цывілізацыйнай прыналежнасці Беларусі. Гэта перш за ўсё прадугледжвае выбар пэўнай сістэмы каштоўнасцяў. Калі выходзіць з апошняй, то Беларусь (як, дарэчы, і Расія) прыналежыць да еўрапейскай цывілізацыі.

Але таксама неабходны ўлік часовага аспекту паняцця «цывілізацыя». Першапачаткова яно ўказвала на дасягнуты ўзровень развіцця. Цывілізацыя прадугледжвае далучэнне да ўжо наяўных схем дзейнасці і прытрымліванне іх. Як прыклад можна прывесці вядомую схему амерыканскага этнографа Л. Моргана (1818–1881) «дзікасць, варварства, цывілізацыя» [4, с. 5]. Такім чынам, цывілізацыя з'яўляецца пэўным арыенцірам ў развіцці.

У сувязі з гэтым трэба ўлічваць два асноўныя падыходы да разумення прасторавага аспекту цывілізацыі. Першы зыходзіць з таго, што існуе толькі адна агульначалавечая цывілізацыя, і пры гэтым большасцю даследчыкаў няўна мяркуюць, што створана яна ў Еўропе. З гэтым звязана трактоўка мадэрнізацыі (ад фр. *moderne* – *сучасны*), якая апісваецца як запазычанні еўрапейскіх дасягненняў іншымі культурамі. Пры такім падыходзе цывілізацыйная ідэнтыфікацыя сучаснай Беларусі прадвызначана. Каб адказаць на выклікі часу, неабходна арыентавацца на еўрапейскія каштоўнасці і схемы паводзін.

Другі падыход зыходзіць з наяўнасці некалькіх цывілізацый, кожная з якіх падпарадкоўваецца сваім спецыфічным законам функцыянавання. Нараўне з еўрапейскай называюць кітайскую, індыйскую, ісламскую і іншыя цывілізацыі. Калі зыходзіць з гэтага, тады ідэнтыфікацыя сучаснай Беларусі набывае праблемны характар. Узнікае магчымасць выбару.

Пры гэтым варта ўлічваць, што паколькі ў плане тэхнічных дасягненняў у еўрапейцаў у апошнія некалькі стагоддзяў была відавочная перавага, паступова сфармавалася арыентацыя на Еўропу як цывілізацыйны стандарт.

Зараз лічыцца, што ўмовай мадэрнізацыі з'яўляецца спалучэнне еўрапейскіх прынцыпаў развіцця з традыцыйнымі нормамі, многія з якіх маюць рэлігійнае паходжанне.

У гэтым плане прыкладам з'яўляецца Кітай. Гэтая краіна за некалькі апошніх дзесяцігоддзяў зрабіла эканамічны рывок. Яго паспяховасць звязваецца самімі кітайцамі з апорай на каштоўнасці, выпрацаваныя ў межах канфуцыянства, такія як «спачуванне, справядлівае размеркаванне, свядомасць свайго абавязку, звычай і традыцыя, жаданне прыносіць карысць грамадству і арыентацыя на інтарэсы калектыву» [5, с. 17].

Неабходнасць уліку ролі рэлігійных каштоўнасцей у развіцці грамадства набыла відавочны характар з прычыны ўзмацнення ў сучасным свеце працэсу дэсекулярызацыі. У Беларусі яго найбольш наглядным паказчыкам з'яўляецца няўхільны рост колькасці зарэгістраваных рэлігійных абшчын. За перыяд з 1988 па 2021 гг. гэты лік узрос больш чым у чатыры разы, з 765 да 3395. Зарэгістравана 25 рэлігійных напрамкаў. Самымі шматлікімі з'яўляюцца хрысціяне, іх суполкі складаюць 97,2 % ад агульнай колькасці [6]. Адзначым, што поліканфесійнасць маецца шмат у якіх краінах. Нашай асаблівасцю з'яўляецца тое, што няма канфесіі, якая магла б прэтэндаваць на ролю духоўнай асновы грамадства, як гэта назіраецца ў нашых суседзяў з усходу і захаду. У Расіі такім напрамкам лічыцца праваслаўе, у Польшчы – каталіцтва.

З гэтым звязана спроба асэнсаваць цывілізацыйную ідэнтыфікацыю Беларусі праз яе прамежкавае становішча. У рэчывы дадзенага падыходу напісаны шэраг работ як навуковага, так і публіцыстычнага характару. У якасці прыкладу прывядзем зборнік з характэрнай назвай «Беларусь: ні Еўропа, ні Расія. Меркаванні беларускіх эліт» (2006), які складаўся з інтэрв'ю з вядомымі беларусамі: вучонымі, палітыкамі, бізнесменамі, дзеячамі культуры. Асноўнае пытанне, на якое складальнікі хацелі атрымаць адказ: хто такія беларусы? Лічылася, што гэта неабходна для выпрацоўкі далейшага шляху развіцця краіны. Па сутнасці размова ішла аб фармуляванні нацыянальнай ідэнтычнасці і вырашэнні пытанняў цывілізацыйнага выбару.

У атрыманых адказах пераважнай была негатыўная ідэнтыфікацыя, якая адлюстравана і ў назве зборніка: «ні Еўропа, ні Расія». Рэспандэнты казалі не пра характэрныя рысы беларусаў, а пра іх адрозненне ад суседзяў. Была зроблена наступная выснова: «Меркаванні рэспандэнтаў хутчэй пацвярджаюць, што станаўленне беларускай самасвядомасці толькі здзяйсняецца... Пры гэтым хутчэй ідзе працэс усведамлення адрознення ад іншых, чым вызначэння таго, што аб'ядноўвае беларусаў унутры саміх сябе, свайго свету, свайго соцыума» [7, с. 13].

Гэтая праблема сапраўды вельмі вострая, і зараз яна ўсведамляецца ў беларускім грамадстве. Тым не менш, яе наяўнасць сведчыць, па нашым меркаванні, не аб дэзарыентацыі, але, хутчэй, аб неабходнасці самавызначэння.

Мы лічым, што канцэпцыя прамежкавага становішча Беларусі выяўляе сапраўдныя рысы наяўнай сітуацыі, але мае абмежаванае ўжыванне. Можна назваць два яе асноўныя недахопы. Па-першае, у ёй ідэнтыфікацыя Беларусі вызначаецца звонку: Расія ці Еўропа. Па-другое, не ўлічваецца ўплыў на цывілізацыйную ідэнтыфікацыю працэсу глабалізацыі.

Вынікам разгортвання апошняй з'явілася змена прасторы ў сучасных умовах. Яна больш не залежыць ад геаграфіі. На сітуацыі ў сучаснай Беларусі ўплываюць не столькі яе блізкія суседзі, колькі працэсы глабальнага характару, перш за ўсё тое, што за кароткі час адбыўся пераход ад біпалярнага да аднапалярнага і, далей, сучаснага шматпалярнага свету.

Сучасны стан звычайна апісваецца з дапамогай выяўлення «цэнтраў сілы», якія маюць эканамічны, палітычны, ваенны характар, і вызначаюць «перыферыю», да якой адносяцца больш «слабыя» краіны. На наш погляд, гэтая схема падыходзіць для аналізу найперш палітычнай сітуацыі, адным з элементаў якой з'яўляецца супрацьборства паміж краінамі. У цывілізацыйным плане існуе больш складаная сітуацыя. Варта зыходзіць з наяўнасці неаднароднага свету і шмармернай рэчаіснасці, якая вызначаецца складаным перапляценнем узаемадзеянняў.

Таксама трэба ўлічваць гісторыю фармавання еўрапейскай цывілізацыі. Мы можам непасрэдна суаднесці з ёй падзеі ў нашай гісторыі: хрышчэнне Русі, праца першых асветнікаў, будаўніцтва храмаў, кнігадрукаванне, Рэфармацыя, дзейнасць манаскіх ардэнаў, Асветніцтва, нацыянальныя рухі, секулярызацыя, устанаўленне сацыялізму і г. д.

Зараз мы знаходзімся на пераломным этапе гісторыі. Варта адзначыць, што важную ролю ў цывілізацыйнай самарыдэнтыфікацыі мае вызначэнне шляхоў далейшага развіцця, але яно павінна ажыццяўляцца на падставе таго што ўжо створана.

Ва ўмовах сучаснай Беларусі адбываецца актуалізацыя нашай гістарычнай традыцыі і разгляд яе ў цэласнасці этапаў развіцця: Полацкага і Тураўскага княства, Вялікага Княства Літоўскага, Рэчы Паспалітай, Расійскай імперыі, Беларускай Народнай Рэспублікі, Беларускай Савецкай Сацыялістычнай Рэспублікі, незалежнай Рэспублікі Беларусь. На кожным з іх нашая цывілізацыйная прыналежнасць мела сваю якасную спецыфіку.

Мы лічым, што апісанне сучаснага становішча Беларусі праз супрацьстаянне праваслаўя і каталіцтва, як гэта рабілася на пачатку ХХ ст., не адпавядае наяўнай сітуацыі. Неабходна казаць не пра знаходжанне паміж Расеяй і Польшчай (Еўрасаюзам), але пра месца ў свеце. Сапраўды, у грамадзкай свядомасці да гэтага часу захоўваецца ўстаноўка, паводле якой праваслаўе ўспрымаецца як «руская вера», а каталіцтва – як «польская». Аднак у апошні час ад яе адмаўляюцца, у тым ліку і самі рэлігійныя арганізацыі.

Лягчэй гэта зрабіць католікам, бо каталіцтва, як на гэта ўказвае ўжо ягоная назва (ад греч. *katholikos* – *усеагульны*), адрасавана ўсім людзям. Зараз большая частка католікаў жыве ў Лацінскай Амерыцы. Адтуль жа паходзіць і цяперашні Рымскі папа Францыск.

Што да праваслаўных, то для іх праблема заключаецца ў тым, што Беларуская праваслаўная царква не з'яўляецца самастойнай, гэта частка Рускай праваслаўнай царквы. Але, на наш погляд, дадзеная акалічнасць не мае вырашальнай ролі. Механізм, які робіць Беларускаю праваслаўную царкву часткай нашага грамадства, з'яўляецца ўдзел у вырашэнні наяўных праблем.

Пры разглядзе рэлігійнага аспекту цывілізацыйнай ідэнтыфікацыі ў сучаснай Беларусі трэба ўлічваць, што краіна знаходзіцца ў стане трансфармацыі. За гады атэістычных рэпрэсій большасцю насельніцтва было страчана разуменне таго, што такое рэлігія. Яна функцыянавала на паўсядзённым узроўні і зводзілася да абрадаў і святаў. Таму сацыялагічныя даследаванні, праведзеныя ў сучаснай Беларусі, паказваюць, па-першае, высокі ўзровень рэлігійнай самаідэнтыфікацыі, па-другое, тое, што яна мае дэкларатыўны характар і слаба звязана з рэальнымі паводзінамі рэспандэнтаў. Магчыма, у далейшым, па меры развіцця рэлігійнага жыцця, сітуацыя зменіцца, і заявы будуць адпавядаць паводзінам. Але таксама трэба ўлічваць, што ў сучасных умовах праблематычна разглядаць рэлігію як адзіны духоўны кампанент еўрапейскай цывілізацыі.

Несумненна, што многія схемы светаўспрымання і паводзін, якімі мы карыстаемся, маюць хрысціянскія карані. Найперш гэта тычыцца маральных нормаў. Дадзены факт павінен быць абмеркаваны ў плане ўплыву на гісторыю.

Але еўрапейскую цывілізацыю вызначаюць таксама развіццё навукі, свабодны рынак, дэмакратыя, устаноўка на творчасць, увага да правоў чалавека, свабода меркаванняў і г. д.

У той жа час рэлігія працягвае аказваць моцны ўплыў на сістэму каштоўнасцяў і схемы паводзін. Таму нам трэба ўлічваць, што ў поліканфесійнай Беларусі фарміруюцца розныя цывілізацыйныя ўстаноўкі, у тым ліку і на рэлігійнай глебе. Гэта спараджае праблему адзінства ў краіне. Яе вырашэнне з звязана з далейшым развіццём Беларусі як незалежнай дзяржавы, ростам колькасці рэлігійных арганізацый і ўзмацненнем міжканфесійнага дыялогу.

Літаратура

1. Багдановіч, М. Хто мы такія? / М. Багдановіч // Поўны збор твораў ; рэд. У. М. Конан. – Мінск : Навука і тэхніка, 1995. – Т. III. – С. 126–127.
2. Купала, Я. Вера і нацыянальнасць / Я. Купала // Збор твораў : у 7 т. – Мінск : Навука і тэхніка, 1976. – Т. 7. – С. 212–213.
3. Сохранить лучшее и заложить основу развития. Сергеенко о главных принципах работы над Конституцией [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://www.belta.by/society/view/sohranit-luchshee-i-zalozhit-osnovu-razvitiya-sergeenko-o-glavnyh-printsipah-raboty-nad-konstitutsiej-471474-2021/>. – Дата доступа : 22.11.2021.
4. Морган Л. Г. Древнее общество, или Исследование линий человеческого прогресса от дикости через варварство к цивилизации / Л. Г. Морган. – Л. : Изд-во Института народов Севера ЦИК СССР, 1935. – 350 с.

5. Ту, В. Подъем «конфуцианской» Восточной Азии: истоки и исторический смысл / В. Ту // Полис. Политические исследования. – 2012. – № 1. – С. 7–25.
6. Религиозные общины в Республике Беларусь (на 1 января 2021 г.) [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://belarus21.by/articles/kolichestvo-religioznyh-obshhin-v-respublike-belarus-na-1-yanvara-2019-g>. – Дата доступа : 22.11.2021.
7. Беларусь: ни Европа, ни Россия: мнения белорусских элит / под ред. В. Булгакова. – Варшава : Архе, 2006. – 268 с.

Гомельский государственный
университет имени Франциска Скорины

Поступила в редакцию 25.11.2021

УДК 821.161.1-1*С.А.Есенин:801.73:130.2

С.А. Есенин в зеркале философской герменевтики

В.Н. КАЛМЫКОВ

Талантливый русский поэт Сергей Александрович Есенин (1895–1925), разумеется, не был профессиональным философом. Однако анализ текстов литературного творчества поэта дает возможность через интерпретацию вычленить определенные философские позиции Есенина, что и является предметом нашего исследования. Продемонстрировано, что представления Есенина перекликаются с взглядами Ф.М. Достоевского, А.П. Чехова, Л.Н. Толстого, Л.Н. Гумилева.

Ключевые слова: герменевтика, дуализм, интерпретация, искусство, коммуникация, символ, субъективность, текст, философская антропология, экзистенциализм.

The talented Russian poet Sergei Alexandrovich Yesenin (1895–1925) certainly was not a professional philosopher. However, the analysis of his literary works makes it possible, while interpreting, to isolate certain philosophical positions of the poet. And this is the subject of the present research. The article shows that Yesenin's ideas resonate with the views of F.M. Dostoevsky, A.P. Chekhov, L.N. Tolstoy, and L.N. Gumilyov.

Keywords: hermeneutics, dualism, interpretation, art, communication, symbol, subjectivity, text, philosophical anthropology, existentialism.

С.А. Есенин – яркий представитель искусства. Искусство, наряду с мифологией, религией и эмпирическими знаниями, выступает как один из духовных источников возникновения философии и органично вплетено в философию. Искусство способствовало зарождению философии через развитие феномена созерцания как первообщения человека с миром. Развивались наблюдение, переживание, воображение, чувство сопричастности к Универсуму, моменты образно-метафорического и символического познания. Искусство, по мнению Ф. Шеллинга, – это высшая ступень развития культуры. Оно изображает подлинную сущность в мгновении становления. В этом же ключе, по нашему представлению, находятся мысли Есенина, вызвавшего динамику бытия, одной из центральных категорий философии:

«Все мы, все мы в этом мире тленны,
Тихо льется с кленов листьев медь.
Будь же ты вовек благословенно,
Что пришло процвеств и умереть» [1, с. 149].

Эстетическое (художественное) сознание смягчает определенную стандартизацию жизни, вносит в духовный мир личности образность, эмоциональную окрашенность восприятия действительности, формирует творческое воображение, в целом способствует сбалансированности в развитии абстрактного и конкретного мышления, обеспечивает ценностно-мотивирующее поведение человека. Слова поэта: «Жизнь – обман с чарующей тоскою» [1, с. 213] развенчивает обыденность (стандартизацию) жизни. Что касается поэзии, оригинальным представителем которой является Есенин, то, как отметил современный российский философ Д.И. Дубровский, «поэтические образы и метафоры – мощный творческий стимул развития интеллекта..., разрушают устоявшиеся... клише» [2, с. 41]. А разве не об этом, развенчании серости жизни, приведенные строки из поэзии Есенина? Образы и метафоры создают в нашем мышлении «новые ценностно-смысловые образования и векторы активности, просветляют духовный мир» [2, с. 41].

Согласно К. Ясперсу, в коммуникации достигается осознание бытия. Имеются два главных объекта интерпретации – реальные события, фрагменты природы и человеческой деятельности и тексты. Герменевтика – совокупность правил и техник понимания и истолкования текста. Герменевтические процедуры используются не только в литературоведческих, но и в исторических, юридических и других науках, нацеленных на анализ объективированных результатов сознательной человеческой деятельности. В философской герменевтике текст рассматривается как «след», отсылающий к многообразию культурных практик, как пересечение различных контекстов и фрагментов опыта, перемещение в чужую субъективность.

В герменевтике фигурируют в качестве объекта текст или речь, автор этого текста и интерпретатор. Текст, по мнению У. Эко, создан для того, чтобы спровоцировать его толкование [3, с. 51]. Интерпретация текста зависит как от глубины содержания самого текста, так и от компетенции читателя, исследователя текста. Наивный читатель почти всегда находится в плену смысловой стратегии автора, а искушенный, самостоятельно мыслящий читатель стремится переосмыслить написанное. При этом вводятся допущения (домысливания). По мнению одного из теоретиков философской герменевтики Г.Г. Гадамера, наше понимание носит исторический характер. Проиллюстрируем это одним примером. Допуская доммысливание, можно, пожалуй, полагать с определенной долей вероятности, что И. Кант и Г. Гегель подошли к идее переплетения разнообразия общественной жизни (локализации) и единства (глобализации). Кант, как известно, провозглашал, что каждая нация должна иметь мужество пользоваться собственным умом, а Гегель был приверженцем системной универсальности в развитии мира.

«Додумывание», перемещение в чужую, в данном случае есенинскую, субъективность мы проделывали, когда выше «офилософствовали» строки стихов Есенина (и в дальнейшем намерены это осуществлять). В этом процессе, конечно, необходимо соблюдение меры. Можно предполагать, что на повышение общей культуры Есенина, в том числе философской, повлиял факт нахождения поэта в роли вольнослушателя на историко-философском отделении в Московском городском народном университете (1913 г.).

Значимым антропологическим направлением является экзистенциализм, философия человеческого существования (М. Хайдеггер, К. Ясперс, Г. Марсель, Ж.-П. Сартр, А. Камю и др.). Серьезное влияние на формирование антропологической философии оказали представители искусства. Так, Ф.М. Достоевский через искусство проникал в глубины человека, показал природу зла (бесовщины) и высочайших взлетов человеческого духа, исследовал внутреннюю динамику личности через отношение «я – я», показал, что человек загадочен, соткан из противоречий. А.П. Чехов продемонстрировал способы человеческого существования (переживания, страдания, вера, любовь, эмоции), ориентацию на гармонию в человеке внутренней и внешней сторон. В один ряд с этими мыслителями можно поставить и С.А. Есенина. Он вел активный образ жизни (многочисленные встречи с друзьями и контакты со многими женщинами, трижды официально был женат, путешествия по стране и в зарубежные государства и т. д.), который выразил в словах «Коль гореть, так уж гореть сгорая» [1, с. 207].

С. Есенин – певец любви, сторонник дуализма мужского и женского начал в интимных отношениях, что нашло отражение в его творчестве.

«Я среди женщин тебя не первую...

Немало вас» [1, с. 156].

«Много девушек я перещупал,

Много женщин в углах прижимал» [1, с. 158].

«Много женщин меня любило,

Да и сам я любил не одну» [1, с. 166].

«Жить – так жить, любить – так уж влюбляться.

В лунном золоте целуйся и гуляй» [1, с. 231].

«Так хочется к телу прижать

Обнаженные груди берез» [1, с. 117].

В этих строках у поэта воедино слиты любовь к природе и к женщине.

В гимне, прославляющем сочетание мужского и женского (Инь и Ян в древнекитайской философии), Есенин, конечно, не одинок. Искусство на протяжении сотен лет воспеваает обозначенный дуализм. Например, у писателя эпохи Возрождения Дж. Боккаччо в «Декамероне» в многоцветье разных тем, коллизий и образов царит Эрос. Секс как культурный феномен взаимоотношений противоположных полов в исходном своем измерении (инстинкт продолжения рода) предполагает социальное – коммуникацию, общение. В сексе сочетаются физиологичность и культурная ангажированность. Культура не только ущемляет любовную жизнь, но и усложняет ее, делает более красивой, изысканной, тонкой, телесной и вместе с тем духовной. Социализация превращает животную страсть в человеческую любовь. Современный антропологический кризис как выражение проблематичности бытия человека, имеет

множество форм и причин. Пожалуй, главное сущностное проявление антропологического кризиса состоит в попытках заменить естественный, нормальный дуализм мужского и женского на нетрадиционную ориентацию сексуальных меньшинств, порождающую угрозу негарантированности человеческого существования, его выживаемости.

В мире имеет место также экологической кризис. Одну из его граней поэт выразил так:

«Как в смирительную рубашку,
Мы природу берем в бетон» [1, с. 167].

В своем творчестве Есенин – волшебник русского пейзажа. Ультраэмоциональная окрашенность восприятия мира, природы выражена, например, так:

«О Русь, – малиновое поле
И синь, упавшая в реку.
Люблю до радости и боли
Твою озерную тоску» [1, с. 87].

Природа у поэта находится в вечном движении, изменении. Есенин прибегает к приему олицетворения природы. Черемуха у него «спит в белой накидке», вербы и березы – плачут, тополи – шепчут, осень – рыжая кобыла – чешет гриву, ели, словно колья, упираются в небо. Видимо, на поэта оказало влияние язычество. Итак, мир, природа предстают у поэта как совокупность символов. Символ показывает умение автора находить скрытое значение того или иного явления, предмета. Дистанция во времени позволяет проявиться подлинному смыслу события. С. Есенин в стихотворении «Письмо к женщине» писал: «Большое видится на расстоянии» [3, с. 110]. Функция символов – воплощать в себе особым образом закодированную информацию, позволяющую людям согласовывать виды деятельности.

Позиции С.А. Есенина переключаются не только с взглядами Достоевского и Чехова, но и других русских мыслителей, в частности, Л.Н. Толстого. Помимо всемирно известных романов и повестей, перу Л.Н. Толстого принадлежит ряд трактатов философско-публицистического содержания: «Исследование догматического богословия», «Исповедь», «В чем моя вера?», «Царство божие внутри нас», «Путь жизни» и др. В области философской антропологии Толстой пришел к идее опрощения, согласно которой высшее благо человека и человечества заключается в простоте, свойственной человеку, живущему непосредственно в природе. О простоте рассуждал и Есенин:

«Жить нужно легче, жить нужно проще,
Все принимая, что есть на свете» [1, с. 251].
«И когда тебе грустно,
Казаться улыбчивым и простым,
Самое высшее в мире искусство» [4, с. 289].

Совершенное общество Толстой представил в виде совокупности крестьян-земледельцев, объединенных в общины, собственным трудом, преимущественно физическим, добывающих себе средства к существованию. Во многом аналогичные мысли выразил Есенин. Деревня, огороженная околицей, есть Есенинская Русь, отрезанная от большого мира. Русь у него многолика: «задумчивая и нежная», смиренная и буйственная, нищая и веселая. Поэт как бы подошел к предельной антиномичности, противоречивости бытия.

В идеальном обществе Толстого отношения людей становятся чистыми, личности избавляются от лицемерия, от всех чуждых народу порождений цивилизации, от частной собственности. В этом направлении мыслил и Есенин. Он идеализировал патриархальность: «чугунному поезду» как символу цивилизации противопоставил «красногривого жеребца», скачущего за поездом «по большой траве»:

«Милый, милый, смешной дуралей,
Ну куда он, куда он гонится?
Неужель он не знает, что живых коней
Победила стальная конница?» [4, с. 80].

Есенин – певец крестьянской Руси, стремился постигнуть «коммуной вздыбленную Русь», хотя чувствовал себя поэтом «Руси уходящей», «золотом бревенчатой избы». Основой есенинского мироздания является изба со всеми ее атрибутами.

В рынке человек становится экономически зрелым, но часто духовно, нравственно, эстетически беднее. Если Толстой негативно относился в некоторых высказываниях к частной собственности, то Есенин, выражая социал-демократические идеи, которые, вероятно, возникли у него в результате наблюдения жизни в Западной Европе и США во время его путешествий, отметил изъяны рынка и трудности в выражении духовного мира человека.

«На цилиндры, шапо и кепи
Дождик акций свистит и льет.
Вот где вам мировые цепи,
Вот где вам мировое жулье.
Если хочешь здесь душу выржать,
То сочтут: или глуп, или пьян» [4, с. 143].

У Есенина «душу выржать» (а не выразить) не описка, а аллегорический прием, образное представление абстрактных понятий и отвлеченных идей в искусстве.

Воззрения Л.Н. Толстого и С.А. Есенина противоречивы: общегуманистическая ориентация, критика товарного фетишизма, предметообожания (вещизма), сочетается с утопией.

Л.Н. Гумилев считал, что в этносах пассионарии, активные целеустремленные индивиды, способны вести за собой пассивную субпассионарную массу. Действительно, новации первоначально предлагают творческое меньшинство, преодолевая консерватизм большинства. С. Есенин также был противником нивелировки людей, видимо, понимая, что каждый человек, если прибегнуть к современной терминологии, вносит неодинаковый вклад в создание общественного богатства.

«Не каждый умеет петь,
Не каждому дано яблоком
Падать к чужим ногам» [4, с. 82].

Возможно, в данном сопоставлении взглядов Гумилева и Есенина допущена «натяжка», а может быть, здесь есть элемент истины?

Ранее отмечалось, что И. Кант проводил мысль о том, что каждая нация должна жить собственным умом, то есть по существу Кант был патриотом своей Родины. Любовь к Родине, выраженная в том числе через библейские образы, красной нитью проходит и через все творчество С. Есенина.

«Если крикнет рать святая:
«Кинь ты Русь, живи в раю».
Я скажу: «не надо рая,
Дайте родину мою» [1, с. 64].
«Тебе одной плету венки,
Цветами сыплю стежку серую.
О Русь, покойный уголок,
Тебя люблю, тебе и верую» [4, с. 357].

Есенину свойственно, пожалуй, раздвоение. Искренне, чувствами, он любит Русь патриархальную, «покойный уголок».

«Русь моя, деревянная Русь.
Я один твой певец и глашатай» [1, с. 140].

Вместе с тем рассудком Есенин понимает и новую Русь, хотя и сомневается в своей пригодности к новой жизни:

«Я не знаю, что будет со мною...
Может, в новую жизнь не гожусь,
Но я все же хочу стальнойю
Видеть бедную, нищую Русь» [1, с. 341].

Раздвоение в мыслях породило смятение в духовном мире поэта, которое сопровождало всю его короткую, но блистательную жизнь.

Многие исследователи писали о личности и творчестве С.А. Есенина. Из множества публикаций о Есенине назовем лишь две [5], [6].

Я попытался посредством интерпретации, сопоставления позиций поэта со взглядами других мыслителей выделить некоторые философские идеи (или предыдеи) в поэзии Есенина, то есть представить его как «философствующего» поэта. Философствование – одна из граней красочной палитры творчества С.А. Есенина.

Литература

1. Есенин, С. Собрание сочинений : в 3 т. / С. Есенин. – М., 1970. – Т. 1. – 383 с.
2. Дубровский, Д. И. Задача создания Общего искусственного интеллекта и проблема сознания / Д. И. Дубровский // Философские науки. – 2021. – № 1. – С. 13–44.
3. Эко, У. Откровения молодого романиста / У. Эко. – М., 2013. – 315 с.
4. Есенин, С. Собрание сочинений : в 3 т. / С. Есенин. – М., 1970. – Т. 2. – 447 с.
5. Скороходов, М. В. Сергей Есенин : истоки творчества (вопросы научной биографии) / М. В. Скороходов ; отв. ред. Т. К. Савченко. – М. : ИМП РАН, 2014. – 384 с.
6. Юсов, Н. Г. Известный и неизвестный Есенин / Н. Г. Юсов. – М. : Новый индекс, 2012. – 640 с.

Гомельский государственный
университет имени Франциска Скорины

Поступила в редакцию 30.11.2021

УДК 165.62:801.73:94(100): 327.5. "1939-1945":821.112.2-1*П.Целан

Феноменологическая герменевтика события Холокоста на основе «Tenebrae» Пауля Целана

Д.В. МАЛАХОВ

Основным предметом феноменологической герменевтики в настоящей статье выступает свидетельство П. Целана о смысле Холокоста, данное им в стихотворении «Tenebrae». В качестве основной анализируемой автором философской интерпретации, посвящённой проблеме корреляции смысла «Tenebrae» с событием Холокоста, избирается интерпретация Х.-Г. Гадамера. В ходе встречного рассуждения автор приходит к заключению о манифестации в произведении П. Целана сoteriологически направленного деяния, субъектом которого выступают жертвы нацистских лагерей смерти. Рассматриваются теологические и антропологические составляющие деяния. Для обозначения специфики применяемой феноменологической герменевтики предлагается концепт «метагерменевтики». В рамках данного концепта и в контексте проведённой интерпретации «Tenebrae» подвергаются критике отдельные подходы, принятые в современной западной философии в отношении форм ценностно-мировоззренческой актуализации памяти о Холокосте.

Ключевые слова: Холокост, Целан, Гадамер, свидетельство, феноменология, герменевтика, метагерменевтика, теология, имманентное, трансцендентное, темпоральность.

The main subject of phenomenological hermeneutics in this article is the testimony of P. Celan about the sense of the Holocaust, given by him in his verse «Tenebrae». As an analysis, the main author of the philosophical interpretation devoted to the problem of correlating the meaning of «Tenebrae» with the Holocaust event, the interpretation of H.-G. Gadamer is chosen. In the course of counter-reasoning, the author concludes about the manifestation in the verse of P. Celan of a soteriologically directed act, the subject of which is the victims of the Nazi death camps. The theological and anthropological components of the act are considered. To indicate the specifics of phenomenological hermeneutics the concept of «metahermeneutics» is nominated. Within the framework of this concept and in the context of the interpretation of «Tenebrae», the approaches adopted in the modern philosophy of memory in relation to the formality and ideological actualization of the Holocaust are analysed and criticized.

Keywords: Holocaust, Celan, Gadamer, testimony, phenomenology, hermeneutics, metahermeneutics, theology, immanent, transcendental, temporality.

Творчество австрийского поэта Пауля Целана (1920–1970 гг.) сосредоточено на событии Холокоста. Сложность философской герменевтики, приступающей к наследию Целана, обусловливается как структурной сложностью его поэзии, так и предельной трагедией темы, разворачивающейся под его пером – уничтожения еврейского народа в нацистских лагерях смерти. Поэзии Целана посвящены тысячи страниц философских исследований. Мы остановимся на герменевтике «Tenebrae» («Тьма» – *лат.*) Ханса-Георга Гадамера. Причиной концентрации внимания на Гадамере является его беспрецедентная смелость и философская глубина исследования христологической канвы «Tenebrae». Действительно, в отличие от основного корпуса стихотворений Целана, в «Tenebrae» прямо утверждается единство судеб еврейских узников лагерей смерти и Христа. Настоящая работа ставит целью ответить на вопрос, в какой мере поэтическое свидетельство Целана проясняет смысл события Холокоста для современного мира.

В современных западных социально-гуманитарных науках, занимающихся проблемой историко-культурной памяти (*Memory Studies*), событие Холокоста активно рассматривается с точки зрения необходимости предупреждения актуализации форм любого тоталитарного режима. Можно сказать, что подобная установка предполагает манифестацию Холокоста как своеобразного эталона претерпевания физических и духовных мук, его приоритетного социально-политического статуса как символа преступной сущности всех тоталитарных режимов. В то же время, присутствие Холокоста в социально-культурном пространстве смыслов европейской и, шире, западной, цивилизации определяется прагматически: оставаться непостижимой в своей сущности раной на теле истории – раной-лекарством от беспомощности того, чем в

действительности может обернуться любой «тоталитарный проект». Социальная перспектива складывается, на первый взгляд, вполне гуманная, заботливо-охранительная. Но так ли это на самом деле, ведь согласно указанной позиции, проникновение в смысл этого трагического события если и возможно, то недопустимо. Молчание о смысле Холокоста, вплоть до отрицания его смысла как такового [1, с. 76], является условием сохранения *тайны*, исходя из которой сегодняшние и будущие поколения призываются западной культурой к действенному отвержению любых форм государственности, которые ассоциировались бы у *них* (в том числе на уровне предположений и домыслов) с режимом, ответственным за Холокост. Логика рассуждения приблизительно такова: если смысл выявлен, то интенсивность формирующего общества присутствия тайны снимается, антитоталитарная установка теряет экзистенциальную силу.

С нашей точки зрения, ценностно-мировоззренческая установка на запрет интеллектуального усилия, направленного на обретение смысла Холокоста, имеет далеко идущие разрушительные последствия, особенно для тех стран, которые, как Беларусь и Россия, выступили в годы Второй Мировой войны не социально-политическим и экзистенциальным «вместилищем» актов тотального уничтожения еврейского народа, но как его освободители – победители нацизма. Если в культурном пространстве-времени современной европейской цивилизации одним из основных ценностно-мировоззренческих вопросов становится порядок воплощения искупительных действий в процессе конструирования «обликов искупления» [2, р. 126] и соответствующих им ценностно-поведенческих рамок культуры, то в наших странах обретение смысла о Холокосте как о событии не только хронологически, но и по существу единого с событием Великой Отечественной войны, является основополагающей формой социально-культурных, экзистенциальных и ценностно-мировоззренческих форм рефлексии и самоидентификации.

Каковы конкретные пути постижения смысла в данном случае? Смысл любого исторического события, а тем более события уникального, вмещающего в себя абсолютную меру зла и страдания, предполагает источник, согласно которому смысл «схватывается», осознаётся как истинный и конституируется в социально-культурном пространстве человеческой памяти и экзистенции как смысл современный. Феноменологическая герменевтика подразумевает, что смысл любого события *явлен* сознанию интерпретатора в модусах «сокрытости» и «открытости», над которыми структура феноменологически понимаемого сознания последовательно проводит процедуры интенционального схватывания, или актов переживания смысла, и интенционального конституирования системы значений, коррелятивных, но не тождественных по содержанию актам переживания. Иными словами, трансцендентное содержание, воспринимаемое в герменевтической настроенности, т. е. смысловой расположенности сознания к схватываемому в акте переживания предмету, как содержание *трансцендентно-имманентное*, преобразовываясь в процессе конституирования композиции смыслов в *полностью имманентное*, выступает специфической целостной формой интеллектуальной и экзистенциальной актуализации в реальном времени сокрытого содержания. Критерием истинности постижения смысла в данном случае выступает факт конституирования *абсолютно значимой* системы значений, или композиции смыслов, раскрывающихся в различных модусах истинности: онтологическом, культурном, экзистенциальном, например, в форме установки на преемственность и жизненность исторической памяти. Речь, таким образом, идёт как об истине личной, так и об истинах общезначимых. Именно установление корреляции между абсолютно значимой личностной и абсолютно значимой универсальной интерпретациями имеет решающее значение для реализации феноменологической герменевтики события Холокоста. В этом отношении феноменологическая герменевтика выступает как ценностный культурообразующий и мировоззренческий фактор.

Внутреннее время субъекта феноменологической герменевтики предполагает определённый порядок модализации переживаний – их «осовременивания». Однако, осовременивание любого исторического события подразумевает не только эмпатический акт восприятия-переживания на уровне фактичности события, но и последующие модализации смысла данных переживаний в конститутивных актах сознания, выстраивающих возможность («модальность») конкретной реализации смысла в различных временных модусах – повторных и последующих формах осовременивания [3, с. 585]. Подобная установка в контексте настоя-

щей статьи может быть определена как требование темпорализации смысла, достигнутого в процессе интерпретации события свидетельства, или его трансцендированием из имманентного содержания сознания интерпретатора в смысловое (символическое, ценностное, культурно-образовательное, мировоззренческое) пространство социума.

Так, поэтическое свидетельство Целана о событии Холокоста, на десятилетия отстоящего от человека, стремящегося постичь истинный смысл его произведений сегодня, призвано стать имманентным данному человеку, т. е. современным ему событием, последовательно взятом в феноменальном/явленном и конститутивном/смысловом контекстах, единство которых обозначает акт *при-своения* события и свидетельства как имеющих абсолютный ценностный ранг в поле интеллекта, экзистенции, воли. Этим феноменологическая герменевтика события выгодно отличается от описанной выше интенции «сохранения тайны» Холокоста, его радикального перевода в плоскость риторической фигуры, обеспечивающей процесс ценностно-мировоззренческих трансформаций европейского общества. С нашей точки зрения, тайна события, утратившего свою трансцендентность, а, значит, и последующую связь с имманентным содержанием сознания, и наделяемого лишь трансценденцией исторической фактичности, оказывается принципиально не способной сообщить о себе лично и универсально значимый смысл. В подобной ситуации обращение к свидетельству Целана выступает одной из немногих легитимных с философской точки зрения форм выявления смысла исторической и духовной трагедии, присутствие которой в сфере имманентных ценностных содержаний личности и социума представляется нам фактором, в значительной степени определяющим основы современного мировоззрения.

Феноменологическая природа свидетельства Целана проявляется в первую очередь в радикальном разрыве с фактичностью уничтожения евреев в лагерях смерти. Известные всему миру чудовищные образы Холокоста словно отступают на задний план, свидетельство буквально перенасыщено *иным* содержанием. Целан словно заново строит мир трагедии еврейского народа как трагедии божественной, богочеловеческой. Рассматривать данное стремление как попытку автора отступить от реальности совершавшегося зла, отдалиться от страшной действительности было бы непростительной ошибкой. Целан, по его собственным словам, стремится к иному и прямо противоположному. Согласно Целану, «Любое стихотворение это скорее попытка вступить в противостояние с действительностью, попытка присвоить действительность, сделать её зримой. То есть действительность вовсе не является для стихотворения чем-то уже установившемся, изначально данным, но – чем-то таким, что стоит под вопросом, должно быть поставлено под вопрос. В стихотворении действительность впервые с е р ш а е т с я, преподносит себя» [4, с. 7]. Обратимся к стихотворению «Тенебрае», написанному Целаном от лица обречённых еврейских узников нацистского лагеря смерти (перевод О. Седаковой).

Рядом мы, Господь,
рядом, рукой ухватишь.

Уже схвачены мы, Господь,
друг в друга вцепившись, будто
тело любого из нас –
тело твоё, Господь.

Молись, Господь,
молись нам,
мы рядом.

Криво шли мы туда,
мы шли чтоб склониться
над лоханью и мёртвым вулканом.

Пить мы шли, Господь.

Это было кровью. Это было
тем, что ты пролил, Господь.

Она блестела.

Твой образ ударил в глаза нам, Господь.
Рот и глаза стояли открыто и пусто, Господь.
Мы выпили это, Господь.
Кровь и образ, который в крови был, Господь.

Молись, Господь.
Мы рядом [4, с. 81]

Стихотворение имеет два выраженных событийно-смысловых плана. Путь и осуществление его смысла: от первой строки стихотворения до слов «она блестела» включительно и

от строки «Твой образ ударил в глаза нам, Господь» до финальной строки. Словосочетание «Мы рядом», таким образом, принимает двоякий и последовательно раскрывающийся смысл как следование и стояние рядом с Тем, к кому обращено стихотворение.

Название этого таинственного стихотворения, согласно Гадамеру, «означает не только затмение и темноту в буквальном смысле, но и несёт значение определённого духовного затмения и тьмы, которая, следуя Евангелию, наступает, когда Иисус на кресте делает свой последний вздох» [5, с. 315–316]. Таким образом, христологический контекст обозначен Гадамером изначально и принят в качестве смыслопорождающего начала «Tenebrae». Его вопросы обращены к теологической перспективе историчности понимания *той* Жертвы в связи с Жертвой нынешней, но возносимой уже не Христом: «Эта мольба, обращённая к темнеющему небу в устах сегодняшнего поэта, не передаёт ли она ещё нечто большее? Нужно ли вспоминать о страданиях и смертях евреев в гитлеровских лагерях смерти? Или даже о страхе смерти, присущем всем людям? <...> Или об отчуждении Бога, которое нависло над нашим временем, когда происходит ослабление традиции христианской веры?» [5, с. 316]. Первый событийно-смысловой план «Tenebrae» определён Гадамером в целом точно. Слова идущих на смерть евреев «молись нам» обращены именно к *умирающему* Христу, умирающему не две тысячи лет назад, а здесь и сейчас – в Освенциме, Хелмно, Дахау. В Тростенце. Призыв «идущих» молиться «им», а не Богу Завета – Богу Самого Христа – ставит под сомнение все принятые в философии и теологии императивы и нормативы понимания природы божественного начала, в том числе в истории. Гадамер прав, это «стихотворение – вызов», но, вместе с тем, следует осознать, в каком ключе изначально следует его понимать: «Как богохульное или как христианское стихотворение? Не кощунство ли это, когда стихотворение так прямо и отчётливо обращается к умирающему Иисусу: не Богу, который тебя покинул, должен ты молиться, а нам!» [5, с. 317]. Согласно Гадамеру, требование моления «нам» – не кощунство и не богохульство, но суть предельная форма признания того факта, что мольба «Господа» будет удовлетворена, Его смертное одиночество будет разорвано: «Внемливание молитве – это значит стать самым услышанным молитвы, бытием (*Dasein*) того, к чему в ней взывают. То, что Он слышит, и то, что ты не останешься покинут, это и есть внемливание» [5, с. 318]. Таков, по Гадамеру, смысл первого событийно-смыслового плана «Tenebrae» – путь страданий еврейского народа, в котором узнаётся и удостоверяется истинность совместности этого пути с Христом. Наступает второй событийно-смысловой план.

До этого момента герменевтическая работа Гадамера сосредоточивалась на инкорпорировании новозаветных событий и образов в ткань «Tenebrae». Однако следующий вопрос-реплика поворачивает исследование в иную сторону, и перед интерпретатором возникает проблема идентификации и конкретизации целановского «Мы» по отношению к новозаветному Христу и Христу «Tenebrae»: «Что должно означать “молиться” *этим* людям (выделено нами – *Д.М.*)? Как будто люди в этот момент могут помочь?» [5, с. 318]. По всей видимости, именно в этом Гадамер справедливо усматривает вызов, небывалое утверждение: молись «нам» – тем, кому, согласно всей наличествующей теологии (и христианской, и иудейской), Христос молиться не может и не должен. Согласно Гадамеру, «если мольба означает призыв, предназначенный другому, чтобы другой услышал его, то возникает более глубокий смысл того единства, которое возникает между идущими смертным путём евреями и Христом: «Поскольку люди знают смерть, ходят под знаком смерти, то они уникальным образом близки и причастны тому, кто умирает. То, чем должен умирающий заручиться в своей мольбе к нам, так это вот этим последним, что нас объединяет» [5, с. 319].

В данных словах Гадамера мгновенно становится виден еле уловимый переход от «Мы» Целана к общечеловеческому «мы». Ткань конкретизации тайны события как происходящего *между* Христом и еврейским народом разрывается, общечеловеческий план герменевтики начинает преобладать. Данный «герменевтический разрыв» предопределяет и цепь последующих теологических и философских выводов, в которых уход от попыток осознать сущностные основания *конкретной* смерти не позволяет Гадамеру допустить присутствие «силового поля» связи между Христом и «идущими». Исчерпывающе точно определяя сущность пути, он не выходит за пределы понимания истины события как сущностного

единства «Мы» Целана и Христа *в смерти*. Действительно, сущностно единая смерть прочитывается у Гадамера как окончательный приговор, наступающий неизбежно и неотвратимо – смерть вместе с Христом как «ужасающая чуждость, которая целиком и полностью отделяет умершего от живущего, которая свела их здесь, гонимых жаждой жизни, и стремящихся утолить эту жажду» [5, с. 324]. Герменевтический цикл «Tenebrae» замыкается Гадамером ответом на ранее поставленный им вопрос о природе и цели целановских строк «Молись, Господь / Мы близко», согласно которому предельным обнаружением смысла исторического бытия еврейского народа становится осознание им своего *сущностного* единства «с умирающим Иисусом, переживающим свою оставленность Богом» [5, с. 324]. Христологический смысл «Tenebrae», согласно Гадамеру, осуществляется именно в данном утверждении.

Осознано ли Гадамером сущностное единство в той форме замысла, в какой оно подразумевается Целаном?

Не *о помощи* ли в действительности говорит Целан, не на *акте* ли помощи со стороны «Мы» сосредоточено «Tenebrae»? С нашей точки зрения, допустимо предположить и, тем самым, сделать определяющий герменевтический ход в сторону от гадамеровского способа интерпретации, что воззвание / требование «молиться нам» имеет под собой некое *силовое поле, могущество*. В «Tenebrae» Целан утверждает нечто, прежде в теологии и философии немислимое, а именно, что путь человека непостижимым образом оказывается предельнее, трагичнее божественного пути в том смысле, что решение воспринять моление Христа принимается именно и только человеком – «Человеком» как единым еврейским народом. «Я» самого Целана превращается в «Tenebrae» в «Мы» Израиля, от имени которого и осуществляется его свидетельство.

Исходя из этого возникает основная интенция второго событийного плана «Tenebrae» – могущества и деяния, смысл которых может быть прояснён обращением к свидетельству лауреата Нобелевской премии по литературе Эли Визеля, пятнадцатилетним юношей оказавшимся в Освенциме, пережившим смерть своих родных: «Священные книги утверждают, что если бы человек осознал своё могущество, то лишился бы веры и рассудка. Человеку отведена роль, которая его превосходит. Бог нуждается в человеке, чтобы *быть*. Мессия, которому надлежит освободить человека, сам может быть освобождён только человеком. Мы знаем, что избавления ожидают не только человек и вселенная, но также и Тот, кто установил их законы и отношения. Отсюда следует, что человек, горсть праха, способен соединить время с его Первоисточником и вернуть Богу его собственный образ» [6, с. 185]. Существо свидетельств Визеля и Целана едино в том, что, согласно неизвестному замыслу, человек призывается к деянию, равному которому история не знала и в своём распоряжении не имела.

Таким образом, в «Tenebrae» Целана возникает особое и уникальное для понимания истинного смысла события Холокоста единство двух событийно-смысловых планов: смысл деяния, осуществляемого пребывающими в стихиях тотального уничтожения лагерей смерти людей, исходным «содержанием» которого является глубочайшее единство требующих моления и заверяющих в его исполнении Того, Кто к молению призывается.

Не имеет смысла затушёвывать тот факт, что в «Tenebrae» человек как «Мы» ставится *выше* «Господа» в действенном отношении. В восхождении к пониманию истинной природы зла лагерей смерти (убийству Христа, как явствует из интерпретации Гадамера) и в призыве Его к молению «нам» у Целана становится явственно различимым утверждение о мощи со стороны «Мы» вложить в мертвеющие уста Христа моление и ответить на него. Ответить не просто сущностным соучастием в Его смерти смертью собственной, но Его *спасением*, в котором «жажда жизни» одних (восходящих) призвана утолить и утоляет жажду жизни Христа, даруя Ему «нашу» жизнь, смерти предшествующую и в смерти неуничтожимую. (Вопрос о не случайном характере замечания Гадамера о стремлении «Мы» *удовлетворить* «жажду жизни» оставляем на суд читателя). Соединение с «блистающей», наподобие зеркальной поверхности, в которой отражаются лики восходящих «Мы», «пролитой кровью» Христа как раз, как верно отмечает Гадамер, указывает на сущностное соединение в единой смерти, но отнюдь не на единство её обстоятельств.

Говоря словами Эмиля Факенхайма, в свидетельстве Целаном осуществляется прорыв к смыслу события, в котором фактичность обстоятельств трагедии отходит на второй план. Исторически несомненный кайрос (темпоральное осуществление истинного предназначения)

абсолютного зла выступает в единстве с кайросом Бога [7, с. 277], о котором невозможно мыслить исходя из одной только фактичности тотального уничтожения. Известные всем нам образы царящей смерти словно преграждают возможность допустить иное – жизненное, сверхбытийное – содержание Холокоста. На наш взгляд, именно в явленности мощи жизненных начал целановского «Мы» и состоит существо свидетельства «Tenebrae». Восходящие к смерти «Мы» Целана никоим образом не призываются к одному лишь осознанию своего единства с Христом в общности смерти. Напротив, последние строки «Tenebrae» говорят об обратном: *осуществившееся* деяние словно снимает напряжение предшествующих строк, в которых легко узнаётся непонимание и морок пути, констатирует облегчение, наступающее от исполненного долга. Извещение о том, что «Мы» как бы *почти* рядом сменяется удостоверением деяния, в котором «Мы» уже рядом *полностью*, без остатка – как исполнившие Завет Жизни. О чём это извещение? Оно может быть только о том, что *Ты спасён, восстановлен из нашей с Тобой единой смерти*.

Следует обратить внимание на структуру второго событийно-смыслового плана стихотворения, в которой *отсутствуют* слова первого плана «Молись нам» («bete zu uns»). В последних строках Целан пишет просто «Молись, Господь / Мы рядом» («Bete, Herr / Wir sind nah»). При этом, обращение «Господь» повторяется в заключительном четверостишии четырёх строк, столько же, сколько и в первом плане, но как бы *подряд* – заканчивая каждую из четырёх строк. Эпически-торжественный тон этих строк, каждая из которых начинается с заглавной буквы, что происходит у Целана крайне редко, словно намекает на неспешно ведущийся разговор между Христом и людьми, повествующими живому Христу о том, *как* «Твой образ ударил в глаза нам, Господь. / Рот и глаза стояли открыто и пусто, Господь. / Мы выпили это, Господь. / Кровь и образ, который в крови был, Господь». Слово «был» в последней из приводимых строк указывает не на новозаветное и нынешнее события смерти Христа, но на событие *смерти вот-вот миновавшей* и которое, по всей видимости, каузально скоррелировано Целаном с заключительными строками стихотворения. «Рядом» *теперь* – это *Мы и Ты рядом*, но не в смерти, а в *Жизни* и в вознесении привычного для каждого из *Нас* моления. Смысл заключительных двух строк «Tenebrae», таким образом, означает даваемую Христу возможность осуществить сообразное с Его силами и желанием моление: *Мы и Ты рядом, поэтому Ты можешь молиться, ничего более не опасаясь*.

Исходя из данной интерпретации, первый событийный план стихотворения прочитывается иначе, чем предлагает Гадамер. Призыв «Молись нам» означает не осознанное до мгновения исполнения дара Жизни *требование* моления, в котором значение пути идущих «Мы» определяется в соответствии с телеономической, т. е. обратной, причинностью. «Молись нам», чтобы «Мы» *имели возможность услышать Тебя и найти к Тебе путь*, ибо пути не видно, вокруг тьма – *tenebrae*. Отсюда и структурное построение Целаном воззвания в виде отдельных возгласов «Господь», присутствующих в первом плане стихотворения в виде окликов, истинной целью которых является Его *отклик* в виде моления «нам».

В чём заключается значимость предложенной нами интерпретации? Данная интерпретация принципиально меняет суть понимания события Холокоста. Сколь парадоксально это бы не прозвучало, суть дела оказывается не только и не столько в фактичности события Холокоста. По всей видимости, в «Tenebrae» мы встречаемся с совершенно новым и прежде немислимым Откровением о человеке. Именно немислимость, невозможность целановского свидетельства поставила в тупик Гадамера, идентифицировавшегося христологическую интенцию «Tenebrae» исключительно с новозаветным истоком события, но не помыслившим его новый, зарождающийся на наших глазах исток. Поэтому проблема заключается не в одной лишь сакральной коннотации событию Холокоста. Данное в «Tenebrae» понимание предельного *назначения человека* меняет не только теологически привычное миропонимание, но ставит вопрос о *Богочеловечестве* в принципиально ином ракурсе – том, на который указал Визель и который предвидел в своей философии Откровения ещё Н.А. Бердяев: «Откровение о человеке и есть окончательное божественное откровение о Троице. Последняя тайна скрыта в том, что тайна божественная и тайна человеческая – одна тайна, что в Боге хранится тайна о человеке и в человеке – тайна о Боге. В человеке рождается Бог и в Боге рождается

человек. Раскрыть до конца человека – значит раскрыть Бога. Раскрыть до конца Бога – значит раскрыть человека. Не только Бог есть в человеке, но сам человек есть лик Бога, в нём осуществляется божественное развитие» [8, с. 297]. Филипп Лаку-Лабарт, свою очередь предпринявший герменевтический анализ комплекса целановских стихотворений, также утверждает, что у Целана сама «возможность Откровения связана с сутью человека» [9, с. 91].

Онтологический смысл указанных интенций ждёт своего философского прояснения, как, впрочем, ожидает его и смысл единства событий Холокоста и Великой Отечественной войны. Позволим себе указать читателю на нашу недавно опубликованную работу, в значительной мере посвящённой теме единства данных событий [10].

Таким образом, герменевтическая работа по выявлению смысла события Холокоста на основе свидетельства определяется тем, что свидетельство *уже* воплощает в себе герменевтический акт свидетельствующего. Предлагаем обозначить перспективу дальнейшего построения феноменологической герменевтики события на основе свидетельства о нём термином «метагерменевтика». Метагерменевтика подразумевает не только выявление содержащегося в свидетельстве смысла события, но и осуществление смыслополагания события в реальном времени интерпретатора. Тогда метагерменевтика выступает в качестве способа темпорализации смысла свидетельства, а также формой осовременивания смысла события в социально-культурных и ценностно-мировоззренческих модусах его присутствия. Имманентное конституирование смысла завершается его трансцендированием в интересубъективное поле универсальных ценностных значений, в которых событие Холокоста принципиально не мыслится исключительно как «рана на теле истории», не воплощается в социально-культурных проектах в качестве *культы* жертвы, приобщение к судьбе которой, как верно указывает Паскаль Брюкнер, становится «наваждением» западной цивилизации, превращающей Холокост «в сокровище, которое мы надеемся выгодно использовать» [11, с. 58]. Предложенная в настоящей статье интерпретация предполагает иной путь, суть которого можно выразить следующими словами: герменевтика деяния вместо квазисакрального культа жертвы, эпическая рефлексия о подвиге вместо страдающей муками совести коллективной памяти.

Литература

1. Петровская, Е. Клод Ланцман: уроки нового архива / Е. Петровская // Отечественные записки. – 2008. – № 4 (Т. 43). – С. 69–76. – (Серия «Смысл памяти: места и свидетели»).
2. Ricoeur, P. History and Truth / P. Ricoeur. – Chicago : Northwestern University Press, 1965. – P. 333.
3. Мотрошилова, Н.В. Идеи I Эдмунда Гуссерля как введение в феноменологию / Н. В. Мотрошилова. – М. : Феноменология-Герменевтика, 2003. – 720 с.
4. Целан, П. Стихотворения. Проза. Письма / П. Целан. – М. : Ad Marginem, 2008. – 736 с.
5. Гадамер, Х-Г. Смысл и сокрытие смысла у Пауля Целана / П. Рикёр, Х-Г. Гадамер // Феноменология поэзии. – М. : Группа Компаний «РИПОЛ классик» / «Панглосс», 2019. – С. 311–330. – (Серия «Феноменология: Современные переводы»).
6. Визель, Э. Ночь. Рассвет. День / Э. Визель. – М. : Олимп-ППП, 1993. – 252 с.
7. Факенхайм, Э. О христианстве после Голокауста / Э. Факенхайм // Социально-политическое изменение христианства : Избранные теологические тексты XX в. (Переводы). – М. : Наука, 1994. – С. 267–281.
8. Бердяев, Н. А. Смысл творчества / Н. А. Бердяев // Философия творчества, культуры и искусства : в 2 т. – М. : Искусство, 1994. – Т. 1. – 542 с.
9. Лаку-Лабарт, Ф. Поэзия как опыт. О творчестве Пауля Целана / Ф. Лаку-Лабарт. – М. : Три квадрата, 2015. – 192 с.
10. Малахов, Д. В. Мыслимость Откровения : к Событию Шоа / Д. В. Малахов // Reflexio. – 2021. – № 1 (14). – С. 38–82.
11. Брюкнер, П. Тирания покаяния : эссе о самобичевании Запада / П. Брюкнер // Отечественные записки. – 2008. – № 5 (Т. 44). – С. 57–65. – (Серия «Смысл памяти: битва за прошлое»).

Технический редактор: *О.Г. Шляхтова*. Корректоры: *В.А. Бобрик, И.А. Хорсун*

Подписано в печать 11.02.2022. Формат 60 × 84 1/8. Бумага офсетная.
Ризография. Усл. печ. л. 23,71. Уч.-изд. л. 20,65. Тираж 100 экз. Заказ № 96.
Цена свободная

Издатель и полиграфическое исполнение:
учреждение образования
«Гомельский государственный университет
имени Франциска Скорины».

Свидетельство о государственной регистрации издателя, изготовителя,
распространителя печатных изданий № 3/1452 от 17.04.2017.
Специальное разрешение (лицензия) № 02330 450 от 18.12.2013.
Ул. Советская, 104, 246028, Гомель.